

экономические и социальные перемены

№ 1 (191)
январь — февраль 2026

**СОЦИОЛОГИЯ
ТРУДА**

**СОЦИОЛОГИЯ
ИНТЕРНЕТА**

**МЕТОДЫ
И МЕТОДОЛОГИЯ**

**СОЦИАЛЬНАЯ
ДИАГНОСТИКА**

18+

ISSN 2219-5467

9 772219 546006 >

Главный редактор журнала:

Федоров Валерий Валерьевич —
кандидат политических наук, генеральный директор ВЦИОМ,
профессор НИУ ВШЭ

Заместители главного редактора:

Седова Наталья Николаевна —
руководитель научно-методического департамента ВЦИОМ
Подвойский Денис Глебович —
кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН, доцент РУДН

Ответственный редактор:

Бирюкова Светлана Сергеевна —
кандидат экономических наук, главный научный сотрудник
Института социальной политики НИУ ВШЭ

M77 Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — М.: АО «ВЦИОМ», 2026. — № 1 (191). — 349 с.

ISSN 2219-5467

Объективная, точная, регулярная и свежая информация «Мониторинга» полезна всем, кто принимает управленческие решения, занимается прогнозированием и анализом развития общества. Наш журнал пригодится сотрудникам научных и аналитических центров, работникам органов управления, ученым, преподавателям, молодым исследователям, студентам и аспирантам, журналистам.

Тематика материалов охватывает широкий круг социальных, экономических, политических вопросов, основные рубрики посвящены теории, методам и методологии социологических исследований, вопросам взаимодействия государства и общества, социальной диагностике. Каждый номер журнала содержит двухмесячный дайджест основных результатов еженедельных общероссийских опросов ВЦИОМ.

Мы публикуем статьи специалистов, представляющих ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также ВУЗы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность выступить на его страницах представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные.

Журнал издается с 1992 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА

А. М. Алмакаева

От статистики к процессу: возможности и ограничения лонгитюдных социологических исследований 3

ТЕОРИЯ, МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДЫ

А. В. Андреевкова

Исследуя социальные изменения — методологический и эмпирический анализ ретроспективных и лонгитюдных методов 17

З. Е. Дорофеева, П. М. Козырева, М. С. Косолапов, Е. И. Тонис

Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ: особенности методологии, принципы организации, исследовательские возможности..... 40

В. Б. Звоновский, А. В. Ходыкин, А. В. Раскевич

Причины прерывания интервью в панельных исследованиях на политические темы..... 65

ЛОНГИТЮДНЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Д. С. Толстых, Е. С. Павленко, В. А. Мальцева

Журавли и синицы: образовательные и профессиональные притязания современной молодежи по данным лонгитюдного исследования..... 90

А. А. Поплавская, С. Г. Пашков, Л. Р. Камальдинова

Влияние работы во время учебы в вузе на академическую успеваемость: результаты лонгитюдного исследования студентов бакалавриата 123

В. И. Корсунова

Представления россиян о факторах успеха: временные, возрастные и поколенческие различия 147

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ

Мониторинг мнений: январь — февраль 2026 169

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

Ю. Н. Корешникова, И. А. Афанасьева, Д. А. Соломинова

В мозаике общества: исследование социально-демографических характеристик агентного населения 182

А. Ю. Антоновский, Н. Н. Погожина

Исследование общественной функции науки: от внутренних и внешних условий институционального существования до системы коммуникации 208

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА

Ю. М. Кузнецова, А. А. Максименко, М. А. Станкевич, И. В. Смирнов

Психолингвистический анализ непрофессионального дискурса о коррупции в социальной сети в «ВКонтакте»..... 231

Г. А. Савчук, С. В. Кульпин, Р. М. Курашов, В. Э. Тронина

Анализ материалов публичных страниц муниципалитетов Уральского федерального округа в социальной сети «ВКонтакте»: преобладающие фреймы и возможности диалога с населением..... 251

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ

Е. Я. Варшавская

Профессиональная гендерная сегрегация на российском рынке труда..... 275

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Г. И. Игнатьев

Меняющаяся политическая поляризация в США: причины изменений и способствующие факторы 300

И. А. Скалабан, Ю. С. Лобанов, Т. Д. Алексеев

Множественность и связанность городских конфликтов: способы измерения, модели описания..... 326

DOI: [10.14515/monitoring.2026.1.3310](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3310)

А. М. Алмакаева

ОТ СТАТИКИ К ПРОЦЕССУ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ЛОНГИТЮДНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Правильная ссылка на статью:

Алмакаева А. М. От статике к процессу: возможности и ограничения лонгитюдных социологических исследований // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 1. С. 3—16. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3310>.

For citation:

Almakayeva A. M. (2026) From Static to Dynamic: Opportunities and Constraints of Longitudinal Sociological Research. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 3–16. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3310>. (In Russ.)

Получено: 16.02.2026. Принято к публикации: 02.03.2026.

ОТ СТАТИКИ К ПРОЦЕССУ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ЛОНГИТЮДНЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

*АЛМАКАЕВА Анна Михайловна — кандидат социологических наук, директор Центра сравнительных исследований социального благополучия, доцент кафедры методов сбора и анализа социологической информации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; научный редактор, Аналитический центр ВЦИОМ, Москва, Россия
E-MAIL: aalmakaveva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2710-1525>*

Аннотация. Статья посвящена анализу достоинств и недостатков лонгитюдных (панельных) социологических исследований. Отмечается их богатейший потенциал для изучения социальных изменений, жизненных траекторий, причинно-следственных связей и эффектов различных социальных и политических программ. Первые попытки использования панельного дизайна были предприняты П. Лазарсфельдом и его коллегами в рамках исследования «Выбор народа». В наше время существует множество подобных проектов, включая несколько российских панелей, а также попытки межстрановой аккумуляции данных в рамках инициативы «Сравнительные данные панельных исследований». Минусы лонгитюдов связаны с большой организационной сложностью, существенными финансовыми затратами, наличием эффектов «профессионализации участников», «стыков опросных периодов» и наиболее известной проблемой — истощением (осыпанием) выборки. Выбытие участников коррелирует как с социально-демографическими, так и с установочными характеристиками респондентов. Вклад этих параметров и степень искажения результатов, возникающая под влиянием осыпания, не универсальна и меня-

FROM STATIC TO DYNAMIC: OPPORTUNITIES AND CONSTRAINTS OF LONGITUDINAL SOCIOLOGICAL RESEARCH

*Anna M. ALMAKAEVA^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Head of the Centre for Comparative Research on Social Well-being; Associate Professor at the Faculty of Social Sciences; Scientific Editor
E-MAIL: aalmakaveva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2710-1525>*

¹ HSE University, Moscow, Russia

² VCIOM Analytical Center, Moscow, Russia

Abstract. This paper examines the benefits and drawbacks of longitudinal (panel) studies. It highlights their enormous potential for researching social transformations, individual life course, causal links, and the efficacy of different social and policy initiatives. The use of panel designs was pioneered by Paul Lazarsfeld and his colleagues during the «People's Choice» project. Today, numerous similar initiatives exist, including several Russian panels and large-scale efforts to aggregate cross-national data, such as the «Comparative Panel File» (CPF) project. The primary disadvantages of longitudinal studies include logistical complexity, high costs, panel conditioning, and seam effects. However, the most critical issue is sample attrition. This phenomenon is driven by a range of sociodemographic traits and social attitudes. The impact of these parameters and their bias are not universal; they vary across countries, specific panels, and the statistical measures (e.g., means, proportions, or regression coefficients). This article also introduces two sections of the current journal issue which deals with different aspects of longitudinal sociological research and empirical studies using panel design.

ется в зависимости от страны, конкретной панели и используемых статистических мер (средних, долей, регрессионных коэффициентов). В статье также описывается содержание двух рубрик текущего номера, посвященных различным аспектам лонгитюдных социологических исследований и примерам конкретного использования таких данных.

Ключевые слова: панельный дизайн, лонгитюдные исследования, истощение выборки, профессионализация участников панели, эффект стыка опросных периодов

Благодарность. Автор благодарит стажера-исследователя Центра сравнительных исследований социального благополучия Софью Ярошевич за помощь в сборе материалов, посвященных истощению выборки в панельных исследованиях. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Keywords: panel design, longitudinal study, panel attrition, panel conditioning, seam bias

Acknowledgments. The author thanks Sofia Yaroshevich, a Research Assistant at the Center for Comparative Research on Social Well-being, for her assistance in collecting data on sample attrition. This article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

Введение

Социологию невозможно представить без сбора эмпирических данных. Это главный инструмент проверки научных гипотез и предположений. При этом чаще всего в современной практике используется так называемый одномоментный (поперечный), или кросс-секционный (cross-sectional), срез информации. Абсолютное большинство опубликованных исследований выполнено в рамках такого подхода. При относительной дешевизне и организационной простоте он позволяет фиксировать групповые различия и корреляционные связи между социальными феноменами. Однако возможности кросс-секционных замеров для анализа социальных изменений ограничены человеческой памятью, которая ненадежна и контекстуальна. Как показывает А. Андреенкова, между воспоминаниями и реальностью всегда есть разрыв. Особенно проблематичным может быть сравнение субъективных показателей, в то время как фактологические вопросы обеспечивают более точное совпадение. Так, для российских данных, полученных на материалах двух волн лонгитюдного исследования «РУССЕТ» (1993 г. и 1998 г.) и третьей волны «РУССЕТ через 30 лет» (2024 г.), совпадение реальных и ретроспективных оценок для семейного и трудового положения на промежутке в пять лет довольно высокое и составляет 80—90%. Субъективные показатели в среднем дают лишь 60% для пяти лет и 50% — для 30 лет [Андреенкова, 2026]¹.

¹ Подробнее об этом см. статью А. Андреенковой в рубрике «Теория, методология и методы» текущего номера.

Для отслеживания динамики показателей лучше обращаться к повторным опросам. Они, в свою очередь, могут реализовываться в двух вариантах — в виде мониторингов или в виде панелей. В первом случае² изучается одна и та же генеральная совокупность. В каждой последующей волне выборка строится заново, а адекватность сравнения обеспечивается соблюдением принципа репрезентативности. К этому классу относятся как крупные международные проекты (Всемирное исследование ценностей³, Европейское социальное исследование⁴, Всемирный опрос Гэллага⁵ и т. д.), так и многочисленные российские опросы, где одни и те же вопросы задаются через определенные промежутки времени. Так ВЦИОМ строит тренды политических рейтингов⁶, уровня счастья⁷, социальных ожиданий⁸, потребительского доверия⁹ и т. п. Другие российские и зарубежные полстеры чаще всего также используют именно мониторинги.

Во втором случае предполагается участие одних и тех же людей в разные временные периоды. Если говорить о терминологии, то здесь наблюдается некоторая путаница. Иногда все повторяющиеся исследования называют лонгитюдными, а панельные считают их отдельным подвидом — лонгитюдными панельными исследованиями [Menard, 2007]. Есть и приверженцы узкой трактовки, считающие лонгитюдом только проекты с постоянным набором участников, тогда термины «лонгитюд» и «панель» используются как синонимы [Hsiao, 2007, 2022]. «Узкий» подход будет применяться и в данной статье. Главная ее цель — обзор эпистемологического потенциала и проблем использования панельного дизайна в социальных науках. Кроме того, статья представляет новую рубрику журнала «Лонгитюдные социологические исследования», в которой будут демонстрироваться результаты исследований, выполненных с использованием панельных данных. Еще три текста, посвященные методическим особенностям лонгитюдов, опубликованы в рубрике «Теория, методология и методы».

Познавательные возможности лонгитюдных исследований

Одно из главных достоинств лонгитюдов — возможность установить причинно-следственные связи, поскольку последнее требует четкого разделения на состояния «до» и «после» на одних и тех же единицах. Это позволяет не только валидиро-

² В англоязычной литературе их иногда называют трендовыми исследованиями или повторяющимися кросс-секционными (repeated cross-section).

³ Официальный сайт Всемирного исследования ценностей. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения: 14.01.2026).

⁴ Официальный сайт Европейского социального исследования. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/> (дата обращения: 14.01.2026).

⁵ Официальный сайт Всемирного опроса Гэллага. URL: <https://www.gallup.com/178667/gallup-world-poll-work.aspx> (дата обращения: 14.01.2026).

⁶ Рейтинги доверия политикам, оценки работы Президента и Правительства, поддержка политических партий // ВЦИОМ. 2026. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reitingi-doverija-politikam-ocenki-raboty-prezidenta-i-pravitelstva-podderzhka-politicheskikh-partii-16012026> (дата обращения: 31.01.2026).

⁷ Индекс счастья // АЦ ВЦИОМ. 2026. URL: <https://wciom.ru/ratings/indeks-schastja> (дата обращения: 31.01.2026).

⁸ Индекс социальных ожиданий // ВЦИОМ. 2026. URL: <https://wciom.ru/ratings/indeks-socialnykh-ozhidanii> (дата обращения: 31.01.2026).

⁹ Индекс потребительского доверия // ВЦИОМ. 2026. URL: <https://wciom.ru/ratings/indeks-potrebitelskogo-doverija> (дата обращения: 31.01.2026).

вать связи, найденные при одномоментных замерах, проверять и корректировать научные теории, но и оценивать эффективность социальных и политических программ. Вполне вероятна ситуация, когда корреляции, найденные на кросс-секционных данных, не обнаруживаются при использовании панельного дизайна. Например, Р. Патнэм вслед за А. де Токвилем считал некоммерческие организации главным каналом формирования одного из ключевых элементов социального капитала — генерализованного, или обобщенного, доверия (доверия всем людям в целом). По его мнению, НКО предоставляют площадку, где происходят многочисленные горизонтальные взаимодействия с незнакомыми и представителями аут-групп. Участники впитывают культуру кооперации, соблюдения взаимных обязательств и таким образом учатся доверять тем, кто отличен от них по целому спектру параметров [Putnam, 1995, 2001; Putnam, Leonardi, Nonetti, 1994]. В своих работах Р. Патнэм опирался и на существующие социальные теории, и на эмпирические данные. В частности, он зафиксировал одновременное снижение распространенности членства в НКО и доверия большинству в США начиная с 1960-х годов [Putnam, 1995, 2001]. Описанные рассуждения стали отправной точкой для многих исследований, в том числе и для критики его концепции, предполагающей рост доверия уже после того, как индивиды вступили в НКО. Не последнюю роль здесь сыграли панели, показавшие, что чаще всего этот эффект не прослеживается, а корреляция доверия и участия представляет собой следствие некоего общего социального синдрома [van Ingen, Bekkers, 2015].

Помимо обозначенного выше плюса, лонгитюд позволяет отслеживать индивидуальные изменения и жизненные траектории, давать более точные оценки связей прошлых событий и состояний с текущей ситуацией и установками респондентов. Если мониторинги лишь фиксируют агрегированные тренды для общества в целом или отдельных групп, то панели позволяют понять, как конкретно на уровне индивидов эти трансформации происходят, что их обуславливает. П. Линн приводит показательный пример с работниками, регулярно добирающимися на работу на велосипеде. Допустим, повторный кросс-секционный замер продемонстрировал нулевую динамику числа велосипедистов. В то же время опрос одних и тех же участников способен показать более разнородную картину, поскольку он фиксирует респондентов, начавших пользоваться двухколесным средством передвижения, и респондентов, отдавших предпочтение другим способам [Lynn, 2009]. Иными словами, за отсутствием динамики на обобщенном уровне может скрываться разнообразие личных историй.

Первые лонгитюды появились примерно сто лет назад. Еще в конце 1930-х — начале 1940-х П. Лазарсфельд обращал внимание на новый для того времени тип сбора данных и на познавательные возможности, которые он открывает [Lazarsfeld, 1940; Lazarsfeld, Fiske, 1938]. Он и его коллеги считаются пионерами этого направления в социологии [Воробьев, 2018]. Первым успешным проектом можно считать «Выбор народа»¹⁰. В 1940 г. в США в Штате Огайо, округе

¹⁰ Справедливости ради следует отметить, что панельные исследования не являются изобретением П. Лазарсфельда, попытки использовать такой дизайн предпринимались и ранее. Например, «Исследование одаренных Термана» («Terman Study of the Gifted»), начавшееся в 1921 г. и длившееся на протяжении многих десятилетий [Holahan, Sears, Cronbach, 1995].

Эрио, семь раз с мая по ноябрь опрашивалась панель респондентов численностью в 600 человек. Такой дизайн позволил понять, как формируются политические предпочтения, с какой скоростью они меняются и как на них можно повлиять [Воробьев, 2018; Лазарсфельд, Берельсон, Год, 2018]. По сути деятельность П. Лазарсфельда и окружающего его коллектива заложила основы современных электоральных исследований.

Постепенно лонгитюдный дизайн становился все более популярным, и сегодня можно говорить о полноценной институционализации этой области. По данным Semantic Scholar, в начале 1950-х годов публикации с ключевыми словами «panel data» были единичными, но за 2025 г. их насчитывалось 12 956¹¹. Причем дисциплинарные границы уже вышли за рамки социальных наук и распространились на медицину, урбанистику, публичное администрирование, маркетинг, менеджмент и т. д. Наряду с количественными встречаются также и лонгитюды, реализованные в рамках качественной методологии [Vehkalahti, Eriksen, Østergaard, 2026].

Спектр панельных исследований довольно многообразен. Они различаются по тематике, длительности, географическому охвату, особенностям организации и другим параметрам. Чаще всего единицами наблюдения выступают либо индивиды, либо домохозяйства. При этом изучаться может как население страны, так и специфические группы. Например, закончившийся в 2023 г. проект «Траектории в образовании и профессии» (ТрОП НИУ ВШЭ)¹² анализировал молодежь. Панель малого бизнеса ФОМ¹³ изучает предпринимателей, Национальное исследование старшего поколения (НИСП)¹⁴, сравнимое с SHARE¹⁵, — пожилых.

Л. Арсено и коллеги в своем отчете смогли насчитать около 3000 панелей в 146 государствах [Arseneault, Bolivar, Bryan, 2023], однако в реальности их гораздо больше, поскольку основной акцент авторы делали на исследованиях, содержащих информацию о ментальном здоровье. На официальном сайте проекта «Глобальный ландшафт лонгитюдных исследований» (Global landscape of longitudinal datasets) представлен географический атлас, где указано название исследования и их государственная принадлежность¹⁶.

Предпринимаются и попытки агрегации межстрановых данных. Так, «Сравнительные данные панельных исследований» (Comparative Panel File (CPF))¹⁷ — гармонизированный массив данных, содержащий в себе информацию из семи (до 2022 г. из восьми) национальных панелей домохозяйств, характеристики которых отражены в таблице 1. В числе включенных — один из старейших лонгитюдов «Панельное исследование динамики доходов», первая волна которого состоялась почти

¹¹ Официальный сайт Semantic Scholar. URL: <https://www.semanticscholar.org/> (дата обращения: 31.01.2026).

¹² Официальный сайт ТрОП. URL: <https://trec.hse.ru/> (дата обращения: 31.01.2026).

¹³ Официальный сайт «Панели малого бизнеса». URL: <https://smbiz.fom.ru/post/panel-malogo-biznesa-fom> (дата обращения: 31.01.2026).

¹⁴ Официальный сайт Национального исследования старшего поколения. URL: <https://ncmu.hse.ru/elderly-study> (дата обращения: 31.01.2026).

¹⁵ Официальный сайт SHARE (Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe). URL: <https://share-eric.eu/> (дата обращения: 31.01.2026).

¹⁶ Официальный сайт «Global landscape of longitudinal datasets». URL: <https://www.landscape-longitudinal-research.com/> (дата обращения: 31.01.2026).

¹⁷ Официальный сайт Comparative Panel File. URL: <https://cpfddata.com/> (дата обращения: 31.01.2026).

60 лет назад, в 1968 г.¹⁸ Проекты CPF охватывают широкий круг тематик: условия жизни, занятость, экономическое положение, образование, семейную динамику и распределение ролей внутри семьи, здоровье, субъективное благополучие, ценности, социальный капитал, гражданскую активность, медиапотребление, различные психологические характеристики и т. д. Помимо указанных в таблице 1¹⁹ есть и другие национальные панели. Список некоторых из них, включая развивающиеся страны, представлен в работах Ю. Ли [Lee, 2003] и З. Хилл [Hill, 2004].

Таблица 1. **Национальные панели домохозяйств из проекта «Сравнительные данные панельных исследований»**

Проект*	Страна	Начало	Число волн на 2025 г.	Частота
Household, Income and Labour Dynamics in Australia (HILDA) Домохозяйство, доход и трудовая динамика в Австралии	Австралия	2001	22	Ежегодно
Korean Labor and Income Panel Study (KLIPS) Корейское исследование труда и дохода	Южная Корея	1998	28	Ежегодно
Panel Study of Income Dynamics (PSID) Панельное исследование динамики доходов	США	1968	43	Каждые два года
Swiss Household Panel (SHP) Шведская панель домохозяйств	Швейцария	1999	25	Ежегодно
German Socio-Economic Panel (SOEP) Немецкая социально-экономическая панель	Германия	1984	40	Ежегодно
British Household Panel Survey (BHPS) / UK Household Longitudinal Study (UKHLS) Британская панель домохозяйств / Лонгитюдное исследование домохозяйств в Великобритании	Великобритания	1991 / 2009	32	Ежегодно
Longitudinal Internet Studies for the Social Sciences (LISS) Лонгитюдное интернет-исследование для социальных наук	Нидерланды	2008	17	Ежегодно, каждый месяц для интернет-панели
Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS) Российский мониторинг экономического положения и здоровья (PMЭЗ)	Россия	1994	29	Ежегодно

* Официальный сайт HILDA. URL: <https://www.dss.gov.au/long-term-research/living-australia-household-income-and-labour-dynamics-australia-hilda-survey>; Официальный сайт KLIPS. URL: <https://www.klii.re.kr/menu.es?mid=a50101000000>; Официальный сайт PSID. URL: <https://psidonline.isr.umich.edu/>; Официальный сайт SHP. URL: <https://forscenter.ch/projects/swiss-household-panel/>; Официальный сайт SOEP. URL: <https://www.diw.de/en/soep>; Официальный сайт UKHLS. URL: <https://www.understandingsociety.ac.uk/>; Официальный сайт LISS. URL: <https://www.lissdata.nl/how-it-works>; Официальный сайт RLMS (PMЭЗ). URL: <https://www.hse.ru/en/rllms/> (проект был исключен в 2022 г., подробнее о PMЭЗ см. статью З. Дорофеевой и соавторов в рубрике «Теория, методология и методы» текущего номера).

¹⁸ Подробнее о нем см. [Johnson et al., 2018; Pfeffer, Fomby, Insolera, 2020].

¹⁹ Информация для таблицы взята с официального сайте CPF. URL: <https://cpfddata.com/data/> (дата обращения: 31.01.2026).

Межстрановые лонгитюды позволяют тестировать универсальность научных теорий, их обусловленность социокультурным, экономическим и институциональным страновым контекстом. Например, при анализе влияния межпоколенческой и внутривнутрипоколенческой мобильности на субъективное благополучие результаты оказались неунифицированными [Hadjar, Samuel, 2015]. Так, в Швейцарии ни один из типов мобильности не привел к изменениям в благополучии, а вот в Великобритании важной оказалась только межпоколенческая мобильность, причем ее эффект оказался негативным. Авторы предположили, что в соответствии с гипотезой диссоциации П. Сорокина достижение более высокого классового положения по сравнению с родительским может сопровождаться разрывом социальных связей, отчуждением от новой группы и, как следствие, психическими проблемами. Однако характерно это только для Великобритании из-за более выраженного классового сознания и классовых границ. В Швейцарии ситуация иная. Более высокий уровень жизни, экономическое равенство и групповой консенсус, благодаря которым представители различных слоев схожи в своих установках, ценностях и поведении, сглаживают отрицательные последствия восходящей мобильности [ibid.].

По сравнению с анализом кросс-секционных данных при работе с панельным дизайном необходимо принимать во внимание динамические отношения между изучаемыми феноменами и зависимость наблюдений друг от друга, так как значения в последующий момент времени во многом обусловлены их состоянием в предыдущий [Berrington, Smith, Sturgis, 2006; Gibbons, Hedeker, DuToit, 2010]. Эти особенности повторяющейся и временной структуры породили целый пул специфических для этого направления методов статистической обработки данных. Сюда относятся модели с фиксированными (fixed-effect), случайными (random-effect) и смешанными эффектами (fixed-effect), обобщенные оценочные уравнения (GEE)²⁰, структурные уравнения, латентные кривые роста и другие [Патникова, Фурманов, 2014; Baltagi, 2021; Hsiao, 2022; Menard, 2007; Wooldridge, 2010].

Недостатки лонгитюдных исследований

К сожалению, при всей эвристической привлекательности панельного дизайна у него есть ряд сложностей и подводных камней. Во-первых, такие исследования требуют больше организационных ресурсов, поэтому создание и поддержание панели в разы дороже по сравнению с повторяющимися кросс-секционными замерами.

Во-вторых, в лонгитюдах возникают свои, специфичные только для этого дизайна ошибки измерения. Речь идет о так называемом *seam bias*, или эффекте «стыка опросных периодов». Одними из первых эту проблему обозначили Д. Беркхед и Дж. Кодер [цит. по: Jäckle, 2008] для «Исследования доходов и участия в социальных программах» (Survey of Income and Program Participation (SIPP))²¹. Замеры проводились четыре раза в год. Респондентам задавались ретроспективные вопросы об источниках дохода за каждый из четырех месяцев, предшествующих опросу.

²⁰ Пример использования GEE для оценки влияния занятости студентов на их успеваемость можно найти в работе А. Поплавской и соавторов в новой рубрике текущего номера «Лонгитюдные социологические исследования».

²¹ Официальный сайт SIPP. URL: <https://www.census.gov/programs-surveys/sipp.html> (дата обращения: 04.02.2026)

Выяснилось, что число изменений в четвертые и пятые месяцы, а также за восьмые и девятые было систематически больше, чем в другие. То есть всплески наблюдались в местах стыков опросов [цит. по: Jäckle, 2008]. За прошедшие 40 лет эффект был обнаружен во многих панельных исследованиях [Callegaro, 2007; Moore et al., 2009]. Для преодоления этого недостатка используются различные техники, из которых наиболее распространено зависимое интервью (dependent interviewing), когда формулировка вопроса корректируется, исходя из полученных ранее данных [Jäckle, 2008]²².

В-третьих, возникает опасность «профессионализации» респондентов (panel conditioning), которая особенно велика для длинных исследований. Продолжительная коммуникация с интервьюерами и регулярные ответы на вопросы исследователей не могут не оказывать влияния на жизни и мнения участников. Как следствие, возникает довольно высокая вероятность потери «типичности» изучаемой группы. Как отмечают Б. Струминская и М. Божняк, здесь вероятны три варианта: 1) изменения в ответах участников; 2) изменения в реальном поведении и установках; 3) комбинация первого и второго [Struminskaya, Bosnjak, 2021].

Наконец, в-четвертых, любая панель подвержена истощению (panel attrition), или выбытию (осыпанию) участников. Одна из главных причин этого — физическое исчезновение, связанное либо с естественной смертностью, либо с миграцией в другие локации и невозможностью определить новое место контакта. Чрезвычайно важен трекинг респондентов, способность организаторов отслеживать передвижения респондентов и поддерживать с ними связь [Hill, 2004]. Величина истощения — показатель не универсальный, он варьируется по конкретным проектам и странам, но общий тренд один — чем больше волн, тем больше выбывших [Behr, Bellgardt, Rendtel, 2005; Fitzgerald, Gottschalk, Moffitt, 1998]. В РМЭЗ за десять волн исчезло почти 60% респондентов и почти 70% домохозяйств, а до последней волны «дожили» около 5% (788 человек) и 9% (579 домохозяйств) соответственно [Дорофеева и др., 2026]²³.

Предыдущие исследования показывают, что осыпание панели связано как с социально-демографическими (пол, возраст, брачный статус, образование, наличие детей, доход, занятость, тип населенного пункта [Дорофеева и др., 2026; Chadi, 2021; Cheng, Trivedi, 2015; Gerry, Papadopoulos, 2015; Voorpostel et al., 2018; Yu et al., 2022]), так и с установочными характеристиками участников (оценка ментального и физического здоровья, удовлетворенность жизнью, заинтересованность в политике и т. п. [Frankel, Hillygus, 2014; Gerry, Papadopoulos, 2015; Herrera et al., 2021; Voorpostel et al., 2018]). Роль этих параметров меняется в зависимости от страны и конкретной панели [Hill, 2004; Lee, 2003].

Смещения, связанные с выбытием, особенно с неслучайным, потенциально способны повлиять на корректность оценок в отношении происходящих изменений и связей между различными феноменами, а значительное снижение объема выборки приводит к уменьшению статистической мощности и вероятно-

²² Обзор существующих причин и техник коррекции этого эффекта представлен в работе М. Каллегаро [Callegaro, 2008].

²³ Подробнее о РМЭЗ см. статью З. Дорофеевой и соавторов в рубрике «Теория, методология и методы» текущего номера.

сти обнаружения значимых различий. Важно отметить, что осыпание по-разному влияет на конкретные статистические меры. Так, на базе Швейцарской панели домохозяйств (SHP) М. Воорпостел и коллеги обнаружили, что воздействие выбытия было сильнее на средние и доли, а не на регрессионные коэффициенты [Voorpostel et al., 2018]. Самый распространенный способ коррекции осыпания — процедура взвешивания.

Подытоживая все описанное, можно сказать, что рефлексия в отношении достоинств, недостатков, а также методических особенностей панельного дизайна по большей части представлена в англоязычных работах. Российские исследователи пока значительно реже обращаются и к использованию лонгитюда, и к осмыслению его специфики. Текущий номер этого журнала, в котором содержатся шесть статей на эту тему, является попыткой заполнить лауну и привлечь внимание российских исследователей к богатейшим возможностям имеющихся в их распоряжении панельных данных.

Лонгитюдные исследования в текущем номере

Статьи, посвященные различным аспектам лонгитюдов, размещены в двух рубриках: «Теория, методология и методы» и новой для «Мониторинга общественного мнения» рубрике «Лонгитюдные социологические исследования».

В первом разделе обсуждаются методические аспекты панельного дизайна. А. Андреевкова сравнивает возможности лонгитюдных и ретроспективных данных для анализа социальных изменений и обнаруживает значимое расхождение, которое более выражено для установочных вопросов, особенно в долгосрочной перспективе. З. Дорофеева и соавторы рассказывают о наиболее известном российском лонгитюде «Российском мониторинге экономического положения и здоровья населения» (РМЭЗ НИУ ВШЭ), его дизайне и особенностях. В. Звоновский и коллеги сравнивают причины прерывания телефонных опросов на политическую тему между одномоментным и повторным замером. Хотя больших расхождений в структуре причин обнаружить не удалось, авторы показывают, что повторно опрашиваемые респонденты значительно реже обрывают интервью. Кроме того, коммуникационные проблемы, накопленные в процессе опроса, оказываются для них более важными, чем для вновь отобранных респондентов.

Вторая рубрика демонстрирует результаты анализа, выполненного на базе лонгитюдных данных. На материалах трех волн исследования «Траектории в образовании и профессии» (ТрОП) Д. Толстых и соавторы показывают, как образовательные и карьерные притязания, зафиксированные в начальных раундах опроса, обуславливают реальные образовательные и карьерные траектории молодежи, и какую роль при этом играют социально-экономические возможности семей и ресурсы территорий проживания. А. Поплавская и коллеги изучают связь между занятостью и успеваемостью студентов, для этого они используют восемь волн ежегодного репрезентативного опроса студентов НИУ ВШЭ «Мониторинг студенческой жизни» (2017—2024 гг.) и обобщенные оценочные уравнения (GEE). Такой подход позволил показать, что наиболее отрицательный эффект на успеваемость оказывает занятость на первом курсе, а работа внутри университета, наоборот, связана с повышением рейтинговых позиций студента. Наконец, В. Корсунова

на основе лонгитюда «РУССЕТ 1990-е»²⁴ и «РУССЕТ через 30 лет»²⁵ дифференцирует возрастные, поколенческие и временные различия атрибуции успеха трудолюбию или удаче. Ее анализ показывает наличие всех трех эффектов, фиксируя рост значимости трудолюбия и обратный тренд для удачи для всех когорт за исключением тех, чья молодость выпала на период турбулентности 1990-х годов. При этом современная молодежь больше верит в собственные усилия по сравнению с молодежью 1990-х, а эффект возраста исчезает в позднесоветских и постсоветских поколениях.

Список литературы (References)

1. Андреевкова А. А. Исследуя социальные изменения — методологический и эмпирический анализ ретроспективных и лонгитюдных методов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 1. С. 17—39. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3145>.
Andreenkova A. V. Studying Social Change — Methodological and Empirical Analysis of Retrospective and Longitudinal Methods. (2026) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 17—39. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3145>. (In Russ.)
2. Воробьев А. Н. Становление американских электоральных исследований: Пол Лазарсфельд и «Выбор народа» // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 3. С. 163—179. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5998>.
Vorobyev A. N. (2018) The Rise of American Electoral Research: Paul F. Lazarsfeld and “The People’s Choice”. *Sociological Journal*. Vol. 24. No. 3. P. 163—179. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.3.5998>. (In Russ.)
3. Дорофеева З., Козырева П., Косолапов М., Тонис Е. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ: особенности методологии, принципы организации, исследовательские возможности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 1. С. 40—64. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3210>.
Dorofeeva Z. E., Kozyreva P. M., Kosolapov M. S., Tonis E. I. (2026) Russian Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics (RLMS-HSE): Methodological Features, Organizational Principles, Research Opportunities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 40—64. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3210>.
4. Лазарсфельд П., Берельсон Б., Год Х. Выбор народа: Как избиратель принимает решение в президентской кампании. Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2018.
Lazarsfeld P. F., Berelson B., Gaudet H. (2018) *The People’s Choice. How the Voter makes Up His Mind in a Presidential Campaign*. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University. (In Russ.)

²⁴ Более подробное описание на странице проекта РУССЕТ. URL: <https://www.cessi.ru/usloviya-zhizni-v-rossii> (дата доступа 14.01.2026).

²⁵ Российская социально-экономическая панель, Russet — Russian socio-economic transition.

5. Ратникова Т. А., Фурманов К. К. Анализ панельных данных и данных о длительности состояний. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014.
Ratnikova T. A., Furmanov K. K. (2014) Analysis of Panel Data and Time-series Data. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)
6. Arseneault L., Bolivar M., Bryan B. (2023) Landscaping International Longitudinal Datasets: Full Report. London: King's College London.
7. Baltagi B. H. (2021) *Econometric Analysis of Panel Data* (6th ed.). Cham: Springer International Publishing. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-53953-5>.
8. Behr A., Bellgardt E., Rendtel U. (2005) Extent and Determinants of Panel Attrition in the European Community Household Panel. *European Sociological Review*. Vol. 21. No. 5. P. 489—512. <https://doi.org/10.1093/esr/jci037>.
9. Berrington A., Smith P.W. F., Sturgis P. (2006) An Overview of Methods for the Analysis of Panel Data. *NCRM Methods Review Paper*. No. NCRM/007.
10. Callegaro M. (2007) Changes in Seam Effects Magnitude Due to Changes in Question Wording and Data Collection Strategies: An Analysis of Labor Force Transitions in PSID. In: *62nd Annual Conference of the American Association for Public Opinion Research (AAPOR)*, Anaheim, CA, United States.
11. Callegaro M. (2008) Seam Effects in Longitudinal Surveys. *Journal of Official Statistics*. Vol. 24. No. 3. P. 387—409.
12. Chadi A. (2021) Identification of Attrition Bias Using Different Types of Panel Refreshments. *Economics Letters*. Vol. 201. P. 109777. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2021.109777>.
13. Cheng T. C., Trivedi P. K. (2015) Attrition Bias in Panel Data: A Sheep in Wolf's Clothing? A Case Study Based on the Mabel Survey. *Health Economics*. Vol. 24. No. 9. P. 1101—1117. <https://doi.org/10.1002/hec.3206>.
14. Fitzgerald J., Gottschalk P., Moffitt R. A. (1998) An Analysis of Sample Attrition in Panel Data: The Michigan Panel Study of Income Dynamics. *NBER Working Paper*. No. 6608.
15. Frankel L. L., Hillygus D. S. (2014) Looking Beyond Demographics: Panel Attrition in the ANES and GSS. *Political Analysis*. Vol. 22. No. 3. P. 336—353. <https://doi.org/10.1093/pan/mpt020>.
16. Gerry C. J., Papadopoulos G. (2015) Sample Attrition in the RLMS, 2001—10: Lessons for Longitudinal Analysis and an Application in Health. *Economics of Transition*. Vol. 23. No. 2. P. 425—468. <https://doi.org/10.1111/ecot.12063>.
17. Gibbons R. D., Hedeker D., DuToit S. (2010) Advances in Analysis of Longitudinal Data. *Annual Review of Clinical Psychology*. Vol. 6. P. 79—107. <https://doi.org/10.1146/annurev.clinpsy.032408.153550>.
18. Hadjar A., Samuel R. (2015) Does Upward Social Mobility Increase Life Satisfaction? A Longitudinal Analysis Using British and Swiss Panel Data. *Research in*

- Social Stratification and Mobility*. Vol. 39. P. 48—58. <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2014.12.002>.
19. Herrera M. S., Devilat D., Fernández M. B., Elgueta R. (2021) Does the Selective Attrition of a Panel Survey of Older People Affect the Multivariate Estimations of Subjective Well-Being? *Quality of Life Research*. Vol. 30. No. 1. P. 41—54. <https://doi.org/10.1007/s11136-020-02612-4>.
 20. Hill Z. (2004) Reducing Attrition in Panel Studies in Developing Countries. *International Journal of Epidemiology*. Vol. 33. No. 3. P. 493—498. <https://doi.org/10.1093/ije/dyh060>.
 21. Holahan C. K., Sears R. R., Cronbach L. J. (1995) *The Gifted Group in Later Maturity*. Stanford: Stanford University Press.
 22. Hsiao C. (2007) Panel Data Analysis — Advantages and Challenges. *Test*. Vol. 16. No. 1. P. 1—22. <https://doi.org/10.1007/s11749-007-0046-x>.
 23. Hsiao C. (2022) *Analysis of Panel Data* (4th ed.). Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781009057745>.
 24. Jäckle A. (2008) The Causes of Seam Effects in Panel Surveys. *ISER Working Paper Series*. No. 2008—24.
 25. Johnson D. S., McGonagle K. A., Freedman V. A., Sastry N. (2018) Fifty Years of the Panel Study of Income Dynamics: Past, Present, and Future. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 680. No. 1. P. 9—28. <https://doi.org/10.1177/0002716218809363>.
 26. Lazarsfeld P. F. (1940) “Panel” Studies. *The Public Opinion Quarterly*. Vol. 4. No. 1. P. 122—128. <https://doi.org/10.1086/265373>.
 27. Lazarsfeld P., Fiske M. (1938) The “Panel” as a New Tool for Measuring Opinion. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 2. No. 4. P. 596—612. <https://doi.org/10.1086/265234>.
 28. Lee U. (2003) Panel Attrition in Survey Data: A Literature Review. *CSSR Working Paper*. No. 41.
 29. Lynn P. (2009) Methods for Longitudinal Surveys. In: Lynn P. (ed.) *Methodology of Longitudinal Surveys*. Chichester: Wiley. P. 1—19.
 30. Menard S. (2007) *Handbook of Longitudinal Research: Design, Measurement, and Analysis*. Amsterdam: Elsevier.
 31. Moore J., Bates N., Pascale J., Okon A. (2009) Tackling Seam Bias Through Questionnaire Design. In: Lynn P. (ed.) *Methodology of Longitudinal Surveys*. Chichester: Wiley. P. 73—92.
 32. Pfeffer F. T., Fomby P., Insolera N. (2020) The Longitudinal Revolution: Sociological Research at the 50-Year Milestone of the Panel Study of Income Dynamics. *Annual Review of Sociology*. Vol. 46. No. 1. P. 83—108. <https://doi.org/10.1146/annurev-soc-121919-054821>.

33. Putnam R. D. (1995) Tuning In, Tuning Out: The Strange Disappearance of Social Capital in America. *PS: Political Science and Politics*. Vol. 28. No. 4. P. 664—683. <https://doi.org/10.2307/420517>.
34. Putnam R. D. (2001) *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York, NY: Simon and Schuster.
35. Putnam R. D., Leonardi R., Nonetti R. Y. (1994) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press.
36. Struminskaya B., Bosnjak M. (2021) Panel Conditioning: Types, Causes, and Empirical Evidence of What We Know So Far. In: P. Lynn (ed.) *Advances in Longitudinal Survey Methodology*. Wiley. P. 272—301.
37. Van Ingen E., Bekkers R. (2015) Generalized Trust Through Civic Engagement? Evidence From Five National Panel Studies. *Political Psychology*. Vol. 36. No. 3. P. 277—294. <https://doi.org/10.1111/pops.12105>.
38. Vehkalahti K., Eriksen I. M., Østergaard J. (2026) *Growing Up Rural: Qualitative Longitudinal Explorations of Young People Living in the Nordic Countries*. Singapore: Springer Nature Singapore. <https://doi.org/10.1007/978-981-96-7127-4>.
39. Voorpostel M., Rothenbühler M., Roberts C., Vandenplas C. (2018) A Research Note on the Potential Impact of Panel Attrition on the Relationship Between Variables. *FORS Working Paper Series*. No. 2018—1. <https://doi.org/10.24440/FWP-2018-00001>.
40. Wooldridge J. M. (2010) *Econometric Analysis of Cross Section and Panel Data*. Cambridge, MA: MIT Press.
41. Yu T., Chen J., Gu N. Y., Hay J. W., Gong C. L. (2022) Predicting Panel Attrition in Longitudinal HRQoL Surveys During the COVID-19 Pandemic in the US. *Health and Quality of Life Outcomes*. Vol. 20. Art. 104. <https://doi.org/10.1186/s12955-022-02015-8>.

DOI: [10.14515/monitoring.2026.1.3145](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3145)**А. В. Андрееenkova****ИССЛЕДУЯ СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ —
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
РЕТРОСПЕКТИВНЫХ И ЛОНГИТУДНЫХ МЕТОДОВ****Правильная ссылка на статью:**

Андрееenkova А. В. Исследуя социальные изменения — методологический и эмпирический анализ ретроспективных и лонгитюдных методов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 1. С. 17—39. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3145>.

For citation:

Andreeenkova A. V. (2026) Studying Social Change — Methodological and Empirical Analysis of Retrospective and Longitudinal Methods. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 17–39. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3145>. (In Russ.)

Получено: 14.10.2025. Принято к публикации: 27.11.2025.

ИССЛЕДУЯ СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ — МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕТРОСПЕКТИВНЫХ И ЛОНГИТУДНЫХ МЕТОДОВ

АНДРЕЕНКОВА Анна Владимировна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), Москва, Россия
E-MAIL: anna.andreenkova@cessi.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6776-7703>

Аннотация. Основными способами изучения социальных изменений являются трендовые, лонгитюдные и ретроспективные опросы населения. При больших преимуществах ретроспективных методов, таких как полнота выборки без проблемы осыпания, временная гибкость и экономия ресурсов, остается под вопросом качество ретроспективных данных, связанное с ошибками измерения. Чтобы определить, насколько велики проблемы с качеством данных, проведено сравнение ретроспективных вопросов в лонгитюдном исследовании «РУССЕТ 1990-е» на пятилетнем интервале (в 1998 г. и 1993 г.) и на 30-летнем интервале (новая волна исследования «РУССЕТ через 30 лет» 2024 г.) с синхронными данными этого исследования (1993 г.). Ретроспективные вопросы задавались по двум фактологическим показателям (семейному и трудовому положению) и пяти субъективным (удовлетворенности жизнью в целом и четырем отдельным сферам жизни). На агрегированном уровне ретроспективные методы позволяют получить довольно близкие результаты к синхронным на 5-летнем интервале и менее точные оценки средних значений на 30-летнем. Различия направлены в сторону преувеличения оценок. Чем больше временная дистанция, тем более велики преувеличения, но порядок категорий или сфер жизни между собой и расстояние между ними отражаются верно. На индивидуальном

STUDYING SOCIAL CHANGE — METHODOLOGICAL AND EMPIRICAL ANALYSIS OF RETROSPECTIVE AND LONGITUDINAL METHODS

Anna V. ANDREENKOVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Senior Researcher
E-MAIL: anna.andreenkova@cessi.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6776-7703>

¹ Institute for Comparative Social Research (CESSI), Moscow, Russia

Abstract. Social change can be studied by cross-sectional, longitudinal, and retrospective general population surveys. Along with important advantages of retrospective surveys which includes the lack of sample attritions, time flexibility, and lower costs, the quality of retrospective data remains questionable due to possible measurement errors. To determine the extent of data quality issues, the author of this article compares data of retrospective questions obtained in RUSSET longitudinal surveys on 5-years interval (in 1998 versus 1993) and on 30-years interval (new round “RUSSET after 30 years” in 2024) with the concurrent data of the same study (collected in 1993). The retrospective questions were asked about two factual indicators (family and employment statuses) and five subjective indicators referring to general satisfaction with life and four specific life domains. At the aggregate level, retrospective methods produce results quite close to the concurrent ones over a five-year interval and less accurate estimates of average values over a 30-year interval. The observed differences indicate an exaggeration of retrospective estimates. The greater the time distance, the greater the overestimates; however, the order of categories or life domains among themselves and the distances between them are reflected accurately. At the individual level, the agreement between concurrent and retrospective factual indicators is 80–90%, while for subjective indicators it is

уровне соответствие синхронных и ретроспективных фактологических показателей составляет 80—90 %, субъективных показателей — 60 % на 5-летней дистанции и 50 % на 30-летней. Среди гипотез, выдвинутых для объяснения причин смещений в ретроспективных данных: идеализация прошлого, учет изменений и влияния социального контекста, — наиболее вероятно идеализация прошлого. Существенных различий в соответствии ретроспективных и лонгитюдных данных по гендерным, возрастным и образовательным группам обнаружено не было. Ошибка измерения ниже в случае отсутствия изменений ситуации за время наблюдений и выше, если произошли изменения, а также если вопрос касается неопределенных или не подтвержденных официально статусов в семейном или трудовом положении. С учетом этого автор заключает, что ретроспективные методы могут стать хорошим дополнением к лонгитюдным исследованиям, использоваться для реконструкции жизненных событий, в построении календаря жизни, заполнить пробелы в информации между волнами лонгитюдного исследования, но не могут в полной мере выполнить задачу оценки социальных изменений.

Ключевые слова: социальные изменения, ретроспективные методы, лонгитюдные методы, опросы населения, качество измерения, влияние памяти, влияние контекста, удовлетворенность жизнью, удовлетворенность сферами жизни

Благодарность. Работа выполнена в рамках гранта РФФ 23-18-00635 «Жизненный путь, ценности, ожидания поколения, взрослого в 1990-е, — лонгитюдное исследование через 30 лет».

60% over a 5-year period and 50% over a 30-year period. Among the hypotheses put forward to explain the causes of bias in retrospective data, i.e. idealization of the past and accounting for changes and the influence of social context, the most likely is idealization of the past. No significant differences in the agreement between retrospective and concurrent data were found across gender, age, and educational groups. Measurement error is lower when there were no changes in the situation during the observation period and higher when changes occurred, as well as when the question concerns uncertain or not confirmed officially marital or employment statuses. Taking this into account, the author concludes that retrospective methods can be a good addition to longitudinal studies, used to reconstruct life events, unfold a life calendar, fill in the gaps in information between waves of a longitudinal study, but it cannot fully fulfill the task of assessing social changes.

Keywords: social change, retrospective methods, longitudinal methods, survey research, measurement quality, memory effect, context effect, life satisfaction, satisfaction with life domains

Acknowledgments. The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00635 “Life course, values, expectations of the generation entering the adult life in 1990x, — longitudinal survey after 30 years”.

Одна из ключевых задач социологии — изучение социальных изменений. В каком направлении происходят изменения в социальной жизни, насколько они велики, какова их скорость, какие социальные группы играют главную роль, какие факторы стимулируют и препятствуют изменениям — поиск ответов на эти вопросы ведется на основе эмпирических исследований разного типа. Оценить изменения на уровне страны или больших социальных групп позволяют трендовые и мониторинговые исследования, в которых одни и те же вопросы задаются через определенный интервал времени респондентам из независимых выборок. Проследить изменения на уровне домохозяйств, организаций, супружеских пар, отдельных людей, чтобы определить механизмы и причины происходящих процессов, можно с помощью лонгитюдных исследований, где вопросы задаются через определенный интервал времени одним и тем же респондентам. Особенность всех этих методов заключается в «синхронном» получении информации — респонденты отвечают на вопросы о положении дел в настоящем, о чувствах, эмоциях, которые они испытывают сейчас, дают оценки, сообщают об установках, ценностях на текущее время. Другим подходом служат ретроспективные методы получения информации — респондентов спрашивают о событиях, поведении, оценках или чувствах, которые они испытывали в прошлом. Синхронные и ретроспективные методы в опросах различаются не только по своим организационным особенностям, но и по механизмам формирования ответов на заданные вопросы, источникам ошибок и смещений, по качеству и точности данных. Если о лонгитюдных данных известно довольно много, то изучение ретроспективных методов количественных опросов находится лишь в самом начале. Немало знаний накоплено в качественной социологии, но применимость их к формализованным количественным вопросам требует изучения.

Когда и где используются ретроспективные методы в опросах

Ретроспективные методы используются в опросах гораздо чаще, чем это может показаться на первый взгляд. Некоторые опросы полностью реализуются как ретроспективные. Примерами могут служить исследования «календаря жизни», жизненных траекторий — образовательных, профессиональных, семейно-брачных (модуль «Календарь жизни» в третьей и девятой волнах Российского социального исследования (РСИ) и Европейского социального исследования (ESS), история партнерских и брачных отношений в НИСП по программе SHARE, в международном исследовании «Поколение и гендер»). Ретроспективные исследования проводятся для анализа последствий «больших событий» — катастроф, революций, эпидемий. Изучая последствия неожиданного события, например пандемии COVID-19, возникает потребность в проведении сравнений с положением до наступления события — состоянием здоровья, условиями жизни, социальными связями, узнать о которых можно лишь с помощью ретроспективных вопросов. Помимо полностью ретроспективных опросов, отдельные вопросы о прошлом включаются в синхронные исследования. Такие вопросы могут касаться как далекого прошлого, например детства или первых отношений, так и близкого, например, о покупках на прошлой неделе или посещаемых мероприятиях за последний месяц. Ретроспективные вопросы позволяют получить информа-

цию, которую не удалось или невозможно собрать синхронно в нужный исследовательский момент.

Хотя ретроспективные вопросы очень востребованы и используются в исследовательской практике довольно часто, общее отношение к ним у исследователей часто негативное. Их считают вынужденной мерой, плохой заменой лонгитюдных исследований, методом, который производит больше ошибок и статистического «шума», чем полезной информации [Kennickell, Starr-McCluer, 1997; Jacobs, 2002; Schnell, 2019]. Между тем в исследованиях, посвященных изучению надежности ретроспективных данных, неоднократно обнаруживалось, что качество таких вопросов зависит от большого количества факторов и обстоятельств и во многих случаях может считаться вполне приемлемым. Нельзя игнорировать и тот факт, что, несмотря на критику, использование таких методов не только не останавливается, а, напротив, растет. По нарастающей идет развитие биографических исследований [Рождественская, 2012], исследований жизненного пути и отдельных жизненных траекторий, календаря жизни, автобиографий [Андрееenkova, 2025]. Во многих современных работах прошлое выступает значимым объясняющим фактором для настоящего. Например, особенности старения, здоровья в старших возрастах в большой степени зависят от качества здоровья в молодом возрасте, а также от образа жизни и самосохранительного поведения на протяжении жизни. При изучении причин поведения и установок людей в отношении образования, труда, брачной и репродуктивной сферы нельзя обойти вниманием влияние родительских установок и воспитания. На сегодняшний день общая критика ретроспективных методов как сомнительных или ненадежных малопродуктивна. Значительно важнее понять, в каких именно областях эти слабости проявляются меньше всего, какие ретроспективные данные могут соответствовать требованиям и стандартам современного научного исследования.

Концептуально-методологические различия ретроспективных и лонгитюдных методов

Принципиальное отличие ретроспективных методов от синхронных (лонгитюдных) заключается во временной дистанции между событием и сообщением о нем в опросе. При отсутствии такой дистанции, например в вопросах «Насколько счастливым Вы сейчас себя чувствуете?» или «Как Вы оценили бы состояние своего здоровья в настоящее время?», речь идет о полностью синхронной информации. Если дистанция очень велика, например, в вопросах «С кем Вы жили, когда Вам было 15 лет?» или «Каково было Ваше здоровье десять лет назад?», речь идет о ретроспективной информации. Существуют и промежуточные типы. В вопросе «Каков был Ваш доход за последние 12 месяцев?» речь идет о прошлом, но оно непосредственно связано с настоящим — такой доход может считаться «текущим», еще не потраченным, последним из полученного. Связь с настоящим дает респонденту подсказки, позволяет отвечать на вопрос точнее, чем, например, о доходе два года назад или пять лет назад. Таким образом, граница между ретроспективной и синхронно собранной информацией не всегда четко определена.

Если у ретроспективных опросов довольно много методологических слабостей, то есть они и у лонгитюдных. Организовать лонгитюдный опрос значительно слож-

нее, чем ретроспективный. В таком опросе время сбора информации равно времени протекания измеряемого процесса, то есть может быть очень долгим, например, при изучении жизненного пути. Лонгитюдное исследование требует больших временных, человеческих и финансовых ресурсов, поэтому количество таких исследований в мире невелико. Но главной проблемой лонгитюдных исследований является неизбежное и нередко фатальное для многих исследовательских задач осыпание выборки. Особенно велико осыпание выборки на длинных интервалах времени. Смещения выборки из-за осыпания могут быть столь велики, что о репрезентативности и экстраполяции данных на генеральную совокупность речь идти не может. Еще одна методологическая слабость лонгитюдных исследований — изменение научного контекста и исследовательской проблемы со временем, возникновение новых гипотез или теорий, устаревание данных. Вернуться назад во времени, чтобы задать вопросы, актуальные с точки зрения сегодняшних теоретических или методологических знаний, уже невозможно.

Очевидное преимущество ретроспективного опроса в том, что его можно провести в любой момент времени с минимальными затратами с использованием современного для исследователя методического и концептуального аппарата, основываясь на полной выборке в соответствии с современными для исследователя стандартами качества. Однако все эти достоинства становятся не столь значимыми, если встает проблема качества измерения, именно она служит причиной недоверия этому методу. Проблемы и особенности памяти («эффект памяти») и «влияние контекста» — последующих событий, настоящего на восприятие прошлого — являются источниками измерительных проблем в ретроспективных опросах [Андрееenkova, 2024] и не стоят столь остро в лонгитюдных исследованиях.

Методы и результаты проверки качества ретроспективных данных опросов

В исследовательской практике качество ретроспективных данных оценивается либо интуитивно, либо экспериментально. На интуитивном уровне кажется, что проблем с ретроспективными вопросами много и использовать их стоит, только если нет других способов получить нужную информацию. Такие мнения и впечатления основаны на знаниях и опыте работы с человеческой памятью как в научной, так и в обыденной жизни. Люди склонны помнить только то, что хотят помнить, и забывать ненужное, неудобное и неприятное. Они забывают события и свое отношение к ним, время событий, их последовательность, идеализируют прошлое, видоизменяют и интерпретируют прошлое так, чтобы оно стало логичным с точки зрения настоящего — представлений человека о самом себе и своем развитии или социально-нормативной среды, которая устанавливает, какими должны быть такие представления. В мире субъективных оценок и памяти не только прошлое влияет на настоящее и будущее, но скорее наоборот — прошлое находится под влиянием настоящего.

Работ, посвященных качеству ретроспективных данных на основе эмпирических доказательств, не так много. Почти все они строятся на данных одной страны в конкретный момент времени по ограниченному кругу вопросов. Такое невнимание исследователей нельзя назвать намеренным. Напротив, интерес к ре-

троспективным данным очень высок, но возможностей для проведения тестов на качество мало. Основным методом оценки качества ретроспективных данных является сравнение с «объективными данными», а получить их трудно или даже невозможно. В качестве референтных могут выступать административные данные, но они собираются и доступны лишь по ограниченному кругу фактологических показателей и только в отдельных странах, либо данные лонгитюдных исследований, которых также немного. Еще один путь — репликация: одинаковые ретроспективные вопросы задаются одним и тем же респондентам в разное время, чтобы сравнить результат.

Сравнение ретроспективных данных с административными

Такой метод валидации применялся в отношении ряда фактологических вопросов, по которым в некоторых странах ведется административная регистрация: о занятости, безработице, географических переездах, посещении медицинских учреждений и некоторым другим. Например, в Бельгии проводилось сравнение данных ретроспективного опроса об истории географической и жилищной мобильности с данными государственной службы регистрации передвижений. Соответствие информации о факте переезда и времени переезда составило 70% [Auriat, 1991], что в целом можно оценить как довольно высокое. Проверка ретроспективных данных о визитах в медицинские учреждения проводилась с конца 1980-х годов путем сравнения с административными данными о регистрации таких визитов. Уровень соответствия низкий — около 40% в отношении факта визита независимо от серьезности заболевания [Means et al., 1989]. Валидация ретроспективных данных опросов о безработице также имеет довольно длинную историю. В начале 1980-х годов в США сравнивались данные о безработице в исследовании Panel Study of Income Dynamics (PSID) и регистрации трудовой истории в больших компаниях, где работали респонденты. Точность ретроспективной оценки общего времени без работы оказалась довольно высока, а о конкретных случаях безработицы, особенно непродолжительных, — низкой [Mathiowetz, Duncan, 1988]. В 2000-х годах подобная валидация проводилась на сравнении данных Европейского панельного исследования домохозяйств в Финляндии и Лонгитюдного исследования безработных в Швеции (LSA) и данных государственных органов по учету безработных. Авторы обнаружили существенные расхождения в данных о кратковременной безработице, времени начала и конца периодов безработицы и ее длительности [Pyu-Martikainen, Rendtel, 2009; Pina Sánchez, Koskinen, Plewis, 2014].

Сравнение ретроспективных данных с лонгитюдными

Значительное количество работ по валидации ретроспективных данных основано на сравнении с лонгитюдными (синхронными) данными. В Нидерландах в конце 1980-х годов тестировались вопросы о «брачной истории» из Национального лонгитюдного опроса трудового пути (NLS). В двух волнах опроса с интервалом в пять лет женщинам задавали ретроспективные вопросы об их трех последних браках и сравнивали с ежегодными синхронными данными по этим вопросам в панели, соответствие составило 76% [Peters, 1988]. Сравнения данных о доходах, капиталах, зарплатах и других выплатах, проводимые в разное время в раз-

ных опросах, в целом показали низкое соответствие, но надежных выводов сделать не удалось из-за невозможности определить, какие именно данные можно считать «верными». Потребность в анализе последствий пандемии COVID-19 привела к росту использования ретроспективных методов для оценки состояния респондентов до пандемии. В ряде исследований было выявлено довольно большое сходство ретроспективных и синхронных данных в отношении оценки здоровья, трудового положения и ряда других характеристик, но также показано, что ретроспективные методы приводят к недооценке изменений: респонденты, у которых произошли изменения, давали менее точную информацию, чем те, у кого изменений не произошло [Hipp et al., 2020].

Валидация методом повторных ретроспективных вопросов

Еще один способ валидации данных — сравнение ретроспективных данных об одном и то же событии в прошлом, полученных в разное время, показало большое влияние типа вопроса и темы на качество ретроспективных данных. Например, в Панельном исследовании рынка труда в Египте (ELMPSs) 1998, 2006 и 2012 гг. было обнаружено, что устойчивость ответов на вопрос о профессии отца, когда респонденту было 15 лет, заданный респондентам в разное время, составила 55—70 % в зависимости от профессии отца. Устойчивость информации об уровне образования респондента составила 79 %, при этом наименее надежные данные были о самом низком уровне образования. Информация о тратах респондента на свадьбу преувеличивалась с увеличением временной дистанции от события. Наименее надежными оказались данные вопросов об опыте безработицы: 71 % тех, кто был безработным в 1998 г., не отметили это в своей трудовой истории через восемь и 14 лет [Assaad, Krafft, Yassin 2018].

В целом исследования качества ретроспективных данных показали, что по некоторым вопросам точность ретроспективных данных превышает 70 % и вполне приемлема для решения многих исследовательских задач. Однако большое влияние оказывают сфера жизни и уровень детализации. Точность ретроспективной информации об уровне образования в широких категориях, о родителях, семейном и трудовом положении довольно высока. Качество информации о незначительных событиях (например, коротких периодах безработицы), временных границах событий, повторяющихся рутинных событиях (как посещение врача) — значительно ниже. Восстановить подробную трудовую историю человека со всеми переходами с работы на работу, временными уходами с рынка труда и другими изменениями довольно проблематично. Семейно-брачная история может быть построена в опросе с более высокой полнотой и точностью, так как количество событий в такой истории обычно не очень велико, а их значимость для респондентов высока. Выводы о влиянии временной дистанции между событием и опросом на качество данных пока противоречивы: в отношении переездов даже очень длительная дистанция почти не влияла на полноту и точность данных в опросе, а в отношении посещения врачей такое влияние было значительным.

подавляющее большинство исследований качества ретроспективных данных проводились в отношении фактологической информации — событий, поведении и статусе респондента. Тестирования ретроспективных вопросов об установках,

мнениях, оценках и ценностях реализовывались редко. Основное внимание уделялось вопросам о детском развитии, родителях, воспитании в детском и подростковом возрасте, и в них надежность ретроспективных данных оценивалась как низкая. Было выявлено большое влияние контекста и социально-нормативной среды на момент опроса, которая стимулирует преувеличение информации о социально-одобряемом поведении в прошлом. Одной из первых работ по изучению качества ретроспективных данных об установках стало исследование Т. Смита в Общем социальном исследовании (GSS) в США. В этом трендовом исследовании три вопроса об отношении к коммунизму, межрасовым бракам и школьным автобусам задавались синхронно с интервалом в десять лет независимым выборкам (в 1972 и 1982 гг.). В волну 1982 г. были включены ретроспективные вопросы о мнении по этим вопросам десять лет назад, то есть в 1972 г. Точность распределения ответов, полученных на основе ретроспективных оценок, в отношении школьных автобусов оказалась очень высока, в отношении межрасовых браков было верно определено направление изменения, в отношении мнения о коммунизме точность была очень низкой. Ретроспективные данные более точны в отношении вопросов, общественное мнение по которым относительно стабильно, и менее точны в ситуации изменений, а также была выдвинута гипотеза, что ретроспективные методы приводят к переоценке консервативных взглядов и традиционных ценностей и недооценке либеральных взглядов [Smith, 1984]. В известном Беннингтонском исследовании женщин не ставилась напрямую задача валидации ретроспективных оценок, тем не менее оно показало, что информация о политических взглядах, полученная в 1980-х годах, почти через 50 лет после первого опроса, вполне точна [Alwin et al., 1991]. В других исследованиях партийной идентификации и партийного выбора выводы были не столь оптимистичны, в них выявлены большие расхождения ретроспективных и лонгитюдных данных как на индивидуальном, так и на агрегированном уровне [Niemi et al., 1980], но подтвердился вывод, что соответствие гораздо выше в ситуациях, когда респонденты не меняли свои политические позиции. В Нидерландах в исследовании SOCON 1995 и 2006 гг. тестировалось соответствие ретроспективных и синхронных данных о социальных установках по отношению к эвтаназии, гомосексуализму и этническим меньшинствам. Соответствие было высоким по первым двум вопросам и низким по последнему [Jaspers, Lubbers, Graaf de, 2009].

Среди субъективных показателей во временных сравнениях широко используются вопросы о субъективном благополучии — счастье, удовлетворенности жизнью в целом и отдельными сферами жизни. Такие вопросы включаются в трендовые и лонгитюдные исследования для измерения динамики качества жизни, социального прогресса и личностного развития [Алмакаева, Гашенина, 2020]. Возможно ли получить надежные оценки субъективного благополучия ретроспективно и как далеко можно вернуться назад в таких оценках — пока открытый вопрос. В исследовании GSOEP в Германии ежегодно с 1984 г. по 1987 г. задавались синхронные вопросы о счастье и ретроспективные вопросы о счастье год назад. Результаты показали довольно высокий уровень преувеличений в оценке уровня счастья в вопросах о прошлом [Klemm, 2021]. На данных Британского панельного исследования домохозяйств (BHPS) было обнаружено, что преувеличения возни-

кают в отношении изменений — именно их преувеличивают респонденты. Также преувеличения связаны с уровнем удовлетворенности в момент оценки: счастливые склонны преувеличивать позитивные оценки в прошлом, несчастливые — преувеличивать негативные [Prati, Senik, 2020].

При изучении факторов, влияющих на качество ретроспективных данных, в ряде исследований получены некоторые доказательства, что качество информации выше в отношении значимых событий и их влияния на дальнейшую жизнь. Чем менее важна тема, тем труднее людям вспомнить само событие и такие детали, как временные границы событий, их последовательность [Bound, Brown, Mathiowetz, 2001; Juerges, 2007]. Временная дистанция между событием и сбором информации в некоторых исследованиях оказалась значимой, а в некоторых никакого влияния обнаружено не было. На примере отдельных стран было показано, что на качество ретроспективных данных влияет тип информации — «объективная», или фактологическая, информация точнее, чем субъективная. Влияние социально-демографических характеристик респондентов на качество ретроспективных данных пока мало изучено и выводы противоречивы. В некоторых исследованиях точность ретроспективных ответов выше у респондентов с высоким уровнем образования [Joslyn, 2003], ниже у респондентов старшего возраста [Schmier, Halpern, 2004]. Некоторые исследователи не нашли никакой связи с социально-демографическими переменными [Coughlin, 1990]. Такие противоречия связаны с тем, что разные исследователи изучали разные вопросы и типы информации, а они, наиболее вероятно, оказывают гораздо большее влияние на качество данных, чем какие-либо другие факторы.

Тестирование ретроспективных вопросов в лонгитюдном исследовании РУССЕТ в России

Чтобы ответить на вопрос о том, насколько различаются ретроспективные и лонгитюдные данные в России, насколько такие различия велики и каково их направление, сделать выводы о качестве ретроспективных данных по субъективным и фактологическим показателям, а также качестве данных, полученных от разных социально-демографических групп, используются результаты лонгитюдного опроса РУССЕТ (Russet-Russian socio-economic transition). Исследование было посвящено изучению изменений в условиях жизни, качестве жизни и субъективных оценках разных сторон жизни россиян в период социально-экономических и политических трансформаций. Первый опрос проведен летом 1993 г. методом личных интервью по месту жительства респондентов по всероссийской случайной вероятностной выборке населения РФ 18 лет и старше, опрошено 3 727 респондентов (Панель 1). Дальнейшие опросы проводились ежегодно таким же методом с теми же респондентами. В 1997 г. для компенсации осыпания выборки проведен опрос на новой выборке, построенной по такой же модели, опрошено 2 232 респондента (Панель 2). В 1998 и 1999 гг. опрос проводился с респондентами Панели 1 (1993 г.) и Панели 2 (1997 г.)¹. Для изучения изменений, произошедших после окончания лонгитюдного исследования в 1999 г., в 2024 — начале 2025 г.

¹ Подробнее о проекте см. URL: <https://www.cessi.ru/usloviya-zhizni-v-rossii> (дата обращения: 17.09.2025).

проведен опрос «РУССЕТ через 30 лет»². В опрос включены респонденты панели 1990-х годов из когорты 1950—1974 гг. Всего было опрошено 124 респондента.

Фактологические показатели: ретроспективные и синхронные данные о семейном и трудовом положении

Наиболее очевидны и внешне просты ретроспективные вопросы о семейном и трудовом статусе, поэтому можно предположить, что соответствие лонгитюдных и ретроспективных данных по этим вопросам будет высоким. Но остается вопрос, насколько велико соответствие или расхождение, в каких именно категориях наибольшее количество ошибок и какие группы респондентов дают наиболее и наименее точные ретроспективные ответы.

В первой волне РУССЕТ 1993 г. были заданы вопросы о семейном положении респондента и занятости. В шестой волне 1998 г. помимо таких же вопросов о текущем времени задавались ретроспективные вопросы о 1993 г.: «*Каково было Ваше семейное положение пять лет назад, в 1993 г.?*» и «*Каково было Ваше трудовое положение пять лет назад, в 1993 г.?*» с одинаковым списком категорий. Выборка для анализа составила 2001 респондентов, которые участвовали в опросе 1993 и 1998 гг.

Семейное положение

Соответствие лонгитюдных и ретроспективных данных о семейном положении респондента составило 86 %. Чтобы найти источник и причину расхождений в 14 % случаев, проведено сравнение по каждой из шести категорий. Информация об официально подтвержденных статусах в синхронных и ретроспективных методах опроса в подавляющем большинстве совпадает, а об официально неподтвержденных статусах — нет. Доля соответствий в отношении официального брака — 95 %, вдовства — 89 %, холостого статуса — 83 %. В отношении других категорий соответствие значительно ниже — о разведенных 53 %, живущих вместе 23 % и разошедшихся — лишь 19 %. Среди тех, кто в 1993 г. определил свое состояние как «живущие вместе или гражданский брак», в 1998 г. чаще всего отвечали, что состояли в официальном браке. Те, кто в 1993 г. выбрал категорию «разведен», в 1998 г. помимо такого же выбора также вспоминали свой статус как официальный брак или вдовство. Отнесенные в 1993 г. в категорию разошедшихся через пять лет в основном считали, что состояли в официальном разводе. Несоответствия в более стабильной категории «официальный брак» возникают чаще всего со статусом вдовства и развода, в статусе холостого — с официальным браком. Таким образом, большинство несоответствий ретроспективных и синхронных данных связано с неофициальными статусами и переходом из одного статуса в другой.

В рамках гипотезы о разном отражении в ретроспективных данных стабильной ситуации и изменений можно предположить, что если семейный статус респондента в исследуемый период не изменился, то соответствие лонгитюдных и ретроспективных данных будет выше, и наоборот. Изменения между 1993 и 1998 гг. по синхронным данным и ретроспективная оценка 1993 г. в 1998 г. подтверждают это

² Подробнее о проекте см. URL: <https://www.cessi.ru/g90s> (дата обращения: 17.09.2025).

предположение. Если семейное положение не изменилось, то коэффициент корреляции лонгитюдных и ретроспективных данных составляет 0,851, а если изменилось — 0,558 (оба коэффициента значимы на уровне 0,95). Уровень соответствия данных при неизменном статусе составил 87 %, при изменившемся — менее 50 %.

При анализе социально-демографических групп были обнаружены значимые различия в уровне соответствия лонгитюдных и ретроспективных данных о семейном статусе между мужчинами и женщинами: соответствие информации от мужчин выше, чем от женщин (92 % и 84 %). Возрастные различия, а также различия между группами с разным уровнем образования оказались статистически незначимы (см. табл. 1).

Таблица 1. Соответствие ретроспективных и синхронных данных о семейном и трудовом положении по социально-демографическим группам

	Уровень соответствия по вопросу о семейном положении (%)	Уровень соответствия по вопросу о занятости (%)
Всего	86	87
ПОЛ		
Мужчины	92	87
Женщины	84**	86
ВОЗРАСТ		
23—34	87	74**
35—44	87	92
45—54	87	92
55—64	87	81*
65 лет и старше	85	89
ОБРАЗОВАНИЕ		
Высшее	90**	89
Не высшее	86	86

** — статистическая значимость на уровне $p < 0,01$, * — на уровне $p < 0,05$.

Трудовое положение

Соответствие оценок трудового положения, объединенного в две широкие категории имеющих работу и не имеющих работу, между лонгитюдными и ретроспективными данными составило 87 %. Соответствие выше в отношении случаев, когда респонденты имели работу в 1993 г. (90 %), и ниже в отношении случаев, когда респонденты работу не имели (79 %).

В отличие от семейного положения, мужчины и женщины сходным образом отвечают на ретроспективный вопрос о трудовом положении — уровень соответствия лонгитюдным данным почти одинаков. Но ответы респондентов разных возрастных групп различаются: самое низкое соответствие наблюдается в оценках самых молодых респондентов 23—34 лет в 1998 г. (74 %) и в оценках респондентов 55—64 лет (81 %), в остальных группах уровень соответствия около 90 % (см. табл. 1). Образование оказывает некоторое влияние на точность данных о трудовом положении, хотя и не очень значительное: она выше в группе людей с высшим образованием.

Как и в отношении семейного положения, изменения, которые фиксируются с помощью синхронных данных 1993 и 1998 гг., связаны с уменьшением соответствия ретроспективных и синхронных данных (68 % по сравнению с 92 % при отсутствии изменений). При изменениях от занятости к незанятости уровень соответствия довольно высок (75 %), а при изменениях от незанятости к занятости — гораздо ниже (35 %). Респондентам труднее правильно указать переход, связанный с выходом на работу, чем с уходом с работы. Возможно, это происходит из-за разной значимости этих событий на жизненном пути или из-за других причин — более четких маркеров ухода с работы, большего количества сопутствующих или последующих событий после ухода, влияния на дальнейшую жизнь.

Субъективные показатели: ретроспективные и синхронные данные об удовлетворенности жизнью и ее отдельными сторонами

В опрос 1993 г. и каждый последующий до 1999 г. входили вопросы об удовлетворенности жизнью в целом («Насколько Вы удовлетворены жизнью в целом сейчас?», шкала от 1 до 10, где 1 — полностью неудовлетворен) и ее отдельными сторонами — социальными контактами, жилищными условиями, финансовым положением, работой. В 1998 г. респондентам Панели 1 задавался ретроспективный вопрос о том, что было пять лет назад, то есть в 1993 г. («Насколько Вы были удовлетворены своей жизнью в целом пять лет назад?»). На этих данных проведено сравнение средних (шкала от 1 до 10) на групповом уровне, оценка уровня соответствия (синхронные данные 1993 г. и ретроспективные 1998 г. о 1993 г.) и коэффициент корреляции Пирсона между этими оценками, определено направление различий — процент переоценки или недооценки.

Сравнение синхронных и ретроспективных данных о 1993 г. на уровне агрегированных средних показывает отличия в оценках в среднем на 0,4—0,9 пункта по десятибалльной шкале. В отношении удовлетворенности финансовым положением различия значительно больше (см. табл. 2). Соответствие средних значений удовлетворенности жизнью в целом и отдельными сферами жизни на уровне всей выборки в синхронной и ретроспективной оценке очень схоже: наиболее низкий уровень удовлетворенности — финансовым положением, наиболее высокий — социальными контактами и работой. Средняя оценка удовлетворенности жизнью ниже, чем по большинству отдельных сфер, за исключением финансов. Таким образом, на агрегированном уровне в ретроспективном методе средняя удовлетворенность жизнью в целом и удовлетворенность отдельными сферами жизни несколько переоцениваются по сравнению с лонгитюдным синхронным методом, но положение показателей относительно друг друга сходно.

На индивидуальном уровне статистическая линейная связь синхронных и ретроспективных оценок (коэффициент корреляции) по большинству вопросов об удовлетворенности низкая, хотя и статистически значима (см. табл. 2). Самая слабая связь — в вопросе об удовлетворенности социальными контактами, самая высокая — в вопросе о жилищных условиях. Анализ конфигурации синхронных и ретроспективных ответов показал, что они связаны не линейно, но разнонаправленно флуктуируют вокруг индивидуального среднего значения. Чтобы учесть влияние таких флуктуаций на оценку связи переменных, подсчитано соответствие

синхронных и ретроспективных оценок при пороге в плюс-минус два пункта. Соответствие составляет в среднем 60 % по всем вопросам, ниже только в отношении удовлетворенности финансовым положением (47 %).

Таблица 2. Лонгитюдные (синхронные) и ретроспективные данные (1993 г. и 1998 г. о 1993 г.)

	Удовлетворенность в целом	Удовлетворенность социальными контактами	Удовлетворенность жилищными условиями	Удовлетворенность финансовым положением	Удовлетворенность работой
Синхронные данные 1993 г.: среднее значение по выборке (mean) 1993 г. (шкала от 1 до 10)	5,0	7,0	5,5	2,8	6,1
Ретроспективные данные 1998 о 1993 г.: среднее значение (mean)	5,9	7,6	5,9	5,0	6,7
Синхронные данные 1998 г.: среднее значение по выборке (mean) 1998 г.	3,9	6,9	6,0	2,8	6,0
Коэфф. корреляции ретроспективных и синхронных данных (1993 и 1998 о 1993) и уровень стат. значимости	0,176**	0,108**	0,434**	0,183**	0,203**
Доля соответствия (% совпадений ответов в пределах ± 2 пункта)	58	58	61	47	58
Преуменьшение в ретро-вопросе по сравнению с синхронным (%)	13	14	17	5	16
Преувеличение в ретро-вопросе по сравнению с синхронным (%)	29	26	22	48	25
Количество кейсов в подсчетах N (респондентов)	1846	1750	1809	1751	1102

Примечание. ** — статистическая значимость $p < 0,01$, * — $p < 0,05$.

Преуменьшение и преувеличение: на три пункта или больше по шкале от 1 до 10.

База: респонденты, которые участвовали в опросе в 1993 и 1998 гг. и дали содержательный ответ (не отказались или затруднились ответить на вопрос) по соответствующим вопросам.

Для анализа причин несовпадения ретроспективных и лонгитюдных (синхронных) оценок удовлетворенности предполагается проверить три гипотезы: гипотезу идеализации, гипотезу сравнения и гипотезу контекста. *Первая гипотеза* говорит о том,

что люди склонны видеть прошлое лучше, чем оно было на самом деле, — идеализировать его. В этом случае несоответствие оценок должно быть больше в сторону преувеличения по всем или почти всем переменным — сферам жизни. В гипотезе об учете произошедших изменений предполагается, что оценка удовлетворенности в прошлом зависит от представлений о произошедших изменениях, респонденты пользуются методом подсчета (дельта от текущего уровня) для выведения ретроспективной оценки. Если респонденты считают, что произошли позитивные изменения, то уровень удовлетворенности в прошлом оценивается ниже текущего, и наоборот. В этом случае мы ожидаем увидеть различия в уровне соответствия ретроспективных и синхронных оценок в отношении разных сфер жизни. Третья гипотеза говорит о *воздействии нынешнего социального контекста*, коллективной памяти и средств массовой информации на восприятие событий прошлого через механизм социального давления. Так как начало 1990-х годов сегодня воспринимается как трагический, страшный и полный материальных лишений период, то можно предположить, что все ретроспективные оценки будут занижены, особенно в сферах, которые чаще обсуждаются, в частности в отношении материального положения.

Для проверки гипотез подсчитана доля преувеличений и преуменьшений в оценках (см. табл. 2). Почти по всем показателям ретроспективная оценка удовлетворенности либо соответствует, либо преувеличена по отношению к синхронным. Исключение составляет удовлетворенность жилищными условиями — респонденты и преувеличивают, и преуменьшают свои оценки в прошлом почти в одинаковой степени. В отношении удовлетворенности жизнью в целом, социальными контактами и работой преувеличение оценок встречается почти в два раза чаще, чем преуменьшение. Говоря об удовлетворенности финансовым положением, почти половина респондентов преувеличили свою удовлетворенность в прошлом. Таким образом, более вероятной выглядит гипотеза об идеализации прошлого — ретроспективные оценки смещены в сторону преувеличения, и это направление смещений одинаково почти по всем вопросам (сферам). Гипотезы учета изменений и социального контекста не нашли подтверждения на этих данных.

Факторы, влияющие на качество ретроспективных данных

Среди факторов, которые могут быть связаны с качеством ретроспективных данных, мы предполагаем проверить влияние возраста, образования, происходящих изменений в оцениваемом интервале времени и временной дистанции между событием и опросом (оценкой).

Возраст может выступать значимым фактором для качества ретроспективных данных. Но также важно ответить на вопрос, о людях каких возрастных групп можно получить самые надежные ретроспективные данные. Сравнение коэффициентов корреляции синхронных и ретроспективных данных (1993 г. и 1998 о 1993) для пяти возрастных групп показывает, что различия в корреляционных связях не очень велики (см. табл. 3). Оценки удовлетворенности социальными контактами, жилищными условиями и финансами между возрастными группами различаются мало. В отношении удовлетворенности жизнью в целом и удовлетворенности работой соответствие оценок у респондентов старшей возрастной группы (55 лет и старше) несколько ниже, чем в более молодых группах.

Отражение стабильности и изменений в оценках

Лонгитюдные данные показывают небольшой уровень изменений в удовлетворенности всеми сферами жизни и жизнью в целом между 1993 и 1998 гг. (см. табл. 2) — на 0,5 пункта изменилась удовлетворенность жилищными условиями и почти не изменилась по остальным сферам жизни. Самые большие изменения произошли с оценкой удовлетворенности жизнью в целом (–1,1 пункта). Анализ корреляций и уровня соответствия показывает, что при небольших изменениях ретроспективные данные значительно ближе синхронным, чем при изменениях среднего масштаба (3—4 пункта) или больших (5 пунктов и больше), и это верно для всех изучаемых показателей (см. табл. 3). Но при изменениях среднего масштаба направление (низкий или высокий уровень удовлетворенности) совпадает с оценками лонгитюдных данных, при больших изменениях не соответствует не только величина, но и направление оценки, что видно по отрицательному знаку в коэффициенте корреляции.

Таблица 3. Соотношение лонгитюдных (синхронных) и ретроспективных данных по возрастным группам и группам с разным масштабом изменений

	Удовлетворенность жизнью в целом		Удовлетворенность социальными контактами		Удовлетворенность жилищными условиями		Удовлетворенность финансовым положением		Удовлетворенность работой	
	Корреляция	Уровень соответствия (%)	Корреляция	Уровень соответствия (%)	Корреляция	Уровень соответствия (%)	Корреляция	Уровень соответствия (%)	Корреляция	Уровень соответствия (%)
Возраст респондента на момент ретроспективного опроса										
23—34	0,189**	60	0,207**	63	0,328**	58	0,149*	48	0,299**	63
35—44	0,096*	58	0,075	60	0,440**	64	0,125**	46	0,135**	55
45—54	0,084	58	0,089	58	0,482**	65	0,237**	42	0,182**	57
55—64	0,285**	60	0,112	61	0,409**	58	0,147**	47	0,263**	63
65 и старше	0,200**	55	0,09	50	0,320**	59	0,266**	53	0,219	33
Изменения (дельта синхронных данных 1993 и 1998 гг.)										
Не было изменений или небольшие (± 2 пункта)	0,374**	63	0,595**	85	0,824**	91	0,347**	51	0,503**	79
Изменения среднего масштаба (3—4 пункта)	0,095*	59	–0,004	32	0,244**	19	–0,157**	42	0,184**	40
Большие изменения (5 пунктов и больше)	–0,190**	39	–0,636**	13	–0,328**	19	–0,379**	27	–0,295**	24

Примечание: ** — статистическая значимость $p < 0,01$, * — $p < 0,05$.

База: респонденты, которые участвовали в опросе в 1993 и 1998 гг. и дали содержательный ответ (не отказались или затруднились ответить на вопрос) по соответствующим вопросам.

Временная дистанция

Чтобы проверить предположение, что временная дистанция между событием и опросом влияет на соответствие лонгитюдных и ретроспективных данных, и ответить на вопрос, насколько о «далеком» прошлом имеет смысл спрашивать в ретроспективном опросе, используются данные новой волны исследования «РУС-СЕТ через 30 лет» 2024 г. Респондентам из возрастной когорты 1950—1974 гг. был задан ретроспективный вопрос «Попробуйте вспомнить, насколько Вы были удовлетворены Вашей жизнью в целом в 1993 г. (Панель 1) / 1997 г. (Панель 2)». Размер выборки в этой волне опроса небольшой — 124 респондента, поэтому результаты могут рассматриваться как пилотные и требуют дальнейшей проверки.

Средние значения ретроспективных оценок удовлетворенности на 30-летнем интервале более далеки от синхронных данных, чем на пятилетнем интервале. Ретроспективная оценка удовлетворенности жизнью в целом хотя и преувеличена, но лишь немногим больше (0,4 пункта), чем на пятилетнем интервале, и в целом верно отражает направление. В отношении оценки удовлетворенности разными сферами жизни ретроспективные данные на 30-летнем интервале преувеличены еще значительно, чем на пятилетнем. Однако предположение, что со временем детали стираются из памяти, и остается только общее впечатление, не подтвердилось. Разные сферы жизни хорошо дифференцированы, порядок их оценок сохраняется таким же, как в синхронных данных. Интересное исключение составляет удовлетворенность финансовым положением. Ретроспективные оценки на пятилетней дистанции довольно далеки от синхронных, но на 30-летнем интервале почти повторяют первые ретроспективные данные.

Таблица 4. Ретроспективные данные разной временной дистанции
(1998 г. о 1993 г. и 2024 г. о 1993 г.)

	Удовлетворенность жизнью в целом	Удовлетворенность социальными контактами	Удовлетворенность жилищными условиями	Удовлетворенность финансовым положением	Удовлетворенность работой
Синхронные данные 1993/1997 гг. вместе: среднее значение (mean)	5,4	7,2	5,4	2,9	6,0
Ретроспективные данные пятилетний интервал: среднее значение (mean) 1998 г. о 1993 г. для участников опроса 1993, 1998 и 2024 гг.	5,6	7,1	5,5	4,6	6,3
Ретроспективные данные 30-летний интервал: среднее значение (mean) 2024 г. о 1993/1997 гг.	6,0	8,1	6,8	4,6	8,2

	Удовлетворенность жизнью в целом	Удовлетворенность социальными контактами	Удовлетворенность жилищными условиями	Удовлетворенность финансовым положением	Удовлетворенность работой
Коэфф. корреляции ретроспективных и синхронных данных 30-летний интервал	0,137	0,031	0,125	0,172	0,128
Уровень соответствия оценок 30-летний интервал (± 2 пункта)	49	56	44	56	57
Преувеличение ретро-оценок (% тех, кто в ретро-данных назвал большее значение, чем в синхронных, на три пункта или больше)	30	29	37	40	41
Преуменьшение ретро-оценок (% тех, кто в ретро-данных назвал меньшее значение, чем в синхронных, на три пункта или больше)	21	15	19	4	2
N	102	107	114	111	44

База: респонденты, которые участвовали в опросе в 1993/1997 гг. (Панель 1 или Панель 2) и 2024 г. и дали содержательный ответ (не отказались и не затруднились ответить) по соответствующим вопросам.

Все коэффициенты корреляции статистически не значимы (влияние размера выборки).

Преуменьшение и преувеличение: на три пункта или больше по шкале от 1 до 10.

Коэффициенты корреляции синхронных и лонгитюдных данных на 30-летнем интервале низкие по всем параметрам. Коэффициент соответствия данных находится на среднем уровне 0,5 — чуть ниже в отношении удовлетворенности жизнью в целом и финансовым положением и выше по всем другим сферам жизни. Доля преувеличивших удовлетворенность в 1993 г. на 30-летнем интервале значительно выше, чем доля преуменьшивших, основное направление рассогласования синхронных и ретроспективных данных — преувеличение. С увеличением временной дистанции от изучаемого события идеализация прошлого усиливается. Хотя в отношении материального положения есть основания говорить о возможном проявлении гипотезы социального контекста.

Заключение. Могут ли ретроспективные данные заменить лонгитюдные — перспективы использования

Отвечая на самый общий вопрос о том, можно ли заменить лонгитюдные опросы более экономными по времени и ресурсам ретроспективными, ответ определенно

отрицательный. Однако признать ретроспективные данные бесполезными также нельзя. Эмпирическая проверка позволила определить величину различий синхронных и ретроспективных данных и их направление для вопросов разного типа. При анализе фактологических данных на примере семейного и трудового положения было обнаружено, что на временном интервале в пять лет ретроспективные оценки позволяют получить верную информацию (соответствующую синхронным) в 80—90% случаев. В вопросах об удовлетворенности жизнью в целом и ее отдельными сферами доля оценок, которые соответствуют синхронным данным и верно отражают расположение и дистанцию разных сфер жизни по отношению друг другу, составляет на пятилетнем интервале около 60%, на 30-летнем — около 50%.

Из нескольких гипотез о механизме воспроизводства ретроспективных субъективных оценок — гипотезы идеализации прошлого, гипотезы учета изменений и гипотезы социального контекста — наиболее вероятной на сегодняшний день выглядит гипотеза идеализации прошлого. По всем сферам жизни ретроспективные оценки не совпадали с синхронными в большинстве случаев в сторону преувеличения удовлетворенности в прошлом. На коротких временных интервалах (пять лет) идеализация была отмечена по всем сферам, но ее величина была не очень велика, на длинных интервалах (30 лет) по большинству показателей она оказалась очень существенной. Нельзя исключать, что механизм формирования ретроспективных оценок не одинаковый для субъективных данных разного типа и будет отличаться в вопросах об установках, ценностях, личностных характеристиках. Можно предположить, что при оценке прошлого происходит синергетический социально-психологический процесс, который включает все описанные механизмы, при этом они могут действовать как однонаправленно, так и разнонаправленно. Однако оценить такое воздействие на имеющихся данных пока не представляется возможным.

Результаты исследования говорят о том, что причины неточности ретроспективной информации в фактологических («объективных») и субъективных данных могут различаться, а значит, и методы по минимизации таких неточностей должны быть разными. В фактологических данных помимо статуса, который изучался в этом проекте, отдельной проверки требует надежность данных о поведении, на которые помимо памяти и контекста могут влиять факторы социального давления и норм. Пока мало экспериментально подтвержденной информации о ретроспективных данных в отношении установок и ценностей. Оценки таких глубоко интернализованных структур с высокой временной устойчивостью должны быть в меньшей степени подвержены влиянию проблем с памятью. Однако важную роль могут играть ошибки, связанные с методом и стилем ответа, а также психологические механизмы поддержания целостного представления о своей личности, сознательной или бессознательной корректировке информации о прошлом исходя из нынешних представлений о себе. В целом анализ ретроспективных вопросов и исследований позволяет глубже понять механизм производства информации в формализованных массовых опросах в целом и разрабатывать новые методы улучшения качества информации, полученной в опросах.

Предположения о том, что ошибки или смещения в ретроспективных данных могут быть связаны с характеристиками респондентов, не получили подтверждения. Различия в качестве данных между гендерными, возрастными и образо-

вательными группами хотя и существуют, но, наиболее вероятно, связаны с другими факторами.

Наибольшая проблема в том, что «ошибки» ретроспективных данных не случайны, но связаны с изменениями. В фактологических данных наибольшее количество несоответствий в ретроспективных и синхронных данных было обнаружено при изменении реального статуса, а также в промежуточных, неопределенных, официально неподтвержденных статусах. Хотя наиболее очевидным объяснением служат ошибки памяти — точных дат перехода из одного состояния в другое, нельзя исключать и влияние контекста, перенесения подтвержденного в будущем статуса на прошлое. Например, если во время ретроспективной оценки гражданский брак закончился официальным, то прошлый статус может описываться как «брак», а если официальный брак не был заключен, то верно отмечается как «гражданский брак». В вопросах об удовлетворенности жизнью и ее отдельными сферами влияние изменений также оказалось довольно велико. При небольших изменениях или отсутствии изменений ретроспективные оценки были очень близки синхронным. Когда происходили изменения среднего масштаба, верно оценивалось их направление, но не величина. При больших изменениях ретроспективные оценки принципиально расходились с синхронными данными. В этом проявляется самая большая слабость ретроспективных оценок по сравнению лонгитюдными — они приводят к существенной недооценке изменений или неверной интерпретации изменений.

В целом ретроспективный метод изучения индивидуальной истории, отдельных аспектов жизненного пути или динамики субъективных показателей имеет немалый потенциал. Такой метод позволяет восполнить пробелы в лонгитюдных данных, восстановить логику событий, приблизиться к пониманию причин изменений. Когда ретроспективный метод используется как самостоятельный — в виде «календаря» жизни, семейно-брачной, трудовой истории, последовательное изложение событий помогает снизить ошибки памяти. Качество фактологической информации, которая чаще всего включается в такие исследования, довольно высокое, особенно если измеряется в широких категориях и используются специальные подходы к измерению «переходных» категорий. В отношении субъективных оценок уровень точности гораздо ниже, но можно восстановить общее направление и соотношение разных аспектов между собой, при учете склонности к преувеличениям оценок, особенно на длинных временных дистанциях.

Целью анализа было прямое сравнение синхронных лонгитюдных и ретроспективных методов оценок. Однако в исследовательской практике эти методы далеко не всегда так четко разделены. Во многие лонгитюдные опросы включаются отдельные ретроспективные вопросы. Опросы, реализованные ретроспективным методом, также почти всегда включают хотя бы часть вопросов о настоящем — синхронных. Хотя ретроспективные исследования не могут заменить лонгитюдные, они могут служить хорошим дополнением и важным инструментом изучения изменений на индивидуальном и групповом уровне. Ретроспективные опросы эффективны при реконструкции последовательности жизненных событий и построении календаря жизни или чтобы заполнить пробелы в информации между волнами лонгитюдного исследования. Однако они не позволяют в полной мере решить задачу оценки социальных изменений, чаще всего серьезно их недооценивают.

Список литературы (References)

1. Алмакаева А. М., Гашенина Н. В. Субъективное благополучие: концептуализация, измерение и российская специфика // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 4—13. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.01>.
Almakaeva A. M., Gashenina N. V. (2020) Subjective Well-Being: Conceptualization, Assessment and Russian Specifics. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 4—13. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.01>. (In Russ.)
2. Андреевкова А. В. Изучение жизненного пути методом автобиографий (опыт методического тестирования) // Социологические исследования. 2025. № 7. С. 53—66.
Andreenkova A. V. (2025) Studying the Life Course via Autobiographies (Methodological Testing). *Sociological Studies*. No. 7. P. 53—66. (In Russ.)
3. Андреевкова А. В. Исследования жизненного пути — концептуальные и методологические подходы и решения // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12. № 1. С. 6—24. <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.1>.
Andreenkova A. V. (2024) Life Course Studies — Conceptual and Methodological Approaches and Solution. *Sociologicheskaja Nauka i Social'naja Praktika*. Vol. 12. No. 1. P. 6—24. <https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.1.1>. (In Russ.)
4. Рождественская Е. Ю. Биографический метод в социологии. М.: ИД ВШЭ, 2012.
Rozhdestvenskaya E. Yu. (2012) *Biographical Method in Sociology*. Moscow: HSE. (In Russ.)
5. Alwin D. F., Cohen R. L., Newcomb T. M. (1991) *Political Attitudes Over the Life Span: The Bennington Women after Fifty Years*. Madison, WI: University of Wisconsin Press.
6. Auriat N. (1991) Who Forgets? An Analysis of Memory Effects in a Retrospective Survey on Migration History. *European Journal of Population*. Vol. 4. No. 7. P. 311—42. <https://doi.org/10.1007/BF01796872>.
7. Assaad R., Krafft C., Yassin S. (2018) Comparing Retrospective and Panel Data Collection Methods to Assess Labor Market Dynamics. *Journal of Development and Migration*. No. 8. Art. 17. <https://doi.org/10.1186/s40176-018-0125-7>.
8. Bound J., Brown C., Mathiowetz N. (2001) Measurement Error in Survey Data. In: Heckman J. J., Leamer E. (eds) *Handbook of Econometrics*. Vol. 5. Amsterdam: Elsevier. P. 3705—843. [https://doi.org/10.1016/S1573-4412\(01\)05012-7](https://doi.org/10.1016/S1573-4412(01)05012-7).
9. Coughlin S. (1990) Recall Bias in Epidemiologic Studies. *Journal of Clinical Epidemiology*. Vol. 43. No. 1. P. 87—91.
10. Jacobs S. (2002) Reliability and Recall of Unemployment Events Using Retrospective Data. *Work, Employment and Society*. Vol. 16. No. 3. P. 537—548. <https://doi.org/10.1177/095001702762217489>.

11. Jaspers E., Lubbers M., Graaf de N. D. (2009) Measuring Once Twice: An Evaluation of Recalling Attitudes in Survey Research. *European Sociological Review*. Vol. 25. No. 3. P. 287—301. <https://doi.org/10.1093/esr/jcn048>.
12. Joslyn M. R. (2003) The Determinants and Consequences of Recall Error about Gulf War Preferences. *Political Science*. Vol. 47. No. 3. P. 440—452. <https://doi.org/10.1111/1540-5907.00032>.
13. Juerges H. (2007) Unemployment, Life Satisfaction, and Retrospective Error. *Journal of the Royal Statistical Society*. Vol. 170. No. 1. P. 43—61.
14. Hipp L., Bünning M., Munnes S., Sauermann A. (2020) Problems and Pitfalls of Retrospective Survey Questions in COVID-19 Studies. *Survey Research Methods*. Vol. 14. No. 2. P. 109—114. <https://doi.org/10.18148/srm/2020.v14i2.7741>.
15. Kennickell A., Starr-McCluer M. (1997) Household Saving and Portfolio Change: Evidence from the 1983—1989 SCF Panel. *Review of Income and Wealth*. Vol. 43. No. 4. P. 381—399. <http://dx.doi.org/10.1111/j.1475-4991.1997.tb00232.x>.
16. Klemm M. (2021) Well-being Changes from Year to Year: A Comparison of Current, Remembered and Predicted Life Satisfaction? *Journal of Happiness Studies*. No. 23. P. 1669—1681. <https://doi.org/10.1007/s10902-021-00468-0>.
17. Mathiowetz N. A., Duncan G. J. (1988) Out of Work, Out of Mind: Response Errors in Retrospective Reports of Unemployment. *Journal of Business and Economic Statistics*. Vol. 6. No. 2. P. 221—229. <https://doi.org/10.2307/1391559>.
18. Means B., Nigam A., Zarrow M., Loftus E., Donaldson M. (1989) Autobiographical Memory for Health Related Events. Vital and Health Statistics. Series 6. No. 2. Maryland, MD: National Center for Health Statistics.
19. Niemi R., Katz R., Newman D. (1980). Reconstructing past Partisanship: The Failure of the Party Identification Recall Questions. *American Journal of Political Science*. No. 24. P. 633—651.
20. Peters E. (1988) Retrospective Versus Panel Data in Analyzing Lifecycle Events. *Journal of Human Resources*. Vol. 23. No. 4. P. 488—513.
21. Pina Sánchez J., Koskinen J., Plewis I. (2014) Measurement Error in Retrospective Work Histories. *Survey Research Methods*. Vol. 8. No. 1. P. 43—55. <https://doi.org/10.18148/srm/2014.v8i1.5144>.
22. Prati A., Senik C. (2020) Feeling Good or Feeling Better? *IZA Discussion Paper Series*. DP No. 13166. Bonn: IZA — Institute of Labor Economics. URL: <https://docs.iza.org/dp13166.pdf> (дата обращения: 07.02.2026).
23. Pyy-Martikainen M., Rendtel U. (2009) Measurement Errors in Retrospective Reports of Event Histories: A Validation Study with Finnish Register Data. *Survey Research Methods*. Vol. 3. No. 3. P. 139—155. <https://doi.org/10.18148/srm/2009.v3i3.2372>.

24. Schnell R. (2019) *Survey-Interviews: Methoden Standardisierter Befragungen*. Wiesbaden: Springer.
25. Schmier J. K., Halpern M. T. (2004) Patient Recall and Recall Bias of Health State and Health Status. *Expert Review of Pharmacoeconomics & Outcomes Research*. Vol. 4. No. 2. P. 159—163. <https://doi.org/10.1586/14737167.4.2.159>.
26. Smith T. E. (1984) Recalling Attitudes: Analysis of Retrospective Questions on the 1982 GSS. *The Public Opinion Quarterly*. Vol. 48. No. 3. P. 639—649.

DOI: [10.14515/monitoring.2026.1.3210](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3210)

З. Е. Дорофеева, П. М. Козырева, М. С. Косолапов, Е. И. Тонис

**РОССИЙСКИЙ МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
ПОЛОЖЕНИЯ И ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ НИУ ВШЭ:
ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИИ, ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ,
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ**

Правильная ссылка на статью:

Дорофеева З. Е., Козырева П. М., Косолапов М. С., Тонис Е. И. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ: особенности методологии, принципы организации, исследовательские возможности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 1. С. 40—64. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3210>.

For citation:

Dorofeeva Z. E., Kozyreva P. M., Kosolapov M. S., Tonis E. I. (2026) Russian Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics (RLMS-HSE): Methodological Features, Organizational Principles, Research Opportunities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 40—64. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3210>. (In Russ.)

Получено: 03.12.2025. Принято к публикации: 12.01.2026.

РОССИЙСКИЙ МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ НИУ ВШЭ: ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИИ, ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

RUSSIAN LONGITUDINAL MONITORING SURVEY — HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS (RLMS-HSE): METHODOLOGICAL FEATURES, ORGANIZATIONAL PRINCIPLES, RESEARCH OPPORTUNITIES

ДОРОФЕЕВА Злата Евгеньевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра лонгитюдных обследований Института социальной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; старший научный сотрудник Центра исследования адаптационных процессов в меняющемся обществе, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-MAIL: zdorofeeva@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2099-624X>

Zlata E. DOROFEEVA^{1,2} — Cand. Sci. (Soc.), Research Fellow, Centre for Longitudinal Studies of Institute for Social Policy; Senior Research Fellow, Center for the Study of Adaptation Processes in a Changing Society

E-MAIL: zdorofeeva@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0003-2099-624X>

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна — доктор социологических наук, заместитель директора по научной работе, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия; заведующая Центром лонгитюдных обследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: pkozyreva@isras.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3034-8521>

Polina M. KOZYREVA^{2,1} — Dr. Sci. (Soc.), Deputy Director for Research; Head of Centre for Longitudinal Studies

E-MAIL: pkozyreva@isras.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3034-8521>

КОСОЛАПОВ Михаил Самуилович — кандидат философских наук, руководитель Центра методологии социологических исследований, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-MAIL: mkosolapov@isras.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0314-9372>

Mikhail S. KOSOLAPOV² — Cand. Sci. (Philos.), Head of Center for Sociological Research Methodology

E-MAIL: mkosolapov@isras.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0314-9372>

ТОНИС Елена Игоревна — научный сотрудник Центра исследования адаптационных процессов в меняющемся обществе, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-MAIL: ea163100@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0006-5569-7927>

Elena I. TONIS² — Research Fellow, Center for the Study of Adaptation Processes in a Changing Society

E-MAIL: ea163100@mail.ru

<https://orcid.org/0009-0006-5569-7927>

¹ HSE University, Moscow, Russia

² Institute of Sociology of the FCTAS RAS, Moscow, Russia

Аннотация. Статья посвящена специфике методологии, принципам организации и исследовательским возможностям Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. Описаны структура выборки, ее дизайн, динамика размера, в том числе связанная с увеличением и уменьшением выборки. Особое внимание уделено особенностям формирования панельной части выборки, в частности вопросу выбывания респондентов в ходе проведения обследования в течение 30 лет. Показано, что механизмы этого процесса неслучайны, систематически одни группы покидают панель активнее, чем другие. Например, доля мужчин, выбывающих из исследования, стабильно выше, чем доля женщин. Возраст также является значимым фактором — полнее всего «сохранилась» в выборке возрастная группа тех респондентов, кому в 1994 г. было от 31 до 45 лет. Также среди тех, кто принимает участие в обследовании 25 лет и более, с большей вероятностью оказываются жители сел. В качестве примера для борьбы со смещением выборки рассматривается один из наиболее распространенных и доступных методов — взвешивание данных. При этом контроль выборочных ошибок РМЭЗ НИУ ВШЭ показывает, что в репрезентативных выборках каждой отдельной волны смещения достаточно незначительны. Приведенные в статье примеры исследований, использующих панельную составляющую данных, а также широкий набор социально-экономических показателей, показывают неисчерпаемые возможности РМЭЗ НИУ ВШЭ, в том числе в сфере междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: РМЭЗ НИУ ВШЭ, лонгитюдные обследования, репрезентативность данных, панельные данные, осыпание панели, смещение выборки

Abstract. The article examines the methodology, organizational principles, and research potential of the «Russian Longitudinal Monitoring Survey — HSE (RLMS-HSE)». It describes the sample structure, its design features, and size dynamics, including expansion and reduction of the sample. The article focuses on the formation of the pure panel part of the sample, with special emphasis on respondent attrition across the 30-year survey period. It is shown that the mechanisms of this process are not random; certain groups systematically leave the panel more actively than others. For instance, the proportion of men leaving the study is consistently higher than that of women. Another significant factor is age; the age group most "retained" in the sample consists of respondents who were between 31 and 45 years old in 1994. Rural residents are more likely to be among those participating in the survey for 25 years or longer. Weighting as one of the most common and accessible methods is considered as an example for correcting sample bias. Meanwhile, the analysis of sampling errors in RLMS-HSE shows that bias in representative samples of each consecutive round is minor. The article presents examples of studies using the panel component of the data along with the broad set of socio-economic indicators and demonstrate the extensive potential of RLMS-HSE, including its applications in the field if interdisciplinary research.

Keywords: RLMS-HSE, longitudinal surveys, data representatives, panel data, panel attrition, sample bias

Благодарность. В статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Acknowledgments. This article presents results of several research projects implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Введение

Лонгитюдные исследования занимают особое место в методологии целого ряда наук — социологии, экономики, психологии, эпидемиологии и других, существенно расширяя возможности познания тех или иных явлений. Методологический подход, применяемый в лонгитюдных исследованиях, предполагает изучение одних и тех же объектов (например, индивидов или домохозяйств) в течение времени. В отличие от повторяющихся кросс-секционных исследований, в которых фиксируются статичные показатели объекта в определенный момент, лонгитюдные исследования дают возможность отслеживать динамику, устанавливать закономерности во времени, а также получать более обоснованные выводы о причинно-следственных связях различных явлений. Несмотря на значительные сложности (высокая стоимость, необходимость долгосрочного стабильного финансирования и организации, проблема «осыпания» выборки), лонгитюдные исследования остаются «золотым стандартом» для проверки гипотез о развитии и изменениях, а их результаты имеют существенную практическую значимость, формируя надежную верифицируемую доказательную базу как для теоретических моделей, так и для принятия практических решений.

Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения, проводимый ежегодно с 1994 г. (за исключением 1997 и 1999 гг.), представляет собой лонгитюдное обследование на базе вероятностной стратифицированной многоступенчатой территориальной выборки. Такая структура выборки позволяет одновременно обеспечивать репрезентативность исследуемой совокупности в каждой отдельной волне и возможность проведения панельного анализа. Особенности формирования выборки во многом обусловлены длительным характером исследования и его лонгитюдной природой. В качестве единиц отбора выступают не конкретные домохозяйства, а жилища, в которых они проживают на момент обследования [Kozyreva, Kosolapov, Popkin, 2016]. В случае проживания нескольких домохозяйств в одном жилище на момент первого опроса интервьюер, согласно специальной инструкции, случайным образом отбирает лишь одно из них для участия в обследовании.

Изначальный размер выборки был установлен на уровне 4 000 домохозяйств, в которых было опрошено более 11 000 индивидов. В 2006 г. во всех регионах выборка была дополнена новыми адресами (см. рис. 1) для компенсации потерь из-за недостижимости и дополнения выборки новыми жилищами, построенными в период с 1994 г. по 2006 г. В 2010 г. финансирование обследования полностью взял на себя Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», проект получил новое название — Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE), а размер выбор-

ки увеличился в полтора раза — до 6000 домохозяйств. Затем, в 2014 г., в связи с сокращением финансирования объем репрезентативной выборки был несколько сокращен: с 2014 г. до 2024 г. он составлял примерно 4800 домохозяйств.

Важно отметить, что дизайн выборки РМЭЗ НИУ ВШЭ обеспечивает репрезентативность данных обследования для Российской Федерации в целом, при этом регион как единица отбора отсутствует на всех ступенях многоступенчатого вероятностного отбора за исключением трех регионов (Москва, Московская область и Санкт-Петербург), доля которых в выборке изначально установлена равной доле каждого из этих регионов среди всего населения РФ. В связи с этим, а также в силу ограниченного объема наблюдений в каждом из регионов эти данные не могут быть репрезентативны для анализа на уровне какого-либо отдельного региона.

Рис. 1. Динамика числа опрошенных домохозяйств

Массив каждой волны (за исключением первой) состоит из информации о домохозяйствах и членах этих домохозяйств¹, которые проживают по отобранным в репрезентативную выборку адресам, и данных тех домохозяйств, которые ранее были опрошены² в составе репрезентативной выборки, но сменили место жительства к началу новой волны и в эту волну опрошены по новому адресу. Интервьюерам строго запрещено произвольно выбирать для опроса семьи, не проживающие по перечисленным в списке адресам. Если домохозяйство, опрошенное в обследовании ранее, разделяется на два или более, в массив опрошенных попадают все те домохозяйства из опрошенных ранее, в составе которых есть хотя бы один член ранее опрошенной семьи, а также все новые члены семьи, ко-

¹ Домохозяйство (семья) определяется как люди, проживающие совместно и имеющие общие доходы и расходы.

² Домохозяйство считается ранее участвовавшим, если в нем есть хотя бы один опрошенный ранее человек.

торые, возможно, присоединились к этим домохозяйствам после раздела. Домохозяйства, проживающие по адресам репрезентативной выборки, остаются в репрезентативной выборке. Те, кто переехал на новый адрес, опрашиваются на новом адресе вне репрезентативной выборки. Один и тот же человек не может быть опрошен в разных домохозяйствах в рамках одной волны.

Правила в отношении переехавших семей сформировались не сразу: в волнах 1995 и 1996 гг. их опрос осуществлялся экспериментально в большинстве регионов, а начиная с 1998 г. были введены четкие инструкции по поиску переехавших семей. Доля переехавших и разделившихся домохозяйств постепенно росла и в 2002 г. превысила четверть от общего числа, после чего оставалась достаточно стабильной, не превышая порога 32%. Несмотря на то что новые адреса таких домохозяйств не входят в репрезентативную выборку, они легитимны для включения в панельный анализ.

На вопросы семейной анкеты отвечает человек, которому лучше других известны дела и заботы семьи, ее доходы и расходы. Индивидуальные вопросники адресованы всем членам домохозяйства: респондентам 14 лет и старше задают вопросы из анкеты для взрослых, на вопросы анкеты для детей отвечает только взрослый член семьи — тот, который в основном ухаживает за этим ребенком и знает о нем все. Базовая информация обо всех членах домохозяйства (имя³, пол, дата рождения⁴, родственные связи) фиксируется в семейной анкете; в случае невозможности по каким-либо причинам опросить кого-либо из проживающих по данному адресу в карточке домохозяйства отмечается причина отсутствия индивидуального вопросника. Заполнение индивидуального вопросника для взрослых членов домохозяйства со слов других членов семьи, как и передача анкет респонденту для последующего самостоятельного ее заполнения, запрещено. По возможности интервью проводится интервьюером наедине с респондентом, однако жилищная и семейная ситуация не всегда позволяют найти место и время для общения респондента и интервьюера без присутствия других людей. По завершении беседы интервьюер фиксирует ситуацию прохождения интервью. Данные показывают, что присутствие нечленов домохозяйства отмечается редко (0,7—3,3%), а ситуации, когда хотя бы некоторое время присутствовал кто-то еще из членов домохозяйства, распространены достаточно широко — такое происходит примерно в половине случаев. Однако в последние годы этот показатель постепенно снижается: в 2024 г. таких случаев было 35,1%. Эта информация может быть важна для исследователей, например, при анализе ответов на сенситивные вопросы.

График динамики опрошенных респондентов повторяет тренд по домохозяйствам (см. рис. 2). Средняя доля опрошенных респондентов внутри домохозяйств составляет 96%.

³ Поскольку исследование носит анонимный характер, фиксируемые в бланке домохозяйства имя и отчества респондентов не распространяются в данных, сбор этой информации необходим только для идентификации респондентов во время следующих визитов интервьюера.

⁴ В целях анонимности публикуемые файлы данных не содержат информацию о дне и месяце рождения респондентов, исключение сделано только для респондентов до 14 лет: по ним предоставляется информация о месяце рождения, поскольку для ряда исследовательских задач это может играть важную роль.

Рис. 2. Динамика числа опрошенных респондентов

Продолжительность участия в обследовании и «осыпание» панели

Из опрошенных в 2024 г. 8,7 % домохозяйств и 4,7 % индивидов приняли участие во всех 29 волнах обследования. При этом, как видно из таблицы 1, порядка 70 % домохозяйств и 60 % индивидов участвовали в десяти и более волнах.

Таблица 1. Уровень и продолжительность участия домохозяйств и индивидов в обследовании (1994—2024 гг.), включая разделившиеся и переехавшие домохозяйства

Количество волн	Индивиды			Домохозяйства		
	%	С накоплением по волнам		%	С накоплением по волнам	
		%	Количество		%	Количество
Все 29 волн	4,7	4,7	788	8,7	8,7	579
28 волн	1,8	6,5	1098	3,2	11,9	792
27 волн	1,5	8,0	1343	2,3	14,2	948
26 волн	1,7	9,6	1624	2,5	16,7	1118
25 волн	1,6	11,2	1892	2,1	18,8	1255
24 волн	1,4	12,6	2126	1,9	20,7	1384
23 волн	1,3	13,9	2345	1,7	22,5	1500
22 волн	1,3	15,2	2567	1,6	24,0	1606
21 волна	1,4	16,6	2796	1,6	25,7	1715
20 волн	1,0	17,6	2972	1,2	26,9	1795
19 волн	3,5	21,1	3564	4,6	31,5	2103
18 волн	2,1	23,2	3920	2,0	33,5	2239
17 волн	1,9	25,1	4238	1,9	35,4	2367
16 волн	1,7	26,8	4523	1,6	37,0	2471
15 волн	5,7	32,5	5491	6,7	43,7	2921
14 волн	6,4	38,9	6567	7,1	50,8	3394
13 волн	5,6	44,5	7505	6,1	57,0	3804

Количество волн	Индивиды			Домохозяйства		
	%	С накоплением по волнам		%	С накоплением по волнам	
		%	Количество		%	Количество
12 волн	5,9	50,4	8507	5,4	62,4	4166
11 волн	4,2	54,5	9209	3,3	65,7	4385
10 волн	5,0	59,5	10050	4,2	69,8	4663
9 волн	4,0	63,5	10724	2,7	72,5	4840
8 волн	3,4	67,0	11306	2,7	75,2	5023
7 волн	3,7	70,7	11939	2,7	77,9	5205
6 волн	3,5	74,2	12525	2,5	80,4	5372
5 волн	4,0	78,2	13202	3,3	83,8	5594
4 волн	3,6	81,8	13813	2,7	86,5	5775
3 волн	6,8	88,6	14961	4,8	91,3	6097
2 волн	3,8	92,4	15607	2,5	93,8	6265
1 волна	7,6	100	16882	6,2	100	6679

Нередко задачи лонгитюдного анализа предполагают фиксацию показателей в двух временных точках, например, соседних волнах или с разницей в пять или десять лет (см. табл. 2). Доля индивидов, участвовавших в двух и более волнах подряд, в среднем составляет 84,5%, а после увеличения выборки в 2010 г. — 87,8%. Участие в волнах с разницей пять лет — 55,6% (в последних пяти волнах этот показатель в среднем составляет 70,1%), с разницей в десять лет — 33,8% (в последние пять волн — 46,9%). Сохранение значительной доли участников на протяжении нескольких волн открывает широкие возможности для анализа волатильности показателей, траекторий и переходов, построения жизненного пути, мобильности, оценки последствий событий, в том числе долгосрочных.

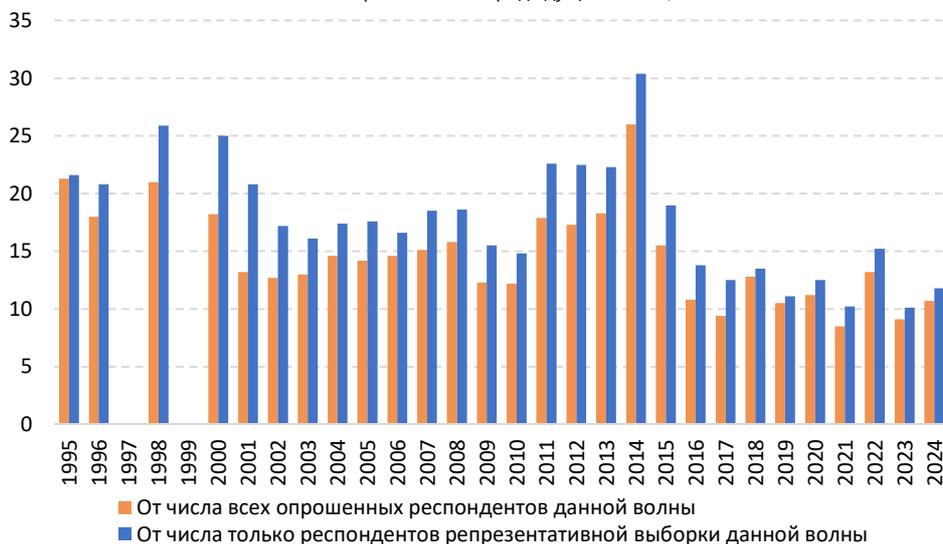
Таблица 2. *Динамика доли индивидов, участвовавших минимум в двух волнах с разницей в одну, пять и десять волн (1994—2024 гг.)*

Год	Доля индивидов, участвующих в данной волне и в предыдущей волне	Доля индивидов, участвующих в данной волне и 5 волн назад	Доля индивидов, участвующих в данной волне и 10 волн назад
1994	0,0	0,0	0,0
1995	83,3	0,0	0,0
1996	83,5	0,0	0,0
1998	77,4	0,0	0,0
2000	79,5	0,0	0,0
2001	78,6	41,6	0,0
2002	84,5	46,5	0,0
2003	86,1	48,5	0,0
2004	85,5	52,6	0,0
2005	88,7	58,1	0,0
2006	71,1	51,5	23,2
2007	86,0	53,2	27,2
2008	87,0	54,6	29,7
2009	87,9	56,5	34,1

Год	Доля индивидов, участвующих в данной волне и в предыдущей волне	Доля индивидов, участвующих в данной волне и 5 волн назад	Доля индивидов, участвующих в данной волне и 10 волн назад
2010	57,5	36,8	24,2
2011	79,6	40,8	24,6
2012	80,7	40,1	24,5
2013	84,6	40,1	25,5
2014	87,6	47,0	30,1
2015	84,3	54,4	29,1
2016	87,7	61,2	33,0
2017	89,6	65,6	33,9
2018	90,7	68,8	34,2
2019	90,4	66,6	34,8
2020	90,6	68,7	40,5
2021	92,0	71,1	46,1
2022	88,1	69,9	47,8
2023	92,7	70,6	51,4
2024	90,0	70,1	48,8

Важно оценивать и потери выборки — тех индивидов и их семьи, которые не были опрошены (см. рис. 3). Для этого в зависимости от задач используются различные способы оценки.

Рис. 3. Потери через год после опроса: доля опрошенных в каждой волне от числа опрошенных в предыдущей волне, в %

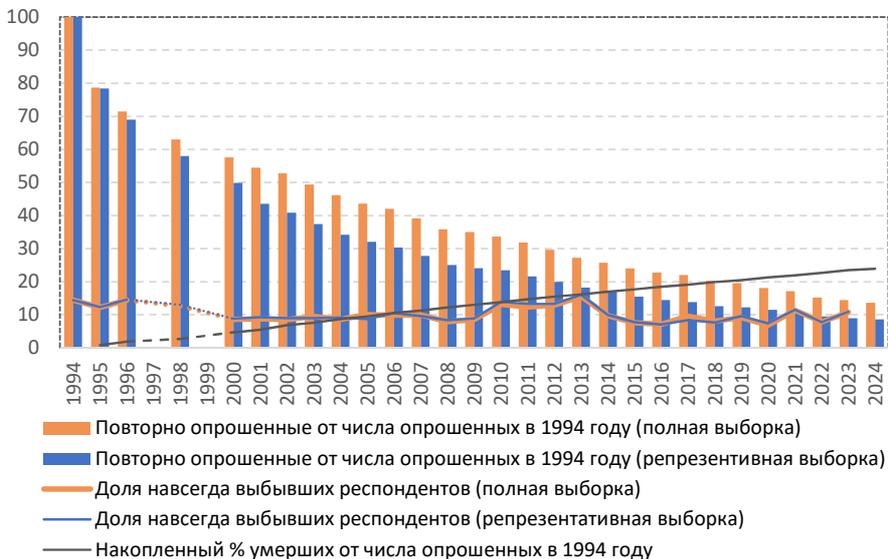

В 2010 г., как уже было отмечено выше, выборка была увеличена на 50%. Именно поэтому, учитывая, что повторная достижимость впервые опрошенных респондентов всегда ниже, чем ранее участвовавших, в следующем 2011 г. на-

блюдалась более высокая доля опрошенных по отношению к предыдущей волне. В 2014 г. зафиксировано пиковое значение доли опрошенных, напрямую связанное с принятым решением о сокращении выборки на 20 %⁵ на фоне снижения объема финансирования проекта.

Доля навсегда выбывших⁶ из обследования респондентов была наиболее высокой в первые четыре волны проведения обследования (1994—1998 гг.), поскольку на этом этапе не ставилась специальная задача поиска и опроса переживших семей. Затем доля навсегда выбывших оставалась достаточно стабильной до 2010 г., когда выборка была существенно увеличена (см. рис. 4). Предсказуемо, что наиболее высокий процент навсегда выбывших (16 %) мы видим среди респондентов 2013 г., поскольку в 2014 г. произошло сокращение выборки. Кроме того, обратим внимание на увеличение этого показателя в 2021 г. — это время разгара эпидемии COVID-19. Отметим также, что показатель, фиксирующий навсегда выбывших респондентов, включает и долю умерших (о смерти которых сообщили родственники при последующих опросах), которая ежегодно составляет 0,7—1,1%. В целом выбывание респондентов, опрошенных в 1994 г., представляется естественным и плавным. Наибольшие потери произошли после первой волны, дальнейшее снижение происходило без резких изменений. Накопленный процент смертей от числа опрошенных в 1994 г. за весь период наблюдений составил около 25 %⁷.

Рис. 4. Динамика доли опрошенных индивидов для всех опрошенных и опрошенных по репрезентативной выборке, в % к волне 1994 г.

⁵ Число опрошенных по репрезентативной выборке домохозяйств в 2013 г. составляло 6148, в 2014 г. — 4872.

⁶ На данном графике навсегда выбывшим считается респондент, не принявший дальнейшего участия в обследовании на момент 2024 г. Доля навсегда выбывших рассчитана от числа опрошенных в данной волне.

⁷ Факт смерти фиксировался на основании информации из карточки домохозяйства при опросе других членов семьи. Смерть одиноких респондентов, а также смерть в домохозяйствах, выбывших из обследования, не включалась в расчеты.

Рассматривая общую динамику соотношения опрошенных респондентов, важно оценивать ее как минимум с двух временных точек — начала обследования в 1994 (см. рис. П1 в Приложении) и увеличения выборки в 2010 г. (см. рис. П2 в Приложении), поскольку добавление более 2500 новых домохозяйств оказало существенное влияние на описываемые процессы. В целом «осыпание» выборки происходит естественно и достаточно синхронно на обоих графиках, в то же время нетрудно заметить, что первый график демонстрирует более интенсивную динамику. В первые несколько волн с 1994 г. сохранять более 50 % опрошенных удавалось на протяжении шести волн, в то время как с 2010 г. — уже на протяжении десяти-двенадцати волн. Это связано прежде всего с тем, что в массиве 2010 г. заметную долю составляли ранее опрошенные — в отличие от респондентов 1994 г., каждый из которых принимал участие в исследовании впервые. Также ситуация улучшилась благодаря опыту интервьюеров и супервайзеров, чей труд вносит неоценимый вклад в проект. Кроме того, не стоит забывать, что в первые годы обследования, когда разрыв между обследованиями 1996 и 1998 гг., а также 1998 и 2000 гг. составлял два года, недостижимость отражала потери за два года, а не за один год, как в остальные волны.

С точки зрения организаторов обследования, сохранение панели является одной из сложнейших задач. При этом важно понимание внутренней структуры панели и динамики протекающих в ней процессов. Необходима регулярная и своевременная оценка процесса выбывания респондентов и домохозяйств из опроса, изучение их особенностей, поскольку качество и достоверность данных во многом зависят от того, насколько репрезентативной остается выборочная совокупность с течением времени.

На рисунках 5 и 6 представлена общая динамика соотношения опрошенных респондентов по волнам. В качестве «базы», принятой в данном случае за 100 %, были взяты репрезентативные данные каждой волны, далее показана динамика с учетом полной выборки. Именно так, как правило, строится набор данных для панельного анализа с целью проследить дальнейшую динамику какого-либо процесса⁸. График позволяет оценить потенциал для проведения панельных исследований, при этом видно, что данные последних лет дают большие возможности для анализа за счет большего числа повторно опрошенных респондентов. Можно заметить, что наиболее резкие потери респондентов наблюдаются после первичного участия. Каждый же следующий год участия в обследовании повышает вероятность дальнейшего сотрудничества.

График показан на двух рисунках: отдельно для волн, в которых целевая репрезентативная выборка составляла около 4000 домохозяйств (до увеличения в 2010 г.) (см. рис. 5), и отдельно для волн с целевой репрезентативной выборкой около 6000 (2010—2013 гг.), затем — 4800—4900 домохозяйств (с 2014 г.) (см. рис. 6). При уменьшении выборки с 6000 домохозяйств до 4800 домохозяйств в 2014 г. сокращения производились только в той части выборки, которая была добавлена в 2010 г. при увеличении выборки с 4000 до 6000. Это де-

⁸ При обратном подходе базовой волной выступает совокупность опрошенных по репрезентативной выборке, а в качестве данных, фиксирующих изучаемые процессы, выступают ретроспективные наблюдения, то есть данные из предыдущих волн.

лалось с целью сохранить неизменными панели, начавшиеся в волны с целевой репрезентативной выборкой 4000 домохозяйств. В волне 2024 г. опрошено 14—33 % респондентов из волн 1994—2009 гг., в то время как в последующие волны этот процент выше — от 89 % из волны 2023 г. до 47 % из волны 2014 г. и до 30 % из волны 2010 г.

Рис. 5. Доли опрошенных респондентов каждой из предыдущих волн в последующих волнах, в % к репрезентативной выборке базовой волны 1994—2009 гг.

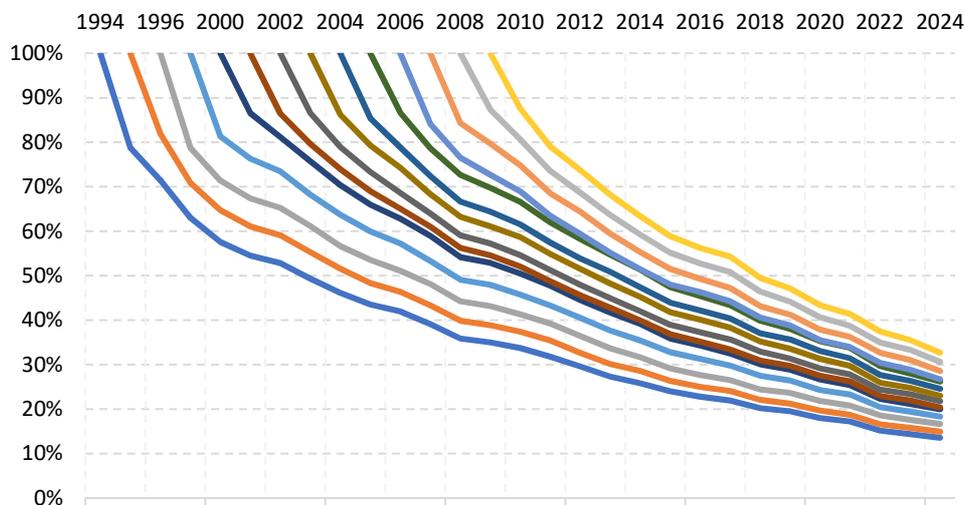
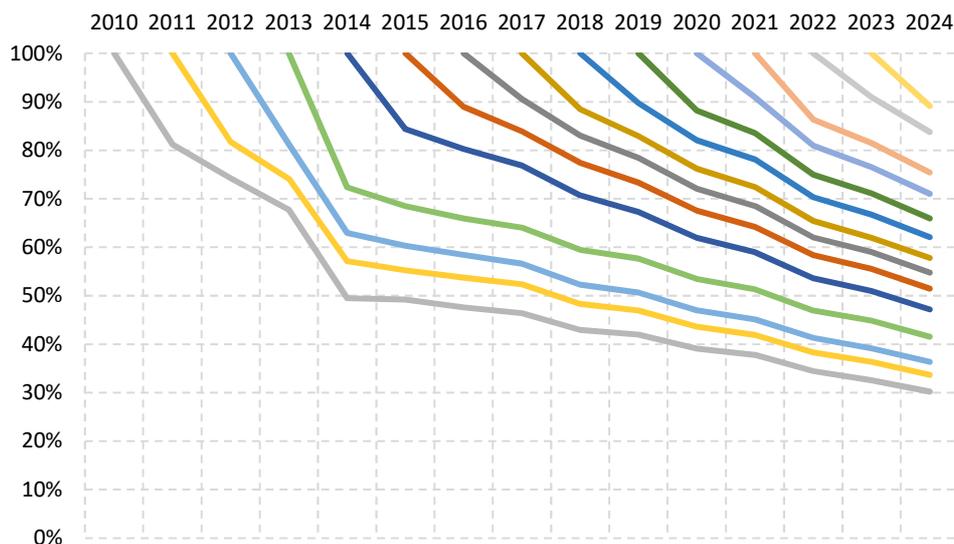

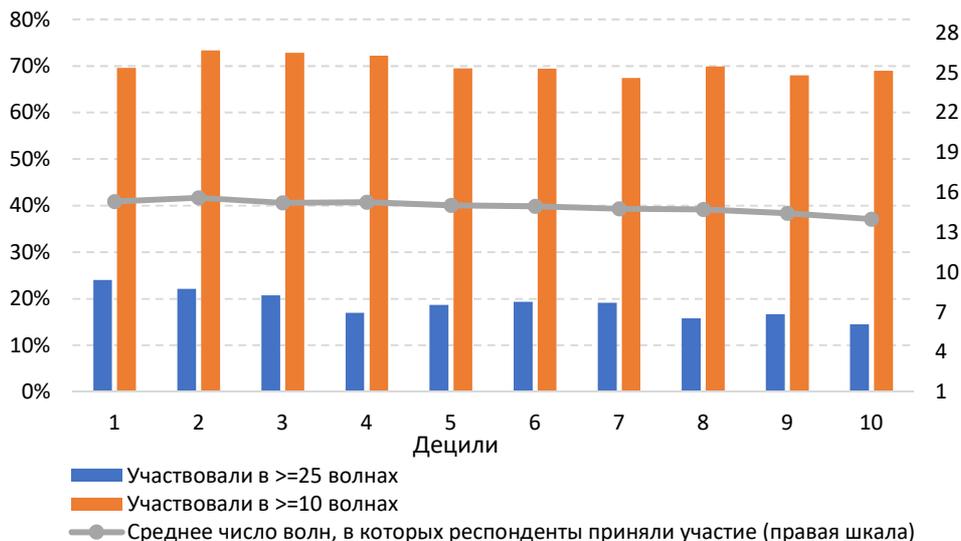
Рис. 6. Доли опрошенных респондентов каждой из предыдущих волн в последующих волнах, в % к репрезентативной выборке базовой волны 2010—2023 гг.

Предикторы, оказывающие влияние на выбывание из обследования

В исследованиях, посвященных выявлению предикторов, способствующих выбыванию из обследований, нередко выделяют показатели дохода⁹. Анализ распределения домохозяйств, на протяжении длительного периода участвующих в обследовании РМЭЗ НИУ ВШЭ, по децилям среднедушевого дохода показывает небольшие, но статистически значимые различия для семей, участвующих не менее чем в 25 волнах (20,7—24,1% в трех нижних децилях и 14,5—16,7% в трех верхних децилях¹⁰), в то же время для семей, участвующих на протяжении десяти и более волн, картина иная — доли в нижнем и верхнем дециле почти равны, небольшое увеличение заметно со второго по четвертый дециль (см. рис. 7). Анализ числа лет участия в контексте распределения по децилям дохода дополняет представленные данные — в 2024 г. этот показатель составил 14,38 волны (медиана 14), некоторое снижение наблюдается в двух верхних децилях.

Рис. 7. Доли домохозяйств каждого дециля, участвовавших в 10 и более и 25 и более волнах, в % от участвовавших в волне 2024 г.

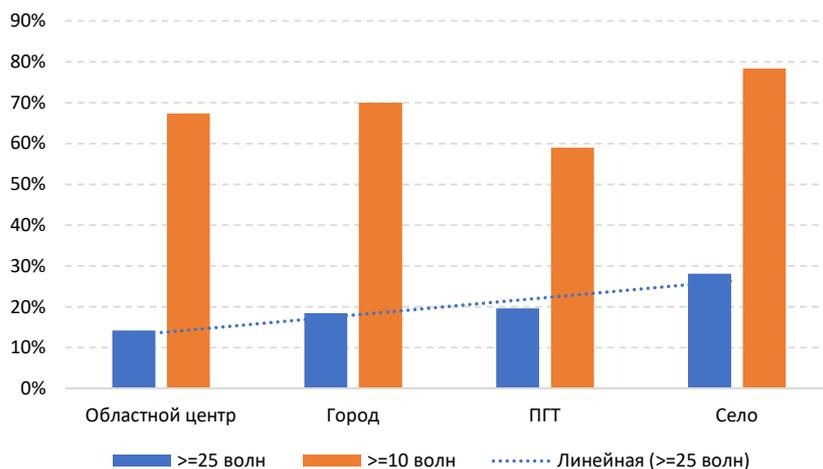

Одним из наиболее значимых показателей, оказывающих влияние на выбывание из обследования, является тип населенного пункта, в котором проводится опрос. Среди сельских домохозяйств доля тех, кто участвовал в 25 и более волнах, почти вдвое выше, чем среди домохозяйств из областных центров (28,1% и 14,3% соответственно). А для участвовавших в десяти и более волнах эта разница не столь заметна (78,4% и 67,3%) (см. рис. 8).

⁹ Например, [Lepkowski, Couper, 2001].

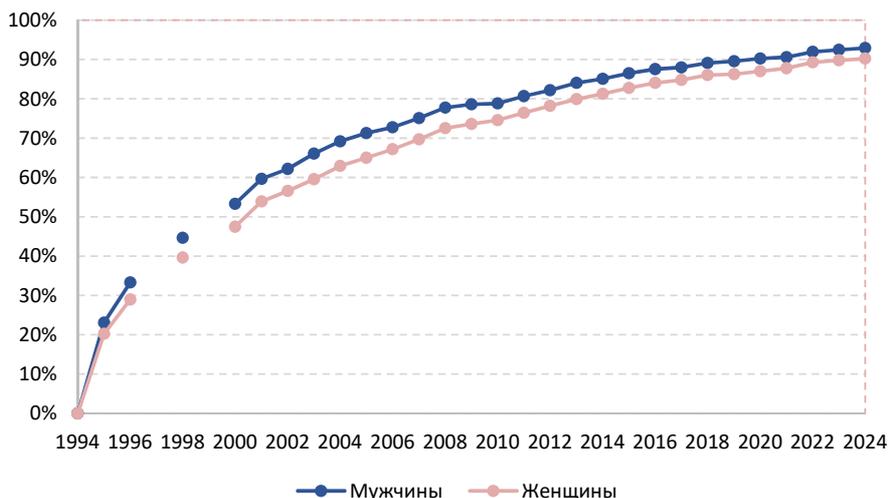
¹⁰ Доход фиксировался на момент последнего участия.

Рис. 8. Доли домохозяйств, участвовавших в 10 и более и 25 и более волнах, в населенных пунктах разного типа, в % от участвовавших в волне 2024 г.

Исключительно важно также оценивать, каких именно респондентов мы теряем в процессе. В первую очередь обратимся к изучению динамики выбывания респондентов в зависимости от пола (см. рис. 9). График показывает, что доля мужчин, выбывающих из исследования, стабильно выше, чем доля женщин, хотя в последние годы наблюдений это различие становится минимальным — около 3%. Это отражает общую тенденцию достижимости — женщины не только охотнее принимают участие в опросе, но и с большей вероятностью продолжают участвовать в последующих волнах.

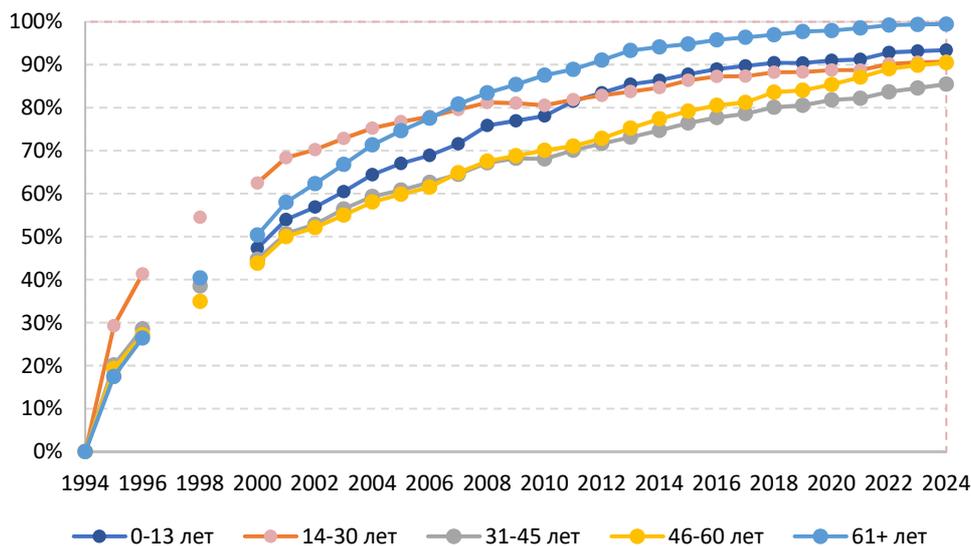
Рис. 9. Динамика доли выбывших мужчин и женщин, опрошенных ранее по репрезентативной выборке, в % к волне 1994 г.

Если мы оценим разницу между процентом мужчин и женщин, опрошенных в каждой прошлой волне от числа всех в каждой текущей волне, мы увидим, что вслед за включением в выборку новых домохозяйств эта разница растет, причем чем большее число новых домохозяйств включается, тем больше разница. Так было в 2001, 2006 и 2010 гг. соответственно (см. рис. ПЗ в Приложении).

Особый интерес представляет динамика доли респондентов, выбывающих из исследования, в зависимости от возрастных групп¹¹ (см. рис. 10). Наиболее динамична группа молодежи, которой на момент проведения волны 1994 г. обследования было от 14 до 30 лет. Наибольшая потеря респондентов в этой группе, почти 30 %, наблюдалась в 1995 г. Далее в течение нескольких лет эта группа оставалась наиболее уязвимой с точки зрения достижимости, ситуация изменилась лишь через десять лет (в 2004 г.), когда младшие члены этой группы достигли 24 лет. Эта ситуация объясняется тем фактом, что в выборку помимо обычных домохозяйств попадают студенческие общежития, жильцов которых маловероятно застигнуть в следующую волну. Кроме того, эта возрастная группа сама по себе достаточно мобильна — многие в этом возрасте покидают домохозяйства, в том числе уезжают на учебу в другие населенные пункты. Наиболее «сохранившейся» в выборке возрастной группой являются те респонденты, которым в 1994 г. было от 31 до 45 лет; спустя 30 лет подавляющее большинство из них — пенсионеры, которые с большей готовностью принимают участие в исследовании. В то же время наибольшие потери очевидно наблюдаются в старшей возрастной группе (61 и более лет) — к моменту проведения последней волны их доля сократилась до 0,5 %.

Рис. 10. Динамика доли выбывших респондентов, опрошенных ранее по репрезентативной выборке, в зависимости от возрастных групп, в % к волне 1994 г.

¹¹ Респонденты были разбиты на пять примерно равных по численности групп по возрасту на момент проведения волны 1994 г.

Методы борьбы со смещением выборки и процесс подготовки пользовательских файлов данных РМЭЗ НИУ ВШЭ

«Осыпание» выборки — естественный кумулятивный процесс потери респондентов, проблема, с которой сталкиваются лонгитюдные обследования. Механизмы этого процесса, как правило, неслучайны, систематически одни группы покидают панель активнее, чем другие. Помимо физической потери респондентов (в результате смерти или переезда в другой населенный пункт) причины могут быть самыми разными, на подавляющее большинство которых исследователи не в силах повлиять. Последствием неравномерного выбывания разных групп респондентов может стать смещение результатов.

Одним из самых распространенных и доступных методов борьбы со смещением выборки является взвешивание данных. Для каждого наблюдения в файле индивидуальных данных для примера рассчитываются специальные весовые коэффициенты. Эти веса увеличивают «вклад» в анализ тех респондентов, которые по своим характеристикам похожи на неопрошенных.

Распространяемые данные РМЭЗ НИУ ВШЭ содержат вариант постстратификационных весов для индивидов (переменная *inwgt*), приводящих выборочную совокупность в точное соответствие с данными Росстата для года проведения интервью¹² по типу населенного пункта, полу и возрастной группе. Как показывает проводимый нами контроль выборочных ошибок РМЭЗ НИУ ВШЭ, в репрезентативных выборках каждой отдельной волны смещения достаточно незначительны, поэтому использование постстратификационных весов остается на усмотрение исследователей. Например, доля лиц с высшим образованием среди лиц 15 лет и старше в переписи населения Российской Федерации 2002 г. составляет 16,0% [Образование..., 2004]. В невзвешенных данных РМЭЗ НИУ ВШЭ она составляет 16,9%, во взвешенных по этим постстратификационным весам — 17,1%. В переписи 2010 г. доля лиц 15 лет и старше с высшим образованием составляет 23,4%, в невзвешенных данных РМЭЗ НИУ ВШЭ — 22,3%, во взвешенных — 22,5% [Итоги Всероссийской переписи..., 2012]. В переписи 2020 г. доля лиц с высшим образованием среди сельского населения шести лет и старше составляет 13,6%¹³, в РМЭЗ НИУ ВШЭ — 14,9% в невзвешенных данных и 14,2% во взвешенных. Неполнота данных переписи населения РФ 2020 г. по образованию для городского населения не позволяет корректно сопоставить их с соответствующими показателями РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Важно подчеркнуть, что веса, распространяемые с данными РМЭЗ НИУ ВШЭ, не являются обязательными к использованию или единственно возможными: любой исследователь может самостоятельно рассчитать требуемые ему весовые коэффициенты, принимая во внимание именно те характеристики генеральной совокупности, которые важны для проведения конкретного анализа.

¹² Для расчета весов для каждой волны использовались наиболее свежие доступные данные государственной статистики, а именно данные российских статистических ежегодников, ближайших к датам проведения интервью (раздел «Распределение численности мужчин и женщин по возрастным группам на 1 января» каждого года).

¹³ Итоги ВПН-2020. Т. 3. Образование // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom3_Obrazovanie (дата обращения: 26.11.2025).

Помимо постстратификационных весов распространяемые файлы данных содержат ряд служебных и специальных переменных и расчетных показателей, необходимых для идентификации респондентов и подготовки данных к анализу¹⁴. Подготовка файлов для пользователей — важный и трудоемкий этап работы над проектом. Пройдя многоступенчатый процесс чистки данных, задача которого, с одной стороны, максимально сохранить полученную информацию, а с другой — устранить логические противоречия в рамках данных, полученных от индивида и его семьи в текущей и предыдущих волнах, файлы выкладываются в общий доступ. Для удобства пользователей данные предоставляются в нескольких форматах. Помимо файлов, содержащих отдельные волны, пользователям доступна объединенная база данных всех волн, охватывающая весь период обследования.

Кроме того, пользователям доступны дополнительные файлы данных, позволяющие оптимизировать подготовительный этап исследовательско-аналитической работы. Так, файл сконструированных переменных содержит более 150 показателей, в том числе расходы на разные типы продуктов, непродовольственные товары, обучение и воспитание, услуги и прочее, доходы от работы на разных типах предприятий, субсидий и льгот, пособий и других источников. Показатели представлены как в номинальном, так и в реальном выражении¹⁵, что открывает возможности сопоставления показателей в динамике. Кроме того, в файле содержится типология домохозяйств, а также выделены различные демографические группы.

Файл идентификационных номеров индивидов за все годы обследования, представляющий собой перечень всех респондентов, хотя бы раз опрошенных по индивидуальному вопросу, с указанием для каждого респондента его уникального номера индивида и идентификационных номеров в каждой волне, расширяет возможности и значительно облегчает работу опытных пользователей, давая возможность объединять данные разных волн и проводить панельный анализ.

Данные с информацией о родственных отношениях — один из наиболее востребованных дополнительных файлов. Он позволяет пользователям без лишних усилий объединять и анализировать характеристики членов домохозяйства, дает возможность сравнения показателей внутри семьи. К файлу прилагается подробная инструкция, позволяющая объединять информацию о членах домохозяйства с основными данными в соответствии с конкретной исследовательской задачей.

Использование данных РМЭЗ НИУ ВШЭ в публикациях

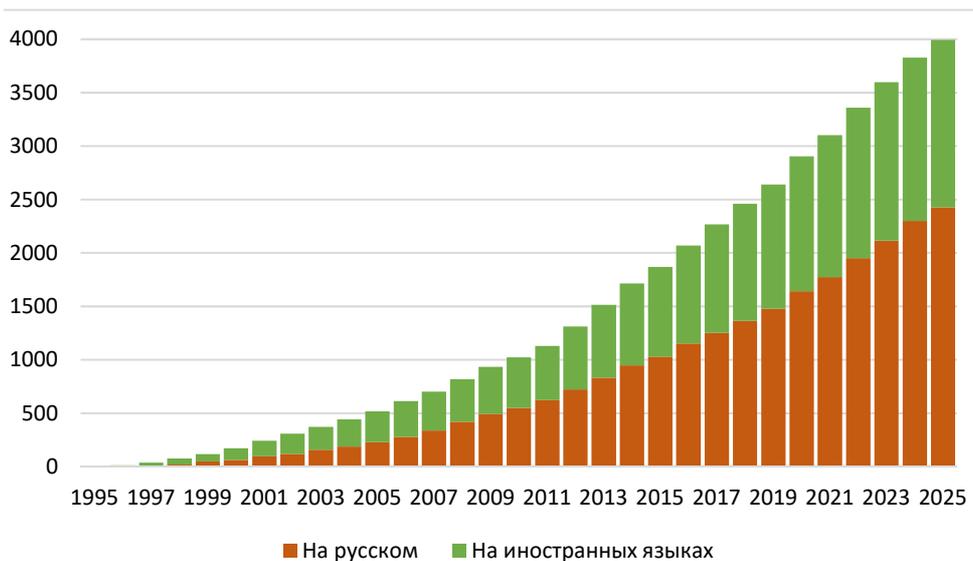
Высокие стандарты проекта РМЭЗ НИУ ВШЭ и, как результат, высокое качество данных по праву оценены ведущими исследователями в области экономики, социологии, демографии и других наук. Число публикаций¹⁶ на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ ежегодно растет и в 2025 г. достигло отметки 4000, из них более 1500 на иностранных языках (см. рис. 11). На основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ защищено около 100 докторских и кандидатских диссертаций.

¹⁴ Файлы сводных данных. <https://www.hse.ru/rims/construct> (дата обращения: 26.11.2025).

¹⁵ Для вычисления показателей в реальном выражении используется дефлятор, рассчитываемый на основе Индекса потребительских цен, предоставляемого Росстатом (https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/prices/ipc.htm).

¹⁶ База публикаций на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ размещена на сайте. URL: <https://www.hse.ru/rims/bdp> (дата обращения: 26.11.2025).

Рис. 11. Динамика числа публикаций на основе данных РМЭЗ НИУ ВШЭ

Важным преимуществом Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения является широта охвата социально-экономических показателей: в единую базу собрана информация не только о структуре доходов и расходов и материальном благосостоянии, но и занятости, миграционном поведении, состоянии здоровья, планировании семьи, образовательном поведении и пр. В программу мониторинга также включен целый ряд показателей, отсутствующих в государственной статистике, но имеющих высокую востребованность со стороны аналитиков.

Многогранность социально-экономических показателей в комплексе с панельной составляющей выборки позволяет в полной мере использовать потенциал данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, открывая необъятный исследовательский простор. Например, исследования бедности являются ярким примером того, как панельные данные позволяют не просто обозначить и оценить масштаб изучаемой проблемы, а выйти за рамки статистических срезов — используя данные нескольких волн, исследователи выделяют различные группы бедных («плавающие» группы, ситуационную, хроническую, длительную бедность) и проводят детальный анализ факторов, обуславливающих попадание и нахождение в этих группах в течение времени [World Bank, 1999; Тихонова, Слободенюк, 2014; Пишняк и др., 2021]. Выявление различных траекторий бедности исключительно важно при принятии решений о мерах поддержки.

Исследования мобильности или иммобильности по доходам фокусируются не только на низкодоходных слоях. Оценка шансов перемещения по доходной лестнице — один из аспектов широкой проблемы воспроизведения неравенства в обществе, проницаемости социальных границ [Мареева, Слободенюк, 2020]. А анализ мобильности по заработной плате дает ключ к пониманию гиб-

кости и адаптивности рынка труда [Лукьянова, 2017]. В то же время изучение изменения субъективного восприятия экономического положения, которое далеко не всегда совпадает с реальными перемещениями по объективной шкале дохода, позволяет приблизиться к пониманию динамики социального самочувствия [Мареева, Слободенюк, 2019].

Не менее интересные результаты получают исследователи, фокусирующие свое внимание на изучении горизонтальной мобильности, в том числе мобильности в рамках рабочих мест, профессий, отраслей и т. п. Исследование структуры и интенсивности этих потоков путем изучения трудовых траекторий работников, позволяет оценить подвижность рынка труда, выявить проблемы, определить наименее защищенные категории работников [Дороги..., 2016; Гимпельсон, Капельюшников, Шарунина, 2018; Денисова, 2017].

Особое место среди работ, основанных на данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, занимают исследования, посвященные проблемам здоровья, изучению практик, ведущих к его сбережению или разрушению, в том числе с точки зрения инвестиций в здоровье как вклада в человеческий капитал и экономический рост. Примечательно, что экономическая отдача от здоровья существенно разнится в зависимости от уровня квалификации работника [Карцева, Кузнецова, 2022].

Важные выводы получили также исследователи, обратившиеся к изучению влияния алкоголя и других негативных факторов на здоровье. Исключительное значение для анализа также имеет возможность сопоставления показателей индивидов внутри домохозяйства, что открывает возможности межпоколенных исследований [Дорофеева, Козырева, 2024; Kondratenko, 2025] и исследований, направленных на изучение взаимного влияния поведения членов семьи [Колегова, Рощина, 2021].

Уже на протяжении 15 лет раз в два года исследователи из разных стран, работающие с данными РМЭЗ НИУ ВШЭ, встречаются на Международной конференции пользователей¹⁷ — мероприятии, на котором у них есть уникальная возможность обсудить результаты своих исследований, получить обратную связь от коллег, выдвинуть новые гипотезы и высказать свои предложения. Юбилейная конференция 2025 г., посвященная 30-летию проекта, собрала более 300 участников в рамках девяти тематических секций.

Заключение

Проект РМЭЗ НИУ ВШЭ развивается и адаптируется к постоянным вызовам. Он имеет целый ряд достоинств, но и не лишен недостатков, справиться с которыми в силу финансовых и организационных ограничений непросто. Главным достоинством проекта является возможность получить репрезентативные данные о населении Российской Федерации за любой год, начиная с 1994 г., сравнить эти данные и при этом проследить изменения не только на уровне массива в целом, но и на уровне отдельных семей и индивидов. Достаточно высокая повторная достижимость ранее опрошенных респондентов позволяет формировать

¹⁷ Седьмая Международная конференция пользователей данными «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE). URL: <https://www.hse.ru/rhms/conference2025#info> (дата обращения: 09.10.2025).

панельные массивы с высокой сохранностью их состава для ретроспективного анализа. Качество и надежность данных РМЭЗ НИУ ВШЭ подтверждает, что они, собранные независимо с использованием вероятностной, а не квотной выборки, без какого-либо взвешивания хорошо согласуются по основным социально-демографическим характеристикам с данными государственной статистики в течение всех волн обследования. Высокий уровень общей достижимости и очень небольшая доля неотвечивших на отдельные вопросы дает исследователю возможность получить информацию о населении России непосредственно от жителей страны.

Недостатки и ограничения РМЭЗ НИУ ВШЭ включают в себя прежде всего небольшой объем выборки (4000—6000 домохозяйств, это 9000—17000 индивидов в репрезентативной выборке всей Российской Федерации в каждой из волн). Этот объем выборочной совокупности и соответствующая ему структура выборки не позволяют получать репрезентацию населения какого-либо отдельного, даже самого большого региона. Как и во многих массовых обследованиях, проводимых путем опроса респондентов, в данных РМЭЗ НИУ ВШЭ ожидаемо наблюдается некоторый дисбаланс в сторону меньшей представленности наиболее мобильных групп (главным образом молодых мужчин) и перепредставленности женщин пенсионного возраста. Высокая повторная достижимость, в том числе и в репрезентативной выборке, дает возможность проведения панельного анализа на индивидуальном уровне, но из-за нее происходит естественное старение и панельного, и репрезентативного массива. Тем не менее значения рассчитанных как пример постстратификационных весов, приводящих данные репрезентативной выборки РМЭЗ НИУ ВШЭ в точное соответствие данным государственной статистики по месту проживания, полу и возрастной группе, на протяжении 29 волн ни для одной из 20 групп¹⁸ каждой волны никогда не выходили за диапазон 0,75—1,5, а в большинстве групп на протяжении всех волн они находятся в диапазоне 0,9—1,1¹⁹. Кроме того, ресурсы исследования позволяют находить переехавших респондентов только в рамках населенного пункта или ближайшего областного центра, в котором проводится опрос, однако при переезде за его пределы респонденты выбывают из обследования. Это ведет к потерям наиболее мобильных социальных групп и в панельном массиве. Другим неоднократно отмечаемым недостатком проекта, связанным в первую очередь с ограничением объема вопросников, является небольшой набор субъективных показателей на фоне достаточно широкого спектра показателей объективного характера.

Несмотря на все сложности и недостатки, проект РМЭЗ НИУ ВШЭ на протяжении многих лет остается для исследователей уникальным и, что исключительно важно, общедоступным источником данных. Качество данных поддерживается на неизменно высоком уровне благодаря слаженной работе команды проекта, опирающейся на международный опыт проведения лонгитюдных обследований. основополагающей стратегией сохранения панели является подготовка интер-

¹⁸ 20 групп для расчета весов включают: 5 возрастных групп (0—14, 15—29, 30—44, 45—59, 60+ лет) * 2 группы по полу (мужской и женский) * 2 группы по типу населенного пункта (город и село).

¹⁹ Подробнее о весах в обследовании РМЭЗ НИУ ВШЭ см.: <https://www.hse.ru/rfms/faq/weights> (дата обращения: 09.10.2025).

вьюеров и поддержка интервьюерской сети по всей стране на протяжении уже более 30 лет, в том числе сохранение контакта в периоды между опросами.

По завершении полевого этапа начинается многоступенчатый этап подготовки данных для пользователей. Пользователям предоставляется вся необходимая сопутствующая документация (вопросники, кодификаторы, коудбуки, описание переменных и др.)²⁰, а также специализированные файлы данных²¹, созданные для удобства исследовательской работы, в том числе для решения нетривиальных задач. Для начинающих пользователей подготовлен специальный блок обучающих материалов, в который включена серия семинаров для самостоятельного изучения возможностей данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, получения практических навыков работы с базой. Для более опытных пользователей размещены записи семинаров, посвященных объединению данных (семейных, индивидуальных, данных разных волн). Кроме того, совместно с Центром трудовых исследований НИУ ВШЭ подготовлена и размещена на сайте серия обучающих роликов, рассматривающих методику расчета ряда экономических показателей²².

Многообразие социально-экономических показателей открывает широкие возможности для проведения исследований, в том числе междисциплинарных. Проблемы и вызовы современности редко укладываются в рамки одной дисциплины, именно поэтому междисциплинарная природа, заложенная в структуре данных РМЭЗ НИУ ВШЭ, нередко становится ключом к пониманию сложных социально-экономических и демографических процессов.

РМЭЗ НИУ ВШЭ — единственное в России лонгитюдное обследование домохозяйств с панельной составляющей. Изначально проект, запущенный в период радикальных трансформаций, фокусировался на получении достоверной картины последствий реформ для населения страны. Накопленный за более чем 30-летний период объем данных не только позволяет проводить глубокий анализ происходящего, но и становится историческим свидетельством социально-экономической ситуации в стране для будущих поколений.

Список литературы (References)

1. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Шарунина А. В. Низкооплачиваемые рабочие места на российском рынке труда: есть ли выход и куда он ведет? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2018. Т. 22. № 4. С. 489—530. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2018-22-4-489-530>.
Gimpelson V., Kapelyushnikov R., Sharunina A. (2018) Low Paid Jobs in the Russian Labour Market: Does Exit Exist and Where Does It Lead to? *HSE Economic Journal*. Vol. 22. No. 4. P. 489—530. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2018-22-4-489-530>. (In Russ.)
2. Денисова И. А. Выход старших возрастных когорт с рынка труда: анализ методами дожития. Население и экономика. 2017. Т. 1. № 1. С. 22—49.

²⁰ Документация к данным РМЭЗ НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/rfms/doc> (дата обращения: 20.09.2025).

²¹ Файлы сводных данных. URL: <https://www.hse.ru/rfms/construct> (дата обращения: 20.09.2025).

²² Обучающие видео. URL: <https://www.hse.ru/rfms/video> (дата обращения: 20.09.2025).

- Denisova I. A. (2017) Exit of Senior Age Cohorts from the Russian Labour Market: a Survival Analysis Approach. *Population and Economics*. Vol. 1. No. 1. P. 22—49. (In Russ.)
3. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Шарунина А. В. «Дороги, которые мы выбираем»: перемещения на внешнем и внутреннем рынке труда. Препринт WP3/2016/02. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). URL: https://www.hse.ru/data/2016/02/29/1125640811/WP3_2016_02_f.pdf (дата обращения: 01.07.2025).
Gimpelson V. E., Kapelyushnikov R. I., Sharunina A. V. (2016) “The Roads We Take”: Mobility in the External and Internal Labour Markets. Preprint WP3/2016/02. Moscow: HSE Publishing House. (Series WP3 “Problems of the Labour Market”). https://www.hse.ru/data/2016/02/29/1125640811/WP3_2016_02_f.pdf (accessed: 01.07.2025). (In Russ.)
 4. Дорофеева З. Е., Козырева П. М. Межпоколенческая трансляция практик вовлеченности родителей в развитие детей // Социологический журнал. 2024. Т. 30. № 4. С. 33—53. <https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.4.2>.
Dorofeeva Z. E., Kozyreva P. M. (2024) Intergenerational Transmission of Parental Involvement Practices in Child Development. *Sociological Journal*. Vol. 30. No. 4. P. 33—53. <https://doi.org/10.19181/socjour.2024.30.4.2>. (In Russ.)
 5. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012.
Results of the 2010 All-Russian Population Census: in 11 vols. (2012) Moscow: Information and Publishing Centre “Statistics of Russia”. (In Russ.)
 6. Карцева М. А., Кузнецова П. О. Было бы здоровье, а остальное приложится? Эмпирическая оценка отдачи от здоровья в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 5. С. 55—70. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-57-5-4>.
Kartseva M. A., Kuznetsova P. O. (2022) Stay Healthy And — Will the Rest Follow? The Impact of Health on Wages in Russia. *Journal of the New Economic Association*. No. 5. P. 55—70. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-57-5-4>. (In Russ.)
 7. Колегова И. Е., Рощина Я. М. Миллениалы и их родители: сравнение субъективных социальных статусов // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE) / под ред. П. М. Козыревой. Вып. 11. М.: НИУ ВШЭ, 2021. С. 122—152. <https://doi.org/10.19181/rllms-hse.2021.3>.
Kolegova I. E., Roshchina Ya. M. (2021) Millennials and Their Parents: A Comparison of Subjective Social Statuses. In: Kozyreva P. M. (ed.) *Bulletin of the Russia Longitudinal Monitoring Survey — HSE (RLMS-HSE)*. Iss. 11. Moscow: HSE University. P. 122—152. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/rllms-hse.2021.3>. (In Russ.)
 8. Лукьянова А. Л. Мобильность по заработной плате: до глобального кризиса и после // Мобильность и стабильность на российском рынке труда / под ред. Р. И. Капелюшникова, В. Е. Гимпельсона. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2017. С. 292—334.

- Lukyanova A. L. (2017) Wage Mobility: Before and After the Global Crisis. In: Kapelyushnikov R. I., Gimpelson V. E. (eds.) *Mobility and Stability in the Russian Labour Market*. Moscow: HSE Publishing House. P. 292—334. (In Russ.)
9. Мареева С. В., Слободенюк Е. Д. Застрявшие в бедности и сохранившие богатство: индивидуальная мобильность по доходам в России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2020. Т. 131. № 3—4. С. 100—115. Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D. (2020) Stuck in Poverty and Preserved Wealth: Individual Income Mobility in Russia. *Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Debates*. Vol. 131. No. 3—4. P. 100—115. (In Russ.)
10. Мареева С. В., Слободенюк Е. Д. Относительная доходная мобильность россиян в объективном и субъективном измерении: специфика и вызовы для социальной политики // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова): сб. материалов междунар. науч. конф. (Москва, 28—30 ноября 2019 г.) / под ред. М. К. Горшкова. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 394—399. Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D. (2019) Relative Income Mobility of Russians in Objective and Subjective Dimensions: Specifics and Challenges for Social Policy. In: Gorshkov M. K. (ed.) *The Future of Sociological Knowledge and the Challenges of Social Transformations (to the 90th Anniversary of V. A. Yadov): Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, November 28—30, 2019)*. Moscow: FCTAS RAS. P. 394—399. (In Russ.)
11. Образование. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. Федер. служба гос. статистики. Т. 3. Кн. 1. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. Education. Results of the 2002 All-Russian Population Census: in 14 vols. (2004) Vol. 3. Book 1. Moscow: Statistical Information Centre “Statistics of Russia”. (In Russ.)
12. Пишняк А. И., Халина Н. В., Назарбаева Е. А., Горяйнова А. Р. Уровень и профиль хронической бедности в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 2. С. 56—73. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-50-2-3>. Pishnyak A. I., Khalina N. V., Nazarbaeva E. A., Goriainova A. R. (2021) The Level and the Profile of Persistent Poverty in Russia. *Journal of the New Economic Association*. No. 2. P. 56—73. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-50-2-3>. (In Russ.)
13. Тихонова Н. Е., Слободенюк Е. Д. Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 36—49. Tikhonova N. E., Slobodenyuk E. D. (2014) The Heterogeneity of Russian Poverty through the Prism of the Deprivation and Absolute Approaches. *Social Sciences and Contemporary World*. No. 1. P. 36—49. (In Russ.)
14. Kondratenko V. (2025) Parental Drinking Patterns and Adolescent Alcohol Consumption: Considering the Role of Sex and Developmental Stage. *Journal of Adolescence*. Vol. 97. No. 4. P. 1014—1025. <https://doi.org/10.1002/jad.12474>.

15. Kozyreva P., Kosolapov M., Popkin B. (2016) Data Resource Profile: The Russia Longitudinal Monitoring Survey — Higher School of Economics (RLMS-HSE) Phase II: Monitoring the Economic and Health Situation in Russia, 1994—2013. *International Journal of Epidemiology*. Vol. 45. No. 2. P. 395—401. <https://doi.org/10.1093/ije/dyv357>.
16. Lepkowski J. M., Couper M. P. (2001) Nonresponse in Longitudinal Household Surveys. In: Groves R. M., Dillman D. A., Eltinge J. L., Little R. J. A. (eds.) *Survey Nonresponse*. New York, NY: Wiley and Sons. P. 259—272.
17. World Bank. (1999) Russia — Targeting and the Longer-Term Poor. Vol. 1: Main Report. <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/713851468777993685> (accessed: 12.10.2025).

Приложение

Рис. П1. Динамика соотношения опрошенных респондентов в 1994—2009 гг., в % и число впервые опрошенных домохозяйств

	1994	1995	1996	1998	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
1994	100,00	78,74	71,47	63,03	57,60	54,50	52,82	49,36	46,19	43,56	41,99	39,10	35,91	35,00
1995	83,34	100,00	81,95	70,99	64,79	61,16	59,04	55,32	51,52	48,23	46,32	43,24	39,89	38,87
1996	77,10	83,53	100,00	78,96	71,60	67,54	65,36	61,22	56,81	53,58	51,14	48,03	44,17	43,14
1998	66,66	70,93	77,40	100,00	81,77	76,71	73,75	68,54	64,05	60,33	57,41	53,79	49,33	48,16
2000	59,25	62,96	68,26	79,53	100,00	86,83	81,59	76,29	70,44	66,14	62,59	58,93	54,10	52,71
2001	50,76	53,82	58,30	67,56	78,63	100,00	87,28	80,47	73,90	69,03	64,67	60,74	55,75	54,10
2002	47,62	50,28	54,61	62,87	71,51	84,48	100,00	87,02	78,54	73,14	67,97	63,44	58,26	56,51
2003	44,03	46,62	50,62	57,81	66,17	77,07	86,11	100,00	85,42	78,79	72,92	67,43	61,96	60,04
2004	41,25	43,47	47,03	54,09	61,17	70,86	77,81	85,52	100,00	85,85	78,47	72,31	66,06	63,87
2005	40,19	42,04	45,82	52,63	59,33	68,37	74,85	81,49	88,68	100,00	85,40	78,03	71,24	68,46
2006	32,27	33,63	36,43	41,73	46,77	53,37	57,95	62,83	67,53	71,14	100,00	84,91	76,48	72,70
2007	30,43	31,80	34,65	39,59	44,59	50,75	54,77	58,83	63,02	65,83	85,98	100,00	84,16	79,43
2008	28,90	30,34	32,95	37,54	42,34	48,17	52,02	55,91	59,54	62,16	80,09	87,04	100,00	87,73
2009	28,24	29,63	32,26	36,75	41,35	46,87	50,58	54,31	57,71	59,88	76,33	82,35	87,95	100,00

Число впервые опрошенных домохозяйств (правая ось).

Строки: % всех опрошенных в N-й текущей волне от числа всех опрошенных в N-й прошлой волне.

Столбцы: % всех опрошенных в N-й прошлой волне от числа всех в N-й текущей волне.

Рис. П2. Динамика соотношения опрошенных респондентов в 1994—2009 гг., в % в соотношении с числом впервые опрошенных домохозяйств

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
2010	100,00	82,06	74,98	68,06	52,64	51,41	49,63	48,27	44,60	42,94	39,90	38,30	34,93	32,83	30,48
2011	79,65	100,00	82,74	74,44	59,46	56,90	55,08	53,55	49,37	47,39	43,87	41,98	38,34	36,21	33,55
2012	71,02	80,75	100,00	81,70	65,08	61,99	59,91	57,92	53,20	51,08	47,29	45,26	41,35	38,99	36,16
2013	66,78	75,26	84,63	100,00	73,95	69,91	67,13	64,80	59,70	57,43	53,10	50,82	46,38	44,01	40,78
2014	61,16	71,17	79,82	87,56	100,00	84,53	80,52	76,95	70,22	66,36	60,95	57,93	52,69	49,92	46,12
2015	59,54	67,90	75,79	82,52	84,27	100,00	89,23	84,27	76,80	72,32	66,68	63,25	57,40	54,35	50,26
2016	56,48	64,58	71,98	77,85	78,88	87,67	100,00	90,58	81,79	76,99	70,84	67,26	60,95	57,70	53,40
2017	54,35	62,13	68,86	74,37	74,59	81,94	89,63	100,00	87,25	81,42	74,89	71,09	64,39	60,75	56,46
2018	52,21	59,54	65,75	71,22	70,75	77,62	84,13	90,69	100,00	89,51	82,21	78,07	70,43	66,30	61,48
2019	50,74	57,70	63,74	69,17	67,51	73,80	79,96	85,45	90,38	100,00	88,82	84,14	75,75	71,26	65,95
2020	48,11	54,50	60,21	65,25	63,26	69,43	75,06	80,19	84,69	90,62	100,00	91,50	81,82	76,82	71,13
2021	46,44	52,44	57,93	62,79	60,45	66,21	71,66	76,54	80,86	86,31	92,00	100,00	86,82	81,36	75,17
2022	42,99	48,62	53,73	58,18	55,82	61,00	65,92	70,38	74,05	78,89	83,51	88,14	100,00	90,93	83,63
2023	41,19	46,81	51,65	56,28	53,91	58,89	63,62	67,69	71,07	75,66	79,94	84,20	92,70	100,00	89,30
2024	38,54	43,71	48,26	52,54	50,20	54,87	59,32	63,39	66,40	70,55	74,58	78,39	85,91	89,98	100,00

Число впервые опрошенных домохозяйств (правая ось).

Строки: % всех опрошенных в N-й текущей волне от числа всех опрошенных в N-й прошлой волне.

Столбцы: % всех опрошенных в N-й прошлой волне от числа всех в N-й текущей волне.

Рис. ПЗ. Динамика разницы по полу опрошенных в N-й прошлой волне от числа всех в N-й текущей волне, в % в соотношении с числом впервые опрошенных домохозяйств (правая ось)

DOI: [10.14515/monitoring.2026.1.3042](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3042)**В. Б. Звоновский, А. В. Ходыкин, А. В. Раскевич****ПРИЧИНЫ ПРЕРЫВАНИЯ ИНТЕРВЬЮ В ПАНЕЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕМЫ****Правильная ссылка на статью:**

Звоновский В. Б., Ходыкин А. В., Раскевич А. В. Причины прерывания интервью в панельных исследованиях на политические темы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 1. С. 65—89. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3042>.

For citation:

Zvonovsky V. B., Khodykin A. V., Raskevich A. V. (2026) Reasons for Interrupting Interviews in Panel Political Surveys. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 65—89. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3042>. (In Russ.)

Получено: 05.06.2025. Принято к публикации: 16.12.2025

ПРИЧИНЫ ПРЕРЫВАНИЯ ИНТЕРВЬЮ В ПАНЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕМЫ

ЗВОНОВСКИЙ Владимир Борисович — доктор социологических наук, доцент, социолог, Фонд социальных исследований, Самара, Россия
E-MAIL: zvb@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0002-8805-9028>

ХОДЫКИН Александр Владимирович — кандидат социологических наук, преподаватель, Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия
E-MAIL: a.khodykin@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0003-0230-5775>

РАСКЕВИЧ Александра Владимировна — студентка магистратуры, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Самара, Россия
E-MAIL: a.raskevich@socio-fond.com
<https://orcid.org/0009-0008-4278-7872>

Аннотация. При проведении массовых репрезентативных опросов необходимо учитывать различия в достижимости разных групп респондентов, так как они могут приводить к значимым систематическим смещениям. Поэтому важно контролировать различия между респондентами, которые охотнее соглашаются участвовать в опросе, и всеми остальными респондентами. В ходе исследования мы сравнили распределения прерванных интервью и причин прерываний среди двух выборок массового телефонного опроса на тему российско-украинского конфликта: первая выборка (А) случайная, стратифицированная по федеральным округам и репрезентирующая взрослое население России ($N=1242$ успешных и 602 прерванных интервью, октябрь 2024 г.). Вторая выборка (Б) была получена из выборки 1603

REASONS FOR INTERRUPTING INTERVIEWS IN PANEL POLITICAL SURVEYS

Vladimir B. ZVONOVSKY^{1,2} — Dr. Sci. (Soc.), Associate Professor, Sociologist
E-MAIL: zvb@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0002-8805-9028>

Alexander V. KHODYKIN² — Cand. Sci. (Soc.), Lecturer
E-MAIL: a.khodykin@socio-fond.com
<https://orcid.org/0000-0003-0230-5775>

Alexandra V. RASKEVICH³ — Graduate Student
E-MAIL: a.raskevich@socio-fond.com
<https://orcid.org/0009-0008-4278-7872>

¹ Social Research Institute, Samara, Russia

² Samara State University of Economics, Samara, Russia

³ Samara National Research University named after academician S. P. Korolev, Samara, Russia

Abstract. Response rate of different groups of respondents in mass political telephone surveys varies. Therefore, it is important to monitor the differences between respondents who are more willing to participate in the survey and all other respondents. In the course of the study, we compared the distribution of interrupted interviews and the reasons for interruptions among two samples of a mass telephone survey on the Russian-Ukrainian conflict: the first sample (A) was random, stratified by federal districts and representing the adult population of Russia ($N=1242$ successful and 602 interrupted interviews, October 2024). The second sample (B) is made up of respondents who successfully completed a similar survey in June 2024 ($N=362$ successful and 34 interrupted interviews). A database has been compiled from them, which has been rung at least

респондентов, успешно прошедших подобный опрос в июне 2024 г. В октябре 2024 г. удалось установить контакт с 396 из них ($N=362$ успешных и 34 прерванных интервью). Проведен контент-анализ и качественный анализ аудиозаписей прерванных интервью из обеих выборок с целью измерить и охарактеризовать различия в причинах прерывания интервью и их распространенности между впервые опрошенными и повторно опрошенными (панельная выборка россиянами). На этапе прослушивания выборка аудиозаписей интервью с респондентами из выборки А стихийная: прослушаны 285 аудиозаписей из 602 прерванных интервью. Из выборки Б прослушаны все 34 прерванных интервью. Повторно опрошенные респонденты значительно реже прерывают интервью (9% против 33% среди впервые опрошенных), чаще всего — вследствие накопления проблем в ходе опроса (53% против 40% по выборке А), однако распространенность причин прерываний сходна в обеих выборках. Чаще всего к прерыванию интервью приводят нежелание обсуждать тему опроса, технические неполадки и занятость респондента. При этом, несмотря на распространенность прерываний из-за нежелания обсуждать тему опроса, вопросы про СВО не вызывают большего числа прерываний по сравнению с другими политическими темами.

Ключевые слова: телефонные опросы, российско-украинский конфликт, панельные опросы, кооперация респондентов, прерывания интервью

5 times each number or until the final status is reached. As a result, out of 1,603 previously successfully interviewed respondents, 362 people were successfully interviewed again, and 34 more interrupted the interview. A content analysis and qualitative analysis of audio recordings of interrupted interviews from both samples were conducted in order to measure and characterize differences in the reasons for interrupting interviews and their prevalence between Russians interviewed for the first time and those interviewed again (panel sample). At the listening stage, the sampling of audio recordings of interviews with respondents from sample A is spontaneous: 285 audio recordings from 602 interrupted interviews were listened to. From sample B, the audition interview sample is solid: all 34 interrupted interviews have been listened to. The results of the study. Repeated respondents interrupt interviews much less often (9% vs. 33% among first-time respondents) and interrupting interviews more often results from the accumulation of problems during the survey (53% vs. 40% in Sample A), however, the prevalence of reasons for interruptions is similar in both samples. Most often, an interview is interrupted by an unwillingness to discuss the topic of the survey, technical problems, and the respondent's employment. At the same time, despite the prevalence of interruptions due to unwillingness to discuss the topic of the survey, questions about the Russian-Ukrainian conflict cause more interruptions than other political topics.

Keywords: telephone surveys, Russian-Ukrainian conflict, panel polls, cooperation of respondents, interruptions of interviews

Введение

Для получения репрезентативных выборок в ходе массовых телефонных опросов используется случайный отбор телефонных номеров — RDD (Random Digital Dialing). Сначала в рамках диапазонов номеров, выдаваемых Минцифры РФ операторам мобильной связи по регионам, специальной программой (в нашей практике это Survey Studio) случайно генерируются номера мобильных телефонов¹, которые образуют выборку, подающуюся в колл-центр для совершения звонков по ней. Однако случайность выборки номеров телефонов для опроса не гарантирует ее репрезентативности, поскольку в ходе полевых работ могут произойти разного рода систематические смещения. Во-первых, до представителей разных групп дозвониться не одинаково просто: где-то есть проблемы со связью, какие-то группы более заняты, какие-то не отвечают на звонки с незнакомых номеров. Во-вторых, не все респонденты готовы до конца проходить опросы: по данным наших исследований, среди подходящих для опроса россиян успешно прошедших анкету оказывается меньшинство: на одно успешное интервью, как правило, приходится более десяти отказавшихся от участия в опросе [Звоновский, Ходыкин, 2026]. Еще некоторое число респондентов начинают интервью, но прерывают их, не дойдя до конца.

В каждом опросе можно выделить две группы респондентов: в первую входят успешно прошедшие опрос, а во вторую — те, кто отказался от интервью или прервал его [Tuckel, O'Neill, 2002]. Вторая всегда значительно больше первой по объему. И если она также оказывается отличающейся по измеряемым параметрам от первой, то можно констатировать систематическое смещение выборки из-за самоотбора респондентов, несмотря на то что выборка изначально была случайной. Поэтому столь важен контроль показателей кооперации респондентов и причин самоотбора респондентов. Хотя число прерванных интервью стабильно оказывается меньшим по сравнению с количеством успешно прошедших опрос, причины неготовности отвечать на вопросы анкеты, связанные с ее содержанием, лучше всего видны именно при анализе прерванных интервью, что обуславливает необходимость изучения причин прерываний интервью.

Прерванными интервью мы называем такие, где респондент дал согласие, успешно прошел скрининг, ему был задан хотя бы один вопрос по теме интервью, но от него не получен ответ на последний вопрос анкеты. Другими словами, это все интервью между отказавшимися в самом начале опроса и успешно прошедшими его до конца, и их можно рассматривать как вариацию отказа от интервью. Ситуации, когда интервью начато, но не закончено, могут происходить по техническим или бытовым причинам (обрыв связи, плохая слышимость или внезапно проснувшийся ребенок), но могут быть и следствием дискомфорта от темы опроса или неготовности отвечать на вопросы анкеты в тех формулировках, в которых они заданы. В любом случае, в отличие от отказавшихся участвовать в интервью в самом его начале, прервавшие интервью респонденты уже услышали часть вопросов анкеты и сформировали какое-то отношение к ним.

Хотя причины досрочного прекращения интервью респондентами в телефонных опросах исследованы явно недостаточно, особенно за последние 10—15 лет, ко-

¹ Сейчас большинство исследователей ограничиваются использованием только номеров мобильных телефонов ввиду почти всеобщего покрытия ими населения России: уже в 2015 г. величина ошибок покрытия из-за отсутствия доступа к мобильной связи была менее 2% [Сапонов, 2015].

гда телефонные опросы получили наибольшее распространение, все же имеются работы на эту тематику и близкие ей [Groves et al., 2009; McGonagle, 2013; Звоновский, Ходыкин, Раскевич, 2026]. Линейная модель вопрос-ответной коммуникации по Г. Лассуэллу включает в себя пять элементов: 1) источник сообщения; 2) содержание сообщения; 3) канал, по которому передается сообщение; 4) получатель информации и 5) эффект от передачи информации [Lasswell, 1948]. Телефонные опросы отличаются от других видов опросов каналом коммуникации — использованием телефонной связи в качестве канала сообщений, что может влиять и на содержание сообщения, и на эффект передачи информации (например, плохая слышимость или, напротив, очень хорошая слышимость, передающая нюансы пространства, в котором находится респондент при ответе на вопросы).

Особое внимание исследователи уделяют взаимодействию интервьюера и респондента, в частности особенностям поведения интервьюеров, снижающим мотивацию респондентов проходить опросы. В работах Джессики Брум показано влияние коммуникативного поведения и характеристик речи интервьюеров на достижимость респондентов: отзывчивость и эмпатия интервьюеров повышают коэффициенты ответов респондентов и побуждают их продолжать прохождение опроса даже при утрате внутренней мотивации к этому [Broome, 2012, 2014]. По данным других исследований, даже тембр голоса и темп речи интервьюеров влияют на готовность респондентов отвечать на вопросы: интервьюеры с более высоким тембром голоса, умеренной интонацией, умеренно быстрым темпом речи, меньшим количеством запинок и перебиваний респондентов оцениваются более положительно и реже сталкиваются с отказами от участия в опросе [Charoenruk, Olson, 2018; Conrad et al., 2013]. Как отмечают А. А. Ипатова и Д. М. Рогозин, «ошибки интервьюеры совершают из-за отсутствия рефлексивной позиции, из-за непонимания механики коммуникативного процесса. Большинство из них при этом обладают столь необходимыми для интервьюера техниками, которым научить нельзя: доброта, вежливость, уважение, человечность, отсутствие оценивания, но, к сожалению, они не имеют навыка применения их в коммуникации» [Ипатова, Рогозин, 2018].

К исходящим от исследователей проблемам, то есть содержанию сообщения в терминах Г. Лассуэлла, можно отнести неудачно разработанный инструментарий: мотивацию проходить опрос до конца снижают избыточная длина анкеты, длинные и сложные вопросы, которые трудно воспринимать на слух, вопросы, вызывающие у респондентов опасения. Чем длиннее анкета и, соответственно, чем больше времени у респондентов уходит на ее прохождение, тем больше будет тех, кто не готов тратить время на более длинную анкету [Rogelberg et al., 2003]. Иными словами, желающих и имеющих возможность пройти пятиминутную анкету при прочих равных условиях всегда будет больше, чем готовых тратить на опрос 20 минут. Более длинные анкеты чаще готовы проходить менее занятые и в большей степени интересующиеся темой опроса респонденты, распределение мнений которых по исследуемым параметрам может быть иным, чем у более занятых, что приводит к увеличению риска систематических смещений выборки [Keeter et al., 2006]. Увеличение длины анкеты негативно влияет и на качество получаемых данных (то, насколько вдумчиво и осмысленно респонденты отвечают на вопросы)

[Holbrook, Green, Krosnick, 2003]. Поэтому для телефонных опросов лучше не делать анкеты длиннее 15 минут [Звоновский, Ходыкин, Раскевич, 2026].

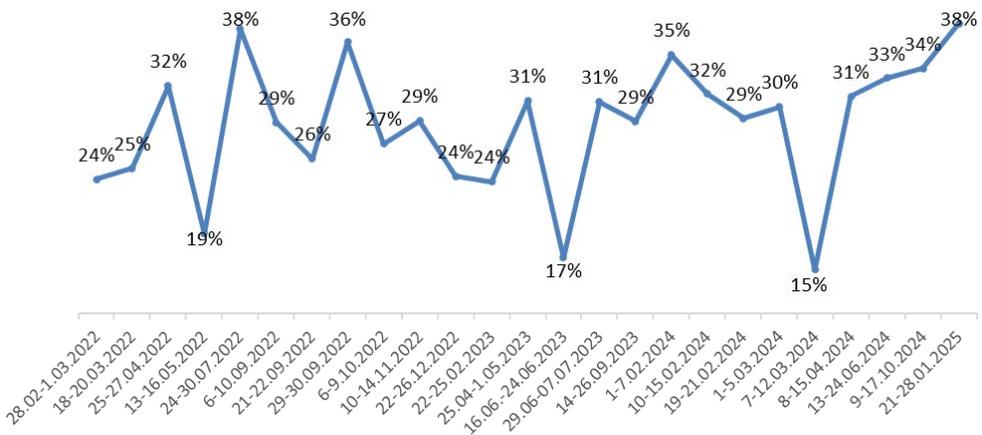
Спецификой телефонных интервью является необходимость воспринимать все формулировки на слух, поэтому, если они превышают способность респондента к восприятию и удержанию информации в памяти или вынуждают его тратить на это слишком много ресурсов, готовность осмысленно отвечать на такие вопросы и в целом проходить такие опросы снижается [Мануильская, 2014; Dillman, Smyth, Christian, 2014]. Поэтому Р. Гроувс и его соавторы пришли к выводу о первоочередном значении формулировок вопроса для эффективной опросной коммуникации, на сбой в которой влияют стилистические характеристики вопросных форм: краткость, простота, соответствие знаниям респондентов и другие характеристики задаваемых в анкете вопросов [Groves et al., 2009].

Сенситивность политической тематики и динамика прерываний интервью

Отдельное внимание следует уделить сенситивности темы опросов. Если вопросы интервью воспринимаются респондентами как дискомфортные и сенситивные, количество прерванных интервью возрастает [Звоновский и др., 2024]. Сенситивность для россиян темы конфликта с Украиной неоднократно охарактеризована как в наших исследованиях [Звоновский, Ходыкин, 2023а, 2023б], так и в исследованиях коллег [Frye et al., 2024; Tkachenko, Vyrskaia, 2025].

На базе наших опросов на политическую тематику, проведенных с 24 февраля 2022 г. до конца января 2025 г., мы сравнили доли прерванных интервью от общего числа начавших опрос (успешно прошедших скрининг). Средняя доля прерываний от суммы прерванных и успешных интервью составила 29%, но изменялась от опроса к опросу в соответствии с особенностями каждой волны (длиной анкеты, формулировками вопросов и т. п.) (см. рис. 1). Средняя доля прерываний в российских телефонных опросах, хоть немного и превышает аналогичную долю в сходных по методу зарубежных исследованиях (23%), но близка к ним количественно [McGonagle, 2013].

Рис. 1. Динамика доли прервавших опрос от суммы прерванных и полных интервью (Фонд социальных исследований, 2022—2025 гг.)

Чтобы нивелировать влияние особенностей каждого конкретного опроса и проследить связь прерываний интервью с политическими событиями, представим динамику доли прерванных интервью от суммы прерванных и успешных в ключевые периоды изменения интереса к политическим событиям. В предыдущих исследованиях нами выделены шесть основных периодов изменения интереса россиян к политике, связанного с военно-политическими событиями: 1) начало военных действий (опрос 28 февраля — 1 марта 2022 г., $N = 1642$), 2) период до мобилизации (опросы с 10 марта по 10 сентября 2022 г., суммарный объем выборок — 18 694), 3) период первых десяти дней мобилизационной кампании (опросы с 21 сентября по 1 октября 2022 г., суммарный объем выборок — 2802), 4) время после окончания самой активной фазы мобилизации, но до начала предвыборной кампании (опросы с 6 октября 2022 г. по 26 сентября 2023 г., суммарный объем выборок — 8377), 5) время перед президентскими выборами (опросы с 1 февраля по 12 марта 2024 г., суммарный объем выборок — 5008) и 6) после президентских выборов (опросы с 8 апреля 2024 г. по 26 февраля 2025 г., суммарный объем выборок — 7279) [Звоновский, Ходыкин, 2024].

Сразу после начала военных действий доля прерываний была самой низкой: около 24%. После она выросла до 27% и оставалась на этом уровне до президентских выборов 2024 г., после которых доля обрывов выросла до 33% (см. рис. 2). То есть имеется тенденция роста числа прерываний, но вклад в нее вносят только два изменения их доли: произошедшее в марте 2022 г. и после президентских выборов. На первую точку роста прерываний могли повлиять ужесточение законодательства и криминализация антивоенной позиции, на вторую — усталость от военных действий в сочетании с утратой интереса к политической тематике после того, как президентские выборы уже прошли.

Рис. 2. Динамика доли прервавших опрос от суммы прерванных и полных интервью в основные периоды (Фонд социальных исследований, 2022—2025 гг.)

Наметившаяся тенденция роста числа прерванных интервью означает, что все больше россиян начинают интервью, но не имеют желания или возможности его завершить. Для выявления причин неготовности значимой части респондентов проходить политические опросы до конца проводятся методические исследования прерванных интервью. В предыдущем исследовании мы проанализировали причины прерываний интервью в репрезентирующем взрослое население России массовом телефонном опросе [Звоновский, Ходыкин, Раскевич, 2026]. Однако, во-первых, то исследование проведено впервые, поэтому в нем невозможно

было измерить устойчивость выявленных причин прерываний и проследить динамику их распространенности, во-вторых, на предыдущем этапе у нас не было возможности сравнить причины и уровень распространенности досрочных прекращений интервью у респондентов, которых легче и сложнее достичь, а это в свою очередь помогает охарактеризовать специфику прохождения анкеты россиянами, с большей готовностью участвующими в политических опросах, и, возможно, узнать, что может сделать такие опросы более привлекательными и для остальных.

Поэтому в данной статье мы сравним распространенность и причины прерываний интервью респондентами, опрошенными впервые, и участвовавшими в политических опросах ранее, то есть теми, кого можно условно отнести к более легкодоступным участникам таких опросов. Методических работ предшественников с подобным сравнительным анализом причин прерываний нам найти не удалось. В основном сравнительный анализ опросов по первичным и повторным выборкам проводится с целью выявления 1) различий в политических взглядах между респондентами с разной готовностью проходить политические опросы или 2) изменения либо в ответах повторно опрошенных респондентов, либо в их готовности продолжать участвовать в опросах, несмотря на не способствующие этому политические изменения.

В 2022 г. Д. Волков и К. Агапеева описали результаты методического эксперимента, в котором они проверяли гипотезу о том, что более оппозиционно настроенные россияне уклоняются от участия в опросах. С этой целью они агрегировали ($N=6995$) «массивы телефонных опросов, проведенных центром в 2021 г., а затем в течение двух дней пытались повторно опросить отобранных респондентов. По каждому номеру было сделано не менее четырех попыток дозвониться, по возможности, в разное время дня. Тем, кто согласился принять участие в опросе, было задано несколько вопросов о текущих событиях»². Тот эксперимент не подтвердил предположение, что респонденты, которые не одобряют деятельность руководства страны, после начала военного противостояния стали чаще отказываться от участия в опросах.

В 2024 г. исследователи проекта «Хроники» проверили гипотезу о влиянии наличия опыта прохождения политического опроса на ответы респондентов при повторном опросе³. Или, по-другому: они выясняли, есть ли разница по числу попыток контакта (с какой попытки дозвонились до респондента и провели успешное интервью) между сторонниками СВО, ее противниками и не пожелавшими ответить на этот вопрос и изменяется ли эта разница при повторном опросе этих респондентов. Социологи пытались связаться с респондентами, позиция которых относительно военных действий измерялась в телефонных опросах, проводившихся за 6—13 месяцев до повторного опроса. В ходе первой волны такого панельного исследования не обнаружено никаких значимых различий в числе попыток контактов со сторонниками, противниками военных действий и не пожелавшими

² Волков Д., Агапеева К. Готовность участвовать в опросах: результаты эксперимента // Левада-Центр. 2022. 14 июня. URL: <https://www.levada.ru/2022/06/14/gotovnost-uchastvovat-v-oprosah-rezultaty-eksperimenta/> (дата обращения: 25.02.2026) (материал создан и распространен российским юридическим лицом, признанным выполняющим функции иностранного агента).

³ Аналитический отчет по итогам 13 волны опросов проекта «Хроники». URL: https://github.com/dorussianswantwar/research1/tree/main/Глава_13 (дата обращения: 25.02.2026).

дать определенный ответ. При повторном опросе в сентябре 2024 г. также не оказалось значимых различий.

Цель и задачи исследования

Цель исследования — измерить и охарактеризовать различия в причинах прерывания интервью и их распространенности между впервые опрошенными и повторно опрошенными (панельная выборка) россиянами.

Задачи исследования:

- выявить и охарактеризовать основные причины прерывания интервью в политических телефонных опросах;
- описать проблемы опросной коммуникации интервьюеров и респондентов на материалах предшествующих прерываниям диалогов;
- измерить влияние накопительного эффекта проблем в опросной коммуникации на число прерываний;
- сравнить распространенность причин прерываний в разных выборках;
- измерить влияние особенностей составления вопроса и его темы на долю прервавшихся на нем интервью.

Материалы и методы исследования

Исследование проведено в два этапа.

Первый этап

Метод — телефонный опрос (CATI) на тему отношения россиян к военному противостоянию с Украиной, проведенный в октябре 2024 г. одной из исследовательских групп. Опрос проведен по двум выборкам.

В выборку А ($N = 1242$ успешных и 602 прерванных интервью) вошли респонденты, опрашиваемые впервые. Выборка случайная, стратифицирована по федеральным округам. Ошибка выборки не превышает 2,78 % при уровне значимости 95 %. Базы контактов сгенерированы случайным образом на основании диапазонов, выдаваемых Минцифры РФ операторам мобильной связи на 2023 г. Опрос проводился только по мобильным номерам, поскольку покрытие населения мобильной связью в России почти сплошное, что побудило исследовательские компании (ВЦИОМ, Russian Field, ExtreamScan, Фонд социальных исследований и др.) отказаться от использования стационарных номеров в телефонных опросах.

В выборку Б ($N = 362$ успешных и 34 прерванных интервью) попали респонденты, участвовавшие в предыдущей волне опроса на военно-политическую тематику (13—24 июня 2024 г., $N = 1603$) и успешно завершившие интервью. На основе этих контактов сформирована база: каждый номер из нее прозванивался не менее пяти раз либо до получения финального статуса. В результате из 1603 ранее успешно опрошенных респондентов повторно удалось успешно опросить 362 человека (57 % мужчин и 43 % женщин; 10 % в возрасте 18—29 лет, 53 % 30—59 лет и 37 % 60 лет и старше) и еще 34 прервали интервью (56 % мужчин и 44 % женщин; 12 % в возрасте 18—29 лет, 56 % 30—59 лет и 32 % 60 лет и старше). Таким образом, половозрастная структура прервавших и успешно прошедших опрос респондентов не различается, однако в целом панельная выборка незначительно смещена в сторону преобладания мужчин и недостатка молодежи.

Второй этап

Методы — контент-анализ и качественный анализ документов, а именно аудиозаписей диалогов с респондентами, прервавшими интервью, из обеих выборок. Количественное исследование (контент-анализ) позволяет измерить распространенность причин прерывания интервью, а качественный анализ дает материалы для описания нарративов, стоящих за этими причинами. На этапе прослушивания выборка аудиозаписей интервью с респондентами из выборки А стихийная: прослушаны 285 из 602 прерванных интервью. Записи в выборку специально не отбирались, их количество в ней обусловлено ограниченными ресурсами авторов. Из выборки Б прослушаны все 34 прерванных интервью.

Гипотезы исследования

1. Повторное участие в опросах на военно-политическую тему указывает на возможности и желание проходить такие опросы. Исследование компании «Хроники» показывает, что достигать респондентов, ранее успешно проходивших политические опросы, легче⁴, поэтому можно предположить, что и доля прерванных интервью от суммы прерванных и успешных среди респондентов выборки Б будет ниже, чем в выборке А.

2. При этом на предыдущем этапе исследования мы выяснили, что конкретные особенности вопроса (его длина, формулировка, сложность и т. п.) влияют на число прерываний в нем сильнее, чем его тема [Звоновский, Ходыкин, Раскевич, 2026]. Предположим, что эта зависимость сохранится и в новой волне опроса, и по сформированным по-разному выборкам.

3. В опросах, проведенных на одинаково сформированных выборках, причины прерывания интервью с большей вероятностью будут похожими. В то же время в опросах, где выборка формируется случайно, и в опросах на базе ранее успешно опрошенных респондентов причины отказов и прерываний, скорее всего, будут различаться. Это связано с тем, что люди, уже участвовавшие в политических опросах, как правило, более лояльны к исследователям и менее чувствительны к политической тематике, поскольку не в первый раз соглашаются тратить время и усилия на участие в таких исследованиях.

Поэтому предположим, что распределение причин прерываний между выборками А и Б будет различаться сильнее, чем между выборкой А и выборкой из предыдущего репрезентативного опроса взрослого населения РФ, проведенного в январе 2024 г.

4. Наши предыдущие исследования показывают, что в политических опросах по случайным выборкам досрочное прекращение интервью часто является следствием накопительного эффекта проблем в коммуникации, случившихся между интервьюером и респондентом [Звоновский, Ходыкин, Раскевич, 2026]. Однако доля прерванных интервью, в которых обрыву предшествовали такие проблемы, измерена не была. Предположим, что она составляет большинство от всех прерванных и в случайно составленной, и в панельной выборках.

⁴ Аналитический отчет по итогам 13 волны опросов проекта «Хроники». URL: https://github.com/dorussianswantwar/research1/tree/main/Глава_13 (дата обращения: 25.02.2026).

Структура анкеты

Для обеих выборок (А и Б) анкета была идентичной. В выборке А доля прерванных интервью от суммы прерванных и успешных составила 33%, тогда как в выборке Б — лишь 9%, что подтверждает первую гипотезу о том, что повторные участники опросов чаще готовы доводить их до конца. В выборку Б входят респонденты, знакомые с политическими опросами и вопросами в них и в большей степени готовые в таких опросах участвовать.

Среднее время на успешное прохождение интервью у респондентов из выборки А составило 13 мин. 54 сек., тогда для выборки Б — 13 мин. 7 сек., то есть повторно опрошенные респонденты проходили анкету чуть быстрее, но эта разница невелика, хотя и статистически значима ($p < 0,05$). Анкета разделена на шесть тематических блоков: 1) про выборы и отношение к политикам, 2) экономику, 3) используемые респондентами источники политической информации, 4) военное противостояние 5) отношение к политическим опросам и 6) социально-демографический блок. Структура анкеты представлена в таблице 1. Из таблицы мы видим, что количество прерываний не связано с длиной вопроса, как это было в нашем прошлом исследовании [Звоновский, Ходыкин, Раскевич, 2026]. Видимо, причина этому — отсутствие в анкете сложных вопросов и лишь два длинных вопроса — про отношение к политикам (73—74 сек.) и про источники информации о политике (58—62 сек.). На этих вопросах респонденты прерывали заполнение анкеты чуть чаще, чем в среднем по опросу. Видимо, длинные вопросы имеют накопительный эффект, аккумулируя недовольство респондентов. Когда же таких вопроса в анкете только два, респонденты готовы продолжать интервью.

Таблица 1. Вопросы анкеты и число прерванных на них интервью

Кол-во прерванных в выборке А	Кол-во прерванных в выборке Б	Средняя длина вопроса по А в сек.	Средняя длина вопроса по Б в сек.	Текст вопроса
0 (0%)	0 (0%)	15,24	15,41	6—8 сентября во многих регионах России прошли региональные или местные выборы. Вы что-то слышали или ничего не слышали об этих выборах?
149 (25%)	5 (15%)	18,55	18,92	Вы знаете, что-то слышали или ничего не знаете и не слышали о независимых, т. е. не связанных с органами власти, наблюдателях на выборах в России?
78 (13%)	5 (15%)	18,51	17,25	Вы скорее согласны или скорее не согласны с тем, что независимые наблюдатели важны для того, чтобы выборы в нашей стране были честными и справедливыми?

Кол-во прерванных в выборке А	Кол-во прерванных в выборке Б	Средняя длина вопроса по А в сек.	Средняя длина вопроса по Б в сек.	Текст вопроса
70 (12%)	5 (15%)	26,41	23,54	Вы скорее поддерживаете или скорее не поддерживаете запрет для россиян, которых объявили иностранными агентами, избираться, наблюдать и участвовать в избирательных кампаниях кандидатов?
29 (5%)	1 (3%)	19,67	18,27	Как вы считаете, допустимо или не допустимо проводить выборы в России во время режима чрезвычайной ситуации?
35 (6%)	1 (3%)	21,19	18,98	Насколько вы удовлетворены своим экономическим положением в настоящее время? Оцените по шкале от 1 до 5, где 1 — совершенно НЕ удовлетворены, а 5 — полностью удовлетворены
12 (2%)	1 (3%)	18,36	17,42	А насколько вы удовлетворены экономическим положением в стране в целом? Оцените по шкале от 1 до 5, где 1 — совершенно не удовлетворены, а 5 — полностью удовлетворены
9 (1%)	0 (0%)	18,38	16,56	Скажите, пожалуйста, насколько вы интересуетесь российской политикой?
6 (1%)	1 (3%)	14,16	13,53	Как часто вы обсуждаете политические вопросы с другими людьми?
28 (5%)	2 (6%)	61,65	57,52	Из каких источников Вы получаете информацию о российской политике? Отметьте все источники
36 (6%)	3 (9%)	9,35	8,62	Вы используете или не используете ви-пи-эн (VPN)?
28 (5%)	2 (6%)	74,13	72,72	Вы знаете, что-то слышали или ничего не знаете и не слышали о следующих деятелях?
27 (4%)	1 (3%)	14,46	13,69	Как вы полагаете, большинство ваших друзей и знакомых поддерживают или не поддерживают президента Путина?

Кол-во прерванных в выборке А	Кол-во прерванных в выборке Б	Средняя длина вопроса по А в сек.	Средняя длина вопроса по Б в сек.	Текст вопроса
4 (1%)	1 (3%)	11,39	10,68	А большинство граждан России поддерживают или не поддерживают президента Путина?
14 (2%)	1 (3%)	31,90	28,43	Вы в целом скорее одобряете или скорее не одобряете работу следующих органов власти?
10 (2%)	2 (6%)	19,01	15,87	Вы в целом скорее доверяете или скорее не доверяете своим согражданам, уехавшим из России после 24 февраля 2022 года?
4 (1%)	1 (3%)	24,04	22,66	Скажите, пожалуйста, Вы или кто-то из членов вашей семьи участвует или участвовал в спецоперации России на территории Украины, или никто не участвовал?
4 (1%)	1 (3%)	16,53	15,82	Скажите, пожалуйста, вы поддерживаете или не поддерживаете военную операцию России на территории Украины, затрудняетесь однозначно ответить или не хотите отвечать на этот вопрос?
5 (1%)	1 (3%)	14,66	13,28	Как вы полагаете, спецоперация России на территории Украины была неизбежной или ее можно было избежать?
16 (3%)	0 (0%)	22,42	20,90	Каким источникам информации о спецоперации в Украине вы доверяете в большей степени — государственным СМИ или независимым источникам? Или не доверяете ни тем, ни другим?
10 (2%)	0 (0%)	30,39	31,14	Что, на ваш взгляд, является наиболее правильной позицией гражданина России в отношении спецоперации в Украине?
2 (0%)	0 (0%)	18,96	17,19	В завершении нескольких вопросов о Вас для статистики. Какой у вас наивысший уровень образования, подтвержденный дипломом, аттестатом?

Кол-во прерванных в выборке А	Кол-во прерванных в выборке Б	Средняя длина вопроса по А в сек.	Средняя длина вопроса по Б в сек.	Текст вопроса
1 (0%)	0 (0%)	29,02	27,68	Какой основной род занятий у Вас в настоящее время?
2 (0%)	0 (0%)	15,01	14,59	Сколько всего человек проживает вместе с вами, включая вас, включая маленьких детей и временно отсутствующих?
2 (0%)	0 (0%)	26,07	26,70	Назовите, пожалуйста, примерный совокупный доход вашей семьи, тех, кто проживает вместе с вами, в месяц (включая зарплаты, пособия, выплаты, любые денежные поступления)? Нам нужно лишь приблизительное число
5 (1%)	0 (0%)	47,10	43,03	Какое из перечисленных описаний точнее всего соответствует материальному положению вашей семьи?
13 (2%)	0 (0%)	24,62	22,89	Насколько, по вашему мнению, безопасно принимать участие в социологических опросах на тему спецоперации? Оцените по шкале от 1 до 5, где 1 — совершенно безопасно, а 5 — очень опасно
3 (0%)	0 (0%)	24,49	22,71	Для улучшения качества наших исследований, скажите, по какой причине вы согласились принять участие в опросе:
0 (0%)	0 (0%)	12,99	11,58	Это были все вопросы, которые мы хотели Вам задать. Большое спасибо за участие в опросе!

Поскольку блоки анкеты включают разное количество вопросов, рассчитаем среднее число прерываний на один вопрос каждого блока, чтобы узнать, на какой блок приходится больше прерываний вне зависимости от количества вопросов в нем. Вопросы в выборке Б, состоящей из повторно опрошенных респондентов, прерывались слишком редко для сравнительного анализа выборок. В выборке А (впервые опрошены) чаще всего прерывался блок про выборы и отношение к политикам: на его вопросах респонденты вдвое чаще прекращали интервью (46), чем на блоке про экономику (24) (см. табл. 2). На каждый вопрос блока про источники информации о политике и политиках приходилось в среднем по 21 прерыванию, тогда как на блоки про СВО и отношение к опросам — по восемь прерываний на вопрос, а в социально-демографическом блоке — лишь по два. В нашем пре-

дыдущем исследовании причин прерывания интервью, проведенном по результатам прослушивания прерванных интервью всероссийского репрезентативного телефонного опроса на военно-политическую тематику (январь 2024, $N = 1619$ успешных и 888 прерванных), чаще всего прерывались блоки про источники политических новостей (22 прерывания на вопрос), СВО (15) и выборы (10) [Звоновский, Ходыкин, Раскевич, 2026]. Иными словами, разница в количестве прерываний на вопросах по сходной тематике из разных анкет показывает, что конкретное содержание и формулировки вопросов влияют на число прерываний значительно сильнее, чем тема блока, — вторую гипотезу можно считать подтвержденной.

Таблица 2. *Распределение прерываний по блокам и выборкам*

Тема блока	Кол-во вопросов в блоке	Характеристики блоков					
		Среднее число прерываний на 1 вопрос выб. А	Среднее число прерываний на 1 вопрос выб. Б	Средняя длина вопроса (в сек.) выб. А	Средняя длина вопроса (в сек.) выб. Б	Всего прерываний выб. А	Всего прерываний выб. Б
Выборы и отношение к политикам	8	46	2	19,5	18,3	371 (62%)	19 (56%)
Экономика	2	24	1	19,8	18,2	47 (8%)	2 (6%)
Источники политической информации	5	21	2	35,5	33,8	107 (18%)	8 (24%)
СВО	6	8	1	21,2	19,9	49 (8%)	5 (15%)
Отношение к политическим опросам	2	8	0	24,6	22,8	16 (3%)	0 (0%)
Социально-демографический блок	5	2	0	27,2	25,8	12 (2%)	0 (0%)

Описание причин прерываний интервью

По итогам аудиоконтроля прерванных интервью нами выделены семь причин досрочного прекращения интервью респондентами и вариант с другими причинами, не вошедшими в перечень самых распространенных. Далее причины расположены в порядке убывания распространенности. Проиллюстрируем каждую из них конкретными диалогами интервьюера и респондента, указывающими на эту причину.

Нежелание обсуждать тему опроса проявляется в критических высказываниях респондентов по отношению к теме опроса, а также выражении дискомфорта или других отрицательных реакций на ее обсуждение. Распространенность таких причин свидетельствует о чувствительности темы опроса. Нежелание обсуждать российско-украинский конфликт проявляется в следующем диалоге:

И.: Каким источникам информации о спецоперации в Украине вы доверяете в большей степени: государственным СМИ или независимым источникам? Или не доверяете ни тем, ни другим?

Р.: Да ничего я это не понимаю и не хочу даже говорить на эту тему! (Прерывание на стороне респондента)

Слабо интересующийся политикой респондент неуверенно, тише ответов на другие вопросы и обрывисто отвечал на вопросы про военные действия, что может быть проявлением опасений в разговоре на острую политическую тему. Этот вопрос оказался пятым из посвященных военной тематике, и в нем, по-видимому, сказался накопительный эффект других вопросов из этого блока: дискомфорт от разговора о событиях, которые респондент в обычной жизни стремится не обсуждать и вытеснять из своей жизни как не зависящие от него, но грозящие проблемами, вызвал у него раздраженную реакцию и неготовность продолжать диалог. Этот пример важен еще и для понимания того, что, если опрос прерывается на каком-либо вопросе, то в случае неготовности обсуждать тему это не всегда связано с содержанием или формулировкой конкретного вопроса, на котором положили трубку: нередко сказывается накопительный эффект, когда на каком-то вопросе на дискомфортную респонденту тему у него просто заканчивается терпение. Для более поздних вопросов тематического блока вероятность собрать такие прерывания больше, чем для более ранних. Для снижения количества таких прерываний лучше снижать количество вопросов в блоках на острые или сложные для ответа темы. Как вариант — «разбавлять» блоки сенситивных вопросов менее чувствительными, чтобы расслабить респондента, снизить уровень дискомфорта для него.

К нежеланию обсуждать тему относятся и явно высказанные опасения столкнуться с государственными репрессиями за оценку решения о начале военных действий. Но столь прямо опасения проговариваются в единичных случаях:

И.: Скажите, пожалуйста, вы поддерживаете или не поддерживаете спецоперацию России на территории Украины? Затрудняетесь однозначно ответить или не хотите отвечать на этот вопрос?

Р.: Не хочу отвечать. Это статья уголовного розыска [вероятно, респондент имел в виду кодекс].

И.: Как Вы считаете, была ли спецоперация России на территории Украины неизбежной или ее можно было избежать?

Р.: Вы сейчас задаете мне вопросы, которые регулируются уголовным кодексом, да? Кодексом Российской Федерации. Я не буду отвечать на эти вопросы. (Прерывание на стороне респондента)

Технические неполадки проявляются в проблемах со связью, когда в диалог вмешиваются шипение, посторонние звуки, плохая слышимость респондента, обрыв звонка на полуслове и т. п. Приводить конкретные диалоги для иллюстрации этой причины нецелесообразно ввиду очевидности ее проявлений.

К занятости респондента мы относим случаи, когда респондент говорит, что у него мало времени, торопит интервьюера или в момент опроса случается си-

туация, которая мешает продолжить разговор: появилось срочное дело, встретил на улице друга, заплакал ребенок, почувствовал себя плохо и т. п. Пример такого случая:

И.: Вы в целом скорее одобряете или скорее не одобряете работу следующих органов власти?

Р.: Давайте прекратим, у меня времени нет, и я на работе сейчас. Извините Вы меня, у меня рабочее время, все, истекло обеденное. До свидания. (Прерывание на стороне респондента)

С одной стороны, респонденты не всегда могут адекватно оценить время, необходимое на прохождение опроса. Слова интервьюера о том, что интервью займет 10—15 минут, не помогают в случае неправильной оценки респондентом наличия у него этого количества времени: некоторые участники опросов думают, что 15 минут — это очень быстро, но, столкнувшись с реальной длиной анкеты, иногда понимают свою неготовность тратить такое количество времени. Также возможно, соглашаясь на прохождение опроса, она полагают, что справятся быстрее большинства других респондентов, а когда в реальности это не получается, прерывают звонок. С другой стороны, нехватка времени иногда может служить легитимным и социально одобряемым оправданием нежелания продолжать интервью, разного рода опасений или других причин: проще сослаться на занятость, чем говорить о своем нежелании продолжать опрос. Проблема методических исследований в невозможности в большинстве случаев отличить реальную занятость от используемой в качестве легитимной подмены других причин: почти никогда респонденты голосом не выдают себя, а считывать выражение лица и другие визуальные проявления в условиях телефонных опросов невозможно.

Неактуальность темы отмечается, когда ясно, что респондент плохо разбирается в теме опроса или не интересуется ей. В отличие от нежелания обсуждать тему при ее неактуальности, дискомфорт вызван не опасениями или неловкостью, а проявляемой в ответах низкой информированностью о теме опроса. Если респондент часто затрудняется, с трудом отвечает, просит пояснить значение каких-то понятий и т. п., можно прийти к выводу о его низкой осведомленности о предмете обсуждения, как и в случае, когда респондент четыре раза подряд затруднился с ответом или отказался — в таких случаях интервью с ним прекращается досрочно. Пример диалога, в котором слабая информированность стала причиной досрочного прекращения опроса:

И.: Вы в целом скорее одобряете или скорее не одобряете работу следующих органов власти? Работу президента России скорее одобряете или скорее не одобряете?

Р.: Ну вы прям вообще, чем дальше в лес, тем глубже партизаны. Я занимаюсь своими делами и не занимаюсь делами президента.

И.: Правительство России?

Р.: Тот же самый ответ.

И.: Государственной думы?

Р.: Господи, я вообще ничего не знаю. Они просто есть.

И.: *Вы в целом скорее доверяете или скорее не доверяете своим согражданам, уехавшим из России после 24 февраля 2022 года?*

Р.: *У меня таких сограждан знакомых нету.*

И.: *Мы изучаем, как спецоперация России на территории Украины повлияла на жизни российских граждан. Скажите, пожалуйста, вы или кто-то из членов вашей семьи участвует или участвовал в спецоперации России на территории Украины?*

Р.: *Вот этих дел я вам не скажу.*

И.: *Скажите, пожалуйста, вы поддерживаете или не поддерживаете военную операцию...*

Р.: *Спасибо, до свидания. (Прерывание на стороне респондента)*

У не интересующейся политикой респондентки вызывают недоумение вопросы на политическую тематику. Она прямо говорит об отсутствии желания разбираться в принимаемых решениях и оценивать их, считая это прерогативой руководства страны: «Я занимаюсь своими делами и не занимаюсь делами президента». Со своим окружением о политике она также не разговаривает, оставаясь неинформированной об их политических взглядах. Вопросы на тему, в которой респондентка некомпетентна, вызывают у нее раздражение, накапливающееся по мере прохождения анкеты и в конце концов приводящее к прерыванию интервью. Хотя прерывание случилось на вопросе об отношении к СВО, утрата интереса к опросу у респондентки происходила постепенно, когда она получала один за одним вопросы на неинтересную ей тему политики, накопительный эффект которых не позволил ей пройти анкету до конца.

Длину анкеты можно отнести к причинам прерывания, когда респондент говорит, что анкета слишком длинная, что уже долго идет разговор, дольше обещанного и в других случаях, когда респонденты отказываются проходить опрос, прямо ссылаясь на продолжительность интервью. От причины «занятость респондента» это отличается тем, что при занятости причина прерывания внешняя: если бы не возникли дела или какие-то внешние обстоятельства, респондент бы продолжил отвечать. Длина анкеты — это причина преимущественно внутренняя: респонденту надоело отвечать, он устал или не готов столь много времени тратить на опрос.

И.: *Назовите, пожалуйста, примерный совокупный доход вашей семьи, тех, кто проживает вместе с вами, в месяц (включая зарплаты, пособия, выплаты, любые денежные поступления)? Нам нужно лишь приблизительное число.*

Р.: *Слушайте, вы меня так утомили уже, полчаса, я, вот, сериал смотрела, что-то подустала я от вас.*

И.: *А все уже, вопросы для статистики...*

Р.: *Ну, Вы сказали, вопросов на две минуты, а уже три минуты прошло... Подустала я от вас.*

И.: *Ну, видимо, мы с вами общаемся помимо... Ну вот, мне отметить, приблизительно, как мне написать? Вот примерно сколько у Вас в месяц получается на семью? (Прерывание на стороне респондента)*

В данном случае интервью действительно получилось длинным — звонок прервался на 29-й минуте при средней длине анкеты в 13 минут. Так получилось из-за

того, что респондентка подробно отвечала на все вопросы, долго рассуждала, ей приходилось повторять формулировки и возвращать от рассуждений к выбору конкретных вариантов. В случае таких разговорчивых респондентов перед интервьюером возникает сложная дилемма, универсальных решений которой нет: или жестко прерывать рассуждения респондентов, возвращая их к выбору конкретных вариантов, экономя тем самым время и деньги опросной компании, но рискуя утратить динамический характер коммуникации и вызвать раздражение собеседника, или более мягко направлять разговор в нужное русло, но рискуя удлинением анкеты и утомлением обеих сторон диалога. Несмотря на инструктажи, конечное решение в каждом конкретном случае остается за интервьюером и принимается им на основании его опыта и трактовки коммуникативной ситуации. В целом же чем короче анкета, тем лучше будет кооперация респондентов при прочих равных условиях. Среди всех опросных методов длина анкеты наиболее принципиальна для телефонных опросов, поскольку в них звонок опросной компании вторгается в повседневную жизнь респондента при всей его возможной занятости и требует от респондента наибольших усилий, поскольку вопросы и варианты ответов ему приходится воспринимать на слух, что быстрее вызывает утомление.

Формулировки вопросов отмечаются в качестве причины прерывания, когда респондент критикует длину, логику, формулировки или понятия, использованные в вопросах или вариантах ответов.

И.: Вы скорее поддерживаете или скорее не поддерживаете запрет для россиян, которых объявили иностранными агентами, избираться, наблюдать и участвовать в избирательных кампаниях кандидатов?

Р.: Ни хрена не понял вопрос. (Прерывание на стороне респондента)

По мере прохождения анкеты у респондента вопросы в целом вызывали затруднения, несколько раз повисали паузы перед ответом, один раз пришлось повторить вопрос. Формулировка данного вопроса в виде сложного предложения оказалась непонятой респонденту на слух, что вызвало его раздражение, грубый ответ и нежелание продолжать опрос. Это еще раз демонстрирует, что в телефонных опросах предложения должны быть максимально простыми с минимумом знаков препинания и однородных членов предложения, поскольку в опросах участвуют люди с разной способностью к восприятию информации на слух, с разным уровнем образования и качеством телефонной связи.

Поведение интервьюера называется в качестве причины прерывания, когда оно произошло из-за того, что интервьюер в недостаточной мере подготовился к опросу (часто запинался, путался в словах и т. п.) или повел себя некорректно: нагрубил респонденту, высказал свою точку зрения или другим способом отбил у респондента желание проходить опрос. Как верно отметил Д. М. Рогозин и его коллеги, большая нагрузка на интервьюеров, их эмоциональное выгорание, большое число отказов и не всегда адекватные ответы респондентов вызывают нарушения интервьюерами инструкции [Рогозин, 2017; Рогозин, Ипатова, Галиева, 2018]. Иногда они допускают некорректные реакции или высказывания в адрес респондента. Чаще всего это приводит к прерыванию опроса, поскольку восста-

новить такую коммуникацию почти невозможно. К счастью, такие случаи редки, но и это тоже случается:

И.: (После долгих рассуждений респондентки при ответе на вопрос об оценке органов власти) *Вы не согласны отвечать на вопросы? Вы согласились на опрос, но Вы не хотите на них отвечать.*

Р.: *Почему это я не согласна? Я отвечаю.*

И.: *Вы начинаете рассказывать истории. Если бы туда бы, если бы вот отсюда.*

Р.: *У Вас вопросы категоричные.*

И.: (С раздражением) *Да, опрос короткометражный, а беседы — с Соловьевым. (Прерывание на стороне интервьюера)*

В данном случае интервьюер в ответ на долгие рассуждения респондентки и после неудачных попыток вернуть ее к выбору вариантов ответа начинает грубо отвечать, потом сама прерывает звонок.

Распространенность причин прерываний

Представленное в таблице 3 распределение причин прерываний по выборкам свидетельствует об устойчивости причин прерываний интервью и в разных выборках, и в разные опросные периоды (третья гипотеза не подтвердилась: распределение причин прерываний между выборками А и Б не различается сильнее, чем между выборкой А и опросом января 2024 г.). Обращает на себя внимание меньшее число прерываний из-за ошибок интервьюера в более короткой октябрьской анкете и отсутствие жалоб на формулировки вопросов со стороны повторно опрошенных в октябре респондентов (выборка Б). В вариант «другое» попали все случаи, когда опрос прерывался из-за поведения респондента (грубит, отвечает в шутку, допускает оскорбления и т. п.), его состояния (пьяный, неадекватный, больной и т. п.) или отсутствия принадлежности к генеральной совокупности (не гражданин России), а также все случаи, когда в опрос вмешивались третьи лица или аудиозапись интервью не давала ни малейшей возможности выяснить причину прерывания.

Таблица 3. *Распределение причин прерываний по выборкам, в %*

Причина прерывания	Выборка А	Выборка Б	Январь 2024
Нежелание обсуждать тему	26	29	22
Технические неполадки	23	29	23
Занятость респондента	15	12	17
Неактуальность темы	11	15	16
Длина анкеты	8	6	5
Формулировки вопросов	6	0	7
Поведение интервьюера	1	0	4
Другое	9	9	7

Не всегда прерывание интервью происходит из-за внезапно возникшей трудности, иногда к досрочному прекращению приводит накопление проблем: нарастающее недовольство темой или вопросами анкеты, нехватка знаний у респондента, демонстрация усталости от опросной процедуры и аналогичные проблемы имеют свойство накапливаться на протяжении интервью и, достигнув критической точки, приводят к обрыву. Распространенность предшествующих прерыванию трудностей коммуникации мы посчитали на массивах прослушанных интервью по обеим выборкам. Таблица 4 показывает, что такие трудности характерны для большинства прерванных интервью из выборки Б (53%), тогда как в выборке А таких меньше половины (40%), то есть четвертая гипотеза подтверждена частично — только для выборки Б (повторно опрошенных респондентов). Различия между выборками можно объяснить большей устойчивостью повторно опрашиваемых респондентов к нарушениям коммуникации: респонденты, которые уже участвовали в похожих опросах, реже прерывают интервью из-за единичной трудности — чтобы они потеряли готовность проходить анкету, им нужно столкнуться с несколькими проблемами коммуникации и ощутить кумулятивный эффект этих трудностей. В то же время впервые опрашиваемым россиянам для прерывания интервью чаще достаточно и одной видимой трудности в диалоге.

Таблица 4. *Распределение по выборкам сбоев коммуникации, предшествовавших прерыванию интервью, в % от всех прерванных интервью в каждой выборке*

Наличие выявленных при прослушивании интервью проблем в коммуникации до прерывания, на предыдущих вопросах: критика анкеты, затруднения, спор с интервьюером, высказывание претензий, нежелания отвечать и т. п.	Выборка А (впервые опрошенные)	Выборка Б (повторно опрошенные)
Да	40	53
Нет	60	47

Накопительный эффект проблем коммуникации в большей степени обуславливает прерывания повторно участвующими в политических опросах респондентами, тогда как впервые опрашиваемые чаще досрочно прекращают интервью и без влияния накопленных в диалоге трудностей.

Выводы и обсуждение результатов

Повторно участвующие в опросах на тему российско-украинского конфликта значительно реже прерывают интервью: в 9% случаев, тогда как среди впервые опрашиваемых респондентов эта доля составляет 33%, что подтверждает первую гипотезу: доля прерванных интервью от суммы прерванных и успешных среди повторно опрошенных респондентов действительно ниже, чем среди впервые опрошенных. Получается, что повторно в опросах на военно-политическую тему участвуют респонденты с более высокой заинтересованностью в ней. Можно предположить, что использование повторных выборок и панельных данных в целом будет увеличивать долю готовых обсуждать военно-политические темы и уменьшать число затруднившихся с ответом или имеющих нейтральную позицию.

При этом конкретное содержание вопросов влияет на число прерываний сильнее, чем тема блока — вторую гипотезу можно считать подтвержденной. Например, вопрос об информированности о выборах не вызвал прерываний ни в одной выборке, тогда как идущий следом вопрос о независимых наблюдателях из того же блока про выборы и политику в сумме по обеим выборкам собрал 154 прерывания. То есть дискомфорт для респондента не столько в обсуждаемой теме, сколько в конкретном ее аспекте, который измеряется опросом и в формулировке вопросов. Соответственно, находя более удачные формулировки, исследователи получают возможность изучать чувствительные на данный момент для общественного мнения темы.

Распределение причин досрочного прекращения интервью стабильно и слабо различается и между волнами исследования, и между по-разному сформированными выборками — третья гипотеза не подтвердилась. Нежелание обсуждать российско-украинский конфликт часто связано с опасениями негативных последствий, однако напрямую об этом говорится в единичных случаях. Тем не менее основными причинами прерывания интервью являются нежелание обсуждать тему опроса, технические неполадки и занятость респондента. При этом, несмотря на распространенность прерываний из-за нежелания обсуждать тему опроса, вопросы про СВО не вызывают большего числа прерываний по сравнению с другими политическими темами.

В 53% прослушанных прерванных интервью с повторно опрошенными респондентами и в 40% — с участвовавшими впервые перед досрочным завершением опроса возникали трудности в коммуникации. Это могло проявляться в нарастающем недовольстве темой или вопросами анкеты, затруднениях с ответами, спорах с интервьюером и т. п. Таким образом, прерывание интервью часто связано не с одной причиной, а с накоплением нескольких проблем, которые в итоге делают продолжение опроса невозможным. Однако только в выборке повторно опрошенных респондентов (выборка Б) прерыванию интервью в большинстве случаев предшествовали проблемы в коммуникации: среди впервые опрошенных таких прерываний все же не большинство — четвертая гипотеза о том, что большинству прерываний предшествуют проблемы в диалоге интервьюера и респондента, подтвердилась частично, только для выборки Б.

Более склонные к участию в политических опросах респонденты действительно реже прерывают интервью, для обрыва ими коммуникации нужно больше проблем в ходе опроса. Однако структура причин прерываний среди них сходна той, которая выявлена у впервые опрошенных. Более высокая готовность одних и тех же респондентов участвовать в опросах создает риск систематического смещения выборок в сторону преобладания таких респондентов за счет самоотбора более труднодоступных групп. Поэтому следует обеспечивать повышение репрезентативности выборок за счет обязательного прозвона всей базы контактов не менее трех раз или до достижения финального статуса. Поскольку конкретное содержание и формулировки вопросов влияют на готовность отвечать сильнее, чем обсуждаемая тема, важно с помощью вопросных формулировок делать анкету более комфортной для респондента: делать вопросы более короткими и менее сложными (как синтаксически, так и содержательно), использовать проективные

формулировки в вопросах на чувствительные темы, спрашивать о более известном и актуальном для большинства респондентов, относительно сложные и чувствительные вопросы сочетать с более простыми, избегая концентрации дискомфортных для респондентов вопросов, сокращать как длину всей анкеты, так и длину конкретных вопросов в ней.

Список литературы (References)

1. Звоновский В. Б., Ходыкин А. В. Восприятие россиянами конфликта с Украиной: проверка гипотезы «спирали молчания» // Социологические исследования. 2023а. № 11. С. 38—50. <https://doi.org/10.31857/S013216250028531-7>.
Zvonovsky V. B., Khodykin A. V. (2023a) Russians' Perception of the Conflict with Ukraine: Testing the "Spiral of Silence" Hypothesis. *Sociological Studies*. No. 11. P. 38—50. <https://doi.org/10.31857/S013216250028531-7>. (In Russ.)
2. Звоновский В. Б., Ходыкин А. В. Стратегии адаптации сторонников и противников спецоперации к жизни в ее условиях (на примере жителей Самарской области) // Социологический журнал. 2023б. Т. 29. № 1. С. 8—35. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.1>.
Zvonovsky V. B., Khodykin A. V. (2023b) Strategies of Adaptation of Supporters and Opponents of the Special Operation to Life in Its Conditions (On the Example of Residents of the Samara Region). *Sociological Journal*. Vol. 29. No. 1. P. 8—35. <https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.1>. (In Russ.)
3. Звоновский В. Б., Ходыкин А. В. Российское общественное мнение в условиях военного конфликта 2022—2023. Chişinău: Historical Expertise, 2024.
Zvonovsky V. B., Khodykin A. V. (2024) Russian Public Opinion in the Context of Military Conflict 2022—2023. Chişinău: Historical Expertise. (In Russ.)
4. Звоновский В. Б., Ходыкин А. В., Блинова Е. В., Пятницкая Н. А. Проявления чувствительности темы российско-украинского конфликта в массовых телефонных опросах россиян: анализ аудиозаписей интервью // Вестник общественного мнения. 2024. № 1. С. 19—36.
Zvonovsky V. B., Khodykin A. V., Blinova E. V., Pyatnitskaya N. A. (2024) Manifestations of Sensitivity of the Topic of the Russian-Ukrainian Conflict in Mass Telephone Surveys of Russians: Analysis of Audio Recordings of Interviews. *Bulletin of Public Opinion*. No. 1. P. 19—36. (In Russ.)
5. Звоновский В. Б., Ходыкин А. В., Раскевич А. В. В свете опросов. Методические проблемы измерения общественного мнения о российско-украинском конфликте. Самара: Стандарт, 2026.
Zvonovsky V. B., Khodykin A. V., Raskevich A. V. (2026) In The Light of The Polls. Methodological Problems of Measuring Public Opinion on The Russian-Ukrainian Conflict. Samara: Standard, 2026. (In Russ.)
6. Ипатова А. А., Рогозин Д. М. Неправильные решения интервьюеров при коммуникативных сбоях в стандартизированном телефонном интервью // Телескоп. 2018. № 4. С. 21—34.

- Ipatova A. A., Rogozin D. M. (2018) Incorrect Decisions of Interviewers in Case of Communication Failures in a Standardized Telephone Interview. *Telescope*. Vol. 130. No. 4. P. 21—34. (In Russ.)
7. Мануильская К. М. Инструменты для повышения эффективности автоматизированного телефонного опроса: на основе анализа прерванных интервью // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 6. С. 28—41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.6.03>.
Manuil'skaya K. M. (2014) Tools for Improving the Effectiveness of Automated Telephone Polling: Based on the Analysis of Interrupted Interviews. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. Vol. 124. No. 6. P. 28—41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2014.6.03>. (In Russ.)
 8. Рогозин Д. М. В тени опросов, или Будни интервьюера. М.: Страна ОЗ, 2017.
Rogozin D. M. (2017) *In the Shadow of Polls, or the Everyday Life of an Interviewer*. Moscow: Strana OZ. 1 (In Russ.)
 9. Рогозин Д. М., Ипатова А. А., Галиева Н. И. Стандартизированное (телефонное) интервью. М.: Пункт, 2018.
Rogozin D. M., Ipatova A. A., Galieva N. I. (2018) *Standardized (Telephone) Interview*. Moscow: Punkt. (In Russ.)
 10. Сапонов Д. И. Типы ошибок покрытия в телефонном опросе // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 4. С. 36—49. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.4.02>.
Saponov D. I. (2015) Types of Coverage Errors in a Telephone Survey. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 36—49. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.4.02>. (In Russ.)
 11. Broome J. S. (2012) *Vocal Characteristics, Speech, and Behavior of Telephone Interviewers*. Unpublished PhD Diss. Ann Arbor, MI: University of Michigan.
 12. Broome J. S. (2014) How Telephone Interviewers' Responsiveness Impacts Their Success. *Field Methods*. Vol. 27. No. 1. P. 66—81. <https://doi.org/10.1177/1525822X14531477>.
 13. Charoenruk N., Olson K. (2018) Do Listeners Perceive Interviewers' Attributes from their Voices and Do Perceptions Differ by Question Type? *Field Methods*. Vol. 30. No. 4. P. 312—328. <https://doi.org/10.1177/1525822X18784500>.
 14. Conrad F. G., Broome J. S., Benki J. R., Kreuter F., Groves R. M., Vannette D., McClain C. (2013) Interviewer Speech and the Success of Survey Invitations. *Journal of the Royal Statistical Society Series A: Statistics in Society*. Vol. 176. No. 1. P. 191—210. <https://doi.org/10.1111/j.1467-985X.2012.01064.x>
 15. Dillman D. A., Smyth J. D., Christian L. M. (2014) *Internet, Phone, Mail, and Mixed-Mode Surveys: The Tailored Design Method*. Hoboken, NJ: Wiley.
 16. Frye T., Hale H., Reuter O. J., Rosenfeld B. (2024) Sensitivity Bias in Regime Support: Evidence from Panel Surveys in an Autocracy at War. URL: <https://socialsciences>.

cornell.edu/sites/default/files/2024-10/sensitivity_bias_in_regime_support.pdf
(date of access: 13.05.2025).

17. Groves R. M., Fowler F. J., Couper M. P., Lepkowski J. M., Singer E., Tourangeau R. (2009) *Survey Methodology*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press; John Wiley & Sons.
18. Holbrook A. L., Green M. C., Krosnick J. A. (2003) Telephone versus Face-to-Face Interviewing of National Probability Samples with Long Questionnaires: Comparisons of Respondent Satisficing and Social Desirability Response Bias. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 67. No. 1. P. 79—125. <https://doi.org/10.1086/346010>.
19. Keeter S., Kennedy C., Dimock M., Best J., Craighill P. (2006) Gauging the Impact of Growing Nonresponse on Estimates from a National RDD Telephone Survey. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 70. No. 5. P. 759—779. <https://doi.org/10.1093/poq/nfl035>.
20. Lasswell H. D. (1948) The Structure and Function of Communication in Society. In: *The Communication of Ideas*. New York, NY: Harper and Brothers. P. 37—51.
21. McGonagle K. A. (2013) Survey Breakoffs in a Computer-Assisted Telephone Interview. *Survey Research Methods*. Vol. 7. No. 2. P. 79—90.
22. Rogelberg S. G., Conway J. M., Sederburg M. E., Spitzmüller C., Aziz S., Knight W. E. (2003) Profiling Active and Passive Nonrespondents to an Organizational Survey. *Journal of Applied Psychology*. Vol. 88. No. 6. P. 1104—1114. <https://doi.org/10.1037/0021-9010.88.6.1104>.
23. Tkachenko A., Vyrskaia M. (2025) Public Opinion and Casualties in Wartime Censorship. SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=5160862> (date of access: 13.05.2025).
24. Tuckel P., O'Neill H. (2002) The Vanishing Respondent in Telephone Surveys. *Journal of Advertising Research*. Vol. 42. No. 5. P. 26—48. <https://doi.org/10.2501/jar-42-5-26-48>.

DOI: [10.14515/monitoring.2026.1.2825](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.2825)**Д. С. Толстых, Е. С. Павленко, В. А. Мальцева****ЖУРАВЛИ И СИНИЦЫ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРИТЯЗАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ
МОЛОДЕЖИ ПО ДАННЫМ ЛОНГИТЮДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ****Правильная ссылка на статью:**

Толстых Д. С., Павленко Е. С., Мальцева В. А. Журавли и синицы: образовательные и профессиональные притязания современной молодежи по данным лонгитюдного исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 1. С. 90—122. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.2825>.

For citation:

Tolstykh D. S., Pavlenko E. S., Maltseva V. A. (2026) Cranes and Tomtits: Educational and Professional Aspirations of Modern Youth According to a Longitudinal Study. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 90–122. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.2825>. (In Russ.)

Получено: 26.12.2024. Принято к публикации: 16.12.2025.

ЖУРАВЛИ И СИНИЦЫ: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРИТЯЖАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ ПО ДАННЫМ ЛОНГИТЮДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ТОЛСТЫХ Дарья Сергеевна — стажер-исследователь Центра развития навыков и профессионального образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: tolsdasha@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7038-4359>

ПАВЛЕНКО Екатерина Сергеевна — кандидат педагогических наук, научный сотрудник Центра развития навыков и профессионального образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: epavlenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6910-0515>

МАЛЬЦЕВА Вера Андреевна — кандидат экономических наук, директор, старший научный сотрудник Центра развития навыков и профессионального образования Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: vamaltseva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7555-2350>

Аннотация. В статье рассматривается связь образовательных и профессиональных притязаний российской молодежи с образовательными и ранними профессиональными траекториями. Анализ лонгитюдных данных проекта «Траектории в образовании и профессии» (2013—2023 гг.) показывает, что притязания структурируются нормой обязательного высшего образования, однако фактическая реализация часто не совпадает с заявленными планами, особенно в зависимости от семейного образовательного капитала и места проживания. В центре

CRANES AND TOMTITS: EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL ASPIRATIONS OF MODERN YOUTH ACCORDING TO A LONGITUDINAL STUDY

*Daria S. TOLSTYKH*¹ — Research fellow at the Centre for Vocational Education and Skills Development
E-MAIL: tolsdasha@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-7038-4359>

*Ekaterina S. PAVLENKO*¹ — Cand. Sci. (Education), Research Fellow at the Centre for Vocational Education and Skills Development
E-MAIL: epavlenko@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6910-0515>

*Vera A. MALTSEVA*¹ — Cand. Sci. (Econ.), Director, Senior Research Fellow, Centre for Skills Development and Vocational Education at the Institute of Education
E-MAIL: vamaltseva@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7555-2350>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The article examines the interaction between educational and career aspirations of Russian youth and their impact on educational and early career trajectories. An analysis of longitudinal data from the TREC project (2013–2023) reveals that aspirations are structured around the norm of mandatory higher education; however, actual attainment often diverges from stated plans, particularly depending on family educational capital and place of residence. Special attention is given to the mismatch between educational achievements and career aspirations, as well as the identification

внимания — рассогласованность между образовательными достижениями и карьерными притязаниями, а также выявление групп с высокими рисками недореализации образовательных целей. Авторы подчеркивают необходимость комплексного подхода к изучению притязаний и их реализации с учетом социально-экономического положения и городской среды. Результаты показывают, что именно пересечение типа карьерной цели и ресурсной базы (семейный образовательный капитал, городская среда) объясняет различия между реализацией, «превышением» и недореализацией притязаний.

Ключевые слова: образовательные притязания, профессиональные притязания, исследования молодежи, образовательный выбор, социально-экономический статус

Благодарность. Авторы выражают признательность Доминику Шевчику и Ильясу Латыпову за участие в работе над более ранними версиями статьи. Исследование выполнено при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Введение

В последние десятилетия российская система образования переживает очередную фазу трансформации. Массовизация высшего образования в 2000-е — начале 2010-х годов сформировала социальную норму обязательного получения университетского диплома как стартового условия профессиональной карьеры [Бессуднов, Куракин, Малик, 2017]. Однако с середины 2010-х годов наблюдается спад переходов в высшее образование: доля молодежи, охваченной высшим образованием, стабилизировалась на уровне 30—32% [Мальцева, Шабалин, 2021; Малиновский, Шибанова, 2022]. При этом, согласно качественным исследованиям, нарратив о необходимости высшего образования остается устойчивым [Minina, Yanbarisova, Pavlenko, 2020]. Одновременно растет неоднородность самого высшего образования [Малиновский, Шибанова, 2022], что приводит к существенным различиям в карьерных исходах выпускников [Рожкова и др., 2023].

В этой ситуации особую значимость приобретает вопрос о степени реализации образовательных притязаний. Если ориентация на высшее образование сохраняется как нормативная установка, насколько устойчиво достижение за-

of groups at high risk of underachieving their educational goals. The findings emphasize the need for a comprehensive approach to studying aspirations and their realization, taking into account socioeconomic status and urban context. Results show that it is the intersection of career goals and resource base (family educational capital, urban environment) that explains differences between realization, exceeding, and under-realization of aspirations.

Keywords: educational aspirations, career aspirations, youth studies, educational choice, socioeconomic status

Acknowledgments. The authors express their gratitude to Dominik Shevchik and Ilyas Latypov for his help in preparation of the publication. The research leading to these results has received funding from the Basic Research Program at HSE University.

явленных статусов? Нарратив обязательности получения высшего образования может скрывать значительные расхождения между заявленными образовательными и карьерными притязаниями молодежи и их фактическими траекториями. Эти расхождения особенно заметны в условиях социальной стратификации и территориальных диспропорций: молодежь из регионов и семей с невысоким образовательным капиталом чаще занижает цели, что усиливает воспроизводство неравенства [Minina, Yanbarisova, Pavlenko, 2020]. Анализ подобных расхождений необходим для диагностики социальных рисков, сопровождающих становление молодежных траекторий в условиях трансформации образования и рынка труда.

В русле концепции воспроизводства социального неравенства, разработанной П. Бурдьё [Bourdieu, Passeron, 1990], и международные [Schoon, Parsons, 2002; Schoon, Polek, 2011; Staff et al., 2010], и российские исследования [Константиновский, 2015, 2019; Yastrebov, Kosyakova, Kurakin, 2018; Мальцева, Розенфельд, 2022] показывают, что образовательные и профессиональные (карьерные) притязания структурируются социально-экономическим статусом индивида и семьи, а также образовательными ожиданиями родителей. В российском контексте дополнительное значение приобретает территориальная неоднородность образовательных возможностей [Кондратенко, Кирюшина, Богданов, 2020; Константиновский, Попова, 2023]. Однако эти исследования, как правило, рассматривают образовательные и профессиональные траектории изолированно. Более того, акцент чаще делается на образовательных притязаниях, измеряемых по шкале «высокие — низкие», тогда как профессиональные притязания нередко сводятся к выбору профессии, что не позволяет реконструировать их иерархическую структуру.

Настоящее исследование исходит из необходимости изучать образовательные и профессиональные притязания во взаимосвязи. Опираясь на концепцию «емкости притязаний» Арджуна Аппадурай [Appadurai, 2004], мы рассматриваем их как элементы единой системы представлений о «лучшей жизни». С этой позиции образовательные и карьерные чаяния образуют единое поле смыслов, где выбор уровня образования неотделим от представлений о будущем.

Цель исследования — выявить социально-экономические факторы реализации образовательных притязаний и соотнести их с более широко понимаемыми профессиональными притязаниями. Исследование основано на данных лонгитюдного проекта «Траектории в образовании и профессии»¹ (ТрОП, 2013—2023 гг.), в нем применяется типология степеней реализации притязаний для анализа факторов риска реализации, недореализации и превышения заявленных целей. Дополнительно проводится кластеризация респондентов по степени реализации образовательных притязаний и характеру профессиональных устремлений. Статья вносит вклад в дискуссию о социально-экономической обусловленности образовательных притязаний и их реализации, дополняя существующие подходы анализом взаимосвязи образовательных и профессиональных целей и выделением профилей траекторий молодежи.

¹ Сайт проекта ТрОП: <https://trec.hse.ru/>.

Ландшафт эмпирических исследований притязаний в контексте неравенства²

Социологическое изучение образовательных притязаний и результатов последовательно подчеркивает двойственную роль индивидуальной агентности и структурных факторов в формировании жизненных траекторий. С одной стороны, уровень притязаний влияет на характеристики последующей траектории: школьники с притязаниями на профессиональную карьеру в старших классах чаще занимают управленческие или высококвалифицированные должности в зрелом возрасте и получают более высокую заработную плату по сравнению со сверстниками с низкими притязаниями [Schoon, Parsons, 2002; Schoon, Martin, Ross, 2007; Mello, 2008]. Высокие карьерные притязания содействуют учебной мотивации и поступлению в вуз, тогда как низкие связаны с низкой мотивацией и слабым развитием навыков [Schoon, Polek 2011; Staff, Schulenberg, Bachman, 2010; Ashby, Schoon, 2010]. Российские данные также указывают на рост притязаний молодежи, отражающий направление ожидаемых достижений [Магун, Энгватов, 2006]. С другой стороны, и притязания, и результирующие траектории, формируются под воздействием структурных социально-экономических факторов и неравенства ресурсов [Bourdieu, Passeron, 1990]. Дети из семей среднего класса чаще выбирают престижные профессии и демонстрируют более высокие достижения [Silva, Corse, 2018; Bynner, Joshi, 2002], в то время как дети из менее обеспеченных семей имеют заниженные карьерные планы [Baird, Burge, Reynolds, 2008; Staff, Schulenberg, Bachman, 2010; Sabates, Harris, Staff, 2011; Sharon 2013].

Российские данные в целом согласуются с международными тенденциями: ресурсы родительской семьи существенно влияют как на формирование притязаний, так и на их реализацию [Попов, Тюменева, Ларина, 2013; Хавенсон, Чиркина, 2019; Шпаковская, 2015; Косьякова и др. 2016; Бессуднов, Малик, 2016]. Исследования показывают, что притязания российской молодежи на входе в старшую школу структурированы «нормой обязательного высшего образования» [Бессуднов, Куракин, Малик, 2017], сформировавшейся в 2000-е годы [Константиновский, 2019; Константиновский, Попова, 2015]. В то же время среди фактических траекторий в последние 15 лет растет доля среднего профессионального образования (СПО) [Константиновский, Попова, 2020; Мальцева, Шабалин, 2021], хотя отчасти это следствие снижения доступности высшего образования [Yastrebov, Kosyakova, Kurakin, 2018; Prakhov, 2016; Prakhov, Yudkevich, 2019]. Анализ карьерных притязаний посвящен отдельный пул исследований [Свищевская, Пашкевич, 2020; Зубок, Чупров, 2020; Лебедева, Вилкова, 2022], которые фиксируют изменение профиля профессиональных притязаний одновременно с размытием представлений об отдельных профессиях, а также положительную динамику в стремлении работать по специальности. Специфическим для российского контекста является значительное неравенство в образовательных и карьерных притязаниях не только между сельской и городской молодежью [Абанкина, Красилова, Ястребов, 2012; Савельева, 2020], но и между молодежью разных регионов

² В качестве дополнительного инструмента поиска и резюмирования научной литературы были использованы средства генеративного ИИ (Perplexity.AI, ResearchRabbit.AI).

и городов разного типа и размера [Кондратенко, Кирюшина, Богданов, 2020; Константиновский, Попова, 2023].

При исследовании образовательных притязаний затрагивается больше нюансов, чем при исследовании профессиональных. Например, ученые отличают притязания от ожиданий и при оценке успешности траекторий также изучают взаимодействие между ними [Boxer et al. 2011] и роль степени их определенности [Sabates, Gutman, Schoon, 2017]. Российские данные подтверждают и эти тенденции: намерения школьников получить образование того или иного уровня зависят не только от социально-демографических характеристик, экономических факторов и академических результатов, но и от образовательных ожиданий, в том числе их родителей [Шпаковская, 2015; Кондратенко, Кирюшина, Богданов, 2020; Мальцева, Розенфельд, 2022]. В данной работе мы определяем притязания как планируемый к получению максимальный уровень образования и анализируем именно его.

Комплексные исследования профессиональных притязаний более редки по сравнению с исследованиями образовательных притязаний. Работ, изучающих образовательные и карьерные притязания одновременно и во взаимодействии, встречается крайне мало, и они показывают, что социально-экономический статус значимо влияет на оба вида притязаний [Zewude, Habgiorgis, 2022; Richard, 2018], а также что образовательные и профессиональные притязания и траектории связаны нелинейно [Амбарова, Зборовский, 2022].

Дефицит таких исследований особенно заметен на фоне расширения повестки социологии неравенства в сторону исследования символического измерения социальной реальности [Куракин, 2020]. В этой перспективе притязания можно рассматривать не как количественные (выше — ниже) маркеры, но как качественные, когнитивные, открытые для интерпретации системы смыслов. Наиболее четко этот тезис сформулировал Арджун Аппадурай, предложив понятие «емкость притязаний» (*capacity to aspire*), которую он также называет «культурной емкостью» (*cultural capacity*): «притязания на лучшую жизнь являются частью некой системы идей, что помещает их в более масштабную карту идей и убеждений о жизни и смерти, природе мирских благ, значимости материальных ресурсов по сравнению с социальными связями, относительной иллюзии социального постоянства для общества, ценности мира и вражды» [Appadurai, 2004: 67]. В контексте статистических исследований связи социально-экономического статуса, образовательных и карьерных притязаний это означает, что образовательные и карьерные притязания пересекаются, перекрываются, и наделяются смыслом в связке друг с другом, а не изолированно. Лучше всего комплексность образовательно-карьерных притязаний раскрывают качественные исследования, например, с помощью изучения визуальных метафор авторы выделили четыре модели, которые подчеркивают логику соотношения целей и средств их достижения в большей степени, чем конкретные уровни образования и профессии [Свищевская, Пашкевич, 2020].

Данная статья вносит вклад в исследования нелинейного взаимодействия образовательных и карьерных притязаний. Мы рассматриваем притязания (планы) на тот или иной уровень образования, оцениваем степень их реализации и, наконец, выстраиваем комплексные социально-экономические профили респондентов по степени реализации образовательных притязаний во взаимодействии с карьерными.

Методология и данные

В анализе используются данные трех волн лонгитюдного исследования «Траектории в образовании и профессии»³: второй волны (2013—2014 г., 4138 респондентов), четвертой (2015 г., 4239 респондентов) и 12-й (2023 г., 3239 респондента). Это позволяет проследить динамику образовательных и карьерных притязаний сначала у учащихся 11-го классов, затем студентов первого-второго курсов вузов и СПО и затем увидеть ретроспективную оценку сделанных выборов у респондентов, уже вышедших на рынок труда. Исследование сформировано на базе вероятностной стратифицированной выборки TIMSS-2011, в которую вошли 42 региона, при использовании выборочных весов обеспечивается репрезентативность на федеральном уровне для генеральной совокупности учащихся восьмых классов общеобразовательных организаций Российской Федерации, но не отдельных регионов (когорты TIMSS-2011, оценочная численность целевой популяции — порядка 1,21—1,25 млн учащихся). Конечной единицей отбора выступали классы, внутри которых опрашивались все учащиеся.

Для оценки образовательных притязаний использовался вопрос о максимальном уровне образования, который задавался во второй волне. Все предложенные варианты ответов были перекодированы в четыре большие группы: «школа», «СПО», «высшее образование», «сверх-ВО» (данный вариант подразумевает магистратуру, получение двух высших образований, аспирантуру, ординатуру).

Для оценки реализованности притязаний применялись две переменные с четырьмя укрупненными подгруппами, выделенными на основе вопросов об образовательных притязаниях и максимальном достигнутом уровне образования на момент 12-й волны. При совпадении уровней формировалась категория «реализовали притязания», если же заявленный уровень притязаний был ниже достигнутого — «превзошли притязания» и «не достигли», если полученный уровень образования был ниже желаемого.

Для исследования пересечения образовательных и профессиональных притязаний дополнительно был закодирован и проанализирован открытый вопрос: «Если говорить о карьере, профессии, то кем Вы себя видите в 30 лет?», который задавался в четвертой волне. Открытый вопрос затем был закодирован в четыре большие группы: руководители, профессионалы, полупрофессионалы⁴ и предприниматели.

Далее было проведено сопоставление распределения выделенных групп карьерных притязаний с образовательными планами и образовательной траекторией: (1) с выбором траектории после девятого класса, (2) с максимально планируемым уровнем образования и (3) с планами на ближайшие десять лет. Тем самым проверялось, различаются ли типы карьерных притязаний у учащихся с разными образовательными стратегиями, а также сохраняются ли эти различия при учете социально-экономического статуса семьи. Итоговый анализ представлен как

³ Данные исследования открыты для пользования исследователями на сайте <https://trop.hse.ru/>.

⁴ Наименование категории присвоено с опорой на российскую литературу по стратификации и относится к занятиям, находящимся между профессиональными и рутинными (неквалифицированными) позициями и предполагающим специализированные навыки и подготовку при сравнительно меньшей автономии и требованиях к формальному образованию («...полупрофессионалами» („Semi-Professionals“), в российских условиях обозначаемыми обычно как „специалисты среднего уровня квалификации“ [Тихонова, 2023: 40]).

сравнение долей между группами по образовательной траектории и социально-экономическому статусу семьи.

Для оценки социально-экономического положения семьи использовались две переменные: уровень образования родителей (градации — есть диплом о ВО у обоих родителей, есть диплом о ВО у одного из родителей, нет диплома о ВО ни у одного из родителей, вопрос задавался родителям в первой волне) и самооценка дохода семьи на момент второй волны по лестнице из шести ступеней (вопрос задавался подросткам)⁵ (см. формулировки вопросов в Приложении 1).

Таблица 1. **Контрольные переменные**⁶

		Количество	% по столбцу
Оценка материального положения (СЭС, укрупненные категории), 2 волна	Низкий СЭС	56	2,2
	Средний СЭС	1045	42,1
	Высокий СЭС	1383	55,7
Размер населенного пункта	<100 тыс.	709	28,7
	100—450 тыс.	489	19,8
	450—680 тыс.	376	15,2
	>680 тыс.	491	19,9
	Москва или Санкт-Петербург	406	16,4
Тип школы	Лицей/гимназия	1026	40,3
	Простая школа	1522	59,7
Пол	Женский	1009	51,7
	Мужской	943	48,3
Образование родителей	Есть ВО у обоих родителей	461	17,7
	Нет ВО ни у одного из родителей	1187	45,7 %
	ВО у одного из родителей	949	36,5 %

⁵ Переменная субъективного дохода семьи тестировалась в двух спецификациях: категориальной (низкий/средний/высокий) и интервальной. В моделях М1-М2 в основной версии используется категориальная спецификация, поскольку она не навязывает линейность эффекта и позволяет интерпретировать различия по группам дохода относительно референтной категории. В модели М3 (кластеры) доход задан шкально, поскольку при более сложной зависимой переменной и меньших численностях в отдельных категориях такая параметризация требует меньшего числа оцениваемых коэффициентов и дает более устойчивые оценки. Альтернативная кодировка дохода проверялась во всех моделях; при смене параметризации могут меняться уровни статистической значимости отдельных коэффициентов, однако направление основных эффектов сохраняется.

⁶ Низкий СЭС включает категории «денег не хватает даже на питание» и «на питание денег хватает, но не хватает на покупку одежды и обуви». Средний СЭС включает категории «на покупку одежды и обуви денег хватает, но не хватает на покупку крупной бытовой техники». Высокий СЭС включает категории «денег хватает на все, кроме таких дорогих приобретений, как квартира, дом» и «материальных затруднений не испытываем, при необходимости могли бы приобрести квартиру, дом».

Для оценки статистической значимости межгрупповых различий в распределениях исходов применялись попарные сравнения долей с использованием z-критерия; для контроля ошибки множественных сравнений — поправка Бонферрони.

Для оценки факторов, ассоциированных со статусом реализации притязаний, рассматривались модели мультиномиальной логистической регрессии. В качестве зависимой переменной использован статус реализации (опорная категория — «реализовали»; альтернативные категории — «превзошли» и «не реализовали»). Для интерпретации коэффициентов рассчитывались отношения шансов ($OR = \exp(B)$). Модель 1 ($M1, N = 1401$ ⁷) включает базовые социально-демографические и контекстные предикторы (субъективная оценка дохода; образовательный капитал родителей; тип школы; размер города; пол). Модель 2 ($M2, N = 1401$) дополнительно включает исходные образовательные притязания (реф. — высшее образование; альтернативы — СПО и сверх-ВО) для оценки вклада образовательных планов и проверки устойчивости оценок при их учете.

Модели $M1$ – $M2$ оценивают факторы, связанные со статусом реализации притязаний, не различая тип исходных профессиональных притязаний. Для учета потенциальной неоднородности внутри категорий статуса реализации и описания типичных сочетаний «тип профессиональных притязаний × статус» реализации, был проведен иерархический кластерный анализ по двум переменным — статус реализации и тип профессиональных притязаний. Это позволило выделить устойчивые комбинации «притязания × реализация» и использовать их как отдельную зависимую переменную. Далее была проведена оценка того ($M3, N = 1108$), какие факторы связаны не только с (не)реализацией в целом, но и с принадлежностью к различающимся по содержанию траекториям.

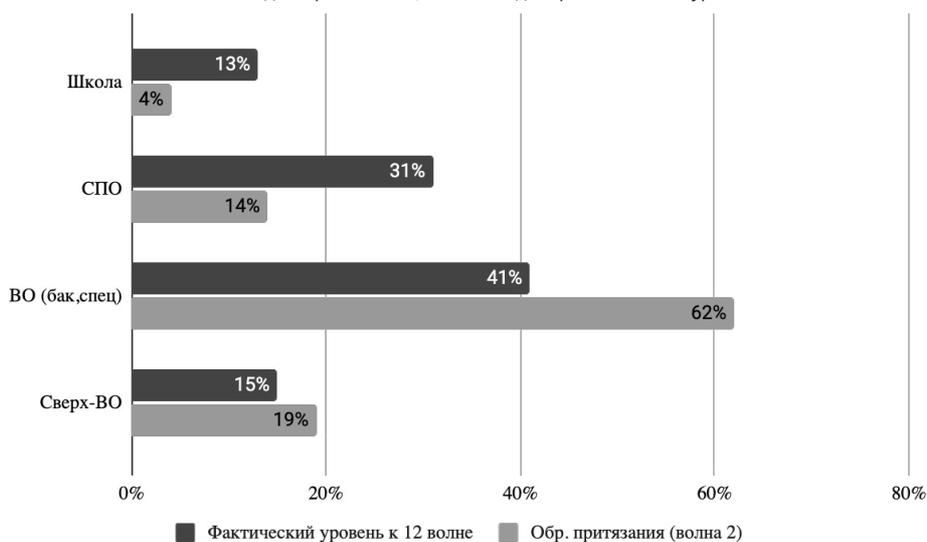
Результаты

Оценка степени реализации притязаний

Исходные притязания во второй волне демонстрируют характерный для постсоветской России «миф об обязательном высшем образовании»: ориентир на ВО выступает нормативным ожиданием. Около 65 % респондентов декларируют намерение получить бакалавриат/специалитет, еще около 20 % — «сверх-ВО», тогда как СПО и завершение образования на уровне школы распространены существенно меньше (14 % и 4 %) (см. рис. 1). Однако жизненная ситуация более приземленная. В 12-й волне школьное образование фиксировалось у 13 %, СПО — у 31 %, ВО — у 41 %, сверх-ВО — у 15 % (см. рис. 1). Около 47 % респондентов реализовали свои образовательные намерения, 37 % не реализовали и 15 % — превзошли. Таким образом, для значимой части притязания оказались достижимыми, но «рынок» сверх заявленного был относительно редок. Ранние притязания на получение высшего образования почти у половины опрошенных не реализуются и перераспределяются в направлении среднего профессионального и школьного. Образование выше вузовского остается устойчивым по размеру кластером.

⁷ Различия объема выборки регрессий связаны с тем, что в каждую модель включались только наблюдения без пропусков по всем переменным спецификации.

Рис. 1. Притязания и реально достигнутые уровни образования, $N = 3019$ для притязаний, $N = 2604$ для фактического уровня

Преимуществом лонгитюдных данных является возможность сопоставления не только притязаний с реальными достижениями в 12-й волне, но и с социально-экономическими характеристиками семьи и характеристиками места проживания. Перекрестные распределения статуса реализации притязаний по ключевым признакам представлены в Приложении 2 (см. табл. А1 в Приложении 2). Статистическая значимость межгрупповых различий оценивалась попарными z-тестами долей с поправкой Бонферрони (для приведенных ниже различий: $p < 0,05$).

Различия по размеру населенного пункта выражены следующим образом: среди тех, кто реализовал притязания, доля респондентов из городов 100—450 тыс. человек составляет 23%, тогда как среди тех, кто не реализовал, — 17% ($p < 0,05$); напротив, среди нереализовавших выше доля выходцев из населенных пунктов до 100 тыс. человек (34% против 25%, $p < 0,05$).

Аналогично различия фиксируются по исходным образовательным притязаниям: среди реализовавших выше доля тех, кто изначально ориентировался на СПО (20% против 9%; $p < 0,05$) и базовое ВО (65% против 56%), тогда как среди нереализовавших заметно выше доля исходных притязаний на сверх-ВО (35% против 12%; $p < 0,05$). В совокупности это указывает на большую достижимость умеренных образовательных планов (СПО/ВО) по сравнению с максимально высокими притязаниями (сверх-ВО), что связано с большей согласованностью между заявленными планами и фактическим образовательным маршрутом (см. табл. А1 в Приложении 2).

В наиболее успешную группу «превзошедших» притязания чуть чаще попадает молодежь из более ресурсных семей (см. табл. А1 в Приложении 2): доля респондентов с высоким субъективным доходом среди «превзошедших» составляет 61% (против 57% среди «реализовавших» и 52% среди «нереализовавших»), а доля ре-

спондентов, у которых оба родителя имеют высшее образование, — 25 % (против 18 % среди «реализовавших» и 17 % среди «нереализовавших»).

Вместе с тем «превышение» нередко наблюдается и у респондентов с исходно низкими образовательными ожиданиями: среди «превзошедших» доля тех, кто в четвертой волне планировал завершить образование на уровне школы, составляет 18 %. Этот результат согласуется с интерпретацией «превышения» как перехода на более высокий образовательный уровень по сравнению с изначально заявленными планами. Далее рассмотрим, сохраняются ли описанные различия при использовании регрессионного моделирования и учете контрольных переменных.

Социально-экономические факторы реализации образовательных притязаний

Для оценки роли факторов попадания в ту или иную категорию была использована мультиномиальная логистическая регрессия. В качестве опорной категории взята наиболее наполненная группа «реализовавших притязания». Результаты регрессионного анализа (см. табл. 2) подтверждают устойчивую связь с наличием высшего образования у родителей. При наличии высшего образования у обоих родителей отношение шансов «превзойти притязания» по сравнению с «реализовать притязания» выше в 2,38 раза ($OR = 2,38$; $p < 0,01$, M2). Вероятность «не реализовать притязания» при наличии ВО у обоих родителей ниже на 67 % ($OR = 0,33$; $p < 0,01$, M2), а при наличии ВО хотя бы у одного родителя — ниже на 50 % ($OR = 0,50$; $p < 0,01$, M2).

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа шансов на реализацию притязаний

	Модель 1 (M1). Опорная категория — 1 (реализовали притязания)		Модель 2 (M2). Опорная категория — 1 (реализовали притязания)	
	2 — превзошли	3 — не ре- ализовали	2 — превзошли	3 — не ре- ализовали
(Intercept)	0,50	0,56	0,54	0,60
СЭС_ низкий доход (самооценка) (ref)				
СЭС_ средний доход (самооценка)	0,82	1,12	0,74	1,02
СЭС_ высокий доход (самооценка)	0,91	1,11	0,90	1,02
Обычная школа (ref)				
Окончил лицей/гимназию	1,14	0,87	1,16	0,93
СЭС_нет ВО у обоих родителей (ref)				
СЭС_есть ВО у обоих родителей	2,10***	0,37***	2,38***	0,33***
СЭС_есть ВО у одного из родителей	1,25	0,50***	1,34	0,5***
Пол: женский (ref)				
Пол: мужской	0,91	1,39***	0,84	1,38***
Населенный пункт: Мск, СПб (ref)				
Населенный пункт: <100	0,53***	1,90***	0,45***	1,92***
Населенный пункт: 100—450 тыс	0,38***	1,06	0,25***	1,15
Населенный пункт: 450—680 тыс	0,88	1,47	0,94	1,24
Населенный пункт: >680 тыс	0,69	0,98	0,65	0,91

	Модель 1 (M1). Опорная категория — 1 (реализовали притязания)		Модель 2 (M2). Опорная категория — 1 (реализовали притязания)	
	2 — превзошли	3 — не ре- ализовали	2 — превзошли	3 — не ре- ализовали
притязания на ВО (ref)				
притязания на СПО	0,97	0,28***	1,40	0,81
притязания сверх-ВО	0,00***	4,94***	0,77	1,13
проф. притязания: профессионалы (ref)				
проф. притязания: руководители			0,91	0,99
проф. притязания: полупрофессионалы			1,08	0,35***
проф. притязания: предприниматели			0,00***	5,36***
Псевдо R-квадрат	0,141		0,161	
AIC	2475.084		1887.064	
Объем выборки	1401		1076	

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Также оказалась устойчивой связь с размером населенного пункта: описательные различия, зафиксированные ранее на основе перекрестных распределений (см. табл. А1 в Приложении 1), получили подтверждение в регрессионных моделях (M2). Так, в малых (<100 тыс.) и средних (100—450 тыс.) городах отношение шансов на «превзойти притязания» на 55 % (OR = 0,45 $p < 0,01$) и 75 % (OR = 0,25, $p < 0,01$) ниже, чем в Москве и Санкт-Петербурге (M2). Риск «не реализовать» статистически значимо выше только в малых городах (OR = 1,92; $p < 0,01$ M2), тогда как для 100—450 тыс. различия по этому исходу незначимы. Для городов с численностью населения 450 тыс. и более отношение шансов на превышение или недостижение задуманных статусов статистически значимо не отличается от столиц (M2).

Помимо семейных и институциональных характеристик, значимую роль в объяснении исходов реализации притязаний могут играть исходные образовательные притязания (ориентация на СПО и «сверх-ВО»), однако их вклад зависит от спецификации модели. В модели без учета профессиональных групп (M1) ориентация на СПО связана со снижением риска «не реализовать» (OR = 0,28; то есть на 72 %, $p < 0,01$), что указывает на относительную достижимость умеренных целей. Напротив, ориентация на «сверх-ВО» ассоциирована с повышенным риском «не реализовать» (OR = 4,94, M1, $p < 0,01$), что согласуется с гипотезой о разрыве между крайне высокими ожиданиями и доступными ресурсами.

После включения профессиональных притязаний (M2) коэффициенты исходных образовательных притязаний не достигают статистической значимости (на принятом уровне), что указывает на частичное «поглощение» их эффекта содержанием карьерной цели и связанными с ним структурными характеристиками. Иными словами, различия, выявленные в M1, в значительной мере отражают то, как образовательные планы встроены в профессиональные ориентиры и коррелируют с ресурсами семьи и типом населенного пункта; при их одновременном учете

самостоятельный вклад образовательных притязаний в риск нереализации статистически не подтверждается.

Реализация притязаний формируется прежде всего через образовательный капитал семьи (прямая канализация ожиданий), а размер города, вероятно, выступает индикатором качества среды, повышающим как вероятность достижения цели, так и шанс ее превышения (M2). При этом слишком высокие исходные ожидания («сверх-ВО») без ресурсов (высшего образования у родителей) сдвигают траектории к «не реализовано», в то время как умеренные цели (СПО) чаще достигаются (M1). Таким образом, в полной спецификации модели ключевую роль играют структурные ресурсы и контекст, тогда как эффекты исходных образовательных установок оказываются неустойчивыми при их контроле на профессиональные притязания.

Социально-экономические факторы формирования карьерных притязаний

В данном разделе представлен анализ ответов на открытый вопрос: «Если говорить о карьере, профессии, то кем Вы себя видите в 30 лет?» Вопрос задавался в четвертой волне ТРОП студентам первого-второго курсов вузов и СПО и имел открытый формат, что позволило зафиксировать различия в представлениях о будущей карьере. Ответы были закодированы в четыре взаимоисключающие укрупненные категории. (1) Руководители — респонденты, описывающие будущее в терминах руководящей должности (руководитель, управленец, менеджер, директор) без указания конкретной профессиональной сферы. (2) Профессионалы — респонденты, называющие конкретную профессию/специальность, как правило, предполагающую получение высшего образования (врач, юрист, бухгалтер и др.). (3) Полупрофессионалы — респонденты, указывающие профессии, не требующие высшей квалификации (достаточно курсов или среднего профессионального образования), например водитель, повар, автомеханик и т. п. (4) Предприниматели — ответы, отсылающие к «работе на себя», владению бизнесом или занятию предпринимательством.

В результате кодирования распределение профессиональных притязаний выглядит следующим образом: профессионалы — 61 %, руководители — 17 %, предприниматели — 15 %, полупрофессионалы — 8 % (см. табл. А2 в Приложении 2).

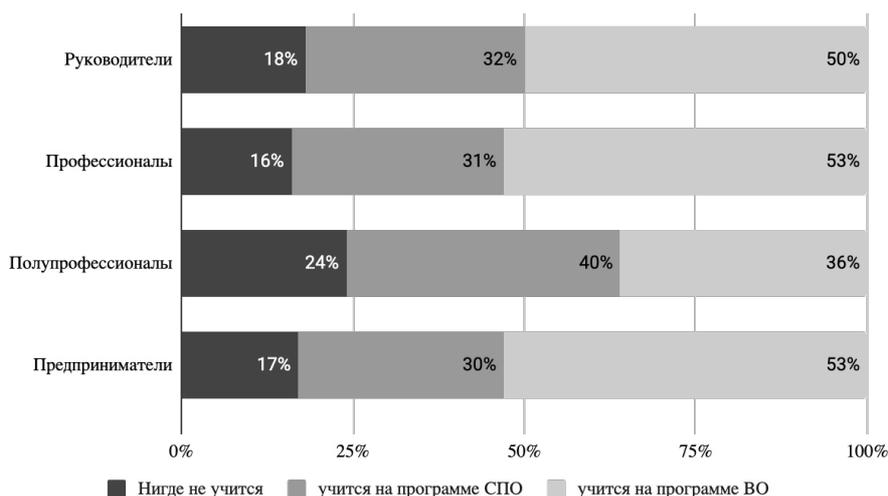
Далее анализ показал, что различия в профессиональных притязаниях также связаны с пространственным контекстом (см. табл. А2 в Приложении 2). Полупрофессионалы статистически чаще происходят из малых населенных пунктов (<100 тыс.): 38 % против 24 % среди руководителей, 28 % среди профессионалов и 30 % среди предпринимателей. Напротив, доля проживающих в Москве и Санкт-Петербурге среди полупрофессионалов существенно ниже (8 %) по сравнению с руководителями (18 %), профессионалами (17 %) и предпринимателями (18 %). Это указывает на концентрацию позиционных и высококвалифицированных притязаний в крупных центрах и относительную «периферийность» полупрофессиональных траекторий.

В отличие от профессиональных притязаний, по исходным образовательным притязаниям статистически значимые различия выделились только у одной группы: среди полупрофессионалов чуть больше доля притязаний на СПО во второй

волне — 19%, чем у профессионалов (12%) и предпринимателей (10%). Это указывает на согласованность профессиональных притязаний, заявленных в четвертой волне, с образовательными планами, зафиксированными ранее во второй волне (в части ориентации на СПО).

Дополнительно было рассмотрено, как уровень карьерных притязаний молодежи согласуется с ее образовательными траекториями (см. рис. 2, а также табл. А2 в Приложении 2). В среднем около 50% респондентов в каждой группе, за исключением полупрофессионалов, учится на программе ВО, куда они поступили сразу после окончания школы. Среди полупрофессионалов выше доля тех, кто не учится нигде, — 24%. Также среди полупрофессионалов несколько чаще оказываются те, кто учится на программе СПО (40%).

Рис. 2. Распределение статуса обучения в четвертой волне (не учится / обучается в СПО / обучается в ВО) по типу профессиональных притязаний, заявленных в четвертой волне (N = 2729)⁸

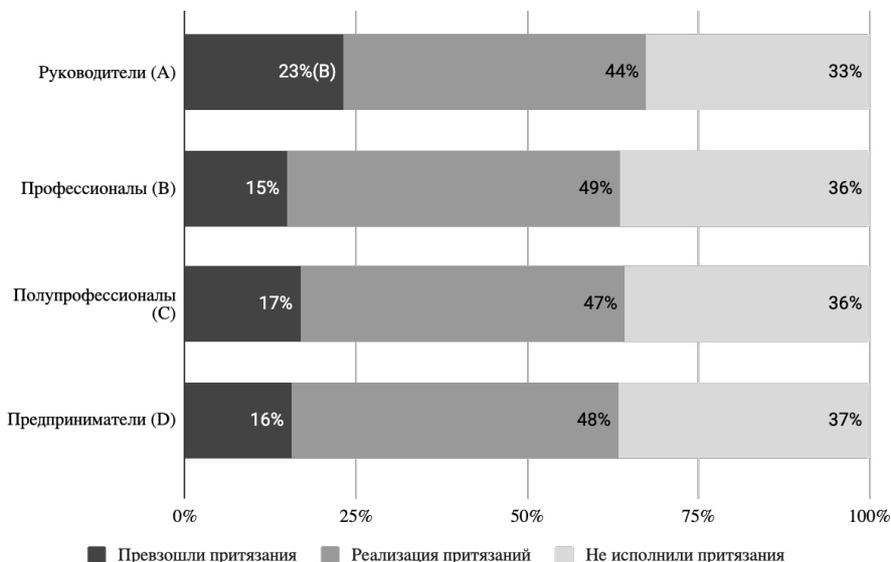
По факту достигнутого к 12-й волне уровня образования именно у полупрофессионалов наблюдаются значимые отличия: среди них выше доля получивших образование на уровне школы — 17% (см. табл. А2 в Приложении 2), что подтверждает уязвимость этой группы к понижению фактически достигнутого образования по сравнению с притязаниями там, где ресурсы (образование родителей) и инфраструктура (размер города) ограничены. У профессионалов и предпринимателей преобладает завершенное ВО (44 и 42% соответственно).

Наконец, по исходам реализации образовательных притязаний различия носят более умеренный характер (см. рис. 3). Во всех профессиональных группах преобладает исход «реализовали» (44—49%), а доли «превзошедших» варьируют в диапазоне 15—23%. При этом «руководители» значимо выделяются как группа, где «подъем планки» фиксируется чаще (23%), чем среди профессионалов (15%).

⁸ Доли рассчитаны внутри каждой группы профессиональных притязаний (сумма по строке = 100%).

Доли «не реализовали» относительно близки для трех групп (33—37 %), несколько выше у предпринимателей (37 %) и ниже у руководителей (33 %).

Рис. 3. Распределение исходов реализации образовательных притязаний в группах по карьерным притязаниям (доли внутри групп; N = 1690)

В сумме обнаруженные значимые различия указывают на три механизма: (1) пространственная стратификация — полупрофессиональные притязания тяготеют к малым городам и чаще «застывают» на школьном уровне образования; (2) профессиональная конгруэнтность — у профессионалов исходно ниже ориентации (на СПО); (3) высокие профессиональные притязания ведут к наиболее успешной траектории — у руководителей чаще фиксируется «превышение» заявленного уровня образовательных притязаний.

Далее мы проверили эти закономерности с учетом влияния контрольных переменных, включив профессиональные группы в регрессионные модели. В качестве опорной категории выступили профессионалы, все коэффициенты других групп интерпретируются относительно них. Добавление профессиональных характеристик оказалось незначимо для оценки шансов превзойти заявленные притязания, однако значимо для недостижения. Во-первых, полупрофессионалы имеют на 65 % меньше шансов оказаться в группе «не реализовали» по сравнению с «профессионалами» ($OR = 0,35$, $p < 0,01$, $M2$), это указывает, что они изначально демонстрируют более низкие и, соответственно, достижимые карьерно-образовательные цели. Во-вторых, предприниматели характеризуются практически отсутствующим шансом «превзойти» заявленный уровень, что может объясняться их уходом с «академической» траектории. Об этом свидетельствует и то, что они существенно выделяются повышенным риском «не реализовать» притязания (в 5,36 раза больше, чем профессионалы, $p < 0,01$; $M2$), что также согласуется с более слабой инсти-

туциональной связкой предпринимательской траектории с формальным ВО при сохранении нормы «обязательного диплома».

Кластеры совмещения образовательных и карьерных притязаний

После описания различий по отдельным признакам и проверки их устойчивости в регрессионных моделях мы дополнительно рассмотрели пересечение типа профессиональных притязаний (четвертая волна) и статуса реализации образовательных притязаний (12-я волна) как единого исхода. Формально это пересечение может быть представлено таблицей сопряженности, однако использование всех комбинаций в анализе приводит к малому числу наблюдений в некоторых категориях и затрудняет интерпретацию. Поэтому на следующем шаге была применена иерархическая кластеризация, которая позволила укрупнить наблюдаемые сочетания двух признаков и выделить несколько наиболее распространенных типов карьерно-образовательных траекторий. Также полученная кластерная переменная далее используется как зависимая переменная в модели МЗ.

Отдельного пояснения требует статус группы полупрофессионалов. Во-первых, в кластерный анализ вошли только респонденты с полными данными по двум признакам и всем ковариатам спецификации, поэтому численность подвыборки сократилась; часть наблюдений из всех профессиональных групп, включая полупрофессионалов, не попала в анализ из-за пропусков. Во-вторых, хотя теоретически возможны 12 сочетаний (3 статуса реализации × 4 типа профессиональных притязаний), ряд комбинаций оказался малочисленным и не формировал самостоятельных устойчивых кластеров — такие наблюдения были автоматически отнесены к ближайшим по профилю более крупным кластерам⁹. Таким образом выделились пять кластеров:

— «реализовавшие притязания профессионалы» — те, кто в четвертой волне к 30 годам хотел бы быть профессионалом и реализовал свои образовательные притязания к 12-й волне (25—26 лет);

— «не реализовавшие притязания профессионалы» — те, кто в четвертой волне к 30 годам хотел быть профессионалом, но к 12-й волне не реализовал свои образовательные притязания (25—26 лет);

— «превзошедшие притязания профессионалы» — те, кто в четвертой волне к 30 годам хотел быть профессионалом и к 12-й волне получил более высокое образование, чем планировал;

— «реализовавшие притязания предприниматели» — те, кто в четвертой волне к 30 годам хотел быть предпринимателем и реализовал свои образовательные притязания к 12-й волне;

— «не реализовавшие притязания руководители» — те, кто в четвертой волне к 30 годам хотел быть руководителями, но к 12-й волне не реализовал свои образовательные притязания.

Так как самой наполненной была подгруппа профессионалов, именно она наиболее четко разделилась по различным исходам. Выделенные группы помогают нам, во-первых, точнее построить профиль индивидов (см. табл. А3 в Приложе-

⁹ Так как кластеры строились на номинальных переменных, использовался метод межгрупповых связей и мера χ^2 (хи-квадрат).

нии 2), входящих в каждую из них, а во-вторых, смоделировать шансы на вхождение в ту или иную карьерно-образовательную траекторию.

Итак, кластер «реализовавшие притязания профессионалы» — самый «конвенциональный» кластер с явным сходством целей и результатов: чаще исходные притязания на ВО (68 % здесь и далее — процент от общего числа в кластере) и фактически завершённое ВО (63 %). «Не реализовавшие притязания профессионалы» демонстрируют ресурсно уязвимый профиль: чаще это выпускники обычных школ (65 %), чаще из семей, где у родителей нет ВО (50 %), и чаще из малых городов (35 %). Их стартовые ожидания нередко завышены: доля ориентации на «сверх-ВО» составляет 32 % (наибольшее значение среди кластеров), тогда как итоговые результаты смещены вниз — 21 % имеет уровень образования «школа» и 44 % — СПО (оба показателя максимальны среди кластеров).

У подгруппы «превзошедших притязания профессионалов» устойчивых ресурсных (образование родителей и доход) маркеров не выявлено, что сочетается с внутренней гетерогенностью кластера: значимые различия по выборке есть лишь с результатом высокого образовательного статуса — доля фактического сверх-ВО здесь значимо самая большая — 33 %. Также его представители характеризуются более благоприятными стартовыми условиями — проживанием в более крупных городах (450—680 тыс.), чем те, кто не реализовал притязания.

«Реализовавшие притязания предприниматели» значимо чаще проживают в малых и средних городах (<100 тыс. — 36 %), их стартовые ожидания чаще на СПО — 20 %, но к моменту выхода на рынок труда они чаще «дотягиваются» до ВО — 64 %. «Не реализовавшие притязания руководители» отличаются преимущественно институциональным каналом амбиций: половина — выпускники лицеев и гимназий (50 %), но по факту к 12-й волне фиксируется «приземление» амбиций: 24 % остаются на школьной ступени образования, а 40 % — на СПО.

Факторы включения в кластеры

Для оценки шансов принадлежности к кластерам использована мультиномиальная логистическая регрессия с опорной категорией «реализовавшие притязания профессионалы» (М3; см. табл. 3). Следует подчеркнуть, что в М3 эффекты проявляются лишь на уровне $p < 0,1$, то есть их следует интерпретировать как тенденции, а не как устойчивые результаты. Это согласуется с невысокой объясняющей способностью модели ($Pseudo R^2 = 0,035$) и более сложной зависимой переменной (комбинации статуса реализации и типа профессиональных притязаний), что в целом уменьшает статистическую мощность тестов.

Относительно опорного кластера «реализовавшие притязания профессионалы» вероятность принадлежности к кластеру «не реализовавшие притязания профессионалы» связана с ресурсной уязвимостью семьи: рост дохода снижает шансы принадлежности к этому кластеру примерно на 14 % ($OR = 0,86$; $p < 0,1$), а наличие высшего образования хотя бы у одного родителя — примерно на 28 % ($OR = 0,72$; $p < 0,1$). По направлению эти результаты согласуются с моделями М1 и М2 и описательными таблицами: ресурсная уязвимость семьи демонстрирует выраженный и устойчивый эффект на риск нереализации притязаний (М1 и М2), отличие М3 состоит в том, что сравнение проводится внутри более узкого класса довольно вы-

соких «профессиональных» карьерных притязаний. Для кластера «превзошедшие притязания профессионалы» статистически значимых (включая $p < 0,1$) отличий от опорного кластера не выявлено. Это означает, что при учете ковариат МЗ данный кластер не имеет устойчиво отличимого предикторного профиля по сравнению с «реализовавшими притязания профессионалами». Такое отсутствие различий согласуется с описанием структуры кластера: «превышение» может возникать как за счет «коррекции вверх» при благоприятных ресурсах, так и за счет «рывка» при исходно более низких планах. В этом смысле кластеризация обеспечивает сопоставимость типовых сочетаний для регрессионного анализа, однако интерпретация кластера «превзошедшие притязания профессионалы» действительно требует осторожности; эмпирически он может оставаться внутренне неоднородным и быть кандидатом на уточнение в последующих исследованиях.

Таблица 3. **Результаты регрессионного анализа шансов на включение в кластер по сочетанию реализации образовательных и профессиональных притязаний**

	Модель (МЗ). Опорный кластер — 4 (реализовавшие притязания профессионалы)			
	1. Превзошедшие притязания профессионалы	2. Не реализовавшие притязания профессионалы	3. Реализовавшие притязания предприниматели	4. Не реализовавшие притязания руководители
(Intercept)	0,93	1,87	0,44	0,06
СЭС_Доход семьи	0,96	0,86*	0,83*	1,15
Обычная школа (ref)				
Окончил лицей/гимназию	1,27	1,06	1,57*	1,7*
СЭС_нет ВО у обоих родителей				
СЭС_есть ВО у обоих родителей	0,97	0,69	0,6	0,56
СЭС_есть ВО у одного из родителей	0,91	0,72*	1,03	0,98
Пол: женский (ref)				
Пол: мужской	1,13	0,97	1,03	0,87
Населенный пункт: Мск, СПб (ref)				
Населенный пункт: <100	1,08	1,48	2,06*	1,27
Населенный пункт: 100—450 тыс	0,83	0,78	1,05	0,9
Населенный пункт: 450—680 тыс	1,12	0,85	1,02	1,19
Населенный пункт: >680 тыс	0,77	0,92	1,65	0,75
Псевдо R-квадрат	0,035			
AIC	3173.096			
Объем выборки	1108			

*** $p < 0,01$, ** $p < 0,05$, * $p < 0,1$.

Для кластера «реализовавшие притязания предприниматели» обнаружено несколько тенденций, отличающих его от опорной группы. Во-первых, с ростом дохода семьи вероятность принадлежности к этому кластеру становится ниже

(на 17 %, $OR = 0,83$; $p < 0,1$), то есть при прочих равных сочетание «реализовали притязания» и предпринимательской ориентации чаще фиксируется на менее благоприятном доходном фоне. Во-вторых, проживание в городе 100—450 тыс. человек повышает вероятность принадлежности к этому кластеру по сравнению со столицами (в 2,06 раза, $p < 0,1$). В-третьих, окончание лица или гимназии также ассоциировано с более высокой вероятностью принадлежности к кластеру (на 57 %, $OR = 1,57$; $p < 0,1$). В совокупности эти тенденции можно интерпретировать как возможность формирования успешности, альтернативной академической: менее благоприятные финансовый фон и институциональные условия для развития в относительно небольших городах компенсируются культурным капиталом, наработанным в школе. Однако подчеркиваем, что на уровне МЗ это фиксируется как слабые эффекты ($p < 0,1$), требующие подтверждения.

Вероятность принадлежности к кластеру «не реализовавшие притязания руководители» также отличается от опорного кластера преимущественно по школьному бэкграунду: окончание лица или гимназии повышает вероятность принадлежности к данному кластеру примерно на 70 % ($OR = 1,70$; $p < 0,1$), при отсутствии устойчивых различий по доходу и образовательному капиталу родителей. В содержательном плане это может означать, что специализированная школа связана с более выраженной ориентацией на статусные (руководящие) притязания, но при недостаточной конкретизации карьерной цели и/или ограниченности внешних возможностей часть таких притязаний оказывается нереализованной. Эта интерпретация также носит предварительный характер, поскольку эффект фиксируется лишь на уровне $p < 0,1$.

В целом результаты МЗ воспроизводят общий вывод для моделей М1 и М2, но уточняет картину за счет комбинированного исхода: ресурсный дефицит наиболее последовательно связан с траекторией «не реализовавшие притязания профессионалы», тогда как для «предпринимательской» и «руководящей» траекторий на первый план выходят институциональные признаки (тип школы) и отдельные характеристики городского контекста.

Заключение

Исследование лонгитюдных данных проекта ТрОП показало, что притязания российской молодежи на входе в старшую школу структурированы «нормой обязательного высшего образования» [Бессуднов, Куракин, Малик, 2017]: две трети ориентируются на ВО, еще пятая часть — на «сверх-ВО». Однако к выходу на рынок труда фактическая структура статусов «приземляется»: около половины реализуют заявленный уровень, «рывок вверх» редок, значимая доля планов смещается к СПО и незавершенным/отложенным академическим траекториям. Тем самым не только подтверждаются ключевые выводы предыдущих исследований о важности формулирования высоких притязаний, но показывается, что степень реализации зависит от доступных ресурсов и институциональных порогов [Schoon, Polek, 2011; Staff, Schulenberg, Bachman, 2010; Baird, Burge, Reynolds, 2008].

Ключевой механизм, проявившийся в анализе образовательных притязаний, — стратификационные различия в воплощении притязаний в реальную траекторию. Решающее значение для этого имеет образовательный капитал семьи:

наличие высшего образования у обоих родителей связано с более высокой вероятностью «превышения» и меньшим риском недореализации заявленного уровня. При этом эффект субъективного дохода семьи менее устойчив: в сравнении с образовательным капиталом его вклад чаще оказывается статистически незначимым. Второй системный фактор — размер города: в крупных центрах (Москва, Санкт-Петербург и города-агломерации) выше вероятность как реализации, так и «подъема планки», тогда как малые города связаны с повышенными рисками нереализованных притязаний.

Профессиональные притязания задают контур согласования между профессией и требуемой квалификацией. Структура профессиональных притязаний также оказывается смещена к «профессионалам», требующим высшего образования, для которых образовательные цели и фактические исходы наиболее согласованы. В регрессионном анализе различия между профессиональными группами проявляются прежде всего для двух категорий: полупрофессионалы имеют более низкий риск «не реализовать» притязания по сравнению с профессионалами, тогда как предприниматели демонстрируют повышенный риск недореализации и крайне низкую вероятность «превышения». Важно подчеркнуть, что такая «уязвимость» предпринимателей фиксируется по шкале формальных образовательных уровней и отражает более слабую связку предпринимательской ориентации с институционально закрепленной логикой «диплом — профессия», а не отсутствие возможностей достижения успеха вне академической траектории. Соответственно, для предпринимателей чаще наблюдается расхождение между образовательными планами и фактическим результатом по образовательной шкале при потенциально иных критериях успешности.

Кластерный анализ пересечений профессиональных притязаний и образовательных исходов уточняет стратификационную картину, однако результаты следует интерпретировать осторожно: значимые коэффициенты фиксируются лишь на уровне $p < 0,1$ и отражают скорее тенденции. Внутри «профессионального» сегмента ресурсная уязвимость семьи связана с траекторией «не реализовавшие притязания профессионалы», тогда как для «предпринимательской» и «руководящей» траекторий на первый план выходят институциональные признаки (тип школы) и отдельные характеристики городского контекста.

В теоретическом плане результаты показывают, что связь между образовательными планами и карьерными ориентациями формируется в поле структурных ограничений, прежде всего образовательным каналом СЭС и пространственной инфраструктурой, тем самым внося вклад в обсуждение детерминант успешной конверсии амбиций [Croll, 2008; Valls et al., 2022; Zewude, Habgiorgis, 2022]. В наших данных профессиональные притязания оказываются более близким к исходам маркером стратификации, чем сами образовательные притязания: в моделях, где одновременно учитываются образовательные и профессиональные ориентации, эффекты исходных образовательных притязаний ослабевают и теряют статистическую значимость, тогда как различия между профессиональными группами сохраняются. Это согласуется с интерпретацией, что образовательные планы приобретают значение через ожидаемые карьерные цели, которые они должны обеспечить.

Отдельный вклад работы — совместное рассмотрение образовательных и профессиональных притязаний, позволяющее выйти за рамки «уровневых» целей и показать, как различные типы карьерных целей соотносятся с вероятностью реализации образовательных планов. Лонгитюд ТрОП дает возможность развести массовую ориентацию на ВО и фактическую конверсию притязаний, выделив связь с устойчивыми профилями профессиональных притязаний: «предприниматели» демонстрируют наибольшие риски нереализации заявленного образовательного уровня, так как изначально демонстрируют высокие притязания, а «профессиональные» и «полупрофессионалы» в среднем демонстрируют более высокую согласованность планов и достижений при сопоставимых ресурсных условиях. Высокие позиционные притязания («руководители») связаны с повышенными шансами «превзойти» заявленный уровень (при прочих равных), что указывает на специфический механизм «подъема планки» в траекториях с должностной ориентацией.

В совокупности результаты показывают, что именно пересечение типа карьерной цели и ресурсной базы (семейный образовательный капитал, городская среда) объясняет различия между реализацией, «превышением» и недореализацией образовательных притязаний, — тем самым добавляя к литературе о статусных эффектах неравенства содержательное измерение профессиональных ожиданий и их роли в образовательных исходах. Наш анализ показывает, что образовательные и карьерные притязания сложно переплетаются как с факторами СЭС и места проживания, так и между собой: часть различий, приписываемых образовательным планам, объясняется тем, какие карьерные цели за ними стоят. Для комплексного понимания сложных переплетений символических конструкций притязаний, фрагментации современных биографий [Свирщевская, Пашкевич, 2020; Minina, Pavlenko, 2023; Зубок, Чупров, 2020], их реализации и социального неравенства необходимо не только расширять анализ доступных российских статистических данных, но и дополнять его данными интервью, поскольку именно они могут пролить свет на символическую структуру притязаний — способы, которыми молодые люди описывают желаемые статусы, профессии и уровни образования как социально значимые цели (например, престиж, «нормальность», автономия, безопасность), а также то, как они соотносят эти цели с доступными ресурсами и жизненными обстоятельствами.

Ограничения исследования связаны с лонгитюдным дизайном и способом измерения ключевых переменных. Во-первых, в панели наблюдается осыпание: к 12-й волне в выборке сохранилось 3239 респондентов, что составляет около 66% от исходной когорты TIMSS-2011 (N = 4893); для волн, используемых в статье, объемы составляют 4138 (вторая волна), 4239 (четвертая волна) и 3239 (12-я волна). Это повышает риск селективного выбытия и потенциального смещения оценок в сторону более «академических» траекторий, несмотря на применение весов. Во-вторых, профессиональные притязания фиксируются через открытый вопрос и последующее кодирование ответов; такая процедура неизбежно упрощает эмпирический материал и не позволяет сохранить ряд смысловых параметров (например, степень определенности планов, их условность, а также мотивы выбора и различия между ориентацией на должность и на конкретную профессиональную деятельность). В-третьих, регрессионные модели в работе не пред-

назначены для установления причинно-следственных связей и интерпретируются как оценки статистических связей между переменными. Панельный дизайн обеспечивает временной разрыв между частью предикторов и исходов, однако без дополнительных допущений и специальных каузальных процедур регрессии не исключают влияние неучтенных факторов и селективности; поэтому выводы формулируются как вероятностные связи, а не как причинные эффекты.

Список литературы (References)

1. Абанкина Т. В., Красилова А. Н., Ястребов Г. А. Образование как старт для жизни: жизненные планы сельских школьников в России // Вопросы образования. 2012. № 2. С. 87—120. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-2-87-120>. Abankina T., Krasilova A., Yastrebov G. (2012) Education as a Start in Life: Life Plans of Rural High School Students in Russia. *Educational Studies Moscow*. No. 2. P. 87—120. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-2-87-120>. (In Russ.)
2. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Что ждет студентов после... // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 67—91. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2142>. Ambarova P. A., Zborovsky G. E. (2022) What Awaits Students After... *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 67—91. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.2142>. (In Russ.)
3. Бессуднов А. Р., Куракин Д. Ю., Малик В. Как возник и что скрывает миф о всеобщем высшем образовании // Вопросы образования. 2017. № 3. С. 83—109. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-3-83-109>. Bessudnov A. R., Kurakin D. Yu., Malik V. (2017) The Myth about Universal Higher Education: Russia in the International Context. *Educational Studies Moscow*. No. 3. P. 83—109. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-3-83-109>. (In Russ.)
4. Бессуднов А., Малик В. Социально-экономическое и гендерное неравенство при выборе образовательной траектории после окончания 9-го класса средней школы // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 135—167. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-1-135-167>. Bessudnov A., Malik V. (2016) Socio-economic and Gender Inequalities in Educational Trajectories Upon Completion of Lower Secondary Education in Russia. *Educational Studies Moscow*. No. 1 P. 135—167. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-1-135-167>. (In Russ.)
5. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 13—41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>. Zubok Y. A., Chuprov V. I. (2020) Life Strategies of Youth: Fulfillment of Expectations and Social Moods. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 13—41. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1602>. (In Russ.)

6. Кондратенко В. А., Кирюшина М. А., Богданов М. Б. Образовательные притязания российских школьников: факторы и возрастная динамика. М.: НИУ ВШЭ, 2020.
Kondratenko V. A., Kiryushina M. A., Bogdanov M. B. (2020) Educational Aspirations of Russian Schoolchildren: Factors and Age Dynamics. Moscow: Higher School of Economics. (In Russ.)
7. Константиновский Д. Л. Российская молодежь перед современными вызовами рынка труда // Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие: сборник статей Международного форума Будущее сферы труда: достойный труд для всех (г. Уфа, 4—5 февраля 2019 г.) / под ред. Г. Р. Баймурзиной, Р. М. Валиахметова. Уфа: Мир Печати. 2019. С. 210—214.
Konstantinovskiy D. L. (2019) Russian Youth Facing Contemporary Challenges of The Labor Market. In: *The Future of Work: Global Challenges and Regional Development. Proceedings of the International Forum «The Future of Work: Decent Work for All»* (Ufa, February 4—5, 2019). Ufa: Mir Pechati. P. 210—214. (In Russ.)
8. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 37—48. URL: <https://www.socis.isras.ru/article.html?id=5828> (дата обращения: 17.02.2026).
Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. (2015) Youth, Labor Market, and the Expansion of Higher Education. *Sociological Studies*. No 11. P. 37—48. URL: <https://www.socis.isras.ru/article.html?id=5828> (accessed: 17.02.2026). (In Russ.)
9. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Среднее vs высшее // Мир России. Социология. Этнология. 2020. Т. 29. № 2. С. 6—26. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26>.
Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. (2020) Secondary vs Higher Education. *World of Russia. Sociology. Ethnology*. Vol. 29. No. 2. P. 6—26. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2020-29-2-6-26>. (In Russ.)
10. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Образовательная стратификация в российских городах // Горшков М. К. и др. Городские миры России и Китая: модернизация и ее влияние / отв. ред. М. К. Горшков, Ли Пэйлинь, П. М. Козырева, М. Ф. Черныш; ФНИСЦ РАН. М.: Новый Хронограф. 2023. С. 294—332.
Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. (2023) Educational Stratification in Russian Cities. In: Gorshkov M. K., Li Peilin, Kozyreva P. M., Chernysh M. F. (eds.) *Urban Worlds of Russia and China: Modernization and Its Influence*. Moscow: Novy Khronograf. P. 294—332. (In Russ.)
11. Косякова Ю., Ястребов Г., Янбарисова Д., Куракин Д. Воспроизводство социального неравенства в российской образовательной системе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 5. С. 76—97.
Kosyakova Y., Yastrebov G., Yanbarisova D., Kurakin D. (2016) The Reproduction of Social Inequality Within the Russian Educational System. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 19. No. 5. P. 76—97. (In Russ.)

12. Куракин Д. Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека» // Социологическое обозрение. 2020. Т. 19. № 3. С. 167—231. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2020-3-167-231>.
Kurakin D. (2020) Tragedy of Inequality: Dehumanizing “L’Homme Total”. *The Russian Sociological Review*. Vol. 19. No. 3. P. 167—231. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2020-3-167-231>. (In Russ.)
13. Лебедева Н. В., Вилкова К. А. Почему девушки не выбирают STEM: гендерные различия в мотивационных ориентирах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 115—135. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1923>.
Lebedeva N. V., Vilkova K. A. (2022) Why Girls Do Not Choose STEM? Gender Differences in Motivation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 115—135. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1923>. (In Russ.)
14. Магун В. С., Энгватов М. В. (2006) Динамика притязаний и изменение ресурсных стратегий молодежи (1985—2005 гг.) // Отечественные записки. 2006. № 3. С. 76—96.
Magun V. S., Engovatov M. V. (2006) Dynamics of Aspirations and Changes in Youth Resource Strategies (1985—2005). *Otechestvennyye zapiski*. No. 3. P. 76—96. (In Russ.)
15. Малиновский С. С., Шибанова Е. Ю. Доступность высшего образования в России: как превратить экспансию в равенство. Вып. 7: Современная аналитика образования. М.: НИУ ВШЭ, 2022.
Malinovskiy S. S., Shibanova E. Yu. (2022) Access to Higher Education in Russia: How to Turn Expansion into Equality. Vol. 7: Modern Education Analytics. Moscow: HSE. (In Russ.)
16. Мальцева В. А., Розенфельд Н. Я. Траектории российской молодежи в образовании и профессии на материале лонгитюда: сложные маршруты выпускников вузов // Вопросы образования. 2022. № 3. С. 99—148. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-3-99-148>.
Maltseva V. A., Rozenfeld N. Y. (2022). Trajectories of Russian Youth in Education and Profession Based on Longitudinal Data: Complex Pathways of University Graduates. *Educational Studies Moscow*. No. 3. P. 99—148. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-3-99-148>. (In Russ.)
17. Мальцева В. А., Шабалин А. Не-обходной маневр, или бум спроса на среднее профессиональное образование в России // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 10—42. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-10-42>.
Maltseva V., Shabalin A. (2021) The Non-Bypass Trajectory, or The Boom in Demand for TVET in Russia. *Educational Studies Moscow*. No. 2. P. 10—42. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-10-42>. (In Russ.)
18. Попов Д., Тюменева Ю., Ларина Г. Жизнь после 9-го класса: как личные достижения учащихся и ресурсы их семей влияют на жизненные траектории // Во-

- просы образования. 2013. № 4. С. 310—334. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2013-4-310-334>.
- Popov D., Tyumeneva Y., Larina, G. (2013). Life After 9th Grade: How Personal Achievements of Students and Family Resources Influence Life Trajectories. *Educational Studies Moscow*. No. 4. P. 310—334. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2013-4-310-334>. (In Russ.)
19. Рожкова К. В., Рошин С. Ю., Солнцев С. А., Травкин П. В. Дифференциация качества высшего образования и заработных плат выпускников в России // Вопросы образования. 2023. № 1. С. 161—190. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2023-1-161-190>.
- Rozhkova K. V., Roshchin S. Yu., Solntsev S. A., Travkin P. V. (2023) The Differentiation of Quality in Higher Education and Graduates' Wages in Russia. *Educational Studies Moscow*. No. 1. P. 161—190. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2023-1-161-190>. (In Russ.)
20. Савельева С. С. Неравенство успехов и притязаний девятиклассников: уровень локальных образовательных систем // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 212—232. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.790>.
- Savelyeva S. S. (2020) Inequality of Success and Aspirations Among Ninth-Graders: Levels of Local Educational Systems. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 212—232. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.790>. (In Russ.)
21. Свирщевская А. Д., Пашкевич А. В. Прочтение визуальных метафор о планировании карьеры у поколения молодых миллениалов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 123—147. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.754>.
- Svirshchevskaya A. D., Pashkevich A. V. (2020) Interpreting Visual Metaphors Related to Career Planning as Viewed by Younger Millennials. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 123—147. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.754>. (In Russ.)
22. Тихонова Н. Е. Методология и методика выделения профессионалов в современных обществах // Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы / под общ. ред.: Н. Е. Тихонова, Ю. В. Латов. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. С. 40—77.
- Tikhonova N. E. (2023) Methodology and Methods for Identifying Professionals in Contemporary Societies. In: N. E. Tikhonova, Yu. V. Latov (eds.) *Human Capital of Russian Professionals: State, Dynamics, Factors*. Moscow: Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Moscow: FCTAS RAS. P. 40—77. (In Russ.)
23. Хавенсон Т. Е., Чиркина Т. А. Образовательный выбор учащихся после 9-го и 11-го классов: сравнение первичных и вторичных эффектов социально-экономического положения семьи. *The Journal of Social Policy Studies*. 2019. Т. 17. № 4. С. 539—554. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-4-539-554>.

- Khavenson T., Chirkina T. (2019) Student Educational Choice after the 9th and 11th Grades: Comparing the Primary and Secondary Effects of Family Socioeconomic Status. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 17. No. 4. P. 539—554. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-4-539-554>. (In Russ.)
24. Шпаковская Л. Л. Образовательные притязания родителей как механизм воспроизводства социального неравенства // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С. 211—224.
Shpakovskaya L. L. (2015) The Educational Expectations of Parents: a Mechanism That Reproduces Social Inequality. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 13. No. 2. P. 211—224. (In Russ.)
25. Ashby J. S., Schoon I. (2010) Career Success: The Role of Teenage Career Aspirations, Ambition Value and Gender in Predicting Adult Social Status and Earnings. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 77. No. 3. P. 350—360. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2010.06.006>.
26. Appadurai A. (2004) The Capacity to Aspire: Culture and the Terms of Recognition. In: V. Rao, M. Walton (eds.) *Culture and Public Action*. Palo Alto, CA: Stanford University Press. P. 59—84.
27. Baird C. L., Burge S. W., Reynolds, J. R. (2008) Absurdly Ambitious? Teenagers Expectations for the Future and the Realities of Social Structure. *Sociology Compass*. Vol. 2. No. 3. P. 944—962. <https://doi.org/10.1111/j.1751-9020.2008.00110.x>.
28. Bourdieu P. P., Passeron J. C. (1990) *Reproduction in Education, Society and Culture*. London: Sage Publications.
29. Boxer P., Goldstein S. E., Delorenzo T., Savoy S., Mercado I. (2011) Educational Aspiration—Expectation Discrepancies: Relation to Socioeconomic and Academic Risk-Related Factors. *Journal of Adolescence*. Vol. 34. No. 4. P. 609—617. <https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2010.10.002>.
30. Bynner J., Joshi H. (2002) Equality and Opportunity in Education: Evidence From The 1958 and 1970 Birth Cohort Studies. *Oxford Review of Education*. Vol. 28. No. 4. P. 405—425. <https://doi.org/10.1080/0305498022000013599>.
31. Croll P. (2008) Occupational Choice, Socio-Economic Status and Educational Attainment: A Study of The Occupational Choices and Destinations of Young People in the British Household Panel Survey. *Research Papers in Education*. Vol. 23. No. 3. P. 243—268. <https://doi.org/10.1080/02671520701755424>.
32. Mello Z. R. (2008) Gender Variation in Developmental Trajectories of Educational and Occupational Expectations and Attainment from Adolescence to Adulthood. *Developmental Psychology*. Vol. 44. No. 4. P. 1069—1080. <https://doi.org/10.1037/0012-1649.44.4.1069>.
33. Minina E., Pavlenko E. (2023) Choosing the Lesser of Evils: Cultural Narrative and Career Decision-Making in Post-Soviet Russia. *Journal of Youth Studies*. Vol. 26. No. 9. P. 1109—1129. <https://doi.org/10.1080/13676261.2022.2071123>.

34. Minina E., Yanbarisova D., Pavlenko E. (2020) Educational Choice of Russian High School Students in Grade Nine. *International Studies in Sociology of Education*. Vol. 29. No. 4. P. 326—343. <https://doi.org/10.1080/09620214.2020.1728362>.
35. Prakhov I. (2016) The Barriers of Access to Selective Universities in Russia. *Higher Education Quarterly*. Vol. 70. No. 2. P. 170—199. <https://doi.org/10.1111/hequ.12087>.
36. Prakhov I., Yudkevich M. (2019) University Admission in Russia: Do the Wealthier Benefit from Standardized Exams? *International Journal of Educational Development*. Vol. 65. P. 98—105. <https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2017.08.007>.
37. Richard D. (2018) The Influence of Socioeconomic Status and Subjective Social Status on the Career Development of College Students. Master's Thesis. University of Southern Mississippi. URL: https://aquila.usm.edu/masters_theses/590 (date of access: 05.12.2025).
38. Sabates R., Gutman L. M., Schoon I. (2017) Is There a Wage Penalty Associated with Degree of Indecision in Career Aspirations? Evidence from the BCS70. *Longitudinal and Life Course Studies*. Vol. 8. No. 3. P. 290—301. <https://doi.org/10.14301/llcs.v8i3.470>.
39. Sabates R., Harris A. L., Staff J. (2011) Ambition Gone Awry: The Long-Term Socio-economic Consequences of Misaligned and Uncertain Ambitions in Adolescence. *Social Science Quarterly*. Vol. 92. No. 4. P. 959—977. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6237.2011.00799.x>.
40. Schoon I., Martin P., Ross A. (2007) Career Transitions in Times of Social Change. His and Her Story. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 70. No. 1. P. 78—96. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2006.04.009>.
41. Schoon I., Parsons S. (2002) Teenage Aspirations for Future Careers and Occupational Outcomes. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 60. No. 2. P. 262—288. <https://doi.org/10.1006/jvbe.2001.1867>.
42. Schoon I., Polek E. (2011) Teenage Career Aspirations and Adult Career Attainment: The Role of Gender, Social Background and General Cognitive Ability. *International Journal of Behavioral Development*. Vol. 35. No. 3. P. 210—217. <https://doi.org/10.1177/0165025411398183>.
43. Silva J. M., Corse S. M. (2018) Envisioning and Enacting Class Mobility: The routine Constructions of the Agentic self. *American Journal of Cultural Sociology*. Vol. 6. P. 231—265. <https://doi.org/10.1057/s41290-017-0026-x>.
44. Staff J., Schulenberg J. E., Bachman J. G. (2010) Adolescent Work Intensity, School Performance, and Academic Engagement. *Sociology of Education*. Vol. 83. No. 3. P. 183—200. <https://doi.org/10.1177/0038040710374585>.
45. Valls O., Astleithner F., Schels B., Vogl S., Kogler R. (2022) Educational and Occupational Aspirations: A Longitudinal Study of Vienna Youth. *Social Inclusion*. Vol. 10. No. 2. P. 226—239. <https://doi.org/10.17645/si.v10i2.5105>.

46. Yastrebov G., Kosyakova Y., Kurakin D. (2018) Slipping Past the Test: Heterogeneous Effects of Social Background in the Context of Inconsistent Selection Mechanisms in Higher Education. *Sociology of Education*. Vol. 91. No. 3. P. 202—223.
47. Zewude B., Habtegiorgis T. (2022). Higher Education and Career Aspirations Among Secondary School Students in Southern Ethiopia. *International Journal of Adolescence and Youth*. Vol. 27. No. 1. P. 235—248. <https://doi.org/10.1080/02673843.2022.2076604>.

Приложение 1

Какое образование имеют родители ребенка? Выберите один вариант ответа в каждом столбце, отмечая наивысший полученный уровень образования

1. Закончил(а) 9 классов школы (или меньше).
2. Начальное профессиональное образование (например, профессиональное училище).
3. Среднее общее образование (10—11 классы).
4. Среднее профессиональное образование (например, техникум).
5. Незаконченное высшее образование (закончил(а) не менее трех курсов вуза).
6. Высшее образование (закончила институт, университет, академию).
7. Имеет ученую степень или два высших образования.

Как бы Вы охарактеризовали материальное положение Вашей семьи? (Выберите один ответ.)

1. Денег не хватает даже на питание.
2. На питание денег хватает, но не хватает на покупку одежды и обуви.
3. На покупку одежды и обуви денег хватает, но не хватает на покупку крупной бытовой техники.
4. Денег вполне хватает на покупку крупной бытовой техники, но мы не можем купить новую машину.
5. Денег хватает на все, кроме таких дорогих приобретений, как квартира, дом.
6. Материальных затруднений не испытываем, при необходимости могли бы приобрести квартиру, дом.
7. Затрудняюсь ответить.

Приложение 2

Таблица А1. **Перекрестные распределения характеристик респондентов по исходам реализации образовательных притязаний (М1)**

	Реализовали (А)	Превзошли (В)	Не реализовали (С)
СЭС_ низкий доход (самооценка)	2%	2%	2%
СЭС_ средний доход (самооценка)	41%	37%	45%(В)
СЭС_ высокий доход (самооценка)	57%	61%(С)	52%
	100%	100%	100%
СЭС_образование родителей_ВО у обоих	18%	25%(АС)	17%
СЭС_образование родителей_нет ВО	42%	38%	47%(В)
СЭС_образование родителей_ВО у одного	40%	37%	36%
Окончил не специализированную школу	59%	52%	60%(В)
Окончил лицей или гимназию	41%	48%(С)	40%
	100%	100%	100%
Мужчина	47%	47%	48%
Женщина	53%	53%	52%
	100%	100%	100%
Населенный пункт_до 100 тыс. чел.	25%	21%	34%(АВ)
Населенный пункт_100—450 тыс. чел.	23%(С)	18%	17%
Населенный пункт_450—680 тыс. чел.	15%	18%	13%
Населенный пункт_более 680 тыс. чел.	22%	23%	19%
Населенный пункт_Москва, СПб	16%	20%	16%
	100%	100%	100%
Обр.притязания_школа	3%	18%(А)	0%
Обр.притязания_СПО	20%(ВС)	11%	9%
Обр.притязания_ВО	65%(С)	71%	56%
Обр.притязания_сверх-ВО	12%	0%	35%(А)
	100%	100%	100%
Факт. уровень образования_школа	3%	0%	28%(В)
Факт. уровень образования_СПО	20%(В)	9%	46%(АВ)
Факт. уровень образования_ВО	65%(ВС)	17%	26%(В)
Факт. уровень образования_сверх-ВО	12%	75%(А)	0%
	100%	100%	100%

Примечание. В ячейках указаны доли внутри соответствующего столбца (100% по столбцу). Подсветка отражает уровень статистической значимости различий долей между столбцами по двустороннему z-тесту разности долей (с поправкой на множественные сравнения): желтый — $p < 0,05$; голубой — $p < 0,1$. Буквы в скобках показывают, с какими столбцами различия статистически значимы.

Таблица А2. Перекрестные распределения характеристик респондентов по группам профессиональных притязаний (М2)

	Руководители (А)	Профессионалы (В)	Полупрофессионалы (С)	Предприниматели (D)
СЭС_ низкий доход (самооценка)	2%	2%	1%	3%
СЭС_ средний доход (самооценка)	43%	40%	42%	42%
СЭС_ высокий доход (самооценка)	54%	57%	57%	56%
	100%	100%	100%	100%
СЭС_ образование родителей_ВО у обоих	17%	17%	14%	18%
СЭС_ образование родителей_нет ВО	45%	46%	51%	45%
СЭС_ образование родителей_ВО у одного	38%	36%	34%	37%
	100%	100%	100%	100%
Окончил не специализированную школу	60%	62%	63%	55%
Окончил лицей или гимназию	40%	38%	37%	45%
	100%	100%	100%	100%
Мужчина	47%	48%	43%	50%
Женщина	53%	52%	57%	50%
	100%	100%	100%	100%
Населенный пункт_до 100 тыс. чел.	24%	28%	38% (A)	30%
Населенный пункт_100—450 тыс. чел.	23%	19%	22%	18%
Населенный пункт_450—680 тыс. чел.	13%	16%	12%	13%
Населенный пункт_более 680 тыс. чел.	22%	19%	20%	20%
Населенный пункт_Москва, СПб	18%(C)	17%(C)	8%	18%(C)
	100%	100%	100%	100%
Обр.притязания_школа	5%	4%	5%	4%
Обр.притязания_СПО	14%	12%	19%(BD)	10%
Обр.притязания_ВО	62%	63%	63%	64%
Обр.притязания_сверх-ВО	19%	21%	14%	23%
	100%	100%	100%	100%
Факт. уровень образования_школа	8%	11%	17%(A)	12%
Факт. уровень образования_СПО	31%	28%	32%	27%
Факт. уровень образования_ВО	42%	44%	38%	42%
Факт. уровень образования_сверх-ВО	19%	17%	13%	18%
	100%	100%	100%	100%

Примечание. В ячейках указаны доли внутри соответствующего столбца (100% по столбцу). Подсветка отражает уровень статистической значимости различий долей между столбцами по двустороннему z-тесту разности долей (с поправкой на множественные сравнения): желтый — $p < 0,05$; голубой — $p < 0,1$. Буквы в скобках показывают, с какими столбцами различия статистически значимы.

Таблица А3. Перекрестные распределения характеристик респондентов по кластерам сочетаний профессиональных притязаний и исходов реализации образовательных притязаний (МЗ)

	1. Превзошли, профессионалы (А)	2. Не реализовали, профессионалы (В)	3. Реализовали, предприниматели (С)	4. Реализовали, профессионалы (D)	5. Не реализовали, руководители (E)
Кол-во, чел.	440	439	182	536	93
СЭС_ низкий доход (самооценка)	2%	3%	3%	2%	2%
СЭС_ средний доход (самооценка)	40%	44%	45%	37%	45%
СЭС_ высокий доход (самооценка)	58%	53%	52%	61%	52%
	100%	100%	100%	100%	100%
СЭС_ образование родителей_ВО у обоих	20%	15%	13%	21%	22%
СЭС_ образование родителей_нет ВО	42%	50%(D)	47%	40%	38%
СЭС_ образование родителей_ВО у одного	38%	35%	41%	39%	41%
	100%	100%	100%	100%	100%
Окончил не специализированную школу	57%	65%(E)	58%	59%	50%
Окончил лицей или гимназию	43%	35%	42%	41%	50%(D)
	100%	100%	100%	100%	100%
Мужчина	50%	47%	44%	46%	45%
Женщина	50%	53%	56%	54%	55%
	100%	100%	100%	100%	100%
Населенный пункт_ до 100 тыс. чел.	25%	35%(AD)	36%(AD)	22%	25%
Населенный пункт_ 100—450 тыс. чел.	21%	18%	16%	22%	18%
Населенный пункт_ 450—680 тыс. чел.	18%(B)	12%	15%	15%	14%
Населенный пункт_ более 680 тыс. чел.	19%	19%	22%	23%	23%
Населенный пункт_ Москва, СПб	18%	17%	11%	18%	20%
	100%	100%	100%	100%	100%
Обр.притязания_школа	6%	3%	4%	4%	0%
Обр.притязания_СПО	13%	8%	20%(B)	14%(B)	6%

	1. Превзошли, профессионалы (A)	2. Не реализовали, профессионалы (B)	3. Реализовали, предприниматели (C)	4. Реализовали, профессионалы (D)	5. Не реализовали, руководители (E)
Обр.притязания_BO	67%(BE)	57%	64%	68%(BE)	48%
Обр.притязания_сверх-BO	14%	32%(ACD)	13%	14%	45%
	100%	100%	100%	100%	100%
Факт. уровень образования_школа	10%(D)	21%(ACD)	4%	3%	24%(ACD)
Факт. уровень образования_СПО	22%(D)	44%(ACD)	20%	13%	40%(ACD)
Факт. уровень образования_BO	35%(B)	24%	64%(ABE)	63%(ABE)	37%
Факт. уровень образования_сверх-BO	33%(BCD)	11%	13%	20%(B)	0%
	100%	100%	100%	100%	100%

Примечание. В ячейках указаны доли внутри соответствующего столбца (100% по столбцу). Подсветка отражает уровень статистической значимости различий долей между столбцами по двустороннему z-тесту разности долей (с поправкой на множественные сравнения): желтый — $p < 0,05$; голубой — $p < 0,1$. Буквы в скобках показывают, с какими столбцами различия статистически значимы.

Описание кластеров

При кластеризации использовались два номинальных признака: тип профессиональных притязаний в 4-й волне (четыре укрупненные группы) и исход реализации образовательных притязаний к 12-й волне (три категории). Теоретически это задает 12 возможных сочетаний. Однако на практике распределение оказалось сильно неравномерным: часть сочетаний имеет малую численность и не образует устойчивых «самостоятельных» кластеров в иерархической процедуре. В результате алгоритм выделил пять наиболее отчетливых и наполненных кластеров, которые соответствуют доминирующим сочетаниям профессиональных притязаний и исходов реализации:

- «превзошли, профессионалы»,
- «не реализовали, профессионалы»,
- «реализовали, предприниматели»,
- «реализовали, профессионалы» (опорный),
- «не реализовали, руководители»

Остальные сочетания присутствуют в данных, но не сформировали отдельные кластеры из-за малой численности и/или близости к более крупным группам по двум выбранным признакам.

Кластер	Реализация притязаний, озвученных во 2 волне на момент 12 — Среднее	N	Стандартное отклонение	Профессиональные группы — Среднее	N	Стандартное отклонение
«превзошли, профессионалы»,	2,0305	440	0,77667	2,2870	440	1,09094

Кластер	Реализация притязаний, озвученных во 2 волне на момент 12 — Среднее	N	Стандартное отклонение	Профессиональные группы — Среднее	N	Стандартное отклонение
«не реализовали, профессионалы»,	2,8497	439	0,35781	1,8497	439	0,35781
«реализовали, предприниматели»,	1,0000	182	0,00000	3,6413	182	0,48093
«реализовали, профессионалы» (опорный),	1,0713	536	0,25762	2,1427	536	0,51524
«не реализовали, руководители»	3,0000	93	0,00000	1,0000	93	0,00000
Всего	1,8812	1692	0,90629	2,2028	1692	0,88877

DOI: [10.14515/monitoring.2026.1.3105](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3105)**А. А. Поплавская, С. Г. Пашков, Л. Р. Камальдинова****ВЛИЯНИЕ РАБОТЫ ВО ВРЕМЯ УЧЕБЫ В ВУЗЕ
НА АКАДЕМИЧЕСКУЮ УСПЕВАЕМОСТЬ:
РЕЗУЛЬТАТЫ ЛОНГИТЮДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
СТУДЕНТОВ БАКАЛАВРИАТА****Правильная ссылка на статью:**

Поплавская А. А., Пашков С. Г., Камальдинова Л. Р. Влияние работы во время учебы в вузе на академическую успеваемость: результаты лонгитюдного исследования студентов бакалавриата // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 1. С. 123—146. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3105>.

For citation:

Poplavskaya A. A., Pashkov S. G., Kamaldinova L. R. (2026) The Impact of Working while Studying in University on Academic Performance: Results of a Longitudinal Study of Undergraduate Students. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 123–146. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3105>. (In Russ.)

Получено: 17.09.2025. Принято к публикации: 25.01.2026.

ВЛИЯНИЕ РАБОТЫ ВО ВРЕМЯ УЧЕБЫ В ВУЗЕ НА АКАДЕМИЧЕСКУЮ УСПЕВАЕМОСТЬ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЛОНГИТУДНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СТУДЕНТОВ БАКАЛАВРИАТА

ПОПЛАВСКАЯ Анита Андреевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии, научный сотрудник Лаборатория экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: apoplavskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8122-8853>

ПАШКОВ Станислав Георгиевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии, научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: spashkov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7832-7503>

КАМАЛЬДИНОВА Лидия Рафаильевна — директор Центра внутреннего мониторинга, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: lkamaldinova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5987-0372>

Аннотация. Совмещение высшего образования с работой становится массовым явлением среди студентов бакалавриата. Первые исследования феномена доказывали наличие негативного влияния оплачиваемой занятости на академические достижения студентов, однако в последние годы в литературе активно обсуждается ряд позитивных эффектов от практики совмещения учебы с работой, проявляющихся в зависимости от типа занятости и характеристик студентов. В России работу с учебой совме-

THE IMPACT OF WORKING WHILE STUDYING IN UNIVERSITY ON ACADEMIC PERFORMANCE: RESULTS OF A LONGITUDINAL STUDY OF UNDERGRADUATE STUDENTS

*Anita A. POPLAVSKAYA*¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Associated Professor, Department of Economic Sociology; Researcher, Laboratory for Studies in Economic Sociology*
E-MAIL: apoplavskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8122-8853>

*Stanislav G. PASHKOV*¹ — *Cand. Sci. (Soc.), Associated Professor, Department of Economic Sociology; Reasercher, Laboratory for Studies in Economic Sociology*
E-MAIL: spashkov@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7832-7503>

*Lidiia R. KAMALDINOVA*¹ — *Director, Centre for Institutional Research*
E-MAIL: lkamaldinova@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5987-0372>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. Combining higher education with work is becoming a common practice among undergraduate students. Initial studies of this phenomenon demonstrated the negative impact of paid employment on students' academic performance. However, in recent years, several positive effects of combining study and work have been observed, depending on the type of employment and student characteristics. In the Russian context, ambitious and motivated students at leading universities, such as the National Research University Higher

щают чаще амбициозные и мотивированные студенты ведущих вузов, к списку которых относится рассматриваемый в статье Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Цель исследования — понять, как меняется успеваемость студента за время учебы в вузе при появлении у него работы разного типа. Эмпирическую базу составили восемь волн ежегодного репрезентативного опроса студентов НИУ ВШЭ «Мониторинг студенческой жизни» (2017—2024 гг.). В итоговую авторскую панельную базу данных вошли студенты очной подготовки, хотя бы два раза прошедшие опрос за указанный период. Размер итоговой выборки составил 2723 студента. Было выявлено, что место работы (в университете и вне его) в большей степени, чем тип работы (полная и неполная занятость), дифференцирует средние баллы и позиции студентов в рейтинге. С помощью методов панельного лонгитюдного анализа на основе обобщенных оценочных уравнений (GEE) продемонстрировано, что работа в университете ассоциируется со значимым повышением позиций в текущем рейтинге, а также средних баллов. Занятость вне университета может иметь положительный эффект на кумулятивные средние баллы, что подтверждает эффект самоотбора студентов. Наиболее негативный эффект на успеваемость оказывает наличие работы на первых курсах обучения. Новизной статьи является включение показателей рейтингования студентов в расчеты, позволяющих точнее и детальнее измерять сравнительные конкурентные позиции студентов и их успехи в учебе. Там, где модели не отражают значимых изменений в средних баллах студентов, рассматриваются изменения в показателях позиций в рейтинге.

Ключевые слова: студенческая занятость, совмещение учебы с работой, академическая успешность, студенческий рейтинг, панельные данные, панельная регрессия

School of Economics (HSE), discussed in this article, are more likely to combine work and study. This study aims to understand how students' academic performance changes during their university studies as they acquire different types of employment. The empirical base was comprised of eight waves of the annual representative HSE student survey "Monitoring Student Life" (2017–2024). The final panel database included full-time students who completed the survey at least twice during the specified period. The final sample size (N_{main}) was 2,723 students. It was found that employment (on- and off-campus) had a greater impact on students' GPAs and ranking positions than did employment type (full-time or part-time). Using longitudinal panel analysis methods based on generalized estimating equations (GEE), it was demonstrated that employment has a generally negative impact on academic achievement. Working on campus is associated with a significant increase in current ranking positions and GPAs, while off-campus employment may have a positive effect on cumulative GPAs, confirming a self-selection effect. Employment during the first years of study has the most negative impact on academic performance. A new feature of this article is the inclusion of student ranking indicators in the calculations, allowing for a more accurate and detailed measurement of students' comparative competitive positions and their academic success. Where the models do not reflect significant changes in students' GPAs, changes in ranking indicators are reflected.

Keywords: student employment, combining study and work, academic performance, student rating, panel data, panel regression

Благодарность. Авторы благодарят анонимных рецензентов журнала за ценные комментарии. Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Acknowledgments. We express gratitude to the anonymous reviewers for their valuable comments. The study was carried out within the framework of the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Введение

В последние десятилетия совмещение учебы с работой становится массовой практикой среди студентов как за рубежом [Salas-Velasco, 2007; Beerkens, Mägi, Lill, 2011; Brooks 2018; Lessky, Unger, 2023], так и в России [Рожкова, Роцин, Травкин, 2024]. Причем все активнее в оплачиваемую занятость вовлекаются не только представители менее обеспеченных слоев — ученики школ или студенты колледжей в экономически неблагополучных районах, — но и обучающиеся высших учебных заведений. В Европе уровень занятости среди студентов высших учебных заведений составляет около 47 %, в США — примерно 49 % [Beerkens, Mägi, Lill, 2011]. По последним данным одного из исследовательских агентств, количество студентов дневной формы обучения, которые имеют оплачиваемую работу в учебное время в Великобритании, увеличилось до 68 % в 2025 г. по сравнению с 56 % в 2024 г. [Neves et al., 2025]. В России опыт работы во время учебы имеют около 54 % выпускников бакалавриата и специалитета [Емелина и др., 2022], этот показатель сочетается с данными Мониторинга трудоустройства выпускников 2021 г., который показал, что 53 % студентов бакалавриата и специалитета очной формы обучения работали в вузе [Рожкова, Роцин, Травкин, 2024]. Таким образом, степень совмещения работы и учебы студентами вузов в России в динамике примерно сопоставима со странами, где диплом об окончании высшего учебного заведения сигнализирует работодателям о высокой компетенции выпускников [Роцин, Рудаков, 2014]. Стоит отметить, что среди выпускников ведущих вузов совмещение учебы и работы распространено шире, чем среди выпускников других вузов [Емелина и др., 2022]. Это говорит о важности более пристального изучения опыта студентов селективных организаций высшего образования, которые в теории должны мотивировать студентов больше времени уделять университетским активностям, а на практике являются оплотами большей вовлеченности студентов в рынок труда. Такая ситуация либо может быть следствием самоотбора наиболее активных, мотивированных и способных студентов в такие вузы, либо же неформально поощряться в студенческой среде как опыт получения трудовой практики уже в рамках учебы в университете.

Одной из главных причин совмещения высшего образования с работой выступает желание получить доход, помогающий обеспечивать себя и свои потребности во время учебы, в том числе базовые [Baert et al., 2016; Neyt et al., 2019]. Ряд исследований доказали отрицательную связь между уровнем материального благосостояния семьи и количеством часов, которые студент посвящает оплачиваемой занятости [Kalenkoski, Pabilonia, 2012; Behr, Theune, 2016; Sirin, 2005]. Финансовый аспект — действительно ключевая, но не единственная причина сту-

денческой занятости. В отечественной литературе к мотивам сочетания учебы с работой относятся стремление стать независимым от родительской опеки, получение опыта работы, самореализация, расширение круга общения, наращивание контактов, практических знаний и навыков [Нагимова, Сафиуллина, 2014; Константиновский, Чередниченко, Вознесенская, 2009]. Иногда в качестве важных факторов выхода на рынок труда выделяют недовольство процессом обучения и отсутствие интереса к выбранной специальности [Каплан, Ерицян, 2020]. В целом исследования говорят о выгодности практики получения опыта работы студентами [Sanchez-Gelabert, Figueroa, Elias, 2017; Емелина и др., 2022]. Согласно российским данным, выпускники бакалавриата и специалитета, имеющие опыт совмещения учебы с работой, зарабатывают на 29% больше выпускников без подобного опыта, а также более востребованы работодателями [Емелина и др., 2022]. Однако не до конца изученным в российском контексте остается влияние, которое оказывает работа во время учебы на академическую успеваемость студентов непосредственно во время учебы в вузе, тем более что методически данный эффект измерить непросто¹.

Первые исследования феномена демонстрировали наличие негативного эффекта от студенческой занятости на академические достижения и намерения продолжать образование или осваивать дисциплины учащимися (см. подробнее: [Neyt et al., 2019]). В современной литературе высшее образование и оплачиваемая занятость все меньше считаются субститутами. Напротив, выделяются и позитивные результаты сочетания учебы с работой. Во-первых, университет предоставляет более гибкие, чем в школе, расписание, возможности планирования и распределения академической нагрузки в течение года, что делает возможным трудоустройство студентов без потери качества образования [Triventi, 2014; Darolia, 2014]. Во-вторых, современные технологии позволяют учиться и работать онлайн, быстрее переключаться между задачами и выполнять задания удаленно. В-третьих, исследования констатируют, что оплачиваемой занятостью во время учебы в университете чаще занимаются подростки, уже имеющие такой опыт во время учебы в школе, что позволяет им легче наладить тайм-менеджмент [Bozick, 2007; Staff, Mortimer, 2007; Rothstein, 2007]. В-четвертых, на вовлеченность в работу влияет эффект самоотбора (англ. *selection effect*). В селективных вузах учатся наиболее способные индивиды, которым легче уделять время всем своим интересам и увлечениям, а университеты с менее высоким рейтингом выбирают студенты, для которых учеба является лишь способом получения диплома об образовании [Neyt et al., 2019].

Данная статья продолжает описанную научную дискуссию и ставит целью понять, как меняется академическая успеваемость студентов за счет перехода к работе во время учебы в университете. *В рамках обзора литературы мы суммируем результаты предыдущих исследований о влиянии работы на успеваемость студентов, анализируя их сочетание либо как комплементарное, либо как противодействующее получению качественного образования в университетах. Далее описываем основные методы, используемые в подобных работах, и делаем об-*

¹ Подробнее о сложностях измерения эффектов влияния работы во время учебы на успеваемость см. подробнее в разделе «Методы измерения влияния работы на успеваемость студентов».

зор немногочисленных зарубежных лонгитудов по изучаемой теме. Отметим, что в России подобных исследований не проводилось. Мы предлагаем собственную методику, особенностью которой является измерение академической успеваемости несколькими способами (через средние баллы и позиции в рейтинге). Это нововведение и преимущество данной работы наряду с уникальной базой данных, собранной при непосредственном участии авторов.

Работа и учеба: субституты или комплементарные сущности?

Исследователи рассматривают студенческую занятость как дополнение к высшему образованию, подчеркивая ее возможную комплементарность и позитивное влияние на учебу, или как субститут, значимо ухудшающий академические успехи. Традиционно была популярной вторая позиция. В конце XX — начале XXI века студенческая занятость воспринималась преимущественно как вынужденная практика, связанная с необходимостью заработка на жизнь выходцев из менее благополучных слоев населения. Она также относилась к поведенческим практикам, негативно влияющим на качество человеческого капитала, поскольку отвлекала от его накопления в рамках учебы, ухудшала психологическое самочувствие молодых людей за счет повышения уровня стресса от многозадачности, разных требований рынка труда и системы образования [Apel et al., 2008; Neyt et al., 2019]. В относительно недавних работах приводятся дополнительные аргументы негативного влияния работы на учебу в вузе, опирающиеся на подход, подчеркивающий изначальные различия в ориентации молодежи на заработок или на образовательные успехи, что разделяет мотивированных на академические результаты студентов и тех, кто рассматривает образование утилитарно, лишь в качестве инструмента для достижения будущего успеха на рынке труда [Warren, 2002; Bozick, 2007; Baert et al., 2018]. В исследовании австралийских студентов было выявлено, что количество часов, проведенных за оплачиваемой работой во время учебного семестра, оказывало отрицательное влияние на средний балл [Salamonson et al., 2012]. В Испании, напротив, среди работающих студентов средние баллы были сравнительно более высокими, чем у неработающих [Carrera et al., 2019]. Однако данная закономерность изменялась в зависимости от уровня обучения. При переходе с первого на второй курс средние баллы по учебе у неработающих студентов были выше, но при переходе со второго на третий динамика становилась обратной. Исследований, показывающих, что работа студентов может влиять на вероятность их отчисления, насколько авторы знают, не проводилось, но в некоторых исследованиях школьников подчеркивается, что для работающих школьников из менее благополучных семей совмещение образования с оплачиваемой занятостью увеличивает вероятность окончания школы, хотя и не приводит к продлению получения образования [Lee, Orazem, 2010].

Мы рассматриваем студентов, которые уже преодолели порог входа в систему высшего образования, сделав выбор в пользу получения диплома о его окончании. Студенческую занятость принято анализировать в терминах эффектов *самоотбора* (англ. *selection effect*). Гипотеза о *положительном самоотборе* описывает ситуацию, когда учащиеся с более высокими оценками решают совмещать учебу с работой ввиду наличия сил, времени и мотивации на внеучебную активность,

за которую они еще будут получать материальное вознаграждение [Sabia, 2009]. Это соотносится со вторым описанным нами взглядом на работу как дополнение к образованию. Статистически данный вывод подтверждается: высоко мотивированные и способные студенты чаще вовлекаются в студенческую занятость [Stinebrickner, Stinebrickner, 2003; Tyler, 2003; Beffy, Fougeré, Maurel, 2010]. Гипотеза об отрицательном самоотборе гласит, что студенты с низкими оценками решают работать во время учебы из-за потери мотивации к получению образования и отсутствия веры в свои способности добиваться высоких академических результатов [Warren, Lee, 2003; Bozick, 2007]. И здесь также находится ряд доказательств: студенты со сравнительно более низкими оценками и мотивацией учиться чаще совмещают учебу и работу [Rothstein, 2007; Buscha et al., 2012]. Этот тренд может усугубляться необходимостью зарабатывать на жизнь, так как низкие показатели академической успеваемости напрямую связаны с финансовым благополучием семьи [Sirin, 2005].

Описанные выше исследования оставляют без ответов ряд вопросов, в частности: какие типы занятости практикуют студенты из разных социальных классов? как сочетание учебы с работой влияет на академические результаты разных групп студентов? Более того, существуют различия в распределении сил на учебу и на работу, так как работающим студентам приходится выбирать, куда направить свою активность: посетить пары в университете, сделать домашнее задание, повторить материал или просто посвятить время отдыху и сну [Bozick, 2007; Kalenkoski, Pabilonia, 2012; Darolia, 2014]. Некоторые ученые констатируют, что работающие студенты не всегда снижают временные затраты на учебу в университете, скорее ради оплачиваемой занятости они сокращают время общения с друзьями и семьей, а также время на развлечения и отдых [Triventi, 2014; Schoenhals, Tienda, Schneider, 1998; Warren, 2002; Kalenkoski, Pabilonia, 2012]. В зависимости от того, насколько трудозатратна работа и связана ли она со специализацией студента, успеваемость может улучшаться или ухудшаться. Работа в течение учебного года оказывает более негативное воздействие на оценки школьников и студентов, чем работа в период каникул [Baert et al., 2018]. Наиболее отрицательно влияет на учебные результаты интенсивная занятость более 20 часов в неделю, она снижает средние баллы студента и вероятность продолжения образования в вузе, то есть может приводить к отчислению или отказу продолжать учебу [Darolia, 2014; Triventi, 2014]. Работа в университете, участие в научно-исследовательских проектах может, наоборот, позитивно сказываться на успеваемости студентов [Ehrenberg, Sherman, 1987]. Исследования в области экономики и социологии труда также показали, что опыт студенческой занятости может оказывать и положительное влияние на саморазвитие, самопозиционирование и получение выгодных позиций на рынке труда, улучшая в том числе погружение в трудовую культуру, социализацию на рабочих местах, возможности практического применения фундаментальных знаний и профессиональных навыков [Rothstein, 2007; Parent, 2006; Geel, Backes-Gellner, 2012; Baert et al., 2016, 2018]. Главное, чтобы работа не была слишком трудозатратной и отнимающей много времени и сил.

Исходя из анализа литературы обозначим наши основные гипотезы.

Гипотеза 1. Появление работы во время учебы в вузе при прочих равных ухудшает академическую успеваемость студентов.

Гипотеза 2. Влияние работы на академическую успеваемость зависит от места работы (в университете или вне его) и временных затрат на занятость (полный или неполный рабочий день). Работа неполный рабочий день в университете лучше всего сказывается на успеваемости студента бакалавриата.

Гипотеза 3. Изменение академической успеваемости при выходе на рынок труда зависит от курса обучения, на котором студент начинает совмещать учебу с работой. Если студент работает с первых курсов (1 и 2 курс), его академические результаты постепенно ухудшаются. И наоборот, работа ближе к выпускному курсу может иметь позитивное влияние на успеваемость.

Методы измерения влияния работы на успеваемость студентов

Влияние работы на учебные результаты студентов измерялось разными способами [Neyt et al., 2019]. В настоящем разделе мы сосредоточимся на описании развития четырех наиболее популярных методов в этой области, включая особенности анализа панельных данных, которые встречаются в литературе по данной проблематике.

Первые исследования рассматривали студенческую занятость как экзогенный фактор и представляли эконометрический анализ взаимосвязей между наличием работы у студента и его академическими успехами, контролируя лишь небольшой набор параметров в последующем регрессионном анализе (преимущественно методом наименьших квадратов, англ.: *ordinary least squares*) [Ruhm, 1997]. Данный метод остается популярным и сегодня, однако включает больше дифференцирующих опыт работы студентов факторов, чтобы разделить мотивы трудоустройства студентов и причины их высоких или низких учебных оценок [Baert et al., 2016]. Главная сложность данного пула исследований заключается в неререфлексируемом акценте на измерении одностороннего влияния работы на успеваемость. Сейчас многие исследователи указывают на эндогенность переменных. Используя более сложные техники, они стремятся учесть первоначальные различия между работающими и неработающими студентами и решить проблему отсутствия четкой направленности причинно-следственных связей.

Второй и более продвинутый способ измерения эффектов совмещения учебы с работой на академическую успешность студентов — метод сопоставления склонностей респондентов (англ. *propensity score matching*). Его целью является сравнение работающих студентов с определенным набором характеристик с аналогичными неработающими студентами [Buscha et al., 2012; Behr, Theune, 2016; Scott-Clayton, Minaya, 2016]. Метод включает в себя три этапа. Сначала для каждого респондента прогнозируется вероятность трудоустройства во время получения образования, то есть рассчитывается уровень склонности к совмещению учебы с работой. Часто используются такие ковариаты, как пол, этническая принадлежность, социальный класс, операционализируемый через уровень образования родителей, социально-экономическое положение и предыдущая академическая успеваемость респондента (если такие показатели доступны). Затем работающие и неработающие учащиеся объединяются на основе их показателей «склонности к совмещению учебы с работой» в сравнимые между собой группы. На заключительном этапе образовательные результаты этих подвыборок срав-

ниваются друг с другом. Несмотря на предположение о независимости подвыборок, не ведется учет ненаблюдаемых различий между учащимися, таких как мотивация и способности, а также статичная природа данных, которая не позволяет наблюдать за изменениями в статусе занятости на протяжении учебы в образовательном учреждении и, соответственно, динамикой показателей успеваемости.

Третий подход к изучению связи между работой и академическими результатами популярен среди экономистов. Метод заключается в совместном моделировании склонностей к высоким образовательным результатам и к трудоустройству, а также в использовании экзогенной вариации в предикторах решений студентов о работе для выявления их причинно-следственной связи с образовательными результатами. Исследователи проводят двухшаговый регрессионный анализ методом наименьших квадратов (2SLS). На первом этапе прогнозируется вероятность студенческой занятости в зависимости от внешней инструментальной переменной, а на втором этапе этот прогноз используется в качестве независимой переменной, объясняющей интересующий образовательный результат. В качестве *инструментальной переменной* для студенческой занятости подходит показатель, который сильно коррелирует со студенческой занятостью и не коррелирует напрямую с образовательными результатами, показателями способностей и мотивации индивида, также оказывающими влияние на вероятности получения хороших оценок в учебе и совмещения образования с занятостью. При оценке влияния занятости студентов на уровень образования часто используются местные условия рынка труда и трудовое законодательство, стимулирующие молодых людей получать образование или работать [Parent, 2006; Rothstein, 2007; Beffy, Fougeré, Maurel, 2010; Lee, Orazem, 2010]. В исследовании Джона Тайлера показано, как разное законодательство по поводу занятости учеников старшей школы влияет на показатели успеваемости в США [Tyler, 2003]. В штатах, где предложение труда высокое, но есть закон, ограничивающий часы работы школьников, ученики получали более высокие баллы по математике, а в штатах, где нет подобных ограничений, баллы по математике значительно снижались в связи с неограниченными возможностями занятости и переключением школьников на работу. Роберт Апель и соавторы показали, что законы о занятости школьников в целом повышают вероятность их трудоустройства и часы работы, что приводит к ухудшению оценок, но главное — к отсеву из учебных заведений [Arel et al., 2008]. В данной работе речь идет о студентах, и в России на этот счет нет особых правил, в отличие, например, от европейских стран, вводящих ограничения на часы работы в неделю [Brooks, 2018; Lessky, Unger, 2023].

Четвертым подходом к измерению эффекта от работы на академические результаты студентов являются лонгитюдные (панельные) исследования. Это наиболее эффективный способ решения проблемы эндогенности, то есть отсутствия однозначного понимания того, как работа влияет на академические результаты, есть ли здесь эффекты самоотбора или внешних факторов влияния на выбор в пользу работы во время учебы. Основной пул таких исследований проводится в Америке², так как именно здесь собираются репрезентативные и продол-

² Например, сбором панельных и лонгитюдных данных о школьниках и студентах в США занимается Национальный центр образовательной статистики (англ.: *National Center for Education Statistics (NCES)*). См. подробнее: <https://nces.ed.gov/national-center-education-statistics-nces> (дата обращения: 04.02.2026).

жительные опросы, позволяющие проследить изменения во времени [Сапрыкина, 2017; Neyt et al., 2019]. Значимое преимущество таких проектов заключается в учете реального опыта молодежи, а именно факта влияния перехода к занятости в разные периоды учебной деятельности на образовательные результаты, будь то отчисление, успеваемость или иные показатели субъективного и объективного опыта учащихся. Считается, что чем раньше проводится замер ситуации занятости и академических успехов, тем лучше качество модели и тем больше эффектов можно измерить с ее помощью. Однако чаще всего эмпирическим объектом таких исследований выступают школьники [Schoenhals, Tienda, Schneider, 1998; Rothstein, 2007; Sabia, 2009], а исследования студентов довольно редки [Salamonson et al., 2012; Carrera et al., 2019]. Еще один недостаток таких работ — малое количество наблюдений, отсутствие подробного описания выборки, мест учебы и работы, дифференциации по данным показателям.

Мы следуем традиции изучения университетских кейсов, однако пытаемся интегрировать сравнительный анализ по специализациям, чтобы не только оценить влияние работы на успеваемость, но и по возможности дифференцировать это влияние в зависимости от социально-демографических характеристик студентов, а также от особенностей их образовательных и трудовых практик. Более того, мы используем два показателя академических успехов — средний балл и позицию в рейтинге, — о чем подробно рассказано в следующем разделе и что позволяет более комплексно и разносторонне посмотреть на проблемы успеваемости студентов и сравнить по данным показателям группы работающих и неработающих во время учебы студентов.

Дизайн исследования

Эмпирической базой исследования стал онлайн-опрос студентов Высшей школы экономики «Мониторинг студенческой жизни» (далее: МСЖ), инициированный в 2009 г. и до настоящего времени ежегодно реализуемый Центром внутреннего мониторинга НИУ ВШЭ. Приглашение к участию в опросе рассылается на корпоративные почты студентов. Дизайн выборки исследования предполагает контроль репрезентативности по курсам и уровням обучения, а также по факультетам. При необходимости проводится процедура ремонта выборки (взвешивание). Опросные данные конфиденциальны, и к ним добавляются административные данные о форме финансирования образования, образовательной программе и успеваемости (средние баллы, рейтинг студентов).

На основе восьми волн МСЖ, проведенных в 2017—2024 гг., мы составили панельную базу данных, так как в эти волны были включены вопросы о наличии работы во время учебы. Выборку составленной авторами панельной базы данных можно охарактеризовать как доступную, так как включены все студенты, хотя бы два раза участвовавших в опросе МСЖ за обозначенный период. Фокус на периоде с 2017 г. также актуален потому, что в рамках более масштабного исследования студенчества нескольких федеральных округов России исследователи выявили, что начиная с 2016 г. учащиеся вузов стали больше ориентироваться на совмещение учебы с работой и воспринимать ее как основу для дальнейшей профессионализации и успеха на рынке труда [Филоненко, Скачкова, Филоненко, 2018].

Базовая единица наблюдения — студент очной подготовки, обучающийся в бакалавриате. Критерием отбора было участие студента минимум в двух волнах МСЖ (как последовательно, так и через промежутки времени). Исходный объем выборочной совокупности (*Ninit*) составил 11 563. На следующем этапе к опросным данным был подсоединен массив с показателями успеваемости студента и его образовательными характеристиками. Из анализа были исключены студенты, у которых отсутствовала информация о контрольных показателях успеваемости за два полных семестра (это могло произойти вследствие сложностей идентификации индивида в разных массивах данных либо в случае отчисления студента). Размер итоговой выборки (*Nmain*) составил 6423 кейса и 2723 студента. Анализ структуры отобранной для настоящего исследования выборочной совокупности показал, что за восемь лет мониторинга 88% опрошенных студентов участвовали от двух до трех раз и 12% — четыре раза и более. Исследование паттернов ответов указывает на отсутствие неслучайной природы пропуска опросов МСЖ, что является одним из важных условий для дальнейшего конструирования качественных панельных регрессионных моделей.

В рамках анализа данных мы использовали описательную статистику и методы панельного анализа данных на основе обобщенных оценочных уравнений (*GEE*). Во-первых, выбранный метод, в отличие от панельных регрессий с фиксированными и/или случайными эффектами, оценивает эффекты на уровне всей совокупности участвовавших в волне *T* студентов («population-averaged effects»), а не фокусируется всецело на индивидуальных различиях каждого респондента. Иными словами, «фиксированные» эффекты (социально-демографические характеристики студентов, их учебные характеристики) используются для построения корректных рабочих корреляций с учетом фактора времени. Во-вторых, панельная структура данных не демонстрирует признаки систематического выбытия студентов из последующей волны вопроса, что позволяет отнести ситуацию к категории условно-случайных выбытий (*MAR*), для которых методология *GEE* демонстрирует более робастные оценки за счет своей структуры расчетов [Westgate, West, 2021].

Анализ выполнялся с использованием пакета *geepack* в среде *R* [Højsgaard, Halekoh, Yan, 2006]. В качестве рабочей корреляционной структуры выбрана равнозначная матрица корреляций (англ.: *exchangeable*), предполагающая подсчет корреляции между всеми наблюдениями по одному студенту (с учетом всех кейсов по одному респонденту). Такой выбор обусловлен тем, что интервалы между волнами опросов варьируются и отсутствует четкая временная регулярность, необходимая для применения альтернативных корреляционных матриц (например, *AR(1)*). Кроме того, предварительное сравнение моделей по критерию *QIC* (англ.: *Quasi-likelihood under the Independence Model Criterion*) показало, что равнозначная структура матриц обеспечивает лучшее соответствие данным по сравнению с остальными вариантами расчета структуры³.

³ Методология обобщенных оценочных уравнений позволяет учитывать природу связей между ответами одних и тех же респондентов во времени. Среди наиболее распространенных вариантов — матрица равнозначной корреляции (*exchangeable*), матрица на основе авторегрессионной структуры первого порядка *AR(1)*. В первом варианте предполагается равнозначная корреляционная структура между измерениями внутри одной волны замера (кластера) с течением времени, в то время как во втором случае предполагается внимание к регулярности замера характеристик одних и тех же студентов. Поскольку курс обучения не всегда привязан к фактическому году опроса, наличие неравномерных периодов опроса отдельных студентов может приводить к смещениям к коэффициентам. Помимо этого, решение о выборе эффективной матрицы основано на сравнении значений *QIC*-моделей.

Зависимой переменной в моделях GEE выступили показатели успеваемости студента, измеряемой с помощью среднего балла, который стандартно используется в исследованиях студентов, и позиции в рейтинге, что является нововведением настоящей работы. Средний балл представляет собой усредненные результаты промежуточной аттестации студента по обязательным учебным дисциплинам и дисциплинам по выбору, которые вошли в индивидуальный учебный план студента. Кумулятивный средний балл отражает накопленные за весь период обучения усредненные результаты оценок после всех пересдач⁴. Используемая в университете система рейтингов⁵ также имеет два вида: *текущий рейтинг* оценивает учебные достижения по дисциплинам за один учебный период, является оперативным показателем и учитывает результаты по завершении учебного периода или пересдач; *кумулятивный рейтинг* отражает достижения по всем изученным дисциплинам за весь период обучения, является накопительным показателем активности и результатов студента, а также не может быть нормированным⁶.

Таким образом, оба показателя успеваемости являются количественными с разными размахами значений. Средний балл измеряется от 0 до 10 баллов (в соответствии с принятой в НИУ ВШЭ системе оценивания студентов по 10-балльной шкале), где 0 — это наиболее низкий балл успеваемости, а 10 — наиболее высокий. Рейтинг представляет собой перцентильную группу, в которую попадает студент на своем курсе образовательной программы, и измеряется соответственно от 0 до 100, где 0 — это наиболее высокий рейтинг (отличники), а 100 — это наиболее низкий рейтинг (отстающие). В рамках выработанной методологии показатели средних баллов и рейтинга рассматриваются в «естественном виде»: для среднего балла более высокое значение означает высокую успеваемость, а для рейтинга более — более низкую успеваемость. Средняя рейтинговая позиция в рассматриваемом массиве данных варьируется от 33-го до 40-го перцентиля, а средний балл — от 7,7 до 8,1 балла.

В качестве предикторов в регрессионных моделях использовались следующие: статус и характеристики трудовой занятости⁷ (наличие работы; полный и неполный рабочий день, нерегулярные приработки; работа в университете и вне его), характеристики обучения (направление подготовки⁸), источник финансирования

⁴ Для всех лет, кроме 2016—2017 учебного года, сначала были взяты официально (по единой методологии) рассчитанные текущие и кумулятивные средние баллы за семестры, а затем для получения интегрального показателя среднего балла по учебному году два семестровых замера усреднялись. Для 2016—2017 учебного года изначально был взят рассчитанный средний балл из всех итоговых оценок студента, полученных после пересдач.

⁵ Подробнее о системе рейтингов в НИУ ВШЭ см.: <https://www.hse.ru/docs/295301710.html>.

⁶ Как и в ситуации со средними баллами, для всех лет, кроме 2016—2017 учебного года, сначала были взяты официально (по единой методологии) рассчитанные текущие и кумулятивные рейтинги за семестры, а затем для получения интегрального показателя рейтинга по учебному году два семестровых замера усреднялись. Для 2016—2017 учебного года данные о рейтингах отсутствуют.

⁷ Для измерения статуса занятости в анкете использовалась формулировка вопроса: «Есть ли у Вас оплачиваемая работа?» Студенту предлагают выбрать все подходящие ответы из шести вариантов ответа: работа на полный день в ВШЭ, работа на полный день вне ВШЭ, работа на неполный день в ВШЭ, нерегулярные приработки в ВШЭ, нерегулярные приработки вне ВШЭ. Если студент не выбирал ни один из вариантов ответа, ему присваивался статус «отсутствие работы; только обучение».

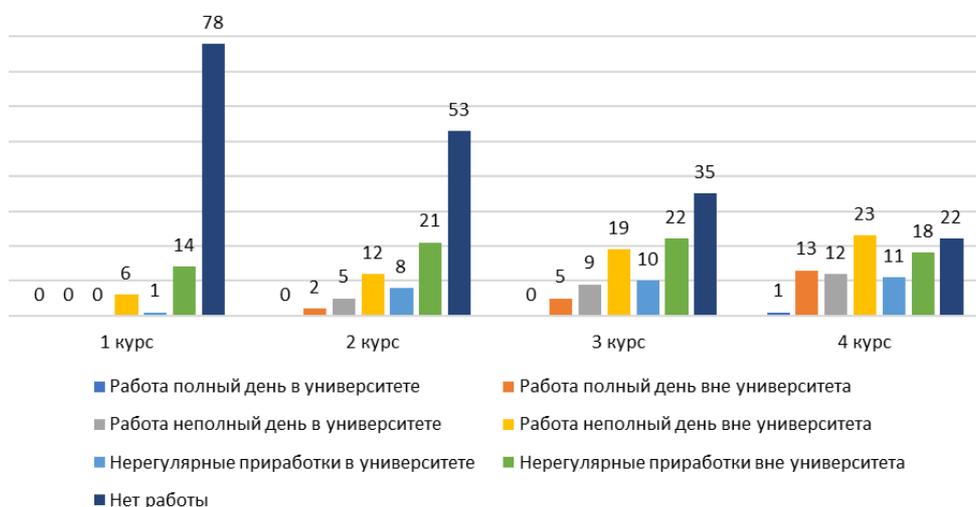
⁸ В качестве направления подготовки в массиве МСЖ учитываются факультет и образовательная программа. Программы 21 факультета были сгруппированы в следующие три категории: гуманитарные, прикладные и технические науки.

обучения (бюджет или коммерция), а также иные характеристики студента (пол, материальное положение⁹).

Результаты

На рисунке 1 представлена общая по панели динамика совмещения студентами учебной деятельности и разных типов работы в разрезе курсов обучения. На первом курсе доля занятых (не считая студентов, которые практикуют нерегулярные приработки) составляет 7% от общей массы опрошенных студентов. Начиная со второго курса становится заметен стремительный рост доли совмещающих работу с учебой, который к четвертому курсу достигает около половины всех студентов. Это отличает студентов из используемой нами нерепрезентативной для студентов вуза выборки от общей совокупности российских студентов, начинающих работать в среднем с третьего курса [Рощин, Рудаков, 2014]. Также значительно меняется доля опрошенных студентов, которые не вовлекаются в трудовую деятельность: в течение четырех лет обучения их доля уменьшается с 78% до 22%. Относительно гомогенной остается группа студентов с нерегулярной занятостью (8—11% тех, кто имеет приработки в университете, и 18—22% тех, кто имеет нерегулярную занятость вне университета). Так как приработки не являются постоянной занятостью, в дальнейшем анализе мы будем относить имеющих непостоянные подработки к категории «неработающие студенты».

Рис. 1. Доля респондентов с различными формами совмещения работы и учебы в разрезе курсов обучения¹⁰

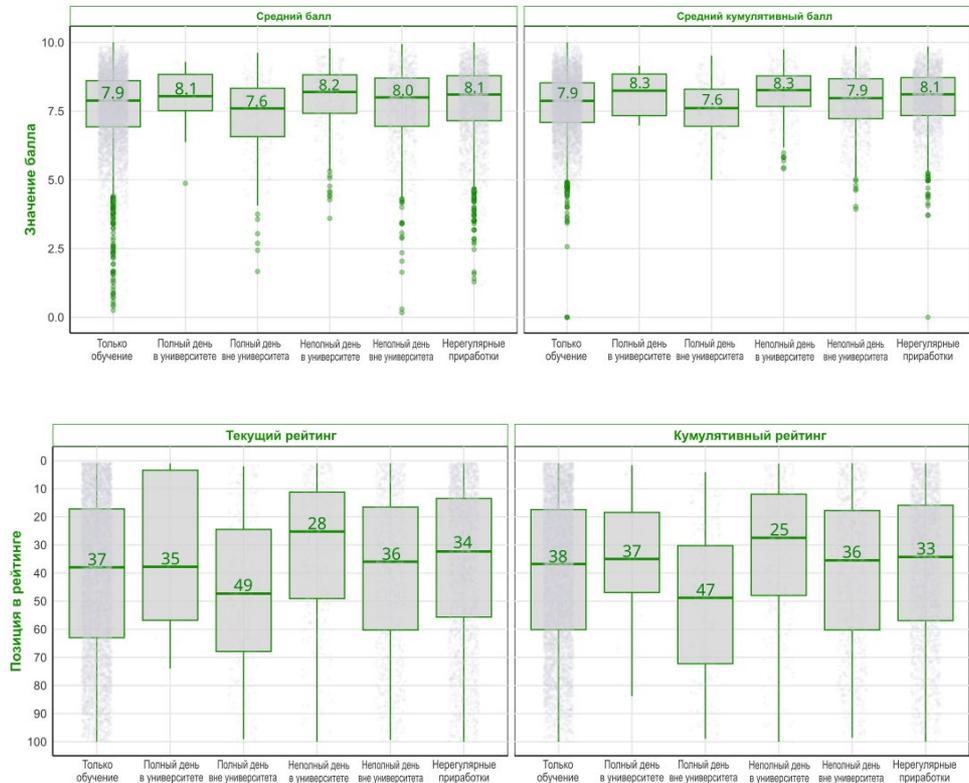

⁹ Для оценки материального положения задавался вопрос «Как Вы оцениваете материальное положение своей семьи (считая домохозяйство, в котором проживали до поступления в университет)?». Среди ответов были представлены опции: 1 — «Живем крайне экономно, на ежедневные расходы хватает, а покупка одежды уже представляет трудность», 2 — «На еду и одежду хватает, но покупка крупной бытовой техники без обращения к кредиту проблематична», 3 — «В целом обеспечены, но не можем позволить себе дорогостоящие приобретения (например, автомобиль) без обращения к кредиту или предварительного накопления нужной суммы», 4 — «Хорошо обеспечены, можем достаточно легко позволить себе покупку автомобиля или дорогостоящий отдых». Первая категория была отнесена к «низкому», вторая — к «среднему», а третья и четвертая — к высокому материальному статусу, вариант «затрудняюсь ответить» был исключен из анализа.

¹⁰ Источник: авторская панельная база данных МСЖ (2017—2024).

Для того чтобы понять, как работа может дифференцировать академические успехи студентов, мы проанализировали средние баллы и позицию студента в рейтинге в разрезе типов занятости студентов. На рисунке 2 продемонстрированы результаты анализа медианных значений.

Рис. 2. Академической успеваемости бакалавров в разрезе типов работы¹¹

Среди работающих в университете неполный рабочий день студентов средний и кумулятивный средние баллы немного выше, чем у сконцентрированных на учебе студентов (8,2—8,3 балла против 7,9). Работа полный рабочий день вне университета демонстрирует наиболее низкие показатели успеваемости по сравнению с теми, кто только учится (7,6—7,6 против 7,9). Нерегулярные приработки и работа неполный рабочий день вне университета в целом не отличает студентов от только обучающихся. Наиболее интересный результат показали различия в кумулятивных средних баллах среди студентов, работающих полный рабочий день в университете и только обучающихся студен-

¹¹ Шкала рейтинга была перевернута от 100 до 0, так как первые перцентили в рейтинге показывают более высокие академические успехи, как и более высокие средние баллы по пройденным дисциплинам. Источник: авторская панельная база данных МСЖ (2017—2024).

тов (8,3 против 7,9), что может указывать на то, что работа в университете может иметь накопительный позитивный эффект на успеваемость и оценки студентов. Более наглядные результаты показал анализ позиций в рейтинге. Студенты, работающие неполный рабочий день в университете, занимают наиболее высокие позиции в текущих и кумулятивных рейтингах (28-й и 25-й перцентили соответственно), притом что только работающие полный рабочий день вне университета студенты в среднем занимают более низкие позиции по сравнению со всеми (49-й перцентиль в текущем и 47-й перцентиль в кумулятивном рейтинге). Важно, что работа полный рабочий день в университете и работа неполный рабочий день вне университета в целом не дифференцируют студентов по позициям в рейтинге, а вот нерегулярные приработки даже повышают позиции в рейтинге по сравнению с только обучающимися и не практикующими работу студентами (34—33-й перцентили в текущем и кумулятивном рейтинге в сравнении с 38—37-м перцентилями для студентов без наличия работы).

В рамках исследования проверяются три сформулированные в первой части статьи гипотезы. Для их проверки были посчитаны 12 регрессионных моделей, результаты которых отражены в таблице 1. Для реализации спецификаций GEE в качестве повторяющихся признаков учитывались идентификационный номер студента (ID) и курс образования на момент прохождения опроса. Использовались линейные модели с включением категориальных и бинарных предикторов. В качестве зависимой переменной выступили показатели успеваемости студентов (средний балл и перцентиль рейтинга, обычные и кумулятивные), в качестве ключевого предиктора — статус занятости, измеряемый разными способами в зависимости от фокуса выведенных предположений. Модели контролировались по следующим параметрам: пол (реф. мужской), направление подготовки (реф. гуманитарии), источник финансирования обучения (реф. бюджет), материальный статус семьи студента (реф. низкий мат. статус). Для измерения степени мультиколлинеарности между объясняющими переменными был рассчитан обобщенный фактор инфляции дисперсии GVIF (англ.: *generalized variance inflation factor*), он не превышал 2 во всех построенных моделях, что говорит об отсутствии сильной корреляции между переменными, стабильным оценкам коэффициентов и высокой надежности моделей.

Первая гипотеза о том, что наличие любой работы во время учебы в вузе при прочих равных ухудшает академическую успеваемость студентов, в целом получила подтверждение. Результаты моделей 1, 2, 3, 4 показывают, что при совмещении учебы с какой-либо работой средний балл студента слабо, но статистически значимо уменьшается ($\beta = -0,054$, $p < 0,1$, M1), так же как и кумулятивный ($\beta = -0,038$, $p < 0,05$, M2). Эффекта от наличия работы во время учебы на позицию в текущем рейтинге не было выявлено, в то время как позиция в кумулятивном рейтинге слабо, но значимо ухудшается ($\beta = 1,010$, $p < 0,05$, M4), что дополнительно подтверждает негативное влияние работы на академические результаты студентов.

Выше было продемонстрировано, что основная дифференциация показателей академической успеваемости проходит в разрезе места работы (в университете и вне его), поэтому в итоговые модели мы включили именно данные характеристики студенческой занятости, контролируя их на социально-демографические и образовательные характеристики студентов. Проверая вторую гипотезу о том, что работа в университете лучше всего сказывается на успеваемости студентов, мы получили ее подтверждение. Работа в университете действительно значительно повышает средний балл ($\beta = 0,134$, $p < 0,05$, M5), а также улучшает позиции в текущем и кумулятивном рейтинге ($\beta = -2,299$, $p < 0,05$, M7 и $\beta = -2,842$, $p < 0,001$, M8 соответственно). При этом, вопреки нашим ожиданиям, занятость вне университета тоже показала положительный эффект на кумулятивные средние баллы, что может указывать на позитивный самоотбор, то есть ситуацию, когда наиболее способные студенты начинают пробовать себя на рынке труда и это только положительно сказывается на их успеваемости в долгосрочном периоде [Stinebrickner, Stinebrickner, 2003; Tyler, 2003; Beffy, Fougeré, Maurel, 2010].

Третья гипотеза о том, что раннее начало совмещения учебы с работой обуславливает стабильно низкие показатели успеваемости, в то время как позднее начало работы может приводить к более высоким показателям успеваемости и сохранять их до выпускного курса, также находит свое частичное подтверждение. Модели показали, что наличие работы на первом курсе уменьшает текущие и кумулятивные средние баллы студентов ($\beta = -0,135$, $p < 0,01$, M9 и $\beta = -0,074$, $p < 0,05$, M10 соответственно), а также ухудшает позицию в рейтинге ($\beta = 2,382$, $p < 0,05$, M11). Та же тенденция характерна для работы на втором курсе. При этом появление работы ближе к выпуску, с третьего или четвертого курса обучения, увеличивает кумулятивный рейтинг студента ($\beta = 1,118$, $p < 0,1$, M12).

Что касается контрольных переменных, то анализ регрессионных показателей говорит о том, что женщины превосходят мужчин по успеваемости и имеют лучшие позиции в рейтинге. Студенты из сравнительно более материально обеспеченных семей (средний и высокий материальный статус) также показывают более высокие результаты успеваемости по текущему рейтингу. Это может быть наглядной демонстрацией неравенства в образовательной среде: выходцы из более высоких социальных классов демонстрирует более высокие академические результаты [Behr, Theune, 2016; Neyt et al., 2019]. Студенты на коммерческой основе имеют более низкие баллы и позиции в рейтинге, чем студенты, обучающиеся на бюджетной основе, что может говорить о лучшей изначальной подготовке бюджетников или их более высокой мотивации к учебе. Студенты гуманитарных направлений демонстрируют наилучшие показатели успеваемости, в то время как вошедшие в панельную выборку студенты технических и прикладных образовательных программ ассоциируются с менее высокими рейтингами и более низкими баллами, что указывает на возможное отсутствие инфляции оценок на данных программах или же на более строгие оценки их академических результатов.

Таблица 1. Результаты регрессионного моделирования эффектов от занятости на показатели успеваемости студентов НИУ ВШЭ (методология GEE)

	Ср. балл	Кум. ср. балл	Тек. рейтинг	Кум. рейтинг	Ср. балл	Кум. ср. балл	Тек. рейтинг	Кум. рейтинг	Ср. балл	Кум. ср. балл	Тек. рейтинг	Кум. рейтинг
	M1	M2	M3	M4	M5	M6	M7	M8	M9	M10	M11	M12
Характеристики студенческой занятости (реф.: отсутствие работы)												
Наличие работы	-0,054+ (0,032)	-0,038* (0,015)	-0,179 (0,566)	1,010* (0,412)								
Работа в университете					0,134* (0,052)	0,016 (0,024)	-2,299* (0,926)	-2,842*** (0,660)				
Работа вне университета					0,032 (0,034)	0,044** (0,016)	0,875 (0,602)	-0,449 (0,428)				
Наличие работы с 1 курса									-0,135** (0,050)	-0,074* (0,035)	2,382* (1,031)	0,780 (0,790)
Наличие работы со 2 курса									-0,096* (0,042)	-0,037+ (0,020)	0,399 (0,722)	0,937+ (0,491)
Наличие работы с 3/4 курса									-0,002 (0,049)	-0,028 (0,021)	-1,319 (0,847)	1,118+ (0,573)
Характеристики респондента (реф.: муж., низкий мат. ст., 1 курс обучения, гуманитарное напр. обр., бюджетная форма об.)												
Женский пол	0,384*** (0,061)	0,321*** (0,048)	-6,127*** (1,197)	-5,523*** (1,426)	0,387*** (0,061)	0,320*** (0,048)	-6,240*** (1,194)	-5,664*** (1,432)	0,383*** (0,061)	0,321*** (0,048)	-6,117*** (1,199)	-5,524*** (1,427)
Средний материальный статус	0,088 (0,068)	0,025 (0,042)	-3,051* (1,328)	-1,065 (1,064)	0,087 (0,068)	0,025 (0,042)	-3,023* (1,327)	-1,038 (1,065)	0,091 (0,068)	0,025 (0,042)	-3,105* (1,321)	-1,058 (1,064)
Высокий материальный статус	0,015 (0,068)	-0,007 (0,044)	-2,642* (1,304)	-0,173 (1,161)	0,014 (0,068)	-0,008 (0,044)	-2,620* (1,303)	-0,132 (1,163)	0,019 (0,068)	-0,007 (0,044)	-2,723* (1,297)	-0,159 (1,160)
Курс обучения: 2 к.	-0,054+ (0,032)	0,173*** (0,017)	2,870*** (0,578)	0,072 (0,412)	-0,059+ (0,032)	0,176*** (0,017)	3,040*** (0,580)	0,192 (0,416)	-0,120** (0,043)	0,151*** (0,026)	4,664*** (0,810)	-0,094 (0,594)

	Ср. балл	Кум. ср. балл	Тек. рейтинг	Кум. рейтинг	Ср. балл	Кум. ср. балл	Тек. рейтинг	Кум. рейтинг	Ср. балл	Кум. ср. балл	Тек. рейтинг	Кум. рейтинг
	M1	M2	M3	M4	M5	M6	M7	M8	M9	M10	M11	M12
Курс обучения: 3 к.	0,204*** (0,023)	0,044*** (0,010)	-1,105** (0,411)	-1,341*** (0,267)	0,206*** (0,023)	0,044*** (0,010)	-1,155** (0,410)	-1,380*** (0,267)	0,226*** (0,033)	0,059*** (0,018)	-1,998** (0,616)	-1,267** (0,408)
Курс обучения: 4 к.	0,046* (0,020)	0,018* (0,008)	-0,238 (0,344)	-0,424* (0,212)	0,045* (0,020)	0,018* (0,008)	-0,201 (0,345)	-0,398+ (0,211)	0,061* (0,028)	0,013 (0,012)	-0,296 (0,496)	-0,409 (0,318)
Направление обучения: прикладные науки	-0,389*** (0,053)	-0,334*** (0,042)	-1,899+ (1,046)	-0,352 (1,271)	-0,391*** (0,053)	-0,333*** (0,042)	-1,824+ (1,042)	-0,291 (1,277)	-0,389*** (0,053)	-0,335*** (0,042)	-1,875+ (1,047)	-0,364 (1,270)
Направление обучения: технические науки	-0,271*** (0,070)	-0,264*** (0,054)	-2,206 (1,451)	-2,051 (1,853)	-0,273*** (0,070)	-0,264*** (0,054)	-2,135 (1,447)	-2,073 (1,867)	-0,270*** (0,070)	-0,264*** (0,054)	-2,237 (1,452)	-2,062 (1,856)
Источник финансирования обучения: коммерция	-0,337*** (0,043)	-0,251*** (0,028)	5,881*** (0,855)	7,574*** (0,841)	-0,336*** (0,043)	-0,248*** (0,028)	5,858*** (0,851)	7,511*** (0,840)	-0,338*** (0,043)	-0,251*** (0,028)	5,896*** (0,855)	7,555*** (0,840)
Параметры модели												
(Константа)	7,751*** (0,088)	7,886*** (0,064)	44,844*** (1,728)	39,805*** (1,772)	7,697*** (0,090)	7,847*** (0,064)	44,665*** (1,758)	40,844*** (1,797)	7,759*** (0,088)	7,890*** (0,064)	44,569*** (1,725)	39,834*** (1,773)
Число наблюдений	6423	6423	6423	6423	6423	6423	6423	6423	6423	6423	6423	6423
Число уникальных участников	2723	2723	2723	2723	2723	2723	2723	2723	2723	2723	2723	2723
Число кластеров	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
QIC	9525	5908	3826544	4176585	9509	5917	3811001	4163066	9527	5910	3826272	4176872
Chi-Square	266,1***	467,55***	120,55***	136,11***	299,3***	484,4***	151,61***	161,2***	274,03***	470,85***	129,42***	136,41***

Примечание. Результаты получены с использованием моделей обобщенных уравнений оценки (GEE) с кластеризацией по респондентам (студенческие ID) и обменной структурой корреляции (exchangeable). Значения коэффициентов интерпретируются с учетом шкал: рейтинг — 0—100 (где 0 — наилучшая позиция), балл — 0—10 (10 — наилучший балл). В таблице представлены значения регрессионных коэффициентов; стандартная ошибка в скобках. Обозначение статистической значимости регрессионных коэффициентов: + $p < 0,1$, * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Источник: панельная база данных, составленная авторами на основе Мониторинга студенческой жизни НИУ ВШЭ (2017—2024).

Заключение и дискуссия

Данная статья продолжает традицию изучения влияния практики совмещения студентами учебы с работой на их успеваемость. Лонгитюдные исследования на эту тему редки и представлены университетскими выборками [Salamonson et al., 2012; Carrera et al., 2019]. Работа фокусируется на одном из ведущих российских вузов, Высшей школе экономики. Согласно отечественным исследованиям, именно студенты топовых вузов сравнительно чаще и активнее выходят на рынок труда, а начиная с 2016 г. все чаще воспринимают работу как основу для своего профессионального становления [Емелина и др., 2022; Филоненко и др., 2018]. Кейс НИУ ВШЭ также примечателен тем, что здесь реализуется шкала оценивания с нетипичной для России системой баллов (10-балльная) и рейтингом студентов внутри образовательных программ в разрезе по курсам обучения (рейтинг переводится в 100-балльную шкалу перцентилей). На наш взгляд, такие методы оценки успеваемости обеспечивают комплексную, гибкую и точную классификацию уровня знаний учащихся и позволяют более детально, нюансированно проанализировать влияние работы во время учебы на изменения академической успешности учеников вуза.

На основе восьми волн ежегодного опроса студентов НИУ ВШЭ «Мониторинг студенческой жизни» (2017—2024 гг.), репрезентативного для студентов вуза, а также имеющихся административных данных об успеваемости студентов, авторы составили анонимизированную панельную базу данных. В нее вошли студенты, хотя бы два раза прошедшие опрос. Размер итоговой выборки составил 6423 кейса и 2723 респондента. С помощью описательного предварительного анализа продемонстрировано, что место работы (в университете и вне его) в большей степени, чем тип работы (полная и неполная занятость), дифференцирует средние баллы и позиции студентов в рейтинге. С помощью методов панельного анализа на основе обобщенных оценочных уравнений (GEE) выявлено, что работа в целом оказывает негативное влияние на академические успехи, в среднем незначительно ухудшая позиции в рейтинге, а также средний балл. Однако в моделях с дифференциацией типов работы эффекты оказались сложнее. Работа в университете в целом ассоциируется со значимым повышением позиций в текущем рейтинге и средних баллов, а занятость вне университета может иметь положительный эффект на кумулятивный средний балл, что может служить подтверждением эффекта позитивного самоотбора среди более амбициозных и способных студентов, начинающих выходить на рынок труда в студенческие годы [Stinebrickner, Stinebrickner, 2003; Tyler, 2003; Befly, Fougère, Maurel, 2010]. Наиболее негативный эффект на успеваемость оказывает наличие работы на первых курсах обучения, что сочетается с результатами прошлых исследований по теме [Carrera et al., 2019]. Это говорит о том, что любому студенту вне зависимости от уровня знаний лучше сначала интегрироваться в университетскую среду, а затем начинать дозированно получать практический опыт на рынке труда, при этом не забывая про учебу.

Ограничением исследования является фокус на проверке изменений, которые происходят со студентом в связи с появлением у него работы только во время обучения в университете. Исследование не охватывает период до поступления в университет, отсутствуют данные по поводу наличия работы во время обуче-

ния в школе, а также показатели оценок и позиций в рейтингах и их изменения в связи с переходом из школы в вуз (см., например: [Сапрыкина, 2017]). В настоящей работе не рассматриваются и случаи отчисления из университета, связанные с появлением работы во время учебы, которые изучались в некоторых эмпирических исследованиях [Apel et al., 2008; Hovdhaugen, 2015; Kehm, Larsen, Sommersel, 2019], а также проблемы пересдач и их количества. Исходя из имеющихся данных, мы также не можем сказать, как показатели вовлеченности в рынок труда во время учебы в университете и изменения среднего балла и рейтинга могут влиять на успешность потенциальных выпускников вуза на рынке труда, то есть насколько снижение успеваемости критично для них и влияет на их будущее трудоустройство.

Изучение того, как изменяется успеваемость в рамках обучения в вузе в связи с появлением у студента работы, может иметь и практическое значение. По результатам настоящего исследования можно предложить вводить более активные формы частичной занятости внутри вуза или за его пределами, но с работодателями-партнерами, помогая в нахождении места работы, стажировки и предотвращая поиск места работы на стороне. Такое «управляемое» трудоустройство студентов может усилить их вовлеченность в практическую деятельность, связанную со специальностью, что даст положительный эффект на успеваемость по образовательной программе и будет способствовать дальнейшему успеху выпускников вуза на рынке труда.

Список литературы (References)

1. Емелина Н. К., Рожкова К. В., Рошин С. Ю., Солнцев С. А., Травкин П. В. Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы: докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2022.
Emelina N. K., Rozhkova K. V., Roshchin S. Yu., Solntsev S. A., Travkin P. V. (2022) Higher Education Graduates in the Russian Labor Market: Trends and Challenges: Report to the XXIII Yasin (April) International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development. Moscow: HSE Publishing House.
2. Каплан Е. А., Ерицян К. Ю. Работа и учеба у студентов вузов: конфликт или фасилитация? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 395—423. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.928>.
Kaplan E. A., Eritsyanyan K. Yu. (2020) Work and Study among University Students: Conflict or Facilitation? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 395—423. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.928>. (In Russ.)
3. Константиновский Д. Л., Чередниченко Г. А., Вознесенская Е. Д. Работающий студент: мотивы, реальность, проблемы. М.: ФИРО, 2009.
Konstantinovskiy D. L., Cherednichenko G. A., Voznesenskaya E. D. (2009) Working Student: Motives, Reality, Problems. Moscow: FIRO. (In Russ.)

4. Нагимова А. М., Сафиуллина Ф. Р. Совмещение обучения в вузе и трудовой занятости студентов Казани // Социологические исследования. 2014. № 4. С. 121—124. Nagimova A. M., Safiullina F. R. (2014) Combining University Studies and Employment of Kazan Students. *Sociological Studies*. No. 4. P. 121—124. (In Russ.)
5. Рожкова К. В., Рошин С. Ю., Травкин П. В. От совмещения учебы с работой к совмещению работы с учебой? Изменение модели российского высшего образования // Вопросы образования. 2024. № 2. С. 286—322. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17242>.
Rozhkova K. V., Roshchin S. Yu., Travkin P. V. (2024) From Combining Study with Work to Combining Work with Study? Change of the Russian Higher Education Model. *Voprosy obrazovaniya*. No. 2. P. 286—322. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17242>. (In Russ.)
6. Рошин С. Ю., Рудаков В. Н. Совмещение учебы и работы студентами российских вузов // Вопросы образования. 2014. № 2. С. 152—179. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2014-2-152-179>.
Roshchin S. Yu., Rudakov V. N. (2014) Combining Work and Study by Russian Higher Education Institution Students. *Voprosy obrazovaniya*. No. 2. P. 152—179. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2014-2-152-179>. (In Russ.)
7. Сапрыкина Т. А. О переходе «школа-вуз»: предикторы успеваемости студентов-первокурсников // Высшее образование в России. 2017. № 6. С. 76—87. Saprykina T. A. (2017) On the Transition “School–University”: Predictors of First-Year Students’ Academic Performance. *Higher Education in Russia*. No. 6. P. 76—87. (In Russ.)
8. Филоненко Ю. В., Скачкова Л. С., Филоненко В. И. Занятость студентов во время обучения в вузе // Социологические исследования. 2018. № 9. С. 135—140. <https://doi.org/10.31857/S013216250001970-0>.
Filonenko Yu. V., Skachkova L. S., Filonenko V. I. (2018) Students’ Employment During Study at University. *Sociological Studies*. No. 9. P. 135—140. <https://doi.org/10.31857/S013216250001970-0>. (In Russ.)
9. Apel R., Bushway S. D., Paternoster R., Brame R., Sweeten G. (2008) Using State Child Labor Laws to Identify the Causal Effect of Youth Employment on Deviant Behavior and Academic Achievement. *Journal of Quantitative Criminology*. Vol. 24. No. 4. P. 337—362. <https://doi.org/10.1007/s10940-008-9055-5>.
10. Bachman J. G., Staff J., O’Malley P. M., Schulenberg J. E., Freedman-Doan P. (2011) Twelfth-Grade Student Work Intensity Linked to Later Educational Attainment and Substance Use: New Longitudinal Evidence. *Developmental Psychology*. Vol. 47. No. 2. P. 344—363. <https://doi.org/10.1037/a0021027>.
11. Baert S., Marx I., Neyt B., Van Belle E., Van Casteren J. (2018) Student Employment and Academic Performance: An Empirical Exploration of the Primary Orientation Theory. *Applied Economics Letters*. Vol. 25. No. 8. P. 547—552. <https://doi.org/10.1080/13504851.2017.1343443>.

12. Baert S., Rotsaert O., Verhaest D., Omeij E. (2016) Student Employment and Later Labour Market Success: No Evidence for Higher Employment Chances. *Kyklos*. Vol. 69. No. 3. P. 401—425. <https://doi.org/10.1111/kykl.12115>.
13. Beerkens M., Mägi E., Lill L. (2011) University Studies as a Side Job: Causes and Consequences of Massive Student Employment in Estonia. *Higher Education*. Vol. 61. No. 6. P. 679—692. <https://doi.org/10.1007/s10734-010-9356-0>.
14. Brooks R. (2018) Understanding the Higher Education Student in Europe: a Comparative Analysis. *Compare: A Journal of Comparative and International Education*. Vol. 48. No. 4. P. 500—517. <https://doi.org/10.1080/03057925.2017.1318047>.
15. Befly M., Fougeré D., Maurel A. (2010) The Effect of Part-Time Work on Post-Secondary Educational Attainment: New Evidence from French Data. *IZA Discussion Paper Series*. No. 5069. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1648354>.
16. Behr A., Theune K. (2016) The Causal Effect of Off-Campus Work on Time to Degree. *Education Economics*. Vol. 24. No. 2. P. 189—209. <https://doi.org/10.1080/09645292.2014.974509>.
17. Bozick R. (2007) Making It Through the First Year of College: The Role of Students' Economic Resources, Employment, and Living Arrangements. *Sociology of Education*. Vol. 80. No. 3. P. 261—285. <https://doi.org/10.1177/003804070708000304>.
18. Buscha F., Maurel A., Page L., Speckesser S. (2012) The Effect of Employment While in High School on Educational Attainment: A Conditional Difference-In-Differences Approach. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. Vol. 74. No. 3. P. 380—396. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0084.2011.00650.x>.
19. Carrera I., González Y., Caeiro E., González M. (2019) Influence Of Sociodemographic Variables On The Development of Academic Performance. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. In: E. Soriano, C. Sleeter, M. Antonia Casanova, R. M. Zapata, & V. C. Cala (eds.) *The Value of Education and Health for a Global, Transcultural World*. Vol. 60. P. 326—331. <https://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2019.04.02.41>.
20. Darolia R. (2014) Working (and Studying) Day and Night: Heterogeneous Effects of Working on The Academic Performance of Full-Time and Part-Time Students. *Economics of Education Review*. Vol. 38. P. 38—50. <https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2013.10.004>.
21. Ehrenberg R. G., Sherman D. R. (1987) Employment while in College, Academic Achievement, and Postcollege Outcomes: a Summary of Results. *Journal of Human Resources*. Vol. 22. No. 1. P. 1—23. <https://doi.org/10.2307/145864>.
22. Højsgaard S., Halekoh U., Yan J. (2006) The R Package Geepack for Generalized Estimating Equations. *Journal of Statistical Software*. Vol. 15. No. 2. P. 1—11. <https://www.doi.org/10.18637/jss.v015.i02>.
23. Hovdhaugen E. (2015) Working while Studying: The Impact of Term-Time Employment on Dropout Rates. *Journal of Education and Work*. Vol. 28. No. 6. P. 631—651. <https://doi.org/10.1080/13639080.2013.869311>.

24. Geel R., Backes-Gellner U. (2012) Earning while Learning: When and How Student Employment is Beneficial. *Labour*. Vol. 26. No. 3. P. 313—340. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9914.2012.00548.x>.
25. Kalenkoski C. M., Pabilonia S. W. (2012) Time to Work or Time to Play: The Effect of Student Employment on Homework, Sleep, and Screen Time. *Labour Economics*. Vol. 19. No. 2. P. 211—221. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2011.10.002>.
26. Kehm B. M., Larsen M. R., Sommersel H. B. (2019) Student Dropout from Universities in Europe: A Review of Empirical Literature. *Hungarian Educational Research Journal*. Vol. 9. No. 2. P. 147—164. <https://doi.org/10.1556/063.9.2019.1.18>.
27. Lee C., Orazem P. F. (2010) High School Employment, School Performance, and College Entry. *Economics of Education Review*. Vol. 29. No. 1. P. 29—39. <https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2009.03.004>.
28. Lessky F., Unger M. (2023) Working Long Hours while Studying: a Higher Risk for First-In-Family Students and Students of Particular Fields of Study? *European Journal of Higher Education*. Vol. 13. No. 3. P. 347—366. <https://doi.org/10.1080/21568235.2022.2047084>.
29. Neyt B., Omev E., Verhaest D., Baert S. (2019) Does Student Work Really Affect Educational Outcomes? A Review of the Literature. *Journal of Economic Surveys*. Vol. 33. No. 3. P. 896—921. <https://doi.org/10.1111/joes.12301>.
30. Neves J., Freeman J., Stephenson R., Rowan A. (2025) Student Academic Experience Survey 2023. Advance HE. <https://www.hepi.ac.uk/2025/06/12/more-than-two-thirds-of-full-time-students-now-undertake-paid-work-during-term-time-major-survey-reveals/>.
31. Parent D. (2006) Work While in High School in Canada: Its Labour Market and Educational Attainment Effects. *Canadian Journal of Economics*. Vol. 39. No. 4. P. 1125—1150. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5982.2006.00384.x>.
32. Rothstein D. S. (2007) High School Employment and Youths' Academic Achievement. *Journal Of Human Resources*. Vol. 42. No. 1. P. 194—213.
33. Ruhm C. J. (1997) Is High School Employment Consumption or Investment? *Journal of Labor Economics*. Vol. 15. No. 4. P. 735—776. <https://doi.org/10.1086/209844>.
34. Sabia J. J. (2009) School-Year Employment and Academic Performance of Young Adolescents. *Economics of Education Review*. Vol. 28. No. 2. P. 268—276. <https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2008.05.001>.
35. Salas-Velasco M. (2007) The Transition from Higher Education to Employment in Europe: The Analysis of the Time to Obtain the First Job. *Higher Education*. Vol. 54. No. 3. P. 333—360. <https://doi.org/10.1007/s10734-006-9000-1>.
36. Sanchez-Gelabert A., Figueroa M., Elias M. (2017) Working Whilst Studying in Higher Education: The Impact of the Economic Crisis on Academic and Labour Market Success. *European Journal of Education*. Vol. 52. No. 2. P. 232—245. <https://doi.org/10.1111/ejed.12212>.

37. Salamonson Y., Everett B., Koch J., Andrew S., Davidson P.M. (2012) The Impact of Term-Time Paid Work on Academic Performance in Nursing Students: A Longitudinal Study. *International Journal of Nursing Studies*. Vol. 49. No. 5. P. 579—585. <https://doi.org/10.1016/j.ijnurstu.2011.10.012>.
38. Schoenhals M., Tienda M., Schneider B. (1998) The Educational and Personal Consequences of Adolescent Employment. *Social Forces*. Vol. 77. No. 2. P. 723—761. <https://doi.org/10.1093/sf/77.2.723>.
39. Scott-Clayton J., Minaya V. (2016) Should Student Employment Be Subsidized? Conditional Counterfactuals and the Outcomes of Work-Study Participation. *Economics of Education Review*. Vol. 52. P. 1—18. <https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2015.06.006>.
40. Sirin S.R. (2005) Socioeconomic Status and Academic Achievement: A Meta-Analytic Review of Research. *Review of Educational Research*. Vol. 75. No. 3. P. 417—453. <https://doi.org/10.3102/00346543075003417>.
41. Staff J., Mortimer J.T. (2007) Educational and Work Strategies from Adolescence to Early Adulthood: Consequences for Educational Attainment. *Social Forces*. Vol. 85. No. 3. P. 1169—1194. <https://doi.org/10.1353/sof.2007.0057>.
42. Stinebrickner R., Stinebrickner T.R. (2003) Working During School and Academic Performance. *Journal of Labor Economics*. Vol. 21. No. 2. P. 473—491. <https://doi.org/10.1086/345565>.
43. Triventi M. (2014) Does Working During Higher Education Affect Students' Academic Progression? *Economics of Education Review*. Vol. 41. P. 1—13. <https://doi.org/10.1016/j.econedurev.2014.03.006>.
44. Tyler J.H. (2003) Using State Child Labor Laws to Identify the Effect of School-Year Work on High School Achievement. *Journal of Labor Economics*. Vol. 21. No. 2. P. 381—408. <https://doi.org/10.1007/s10940-008-9055-5>.
45. Warren J.R. (2002) Reconsidering the Relationship between Student Employment and Academic Outcomes: A New Theory and Better Data. *Youth & Society*. Vol. 33. No. 3. P. 366—393. <https://doi.org/10.1177/0044118X02033003002>.
46. Westgate P.M., West B.T. (2021). Tools for Selecting Working Correlation Structures when Using Weighted GEE to Model Longitudinal Survey Data. *Journal of Survey Statistics and Methodology*. Vol. 9. No. 1. P. 141—158. <https://doi.org/10.1093/jssam/smz048>.

DOI: [10.14515/monitoring.2026.1.3106](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3106)**В. И. Корсунова****ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЯН О ФАКТОРАХ УСПЕХА:
ВРЕМЕННЫЕ, ВОЗРАСТНЫЕ И ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ****Правильная ссылка на статью:**

Корсунова В. И. Представления россиян о факторах успеха: временные, возрастные и поколенческие различия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 1. С. 147—168. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3106>.

For citation:

Korsunova V. I. (2026) Changes in Success Attribution: Age, Period, and Generational Differences. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 147–168. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3106>. (In Russ.)

Получено: 18.09.2025. Принято к публикации: 09.12.2025.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РОССИЯН О ФАКТОРАХ
УСПЕХА: ВРЕМЕННЫЕ, ВОЗРАСТНЫЕ И ПО-
КОЛЕНЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ

КОРСУНОВА Виолетта Игоревна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра сравнительных исследований социального благополучия, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия; старший научный сотрудник, Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), Москва, Россия
E-MAIL: vikorsunova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9180-5079>

Аннотация. В статье рассматриваются временные, возрастные и поколенческие различия в атрибуции успеха личному трудолюбию или удаче. Несмотря на социальную значимость подобных установок, их динамика и детерминанты остаются малоизученными, а существующие работы, в том числе анализирующие схожие концепты, демонстрируют неоднозначные результаты. Отдельную сложность представляет разделение возрастных, поколенческих и контекстуальных факторов. На основании данных двух опросов Российской социально-экономической панели (РУССЕТ) 1993 и 2024 гг. текущее исследование показывает наличие всех трех эффектов. Результаты говорят о значимом росте веры в важность личного трудолюбия и снижении веры в важность удачи во всех когортах, за исключением рожденных в 1966—1975 гг., чья молодость пришлась на период трансформаций 1990-х годов. Последние демонстрируют большую веру в удачу в обоих периодах по сравнению с другими когортами. Порядковая логистическая регрессия, использованная в рамках кросс-секционного и последовательно-временного анализа, показывает, во-первых, большую веру в собственные усилия среди нынешней молодежи по сравнению с молодежью 1990-х и, во-вторых, исчезновение эффекта возраста в позднесоветских и постсоветских поколениях.

CHANGES IN SUCCESS ATTRIBUTION: AGE,
PERIOD, AND GENERATIONAL DIFFERENCES

Violetta I. KORSUNOVA^{1,2} — *Cand. Sci. (Soc.), Research Fellow, Centre for Comparative Research on Social Well-Being; Senior Research Fellow*
E-MAIL: vikorsunova@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9180-5079>

¹ HSE University, St. Petersburg, Russia

² Institute for Comparative Social Research, Moscow, Russia

Abstract. The current article examines temporal, age, and generational differences in attribution of success to personal hard work or luck. Despite the social and psychological effects of these attitudes, their dynamics and determinants remain understudied, whereas existing research, including analyses of related concepts, provide inconclusive results. Furthermore, an additional challenge lies in disentangling age, generational, and contextual effects. Based on the data from two surveys of the Russian Socio-Economic Panel (RUSSET) from 1993 and 2024, the current study demonstrates evidence of all three effects. The results indicate a significant increase in the belief in the importance of hard work and a decrease in the belief in the importance of luck across all cohorts, except for those born between 1966 and 1975. Individuals whose youth coincided with the transitional period of the 1990s, i.e. born between 1966 and 1975, demonstrate a greater belief in luck in both time periods compared to other cohorts. Additionally, ordinal logistic regression, used in cross-sectional and time-sequential analyses, shows a greater belief in the importance of hard work among current youth compared to the youth of the 1990s, as well as the disappearance of the age effects among the late-Soviet and post-Soviet generations.

Ключевые слова: атрибуция успеха, удача и трудолюбие, динамика социальных установок, поколенческие различия, возрастные различия, когортный анализ

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке РФФ, проект «Жизненный путь, ценности, ожидания поколения, взрослого в 1990-е» («Путь-90»). Грант РФФ 23-18-00635.

Keywords: attribution of success, luck and hard work, change in social attitudes, generational differences, age differences, cohort analysis

Acknowledgments. The research was supported by the Russian Science Foundation, project “Life course, values, expectations of the generation entering the adult life in 1990s”. Grant No 23-18-00635.

Введение

Установки в отношении факторов успеха, а именно вера в важность удачи или, напротив, личного трудолюбия, оказывают влияние как на социальные ориентации, так и на поведение людей. Вера в собственные усилия может быть интерпретирована как признак внутреннего локуса контроля и высокой самоофективности, что положительно связано с удовлетворенностью жизнью [Azizli et al., 2015], рабочей мотивацией [Ng, Sorensen, Eby, 2006] и способностью справляться со сложными жизненными ситуациями [Krampe et al., 2021]. Вместе с тем с точки зрения теории веры в справедливый мир [Lerner, 1980] подобные меритократические установки отражают попытку рационализировать социальное неравенство. Более того, устойчивость данных установок даже в ситуациях, определяемых случайностью [Ledgerwood et al., 2011], приводит к негативному отношению к уязвимым группам населения [Wilkins, Wenger, 2014] и склонности к виктимблеймингу [Strömwall, Alfredsson, Landström, 2013].

Несмотря на социальную значимость подобных установок, их детерминанты остаются недостаточно исследованными. Немногочисленные работы выявляют значимые гендерные различия [Fisman, O’Neill, 2009; Daniels, Wang, 2019], а также говорят о влиянии дохода и образования [Cabeza, Decancq, 2019; Cappelen et al., 2022]. На макроуровне сравнительный анализ показывает, что распространенность веры в удачу значительно различается между странами [Daniels, Wang, 2019] и связана, в частности, с уровнем безработицы [Cabeza, Decancq, 2019] и коллективистской культурой [Harris, Milfont, Hornsey, 2022].

Вместе с тем возрастные и поколенческие различия, а также динамика установок часто остаются за кадром, а имеющиеся исследования о влиянии возраста и исторического периода дают противоречивые результаты. Например, в некоторых работах отмечается обратная связь между возрастом и верой в удачу [Cabeza, Decancq, 2019; Daniels, Wang, 2019], в других же фиксируется стабильность подобных установок [Bailis, Segall, Chipperfield 2010; Hovenkamp-Hermelink et al., 2019; Nowicki et al., 2018b]. Свидетельства о поколенческих различиях также неоднозначны. С одной стороны, наблюдается корреляция между установками родителей и детей; при этом родители склонны учить своих детей тому, что личные усилия важнее для экономического успеха, чем они сами считают [Gärtner et al., 2023]. С другой стороны, социально-политические условия

в период взросления оказывают значительное влияние на восприятие успеха как результата усилий и удачи. Например, те, чья юность пришлось на период серьезных социетальных преобразований, придают больше важности случайному стечению обстоятельств [Roland, Yang, 2017]. Однако исследователи, как правило, уделяют внимание только одному из указанных аспектов, в то время как разделение влияния возраста, поколения и исторического периода остается открытым вопросом. Кроме того, обнаруженные ранее эффекты социальной и экономической нестабильности не были проанализированы с точки зрения их устойчивости.

Дополнительную сложность в интерпретации подобных исследований представляет размытость понятия «поколение». По своему определению поколение предполагает общий исторический, культурный и социальный контекст, поэтому экстраполяция результатов анализа поколенческих различий требует учета конкретных условий. В целом в исследованиях российского контекста используются как международная классификация поколений (молчаливое, «беби-бумеры», поколения X, Y и Z [Долженкова, 2014]), так и классификации, основанные на принадлежности к определенной советской «эпохе» [Левада, 2001; Семенова, 2003; Радаев, 2018]. Еще одна проблема — необходимость отделить эффект временного периода: по сути, поколение представляет собой переживание определенного периода времени в определенном возрасте, из-за чего не всегда удается установить, являются ли наблюдаемые различия результатом социализации или же они отражают особенности конкретной эпохи.

Стоит отметить, что российский контекст представляет особый интерес, так как он позволяет рассмотреть изменения в атрибуции успеха поколений, социализировавшихся при совершенно разных социально-политических и экономических условиях. Советская система предполагала зависимость условий жизни от государства и внешних обстоятельств. С распадом СССР на смену патерналистской системе пришла рыночная экономика, требующая большего проявления личной инициативы. Подобные преобразования приводят к сдвигам в представлениях о факторах успеха: внешняя атрибуция уступает место более интернальным установкам. Однако наибольшее внимание привлекает «переходное» поколение — часть населения, чьи формативные годы пришлось на сам период трансформации 1990-х годов. Во-первых, не установлено, насколько отличаются установки данной группы от установок других поколений. Во-вторых, на данный момент нет данных о стабильности подобных различий во времени.

Исходя из этого, цель текущей работы заключается в рассмотрении возрастных, поколенческих и временных различий в атрибуции успеха в России. На основе данных Российской социально-экономической панели (РУССЕТ), собранных в 1993 и 2024 гг. с использованием комбинации кросс-секционного и последовательно-временного анализа [Masche, Van Dulmen, 2004; Mockaitis et al., 2025; Twenge, Carter, Campbell, 2017], показано наличие всех трех эффектов. В частности, выявлены общие изменения в вере в удачу и личное трудолюбие между наблюдаемыми периодами, различия в эффекте возраста между советскими и постсоветскими поколениями, а также особенности в динамике установок россиян, родившихся в конце 1960-х и начале 1970-х годов.

Обзор литературы

Удача как фактор успеха редко попадает в поле зрения социологов и в целом с точки зрения социологии влияние удачи остается дискуссионным вопросом. С одной стороны, удача рассматривается как реальное и имеющее последствия явление [Archer et al., 2023; Sauder, 2020]. С другой стороны, ситуации, воспринимаемые как проявление удачи, зачастую могут быть объяснены накопленными ресурсами и различными формами капитала [Ingram et al., 2023].

Чаще всего понятие удачи используется в исследованиях социального неравенства и мобильности [Archer et al., 2023; Loveday, 2018; Snee, Devine, 2018]. В рамках этой же дискуссии формируется и ключевая оппозиция между «усилиями» и «удачей» как факторами жизненного успеха. Критерием для подобного противопоставления служит возможность *контроля*: в то время как усилия подразумевают зависимость результата от действий индивида, удача связана с наступлением непредсказуемых и маловероятных событий, находящихся полностью вне сферы его влияния (см. [Sauder, 2020]).

Личные установки в отношении факторов успеха также остаются малоизученными. В существующих исследованиях данные ориентации обычно объясняются структурными особенностями: представления об успехе отражают устоявшиеся социальные иерархии. Так, обладание более привилегированной позицией связано с большей возможностью для контроля, что приводит к убежденности в важности собственных усилий. Находясь в менее привилегированной позиции, человек, напротив, вынужден принимать во внимание не поддающиеся контролю обстоятельства. Например, предыдущие работы по теме свидетельствуют о наличии гендерных различий, а также говорят о влиянии дохода и образования: женщины более склонны верить в важность удачи [Fisman, O'Neill, 2009; Daniels, Wang, 2019], в то время как обладатели высокого дохода и образования чаще атрибутируют успех личным усилиям [Cabeza, Decancq, 2019; Cappelen et al., 2022].

Вместе с тем отмечается и значимое влияние контекста. Социальные трансформации и экономическая нестабильность создают условия неопределенности, в которых актуализируется важность случайных событий. В частности, рост безработицы положительно связан с верой в важность удачи [Cabeza, Decancq, 2019], а отсутствие стабильности в формативные годы способствует большей вере в важность внешних обстоятельств [Roland, Yang, 2017]. Схожим образом личный опыт финансовых проблем и безработицы приводит к формированию внешнего *локуса контроля*¹ [Legerski, Cornwall, O'Neil, 2006; Nowicki et al., 2018a] и снижению чувства *самоэффективности*² [Motti-Stefanidi, Asendorpf, 2017]. Помимо этого, идеология и культурные нормы определяют, как воспринимается ситуация и интерпретируются ее результаты. Например, вера в важность удачи больше распространена в коллективистских обществах [Harris, Milfont, Hornsey, 2022; Cheng, Lo, Chio, 2010]. Кроме того, те, кто имел опыт жизни при коммунистическом режиме,

¹ Под локусом контроля понимается вера в способность самостоятельно влиять на происходящее (внутренний локус контроля) или вера в ключевую роль обстоятельств (внешний локус контроля) [Rotter, 1966]. Исходя из этого, представления о важности удачи / личного трудолюбия можно рассматривать как частный случай проявления внешнего и внутреннего локуса контроля соответственно.

² Самоэффективность представляет собой веру человека в результативность собственных действий и усилий [Bandura, 1977; 1986].

больше склонны объяснять жизненные возможности социальными условиями [Alesina, Fuchs-Schündeln, 2007]. Работы, посвященные анализу российских данных, также показывают, что выросшие в советский период демонстрируют большую экстернальность [Звоновский, 2011; Мацкевич, Радионова, 2009].

Важность как демографических, так и контекстуальных факторов для определения атрибуции успеха позволяет предполагать наличие возрастных и поколенческих различий, а также динамики подобных установок во времени. Тем не менее на данный момент исследований, посвященных этим аспектам, крайне мало. Некоторые авторы свидетельствуют об отрицательной связи между возрастом и верой в важность удачи [Cabeza, Decancq, 2019; Daniels, Wang, 2019]. В то же время работы, посвященные анализу локуса контроля, демонстрируют более неоднозначные результаты: одни говорят об относительной стабильности данной характеристики у взрослых [Baillis et al., 2010; Hovenkamp-Hermelink et al., 2019; Nowicki et al., 2018b], тогда как другие показывают рост интернальности в молодые годы и смещение сторону внешнего локуса в старшем возрасте [Cobb-Clark, Schurer, 2013]. Вместе с тем исследования *стилей атрибуции*³ говорят о том, что молодые люди склонны объяснять успех внешними факторами [Blatt-Eisengart, Lachman, 2004], а неудачи — внутренними причинами [Blank, Levesque, 1993].

Кроме того, есть свидетельства межпоколенческой передачи установок в отношении факторов успеха [Gärtner et al., 2023; Snee, Devine, 2018], что также подтверждается на примере *самоэффективности* [Доценко, Зиновьева, 2020]. В то же время некоторые исследования говорят о росте внешнего локуса контроля [Bourke, Mechler, 2010; Kwiecińska et al., 2023; Ng, Lyons, Schweitzer, 2018; Twenge, Campbell, 2008] и снижении жизнестойкости [Постникова и др., 2022] в более молодых поколениях, а также о постепенном росте распространенности внешнего локуса контроля в обществе в целом [Twenge, Zhang, Im, 2004; Twenge, 2010].

Таким образом, в дискуссии по теме нет четкого консенсуса относительно возрастных и поколенческих различий в представлениях о факторах успеха. Кроме того, исследования, проведенные в других странах, не всегда могут быть соотнесены с российским контекстом, для которого характерен опыт серьезных социальных трансформаций в относительно недавнем прошлом.

Помимо установок по отношению к атрибуции успеха, важно также рассмотреть подходы к определению поколений. Под поколением чаще всего понимают группы людей, социализированных в одинаковых исторических, социально-экономических и культурных условиях. В данном случае основная проблема, с которой сталкиваются исследователи, — это установление межпоколенческих границ. В качестве критерия для классификации используются годы, на которые приходится период взросления: проживание одного и того же исторического периода в одном и том же возрасте предполагает схожесть жизненного опыта, мировоззрения и ценностных ориентаций.

³ Под *стилем атрибуции* понимается способ, которым индивид объясняет причины событий. Данная концепция, помимо локуса контроля, используют также понятия причинности (приписывание причин происходящего внешним или внутренним характеристикам), стабильности (атрибуция происходящего постоянным или временным факторам) и глобальности (насколько широко или универсально действует приписываемая причина события). В данном случае противопоставление личных усилий и удачи представляет собой оппозицию между внутренними и внешними нестабильными глобальными причинами [Weiner et al., 1972].

Подобный подход требует дефиниции как периода взросления, так и исторического периода. Относительно первого понятия большинство исследователей сходится на том, что период взросления укладывается в промежуток 15—25 лет [Ибрагимова, 2014; Радаев, 2018; Roberts, 1986; Grubb, 2016]. В то же время определение исторического контекста вызывает больше разногласий. Например, часто используемая классификация поколений У. Штрауса и Н. Хоува, выделяющая молчаливое поколение, «беби-бумеров», поколения X, Y и Z [Strauss, Howe, 1991: 84], хотя и релевантна для западного контекста [Ng et al., 2018; Twenge, Campbell, 2008], не учитывает особенности российского исторического фона. Конкретнее, поколение X в российских работах обозначается как перестроечное [Левада, 2001], переходное [Семенова, 2003] или реформенное [Радаев, 2018], так как в отличие от остальных юность и молодость представителей данного поколения пришлись на период грандиозных политических и экономических трансформаций.

Независимо от метода определения поколения сравнительный анализ свидетельствует о значимых различиях в ценностях [Рикель, Доренская, 2017], образе жизни и досуге [Долженкова, 2014; Радаев, 2018], уровне субъективного благополучия [Сибирев, Головин, 2020] и жизнестойкости [Постникова и др., 2022]. Вместе с тем выделяемые поколения не всегда однородны. Например, по своим экономическим ожиданиям родившиеся в 1960-е годы ближе к предыдущим поколениям [Ибрагимова, 2014]. Кроме того, отмечается разрыв (в первую очередь цифровой) в поколении миллениалов [Радаев, 2020]. Таким образом, помимо межпоколенческих различий также необходимо принимать во внимание возможные различия внутри поколений.

Гипотезы

Исходя из предыдущих работ, можно выдвинуть ряд гипотез, касающихся представлений о факторах успеха. При этом стоит отметить, что особенности российского контекста не позволяют сделать однозначных предположений. Это связано с наличием двух долгосрочных трендов: продвижения с 1990-х годов идеи личной ответственности за успех и одновременного сохранения в коллективной памяти опыта серьезных социальных трансформаций, демонстрирующих решающую роль внешних обстоятельств.

Временные изменения:

— H1a: ожидается рост атрибуции успеха личному трудолюбию и снижение веры в важность удачи [Звоновский, 2011; Мацкевич, Радионова, 2009];

— H1b: ожидается рост атрибуции успеха удаче [Постникова и др., 2022; Twenge, Zhang, Im, 2004; Twenge, 2010].

Возрастные изменения:

— H2a: ожидается нелинейный эффект возраста: вера в важность удачи выше среди молодежи, а также старших возрастных групп [Blatt-Eisengart, Lachman, 2004; Cobb-Clark, Schurer, 2013];

— H2b: ожидается отрицательная связь между возрастом и верой в важность удачи [Cabeza, Decancq, 2019; Daniels, Wang, 2019];

— H2c: ожидается, что установки по отношению к факторам успеха не зависят от возраста [Bailis et al., 2010; Hovenkamp-Hermelink et al., 2019; Nowicki et al., 2018b].

Поколенческие различия:

— НЗ: ожидается, что рожденные в 1966—1975 гг. (те, чьи формативные годы пришлось на период нестабильности и социальных трансформаций 1990-х) в большей степени склонны атрибутировать успех удаче и меньше — личному трудолюбию [Cabeza, Decancq, 2019; Roland, Yang, 2017].

Данные

Эмпирической базой послужили результаты исследований «РУССЕТ 1990-е»⁴ и «РУССЕТ через 30 лет»⁵. Первый опрос РУССЕТ (Российская социально-экономическая панель, Russet — Russian socio-economic transition) был проведен летом 1993 г. методом личных интервью по месту жительства респондентов по всероссийской случайной вероятностной выборке населения РФ 18 лет и старше. Всего было опрошено 3727 респондентов. В данной статье используются данные только первой волны опроса 1993 г.⁶ Исследование «РУССЕТ через 30 лет» было проведено в 2024 — начале 2025 г. и включало новую выборку. Опрос по новой выборке проведен методом личных интервью по месту жительства респондентов по случайной вероятностной выборке населения РФ 18 лет и старше, сходной по дизайну с выборкой 1993 г. для проведения временных сравнений. Всего было опрошено 1544 респондента.

В качестве зависимой переменной выступил вопрос: *«Некоторые считают, что люди продвигаются благодаря своей работе, другие — что удача или помощь других людей более важны. Что, по Вашему мнению, более важно — удача или трудолюбие?»* — с вариантами ответов *«Личное трудолюбие более важно»*, *«Трудолюбие и удача важны в равной степени»*, а также *«Удача или помощь других людей более важны»*⁷.

Основными независимыми переменными являются *возрастная группа, год опроса и когорта*. Всего было выделено 12 возрастных групп, каждая из которых охватывает пять лет, начиная с 18. Схожим образом были выделены поколенческие когорты, начиная с 1936 г. рождения. В таблице А1 в Приложении указано соответствие когорт поколениям в классификации В. В. Радаева [Радаев, 2018]. Вместе с тем разделение респондентов на более мелкие группы позволяет оценить схожесть установок одного поколения и выявить возможные внутр поколенческие различия [Радаев, 2020].

Помимо этого, в анализе были использованы *пол респондента, уровень образования (среднее и ниже, среднее специальное, высшее), место жительства (село, город)*, а также показатели удовлетворенности материальным положением: *оценка финансового положения по сравнению со средним в стране (от гораздо ниже*

⁴ Более подробное описание на странице проекта: <https://www.cessi.ru/usloviya-zhizni-v-rossii> (дата обращения: 14.02.2026).

⁵ Более подробное описание на странице проекта: <https://www.cessi.ru/g90s> (дата обращения: 14.02.2026).

⁶ Всего было проведено семь волн исследования, однако интересующие нас индикаторы присутствовали только в анкете первой волны.

⁷ Таким образом, ответы формируют порядковую шкалу измеряющую представления человека о наличии или отсутствии личного контроля: вера в важность личного трудолюбия предполагает большее ощущение личного контроля, в то время как вера в важность удачи и помощи других людей — большее ощущение значимости внешних условий, то есть отсутствие личного контроля.

среднего до гораздо выше среднего); оценка текущего дохода по сравнению с заслуженным (получает достаточно или меньше, чем заслуживает).

Что касается социально-демографических характеристик респондентов, то по сравнению с первой волной исследования в выборке 2024 г. несколько меньше женщин, молодых респондентов, обладателей образования ниже среднего специального, а также тех, кто считает свой доход ниже среднего и меньше заслуженного. В то же время в данном опросе больше пожилых респондентов и обладателей высшего образования. В силу временной разницы между опросами различается и наполненность когорт — достаточную наполненность для сравнительного анализа имеют шесть когорт с 1946 по 1975 г. рождения (см. табл. А1 в Приложении).

Методы анализа

Разделение эффектов возраста, периода и когорты — сложная задача из-за так называемой проблемы идентификации — данные показатели находятся в прямой зависимости друг от друга, так как возраст представляет собой разницу между периодом (то есть годом наблюдения) и когортой (то есть годом рождения). Исходя из этого, стандартные аналитические подходы требуют корректировки. Однако, несмотря на давний интерес научного сообщества к данному вопросу и относительно большое количество литературы по теме, однозначного решения этой задачи все еще не существует. Большая часть предлагаемых методов предполагает определенные допущения и особую организацию данных. В текущем исследовании используется комбинация кросс-секционного (англ. *cross-sectional*) и последовательно-временного (англ. *time-sequential*) дизайна [Masche, Van Dulmen, 2004; Mockaitis et al., 2025; Twenge, Carter, Campbell, 2017]. В первом случае сравниваются возрастные группы между собой в каждой точке наблюдения: например, группа 18—22 года сравнивается с группой 23—27 лет отдельно в 1993 и 2024 гг. Благодаря этому период наблюдения оказывается зафиксированным. Во втором случае одинаковые возрастные группы сравниваются между собой в разные периоды наблюдений: например, группа 18—22 года в 1993 г. сравнивается с группой 18—22 года в 2024 г., так же как и группа 23—27 лет в 1993 г. сравнивается с группой 23—27 лет в 2024 г. В данном дизайне зафиксированным оказывается возраст.

При подобном подходе в пользу эффекта возраста свидетельствуют незначительные различия в последовательно-временном анализе (например, группа 18—22 года в 1993 г. не отличается от группы 18—22 года в 2024 г.) и значимые различия в кросс-секционном анализе (например, и в 1993 г., и в 2024 г. группа 18—22 года отличается от группы 23—27 лет). Значимые различия в последовательно-временном анализе (например, группа 18—22 года в 1993 г. отличается от группы 18—22 года в 2024 г.) и схожие изменения между точками наблюдения в кросс-секционном анализе (во всех группах произошли схожие изменения между 1993 и 2024 гг.) говорят в пользу эффекта периода. Если же последовательно-временной анализ выявляет значимые различия, а кросс-секционный анализ обнаруживает изменения только в определенных группах, то это демонстрирует эффект когорты.

В качестве основного метода анализа применялась порядковая логистическая регрессия. Были оценены отдельные модели для двух волн опроса, что дало возможность сравнить поколенческие различия. Также была построена общая модель, включающая в себя эффект взаимодействия между возрастом и годом опроса, позволяющая оценить изменения во влиянии возраста на установки о факторах успеха.

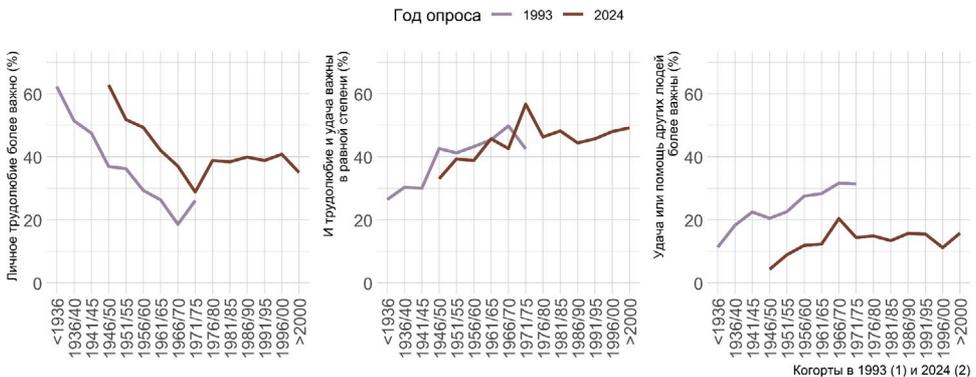
Результаты

По сравнению с 1993 г. в 2024 г. снизилась доля верящих исключительно в удачу и помощь других людей (с 21,7% до 13,4% — на 8,3 п. п., или 38,2%, $p < 0,01$), а также увеличилась доля тех, кто придает одинаковое значение и удаче, и собственным усилиям (с 37,5% до 44,9% — на 7,4 п. п., или 16,4%, $p < 0,01$); вместе с тем процент верящих только в личное трудолюбие почти не изменился (с 40,8% до 41,6% — на 0,8 п. п., или 1,9%, $p = 0,51$). Подобные результаты в целом подтверждают гипотезу H1а и противоречат предыдущим исследованиям, говорящим о росте экстернатальных установок.

Если рассматривать данные изменения относительно выделенных когорт (см. рис. 1), то во всех группах, кроме 1971/75, можно отметить рост веры исключительно в личное трудолюбие (изменения составили от 15,6 п. п. до 25,9 п. п., все $p < 0,01$) и снижение веры в удачу (от 13,7 п. п. до 17,0 п. п., все $p < 0,01$). В когорте 1971/75 доля верящих исключительно в собственные усилия значимо не изменилась (рост на 2,7 п. п., $p = 0,60$); однако в данной группе можно наблюдать статистически значимый рост числа тех, кто придает одинаковое значение и усилиям, и удаче (с 42,5% до 56,7%, $p = 0,02$, в остальных когортах — $p > 0,05$). При этом в когорте 1966/70 в обоих периодах наблюдается наибольшая доля верящих исключительно в удачу. Данные результаты свидетельствуют в пользу гипотезы H3.

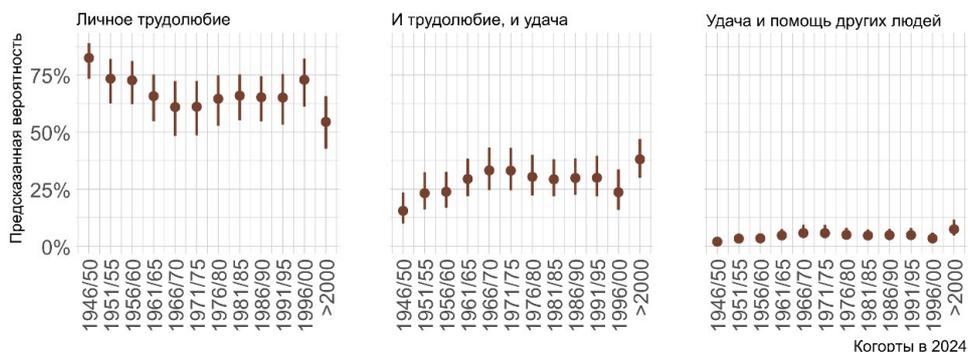
Вместе с тем заметны и различия между родившимися до и после 1970-х годов. В более ранних когортах отмечается, во-первых, отрицательная связь возраста и веры в удачу и, во-вторых, практически одинаковое увеличение веры в личное трудолюбие между 1993 и 2024 гг.

Рис. 1. «Что, по Вашему мнению, более важно — удача или трудолюбие?» — процент ответивших в 1993 и 2024 гг. по когортам

Вместе с тем в последующих когортах наблюдается иная картина. Результаты порядковой логистической регрессии на основе данных 2024 г. показывают, что среди рожденных после 1975 г. связь представлений о факторах успеха и возраста исчезает — данные группы друг от друга не отличаются (см. рис. 2). Исключением оказывается последняя на данный момент наблюдаемая группа рожденных после 2000 г. («поколение Z»): по сравнению с группой 1996/00 в ней значимо меньше тех, кто приписывает успех исключительно собственному трудолюбию, а также больше тех, кто верит в удачу и помощь других людей ($p < 0,01$).

Рис. 2. «Что, по Вашему мнению, более важно — удача или трудолюбие?» — предсказанная вероятность с 95-процентным доверительным интервалом в зависимости от когорты в 2024 г., порядковая логистическая регрессия

Дополнительно данные выводы иллюстрирует кросс-секционный анализ различий между возрастными группами (см. табл. 1). В 1993 г. можно наблюдать значимый эффект возраста: представители старших возрастных групп были менее склонны атрибутировать успех удаче и больше верили в важность собственных усилий. Однако в 2024 г. эффект возраста становится практически незначимым. Таким образом, возрастные различия оказываются неустойчивыми во времени, что свидетельствует о наличии эффекта когорты (в противном случае в обоих исследованиях влияние возраста было бы одинаковым). Полученные результаты также не позволяют однозначно подтвердить изначальные предположения о влиянии возраста на атрибуцию успеха: для более ранних советских поколений (мобилизационного, поколений оттепели и застоя) подтверждается гипотеза H2a (возраст отрицательно связан с верой в важность удачи), в то время как для постсоветских поколений — гипотеза H2c (отсутствие связи между возрастом и атрибуцией успеха).

Таблица 1. Вера в удачу по сравнению с личным трудолюбием — кросс-секционный и последовательно-временной дизайн (порядковая логистическая регрессия)

Предикторы	КС 1993	КС 2024	ПВ
	ОШ (СО)	ОШ (СО)	ОШ (СО)
Трудолюбие / трудолюбие и удача	0,99 (0,12)	2,01*** (0,36)	0,52*** (0,09)
Трудолюбие и удача / удача	5,94*** (0,72)	20,69*** (4,09)	3,63*** (0,61)

Предикторы	КС 1993	КС 2024	ПВ
	ОШ (СО)	ОШ (СО)	ОШ (СО)
23—27	1,04 (0,09)	0,78 (0,12)	1,12 (0,20)
28—32	0,94 (0,04)	0,90 (0,07)	0,88 (0,15)
33—37	0,94* (0,03)	1,01 (0,05)	0,76 (0,12)
38—42	0,91*** (0,02)	0,99 (0,04)	0,56*** (0,09)
43—47	0,93*** (0,02)	1,00 (0,03)	0,55*** (0,09)
48—52	0,93*** (0,02)	1,02 (0,03)	0,44*** (0,09)
53—57	0,92*** (0,01)	1,02 (0,03)	0,35*** (0,06)
58—62	0,91*** (0,01)	0,98 (0,02)	0,27*** (0,05)
63—67	0,90*** (0,01)	0,98 (0,02)	0,20*** (0,04)
68—72	0,93*** (0,01)	0,97 (0,02)	0,23*** (0,05)
73+	0,92*** (0,01)	0,93*** (0,02)	0,18*** (0,04)
Пол: женский	1,09 (0,08)	1,05 (0,11)	1,08 (0,06)
Образование: среднее специальное	1,09 (0,09)	1,19 (0,19)	1,11 (0,08)
Образование: высшее	1,48*** (0,13)	1,82*** (0,30)	1,57*** (0,12)
Место жительства: город	1,03 (0,08)	1,70*** (0,23)	1,17* (0,08)
Финансовое положение по сравнению со средним	0,96 (0,03)	1,04 (0,06)	0,98 (0,03)
Доход по сравнению с заслуженным: меньше	1,10 (0,11)	1,46** (0,17)	1,23** (0,09)
Год опроса: 2024			0,57* (0,14)
23—27*Год опроса: 2024			0,65 (0,21)
28—32*Год опроса: 2024			0,75 (0,25)
33—37*Год опроса: 2024			1,04 (0,31)
38—42*Год опроса: 2024			1,29 (0,39)
43—47*Год опроса: 2024			1,39 (0,43)
48—52*Год опроса: 2024			2,03* (0,69)
53—57*Год опроса: 2024			2,67** (0,87)
58—62*Год опроса: 2024			2,49** (0,79)
63—67*Год опроса: 2024			3,02*** (0,99)
68—72*Год опроса: 2024			2,22* (0,76)
73+*Год опроса: 2024			1,74 (0,62)
N	3315	1426	4741
R2 Негелькерке	0,277	0,201	0,255

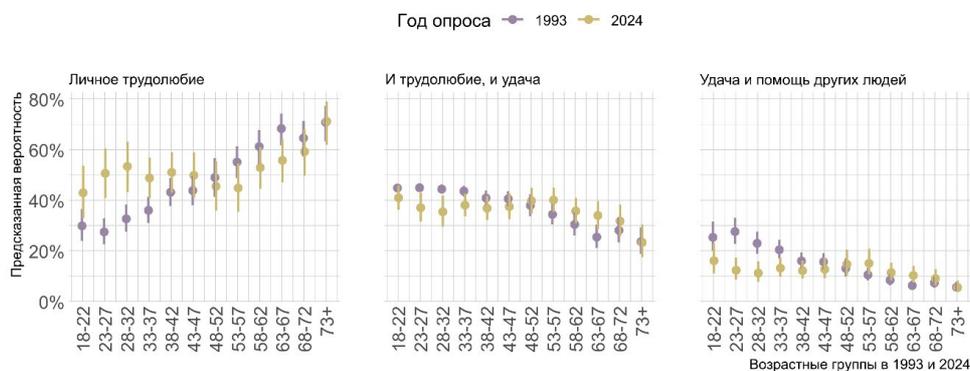
Примечание: * $p < 0,05$ ** $p < 0,01$ *** $p < 0,001$, КС — кросс-секционный дизайн; ПВ — последовательно-временной дизайн; ОШ — отношение шансов; СО — стандартная ошибка.

В кросс-секционном дизайне для сравнения возрастных групп использованы обратные контрасты Хелмерта (сравнение каждой категории с предыдущими). В последовательно-временном дизайне использованы контрасты комбинаций условий (сравнение каждой категории с опорной).

Переходя к последовательно-временному анализу, можно отметить наличие значимого эффекта взаимодействия между возрастными группами и годом опроса. На рисунке 3 показаны предсказанные вероятности веры в личное трудолюбие / удачу в зависимости от возраста в 1993 и 2024 гг. Результаты показывают, что значимые отличия наблюдаются только среди молодых респондентов — в воз-

растных группах с 23 до 37 лет. По сравнению с 1993 г., в 2024 г. молодежь более склонна верить в собственное трудолюбие и одновременно с этим реже атрибутирует успех исключительно удаче. Респонденты из более старших возрастных групп демонстрируют одинаковые результаты в обоих периодах.

Рис. 3. «Что, по Вашему мнению, более важно — удача или трудолюбие?» — предсказанная вероятность с 95-процентным доверительным интервалом в зависимости от возраста и года опроса, порядковая логистическая регрессия

Помимо этого, модели демонстрируют ряд других интересных результатов. Во-первых, в отличие от предыдущих исследований, говорящих о большей вере женщин в удачу [Fisman, O'Neill, 2009; Daniels, Wang, 2019], в данном случае значимые гендерные различия обнаружены не были. Кроме того, наблюдается положительная связь между наличием высшего образования и верой в удачу — результат, прямо противоположный ожидаемому [Cabeza, Decanq, 2019; Cappelletti et al., 2022].

Немаловажно также отметить появление новых детерминант: в 2024 г. наблюдается значимая разница между сельскими и городскими жителями, последние в большей степени склонны верить в важность удачи. Также становится значимой связь между верой в удачу и оценкой собственного дохода: респонденты, считающие, что они зарабатывают меньше, чем заслуживают, придают больше значимости удаче и помощи других людей.

Обсуждение и заключение

Полученные результаты свидетельствуют о наличии возрастных, временных и поколенческих различий в атрибуции успеха. За прошедший период можно отметить некоторый рост интернальности — число людей, считающих, что успех определяется личными усилиями, увеличилось, а число тех, кто объясняет достижения исключительно удачей, — уменьшилось.

С одной стороны, подобные выводы идут вразрез с рядом имеющихся исследований в США [Twenge, Zhang, Im, 2004; Twenge, 2010], говорящих, наоборот, о росте экстернальных установок в конце XX — начале XXI века. Не подтверждаются также и предыдущие выводы на данных западных стран [Bourke, Mechler, 2010; Ng et al., 2018; Twenge, Campbell, 2008] и стран Восточной Европы [Kwiecińska et al., 2023]

о том, что более молодые поколения сильнее склонны обосновывать успех независимыми от них условиями. Наоборот, по сравнению с молодежью 1990-х годов современные молодые люди придают большее значение собственным усилиям. С другой стороны, выявленные тенденции соответствуют историческому контексту. Постсоветские поколения социализировались в новых условиях, предполагающих большую автономию и самостоятельность [Мацкевич, Родионова, 2009], что может объяснять большую веру нынешних молодых людей в важность собственного трудолюбия.

Говоря о поколенческих различиях, стоит отдельно отметить выделяющиеся когорты рожденных во второй половине 1960-х и первой половине 1970-х годов (первые представители «реформенного» поколения) — тех, кто на момент распада СССР только вступал во взрослую жизнь. По сравнению с другими когортами, данные группы демонстрируют большую веру в важность внешних факторов, а также особые паттерны установок. На 2024 г. в когорте 1966/70 наблюдается наибольшее число считающих, что успех определяется исключительно удачей и помощью других людей. Когорта 1970/75 же оказывается «переломной». Во-первых, в отличие от предшествующих групп, здесь в 2024 г. не произошло роста веры в важность личных усилий. При этом удача осталась важным фактором в атрибуции успеха — несмотря на снижение доли верящих исключительно в удачу в данной когорте, рожденные в начале 1970-х оказываются единственной группой, где значительно увеличилась доля верящих в важность как личных, так и внешних факторов. Во-вторых, среди рожденных в последующие периоды ослабевает влияние возраста на атрибуцию успеха: в то время как более ранние советские поколения демонстрируют положительную связь между возрастом и верой в личное трудолюбие, в позднесоветских и постсоветских поколениях возрастные различия отсутствуют. В целом полученные выводы свидетельствуют о неоднородности установок реформенного поколения, что дополняет предыдущие работы, демонстрирующие внутрипоколенческие различия [Ибрагимова, 2014; Радаев, 2020].

Подобные результаты подтверждают идею о негативном влиянии опыта кризисных ситуаций в формативные годы на восприятие контроля и веру в собственные усилия [Motti-Stefanidi, Asendorpf, 2017; Nowicki et al., 2018a; Roland, Yang, 2017]. Аналогично об этом свидетельствуют и более экстернальные установки поколения Z по сравнению с миллениалами: у поколения 2000-х годов юношеские годы пришлось на период пандемии COVID-19, серьезно повлиявшей на ценности и мотивацию (например, отмечается, что в ходе коронакризиса у школьников изменились образовательные стремления [Glick et al., 2025], а у студентов усилился внешний локус контроля [Misamer et al., 2021]). Безусловно, отсутствие более ранних данных для сравнения не позволяет однозначно атрибутировать эти отличия именно пандемии, однако нынешние результаты сходятся с имеющимися теоретическими посылками и косвенно свидетельствуют в их пользу. В то же время результаты соотносятся и с наблюдениями о межпоколенческой передаче социальных установок в отношении факторов успеха и самооффективности [Доценко, Зиновьева, 2020; Gärtner et al., 2023; Snee, Devine, 2018]. Родители представителей поколения Z в большинстве своем — представители реформенного поколения (в том числе рожденные в начале 1970-х годов), склонные к большей вере в важность внешних обстоятельств.

Данное исследование имеет некоторые ограничения. Во-первых, оно охватывает только российских респондентов, что создает сложности для генерализации полученных результатов, однако можно предполагать, что текущие выводы будут релевантны для постсоветского пространства. Кроме того, имеющиеся данные позволяют проанализировать только групповые различия и изменения, поэтому индивидуальные траектории остаются открытым вопросом для дальнейшего изучения.

В целом текущие выводы вносят вклад в дискуссию об атрибуции успеха, а также могут быть использованы при анализе смежных феноменов, например локуса контроля или самоэффективности. Полученные результаты соотносятся с предыдущими наблюдениями о росте интернальности. Кроме того, они показывают, что современные молодые люди отличаются от молодежи 1990-х большей верой в личные усилия. Помимо этого, данное исследование демонстрирует особенности поколения, сформировавшегося в период трансформаций 1990-х годов, тем самым наглядно показывая долгосрочный эффект социальной и экономической нестабильности на установки населения.

Список литературы (References)

1. Долженкова М. И. Особенности ценностных приоритетов в сфере досуга в контексте теории поколений // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 11. № 139. С. 64—68.
Dolzhenkova M. I. (2014) Features of Value Priorities in the Field of Leisure within Theory of Generations. *Tambov University Review. Series: Humanities*. Vol. 11. No. 139. P. 64—68. (In Russ.)
2. Доценко А. Е., Зиновьева Е. В. Личностные предикторы конструирования жизненного сценария: самоэффективность молодых людей в связи с жизненной успешностью их родителей // Петербургский психологический журнал. 2020. № 32. С. 97—118.
Dotsenko A. E., Zinovieva E. V. (2020) Personal Predictors of Constructing a Life Scenario: Relationship of Self-Efficiency of Young People and Their Parents' Success in Life. *St. Petersburg Psychological Journal*. No. 32. P. 97—118. (In Russ.)
3. Звоновский В. Б. Локализация ответственности как элемент повседневной практики // Logos et Praxis. 2011. № 3. С. 37—42.
Zvonovsky V. B. (2011) Locus of Responsibility as Everyday's Life. *Logos et Praxis*. No. 3. P. 37—42. (In Russ.)
4. Ибрагимова Д. Х. Потребительские ожидания населения России (1996—2009): как взаимосвязаны когорты, поколения и возраст // Экономическая социология. 2014. Т. 15. № 3. С. 24—69. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2014-3-24-69>.
Ibragimova D. K. (2014) Consumer Expectations of Russian Population (1996—2009): How are Cohort, Generation and Age Related? *Journal of Economic Sociology*. Vol. 15. No. 3. P. 24—69. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2014-3-24-69>. (In Russ.)

5. Левада Ю. Поколения XX века: возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5. С. 7—14.
Levada Y. (2001) Generations of the XXth Century: Opportunities for Research. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 7—14. (In Russ.)
6. Мацкевич М. Г., Родионова А. В. Локус контроля и атрибуция ответственности (на примере общероссийских опросов и опроса петербургских студентов) // Петербургская социология сегодня. 2009. № 1. С. 289—326.
Matskevich M. G., Rodionova A. V. (2009) Locus of Control and Causal Attribution of Responsibility: General Observations and Specifics of Study (Based on the Russian and St. Petersburg Students Surveys). *St. Petersburg Sociology Today*. No. 1. P. 289—326. (In Russ.)
7. Постникова М. И., Микляева А. В., Сиврикова Н. В., Регуш Л. А. (2022). Изменения жизнестойкости представителей разных поколений россиян в начале XXI века // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 1. С. 87—103. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130106>.
Postnikova M. I., Miklyayeva A. V., Sivrikova N. V., Regush L. A. (2022) Changes in the Hardiness of Generations' Representatives of Russians at the Beginning of the XXI Century. *Social Psychology and Society*. Vol. 13. No. 1. P. 87—103. <https://doi.org/10.17759/sps.2022130106>. (In Russ.)
8. Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15—33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>.
Radaev V. V. (2018) Millennials Compared to Previous Generations: An Empirical Analysis. *Sociological Studies*. No. 3. P. 15—33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>. (In Russ.)
9. Радаев В. В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть) // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 3. С. 30—63. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7395>.
Radaev V. V. (2020) The Divide Among the Millennial Generation: Historical and Empirical Justifications. (Part One). *Sociological Journal*. Vol. 26. No. 3. P. 30—63. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7395>. (In Russ.)
10. Рикель А. М., Доренская С. В. Социально-психологическая модель ценностей различных поколений современного российского общества // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 4. С. 205—225. <https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.10>.
Rikel A. M., Dorenskaya S. V. (2017) A Socio-Psychological Model of Values Among Different Generations in Modern Russian Society. *Russian Psychological Journal*. Vol. 14. No. 4. P. 205—225. <https://doi.org/10.21702/rpj.2017.4.10>. (In Russ.)
11. Семенова В. В. Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. Л. М. Дробужева. М.: Институт социологии РАН, 2003. Вып. 3. С. 213—237.

- Semenova V. V. (2003) Contemporary Conceptual and Empirical Approaches to the Concept of «Generation». In: Drobizheva L. M. (ed.) *Russia is Reforming. A Yearbook*. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. No. 3. P. 213—237. (In Russ.)
12. Сибирев В. А., Головин Н. А. Межпоколенческие различия в удовлетворенности жизнью и чувстве счастья в России (на материалах Европейского социального исследования) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 296—315. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.12>.
Sibirev V. A., Golovin N. A. (2020) Intergenerational Differences in Life Satisfaction and a Feeling of Happiness in Russia (Based on the European Social Survey Data). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 296—315. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.12>. (In Russ.)
 13. Alesina A., Fuchs-Schündeln N. (2007) Good-bye Lenin (or not?): The Effect of Communism on People's Preferences. *American Economic Review*. Vol. 97. No. 4. P. 1507—1528. <https://doi.org/10.1257/aer.97.4.1507>.
 14. Archer L., Francis B., Henderson M., Holmegaard H., Macleod E., Moote J., Watson E. (2023) Get Lucky? Luck and Educational Mobility in Working-Class Young People's Lives from Age 10—21. *British Journal of Sociology of Education*. Vol. 44. No.5. P. 843—859. <https://doi.org/10.1080/01425692.2023.2211234>
 15. Azizli N., Atkinson B. E., Baughman H. M., Giammarco E. A. (2015) Relationships between General Self-Efficacy, Planning for the Future, and Life Satisfaction. *Personality and Individual Differences*. Vol. 82. P. 58—60. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.03.006>.
 16. Bailis D. S., Segall A., Chipperfield J. G. (2010) Age, Relative Autonomy and Change in Health Locus of Control Beliefs: A Longitudinal Study of Members of a Health-Promotion Facility. *Journal of Health Psychology*. Vol. 15. No. 3. P. 326—338. <https://doi.org/10.1177/1359105309342296>.
 17. Bandura A. (1977) Self-Efficacy: Toward a Unifying Theory of Behavioral Change. *Psychological Review*. Vol. 84. No. 2. P. 191—215. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.84.2.191>.
 18. Bandura A. (1986) *Social Foundations of Thought and Action*. Prentice-Hall, Inc.
 19. Blank T. O., Levesque M. J. (1993) Constructing Success and Failure: Age Differences in Perceptions and Explanations of Success and Failure. *The International Journal of Aging and Human Development*. Vol. 37. No. 2. P. 105—118. <https://doi.org/10.2190/9UB9-FY18-BERX-M1A3>.
 20. Blatt-Eisengart I., Lachman M. E. (2004) Attributions for Memory Performance in Adulthood: Age Differences and Mediation Effects. *Aging, Neuropsychology, and Cognition*. Vol. 11. No. 1. P. 68—79. <https://doi.org/10.1076/anec.11.1.68.29364>.

21. Bourke B., Mechler H. S. (2010) A New Me Generation? The Increasing Self-Interest among Millennial College Students. *Journal of College and Character*. Vol. 11. No. 2. <https://doi.org/10.2202/1940-1639.1034>.
22. Cabeza B., Decancq K. (2019) Beliefs about the Role of Effort and Luck during the Great Recession in Spain. In *What Drives Inequality?* Emerald Publishing Limited. Vol. 27. P. 139—153. <http://dx.doi.org/10.1108/S1049-258520190000027010>.
23. Cappelen A. W., Mollerstrom J., Reme B. A., Tungodden B. (2022) A Meritocratic Origin of Egalitarian Behaviour. *The Economic Journal*. Vol. 132. No. 646. P. 2101—2117. <https://doi.org/10.1093/ej/ueac008>.
24. Cheng C., Lo B. C., Chio J. H. (2010) The Tao (Way) of Chinese Coping. In *The Oxford handbook of Chinese psychology*. Oxford University Press. P. 399—419. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199541850.013.0025>.
25. Cobb-Clark D. A., Schurer S. (2013) Two Economists' Musings on the Stability of Locus of Control. *The Economic Journal*. Vol. 123. No. 570. P. F358-F400. <https://doi.org/10.1111/econj.12069>.
26. Daniels J., Wang M. (2019) What Do You Think? Success: Is It Luck or Is It Hard Work? *Applied Economics Letters*. Vol. 26. No. 21. P. 1734—1738. <https://doi.org/10.1080/13504851.2019.1593930>.
27. Fisman R., O'Neill M. (2009) Gender Differences in Beliefs on the Returns to Effort: Evidence from the World Values Survey. *Journal of Human Resources*. Vol. 44. No. 4. P. 858—870. <https://doi.org/10.3368/jhr.44.4.858>.
28. Gärtner M., Mollerstrom J., Seim D. (2023) Intergenerational Transmission of Luck versus Effort Beliefs. *Economics Letters*. Vol. 232. Art. 111345. <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2023.111345>.
29. Glick J. E., Alcaraz M., Randrianasolo A., Yabiku S. T. (2025) COVID-19, School Closures and the Retreat from Educational Aspirations. *Journal of Adolescence*. Vol. 97. No. 1. P. 148—164. <https://doi.org/10.1002/jad.12406>.
30. Grubb V. M. (2016) *Clash of the Generations: Managing the New Workplace Reality*. John Wiley & Sons.
31. Harris E. A., Milfont T. L., Hornsey M. J. (2022) Belief in Luck and Precognition around the World. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 53. No. 9. P. 1033—1053. <https://doi.org/10.1177/00220221221110462>.
32. Hovenkamp-Hermelink J. H., Jeronimus B. F., Spinhoven P., Penninx B. W., Schoevers R. A., Riese H. (2019) Differential Associations of Locus of Control with Anxiety, Depression and Life-Events: A Five-Wave, Nine-Year Study to Test Stability and Change. *Journal of Affective Disorders*. Vol. 253. P. 26—34. <https://doi.org/10.1016/j.jad.2019.04.005>.
33. Ingram N., Bathmaker A. M., Abrahams J., Bentley L., Bradley H., Hoare T., Waller R. (2023) *The Degree Generation: The Making of Unequal Graduate Lives*. Policy Press.

34. Krampe H., Danbolt L. J., Haver A., Stålsett G., Schnell T. (2021) Locus of Control Moderates the Association of COVID-19 Stress and General Mental Distress: Results of a Norwegian and a German-Speaking Cross-Sectional Survey. *BMC Psychiatry*. Vol. 21. No. 1. Art. 437. <https://doi.org/10.1186/s12888-021-03418-5>.
35. Kwiecińska M., Grzesik K., Siewierska-Chmaj A., Popielska-Borys A. (2023) Generational Differences in Values and Patterns of Thinking in the Workplace. *Argumenta Oeconomica*. No. 1. P. 95—118. <https://doi.org/10.15611/aoe.2023.1.05>.
36. Ledgerwood A., Mandisodza A. N., Jost J. T., Pohl M. J. (2011) Working for the System: Motivated Defense of Meritocratic Beliefs. *Social Cognition*. Vol. 29. No. 3. P. 322—340. <https://doi.org/10.1521/soco.2011.29.3.322>.
37. Legerski E. M., Cornwall M., O'Neil B. (2006) Changing Locus of Control: Steelworkers Adjusting to Forced Unemployment. *Social Forces*. Vol. 84. No. 3. P. 1521—1537. <https://doi.org/10.1353/sof.2006.0054>.
38. Lerner M. J. (1980) The Belief in a Just World. In *The Belief in a Just World: A Fundamental Delusion*. Boston, MA: Springer US. P. 9—30. https://doi.org/10.1007/978-1-4899-0448-5_2.
39. Loveday V. (2018) Luck, Chance, and Happenstance? Perceptions of Success and Failure Amongst Fixed-Term Academic Staff in UK Higher Education. *The British Journal of Sociology*. Vol. 69. No. 3. P. 758—775. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12307>.
40. Masche J. G., Van Dulmen M. H. M. (2004) Advances in Disentangling Age, Cohort, and Time Effects: No Quadrature of the Circle, but a Help. *Developmental Review*. Vol. 24. No. 3. P. 322—342. <https://doi.org/10.1016/j.dr.2004.04.002>.
41. Misamer M., Signerski-Krieger J., Bartels C., Belz M. (2021) Internal Locus of Control and Sense of Coherence Decrease during the COVID-19 Pandemic: A Survey of Students and Professionals in Social Work. *Frontiers in Sociology*. Vol. 6. Art. 705809. <https://doi.org/10.3389/fsoc.2021.705809>.
42. Mockaitis A. I., Kumpikaitė-Valiūnienė V., Duobienė J., Banevičienė I., Žičkutė-Daugelavičienė I. (2025) Between Past and Present: Age, Period, and Cohort Effects on Changing Values in Lithuania. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. Vol. 56. No. 6. P. 726—750. <https://doi.org/10.1177/00220221251326957>.
43. Motti-Stefanidi F., Asendorpf J. B. (2017) Adaptation during a Great Economic Recession: A Cohort Study of Greek and Immigrant Youth. *Child Development*. Vol. 88. No. 4. P. 1139—1155. <https://doi.org/10.1111/cdev.12878>.
44. Ng E. S., Lyons S. T., Schweitzer L. (2018) Generational Career Shifts: How Matures, Boomers, Gen Xers, and Millennials View Work. Emerald Publishing Limited.
45. Ng T. W., Sorensen K. L., Eby L. T. (2006) Locus of Control at Work: A Meta-Analysis. *Journal of Organizational Behavior*. Vol. 27. No. 8. P. 1057—1087. <https://doi.org/10.1002/job.416>.

46. Nowicki S., Ellis G., Iles-Caven Y., Gregory S., Golding J. (2018a) Events Associated with Stability and Change in Adult Locus of Control Orientation over a Six-Year Period. *Personality and Individual Differences*. Vol. 126. P. 85—92. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.01.017>.
47. Nowicki S., Iles-Caven Y., Gregory S., Ellis G., Golding J. (2018b). Stability of, and Associations between, Parent and Child Locus of Control Expectancies. *Frontiers in Psychology*. Vol. 9. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.02018>.
48. Roberts C. W. (1986) Tracing Formative Influences on Event Recall: A Test of Mannheim's Sensitivity Hypothesis. *Social Forces*. Vol. 65. No. 1. P. 74—86. <https://doi.org/10.1093/sf/65.1.74>.
49. Roland G., Yang D. Y. (2017) China's Lost Generation: Changes in Beliefs and Their Intergenerational Transmission. National Bureau of Economic Research. <https://www.nber.org/papers/w23441>.
50. Rotter J. B. (1966) Generalized Expectancies for Internal versus External Control of Reinforcement. *Psychological Monographs: General and Applied*. Vol. 80. No. 1. P. 1—28. <https://doi.org/10.1037/h0092976>.
51. Sauder M. (2020) A Sociology of Luck. *Sociological Theory*. Vol. 38. No. 3. P. 193—216. <https://doi.org/10.1177/0735275120941178>.
52. Snee H., Devine F. (2018) Fair Chances and Hard Work? Families Making Sense of Inequality and Opportunity in 21st-Century Britain. *The British Journal of Sociology*. Vol. 69. No. 4. P. 1134—1154. <https://doi.org/10.1111/1468-4446.12358>.
53. Strauss W., Howe N. (1991) *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York, NY: William Morrow & Company.
54. Strömwall L. A., Alfredsson H., Landström S. (2013) Blame Attributions and Rape: Effects of Belief in a Just World and Relationship Level. *Legal and Criminological Psychology*. Vol. 18. No. 2. P. 254—261. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8333.2012.02044.x>.
55. Twenge J. M. (2010) A Review of the Empirical Evidence on Generational Differences in Work Attitudes. *Journal of Business and Psychology*. Vol. 25. No. 2. P. 201—210. <https://doi.org/10.1007/s10869-010-9165-6>.
56. Twenge J. M., Campbell S. M. (2008) Generational Differences in Psychological Traits and their Impact on the Workplace. *Journal of Managerial Psychology*. Vol. 23. No. 8. P. 862—877. <https://doi.org/10.1108/02683940810904367>.
57. Twenge J. M., Carter N. T., Campbell W. K. (2017) Age, Time Period, and Birth Cohort differences in Self-Esteem: Reexamining a Cohort-Sequential Longitudinal Study. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 112. No. 5. P. e9—e17. <https://doi.org/10.1037/pspp0000122>.
58. Twenge J. M., Zhang L., Im C. (2004) It's beyond My Control: A Cross-Temporal Meta-Analysis of Increasing Externality in Locus of Control, 1960—2002. *Personality and*

Social Psychology Review. Vol. 8. No. 3. P. 308—319. https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0803_5.

59. Weiner B., Heckhausen H., Meyer W. U. (1972) Causal Ascriptions and Achievement Behavior: A Conceptual Analysis of Effort and Reanalysis of Locus of Control. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 21. No. 2. P. 239—248. <https://doi.org/10.1037/h0032307>.
60. Wilkins V. M., Wenger J. B. (2014) Belief in a Just World and Attitudes toward Affirmative Action. *Policy Studies Journal*. Vol. 42. No. 3. P. 325—343. <https://doi.org/10.1111/psj.12063>.

Приложение

Таблица А1. **Социально-демографические характеристики респондентов в 1993 и 2024 (%)**

Характеристика	1993 N = 3727	2024 N = 1544
Пол: женский	63,0	59,6
Возраст		
18—22	6,2	6,7
23—27	8,6	6,8
28—32	9,9	6,8
33—37	12,7	11,5
38—42	12,2	11,1
43—47	10,6	8,7
48—52	5,5	6,3
53—57	8,9	6,9
58—62	6,9	10,5
63—67	7,2	9,7
68—72	5,9	7,8
73+	5,5	7,4
Год рождения (поколение [Радаев, 2018: 18])		
<1936 (мобилизационное)	25,4	0,3
1936/40 (мобилизационное/поколение оттепели)	8,9	0,8
1941/45 (поколение оттепели)	5,5	0,9
1946/50 (поколение оттепели/застоя)	10,6	4,3
1951/55 (поколение застоя)	12,2	7,4
1956/60 (поколение застоя)	12,7	9,1
1961/65 (поколение застоя)	9,9	10,6

Характеристика	1993 N = 3727	2024 N = 1544
1966/70 (поколение застоя/реформенное)	8,6	7,1
1971/75 (реформенное)	6,2	6,9
1976/80 (реформенное)	—	8,0
1981/85 (реформенное/миллениалы)	—	10,8
1986/90 (миллениалы)	—	11,6
1991/95 (миллениалы)	—	7,8
1996/00 (миллениалы)	—	6,4
>2000 (поколение Z)	—	7,9
Образование		
Среднее и ниже	45,5	17,7
Среднее специальное	31,2	37,3
Высшее	23,3	44,9
Место жительства: город	71,1	76,4
Финансовое положение по сравнению со средним:		
Гораздо ниже	38,8	14,2
Немного ниже	26,0	27,7
Среднее	29,3	46,6
Немного выше	5,3	9,9
Гораздо выше	0,7	1,6
	85,0	67,4

Правильная ссылка на статью:

Мониторинг мнений (ВЦИОМ): январь — февраль 2026 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 1. С. 169—181.

For citation:

Public Opinion Poll (VCIOM): January — February 2026. (2026) *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 169—181.

МОНИТОРИНГ МНЕНИЙ: ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ 2026

Результаты ежедневных опросов «ВЦИОМ—Спутник». Методы опроса: (1) телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1 600 респондентов в возрасте от 18 лет (выборка построена на основе полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ); (2) интернет-опрос по формализованной анкете на базе вероятностной панели «ВЦИОМ-онлайн» (участники панели рекрутируются в ходе ежедневного всероссийского телефонного (CATI) опроса «Спутник», который проводится по случайной (RDD) выборке мобильных номеров из полного списка телефонных номеров, задействованных на территории РФ). Данные взвешены на вероятность отбора и по социально-демографическим параметрам. Максимальный размер ошибки с вероятностью 95 % не превышает 2,5—3,1%. Помимо ошибки выборки, смещение в данные опросов могут вносить формулировки вопросов и различные обстоятельства, возникающие в ходе полевых работ.

СОДЕРЖАНИЕ ДАЙДЖЕСТА

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ТОНОМЕТР: НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ ИЗМЕРЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ НАШЕГО ОБЩЕСТВА170

ТРУДОГОЛИЗМ ПО РАСЧЕТУ:
ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К СВЕРХУРОЧНОЙ РАБОТЕ172

АЛИМЕНТЫ И ИХ (НЕ)ПЛАТЕЛЬЩИКИ174

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ176

ОБРАЗ ЖИЗНИ

НОВЫЙ ГОД В РЕЖИМЕ «ЭКОНОМ»178

ТЕЛЕМЕДИЦИНА: СЕГОДНЯ И ЗАВТРА180

Авторы аналитических обзоров: Татьяна Смак, Екатерина Юшкина, Людмила Карпова, Иван Леконцев
Составитель дайджеста: Светлана Бирюкова

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ТОНОМЕТР: НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ ИЗМЕРЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ НАШЕГО ОБЩЕСТВА	170
ТРУДОГОЛИЗМ ПО РАСЧЕТУ: ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К СВЕРХУРОЧНОЙ РАБОТЕ	172
АЛИМЕНТЫ И ИХ (НЕ)ПЛАТЕЛЬЩИКИ	174
РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ	176

**ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ТОНОМЕТР: НОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ ИЗМЕРЕНИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ НАШЕГО ОБЩЕСТВА**

15 января 2026 г.

Согласно январскому замеру, в российском обществе преобладает скорее позитивный эмоциональный фон: доминирующими чувствами, определяющими состояние граждан в начале года, стали доброжелательность, надежда и спокойствие. Более половины опрошенных также фиксировали у себя состояния уверенности и радости. Менее характерной для россиян положительной эмоцией в январе текущего года оказалось воодушевление; его, согласно собственным оценкам, в последнее время испытывал почти каждый второй. Негативно окрашенные эмоции и чувства фиксируются заметно реже: наиболее распространенной из них стала тревога, характерная для четырех из десяти наших сограждан. Следом идут грусть и раздражение: слабее всего рефлексировались страх, растерянность и злость (см. рис. 1).

По характеру переживаемых эмоций российское общество сегментировано следующим образом:

— «Жизнерадостные» (самая многочисленная группа, для представителей которой характерно преобладание позитивных эмоций — 34 %).

— «Сдержанные» (25 %, или каждый четвертый); реже декларируют проявление эмоций, чувств: им свойственны эмоциональная сдержанность и внутреннее проживание переживаний.

— «Тревожные» (23 %, или почти каждый четвертый), для которых характерно преобладание негативных эмоций.

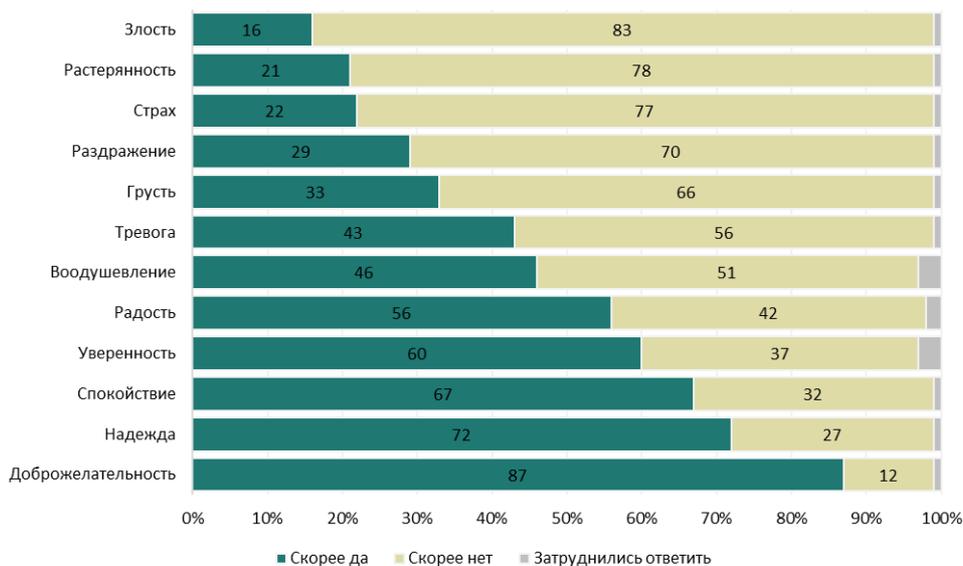
— «Возбужденные» (18 %, или почти каждый пятый), ярче других испытывающие весь спектр изучаемых эмоций. Именно в этой группе эмоции чаще выходят «наружу» — в межличностном общении, социальных сетях, оценках текущей повестки и пр.

Представленная сегментация отчасти созвучна классической типологии темпераментов: от ярких оптимистов-сангвиников до склонных к внутренним переживаниям меланхоликов.

Существенные различия в доминирующем эмоциональном фоне по линии «позитив — негатив» наблюдаются в межпоколенческом срезе, а именно между двумя самыми молодыми группами. Наиболее высокий уровень оптимизма демонстрируют зумеры: доля «жизнерадостных» в этой группе достигает рекордных

46 %, «тревожных» — минимальных 13 %, что отчасти объясняется отсутствием накопленного груза социальных обязательств. По мере взросления (и, соответственно, столкновения с жизненными реалиями) оптимизм россиян угасает, уступая место тревожности. Последняя достигает максимума в группе младших миллениалов, которые, в отличие от зумеров, уже столкнулись с необходимостью принятия долгосрочных решений — создания семьи, рождения детей, приобретения жилья. Мужчины и женщины, в свою очередь, демонстрируют разную степень интенсивности эмоционального реагирования: в то время как мужской способ проживания ситуации чаще заключается в скрытом накоплении (и подавлении) эмоций, женский проявляется через их открытое транслирование окружающим.

Рис. 1. Сейчас я буду перечислять различные эмоции, чувства. Скажите, пожалуйста, по каждой позиции это скорее подходит или не подходит для описания Вашего настроения в последние два-три дня? (закрытый вопрос, один ответ по каждой эмоции, в % от всех опрошенных)

ТРУДОГОЛИЗМ ПО РАСЧЕТУ: ОТНОШЕНИЕ РОССИЯН К СВЕРХУРОЧНОЙ РАБОТЕ

18 января 2026 г.

Проведенный АЦ ВЦИОМ опрос показал, что сверхурочная работа, по мнению россиян, — это добровольный выбор: так говорят 86 % опрошенных про организации, в которых они работают. Лишь 7 % сообщают, что в их организациях сверхурочная работа в той или иной степени носит принудительный характер. Выходит, дополнительная занятость по основному месту работы воспринимается скорее не как обязанность, а как возможность?

Сейчас существуют ограничения по объему сверхурочной работы: согласно Трудовому кодексу РФ, ее максимальная продолжительность для работника — не более 120 часов в год и не более четырех часов в течение двух дней подряд. В декабре 2025 г. был одобрен законопроект, предполагающий увеличить этот лимит вдвое — до 240 часов в год. Инициатива обосновывалась заботой о повышении гибкости трудовых отношений: с одной стороны, работодателям не нужно будет увеличивать штат для увеличения выпуска, поручая задачи уже действующим сотрудникам, которых не нужно дополнительно обучать, с другой стороны, сами работники смогут зарабатывать больше без поиска дополнительных источников дохода.

Однако мнения россиян относительно возможного увеличения лимита сверхурочной работы разделились, и скепсис по отношению к инициативе превалирует: скорее негативно воспринимают повышение лимита на дополнительную занятость 41 % респондентов против 31 % дающих положительный отклик. Чуть более четверти (26 %) относятся к поправкам в Трудовой кодекс нейтрально. Такое восприятие может быть связано с негативным опытом работающих россиян.

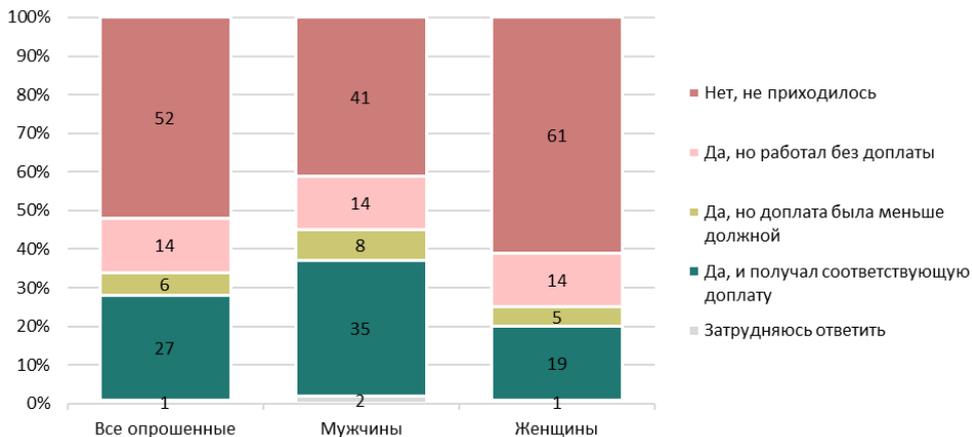
Опыт сверхурочной работы чаще отмечают среди представителей «поколения цифры» (59 %) и «старших миллениалов» (55 %), жителей Москвы, Санкт-Петербурга (54 %) и городов с населением 100—500 тыс. (56 %). Несколько больше людей с опытом сверхурочной работы в коммерческих организациях (50 %), чем в бюджетных (40 %). Достаток не дифференцирует наличие опыта сверхурочной работы: его имеют россияне как с плохим (52 %), так и с хорошим материальным положением (45 %).

Ситуация с оплатой вызывает тревогу: несмотря на то что за сверхурочную работу законом предусмотрены повышенные выплаты, 30 % работников с опытом сверхурочной работы в последние 12 месяцев утверждают, что они их не получили, и еще 13 % заявили, что их доплата была меньше положенной.

С точки зрения россиян, поправки в Трудовой кодекс направлены скорее на удовлетворение запросов организаций в условиях дефицита кадров, о феномене которого регулярно сообщалось в последние годы. Свыше половины (55 %) опрошенных считают, что увеличение лимита сверхурочной работы будет выгоднее работодателям, и лишь по 14 % — наемным работникам или государству. Ответы респондентов показывают: в массовом сознании необходимость сверхурочной работы связана с потребностями организаций, а не сотрудников. Потенциально такое восприятие может привести к конфликтам: работники будут пытаться диктовать свои условия работодателям в случае запроса на сверхурочную заня-

тость. А значит, организациям нужно будет искать дополнительные стимулы для мотивации сотрудников — через нематериальные поощрения и признание заслуг команды.

Рис. 2. В течение последних 12 месяцев Вам приходилось или не приходилось работать сверхурочно, то есть работать сверх Вашего стандартного рабочего времени, установленного трудовым договором, контрактом, и если да, то Вы получали за это соответствующую доплату или нет? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех работающих)

АЛИМЕНТЫ И ИХ (НЕ)ПЛАТЕЛЬЩИКИ

24 января 2026 г.

Опыт получения или выплаты алиментов в общей сложности имеют 22 % россиян, для большинства же эта тема остается за гранью личного опыта. Те, кто сталкивался, разделены предсказуемо: женщины — получатели, мужчины — плательщики. Почти каждая пятая женщина (19 %) получала или получает алименты на детей, 15 % мужчин платили или платят алименты.

Пик вовлеченности в тему алиментов приходится на реформенное поколение — россиян 45—58 лет. Это люди, которые уже имеют за плечами опыт разводов, к тому же именно на их жизненный цикл пришелся рост их распространенности. Важен и институциональный контекст: в 1968 г. был принят закон «Основы законодательства СССР о браке и семье», который сделал алименты обязательной юридической нормой.

Судя по данным, алименты — довольно конфликтная тема: 55 % получателей сталкивались с уклонением от выплат, а 38 % плательщиков признают, что и сами порой не выплачивали алименты. То есть проблема уклонения от уплаты алиментов распространена широко.

Чем меньше размер населенного пункта, тем выше доля получателей алиментов (14—15 % в сельской местности и в небольших населенных пунктах vs 5 % в обеих столицах). В Северо-Кавказском округе минимальная доля получателей алиментов среди всех россиян (4 %) и максимальная — плательщиков (12 %).

Общественный консенсус по алиментам в России в целом сложился: семь из десяти считают, что алименты нужно платить всегда. В то же время почти треть смотрит на этот вопрос иначе, допуская неуплату. И чем младше россияне, тем менее они категоричны — среди зумеров допускающих неуплату уже практически половина; ожидаемо менее однозначны в ответах и мужчины — те, кто в основном выплачивает алименты.

Личный опыт тоже дифференцирует мнения: среди получающих алименты восемь из десяти занимают жесткую позицию, среди плательщиков — уже шесть из десяти, и именно среди них выше доля придерживающихся мнения, что уплата алиментов — это «личное дело каждого».

Большинство россиян признают проблему неуплаты алиментов на содержание детей как серьезную для страны (восемь из десяти). Оценка напрямую связана с опытом и позицией по теме. Те, кто получает алименты, воспринимают неуплату как острую проблему (91 %), тогда как плательщики несколько спокойнее подходят к вопросу (69 %). Наибольшие различия в ответах фиксируются в зависимости от позиции по уплате алиментов в принципе: среди сторонников безусловной уплаты 85 % считают проблему серьезной, среди допускающих оправдания — 70 %, а среди индивидуалистов — уже около 60 %, при этом каждый третий в последней группе не видит проблемы вовсе.

В общественном мнении проблема алиментов априори не входит в зону ответственности государства. Каждый второй убежден: решать надо родителям через договоренности, особенно часто так думают мужчины, плательщики алиментов и те, кто никогда не сталкивался с уклонением от уплаты алиментов. Вероятно, россияне воспринимают тему алиментов как продолжение семейных отношений, частное дело, пока это не коснулось их на практике.

Как только появляется негативный опыт, картина меняется: вера в силу возможности договора сильно слабеет. Среди получателей алиментов, столкнувшихся с уклонением, растет запрос на вмешательство судов, приставов и государства; суммарно его формулируют более половины опрошенных в этой группе. Иными словами, в проблеме неуплаты алиментов государство становится ответственным не заранее, а когда договориться не получилось.

Большинство россиян поддерживают введение публичного реестра должников по алиментам: в целом идею одобряют семь из десяти, особенно женщины (79%) и те, кто сталкивался с уклонением от их уплаты (по 84%). Одобрение реестра заметно ниже среди мужчин в целом (65%), тех, кто сам имеет опыт неуплаты алиментов (69%), а также среди сторонников мнения «алименты — личное дело каждого» (51%).

Мотивация поддержки и неподдержки позволяет увидеть разницу в восприятии этого инструмента. Сторонники говорят о давлении на должников, стимуле платить, ответственности и защите детей, а также о прозрачности и удобстве контроля. Противники же почти всегда апеллируют к вмешательству в личную жизнь и конфиденциальности.

Ожидания эффекта от нового реестра также дифференцированы: четверо из десяти верят, что должники начнут платить активнее, но суммарно столько же считают, что реестр никак не повлияет на ситуацию или даже будет стимулировать должников уходить в тень. Особенно скептически плательщики с опытом неуплаты и те, кто считает алименты личным делом каждого: среди них ожидание нулевого эффекта звучит чаще всего, и именно это мнение становится доминирующим.

Еще одна обсуждаемая, но пока не реализованная инициатива — государственный алиментный фонд. Суть идеи проста: государство за счет бюджетных средств будет гасить долги по алиментам, а потом разыскивать должников и собирать с них деньги уже с процентами. Поддержка этой идеи среди россиян тоже высока (семь из десяти высказываются «за»).

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

27—28 января 2026 г.

Санкции и события в международной политике и экономике последних лет повлияли, среди прочего, на потребительские привычки россиян, их повседневный выбор. И хотя в медиапространстве усилился фокус на отечественном производителе, большинство наших сограждан в повседневном выборе не придерживаются жесткой логики «свое или чужое» (наверное, это вообще вторичный вопрос после других критериев выбора, таких как цена, качество, доступность): шесть из десяти говорят, что используют отечественные и зарубежные товары примерно в равной степени.

Каждый четвертый предпочитает отечественного производителя, чаще это женщины и россияне старшего возраста; а каждый шестой — зарубежного, здесь, напротив, сильнее представлены мужчины и молодежь. В целом, несмотря на экономические и политические события последних лет, повседневное потребление россиян остается преимущественно гибридным.

Ранние исследования АЦ ВЦИОМ показывали: россияне трезво оценивают возможность российской экономики отвечать на санкции¹. Согласно текущему опросу, восприятие роли России в глобальной экономике у большинства россиян носит также сдержанный характер: почти половина опрошенных считают, что страна успешно конкурирует в ограниченном числе сфер, тогда как о широкой конкурентоспособности во многих сферах говорит лишь каждый пятый.

Еще треть дает скептические ответы, считая, что пока страна не стала серьезным конкурентом в глобальной экономике. Скепсис выше среди мужчин и молодежи, они же чаще отдают предпочтение зарубежным товарам. Тогда как женщины и старшие возрастные группы, чаще приобретающие товары отечественного производителя, напротив, склонны видеть Россию более конкурентоспособной.

Россияне воспринимают роль России в различных сферах глобальной экономики неоднозначно: в общественном мнении выделяются как зоны уверенного успеха, так и направления, оцениваемые скорее как точки роста и развития. Индекс экспортно-импортного восприятия² показывает, что наиболее выраженная экспортная идентичность закреплена за сырьевым, энергетическим и аграрным блоком, а также культурой. В этих сферах Россия традиционно воспринимается как поставщик товаров, услуг и технологий.

Отдельную группу образуют сферы с индексами, близкими к нулю: продукты питания, спорт, авиация и высокотехнологичное машиностроение, туризм, электронная коммерция, логистика, финансовые сервисы. В этих направлениях россияне

¹ См.: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tri-goda-bez-mcdonalds-i-ikea-monitoring>.

² Индекс экспортно-импортного восприятия России рассчитывается как разность между долей респондентов, считающих Россию интересной для других стран как источник товаров, услуг и технологий, и долей респондентов, считающих Россию заинтересованной в заимствовании соответствующих решений у других стран. Значения индекса выражаются в процентных пунктах и варьируются в диапазоне от –100 до 100. Положительные значения индекса указывают на доминирование представлений о России как о преимущественном поставщике товаров, услуг и технологий для других стран; чем выше значение индекса, тем сильнее выражена экспортная ориентация в восприятии россиян. Отрицательные значения индекса свидетельствуют о преобладании представлений о России как о стране, в большей степени ориентированной на заимствование, приобретение и импорт товаров, услуг и технологий; чем ниже значение индекса, тем сильнее выражена ориентация на заимствование. Значения индекса, близкие к нулю, отражают сбалансированное или неопределенное восприятие в соответствующей сфере.

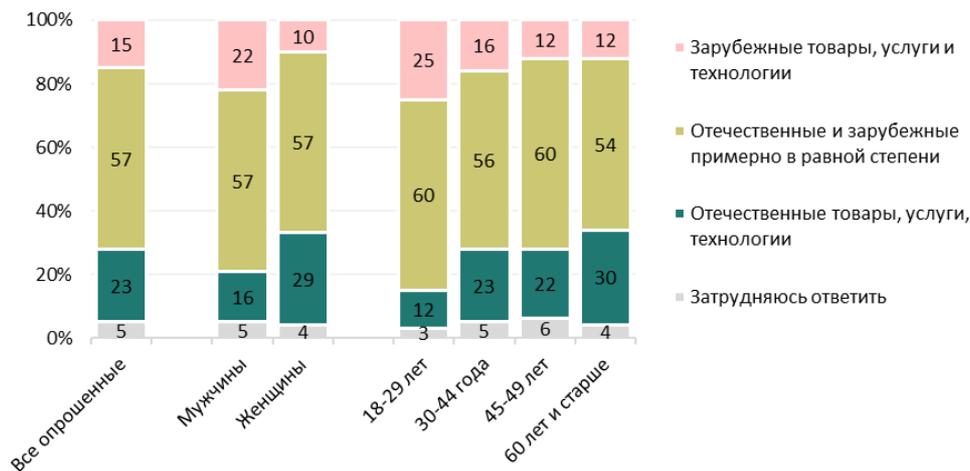
не видят ни явного экспортного доминирования, ни выраженной зависимости от заимствований.

Часть сфер уходят в отрицательную зону, отражая представление о них как о сферах заимствования, именно здесь звучит общественный запрос на развитие, наращивание собственной конкурентоспособности в будущем. Минус здесь может быть связан не только с неудовлетворенностью граждан, но и со сложившимися негативными стереотипами. В первую очередь это фармацевтика, медицинские технологии и здравоохранение — социально чувствительные сферы, прямо влияющие на качество жизни.

Далее следуют IT-технологии, транспорт, промышленность, наука и инновации, строительство. В этих сферах происходит интенсивный международный обмен, а заимствование в принципе считается естественным этапом развития, а не признаком отставания. В группу сфер со знаком минус попало также кино. В отличие от медицины или технологий, отрицательное значение индекса здесь связано скорее с культурными ожиданиями, особенно после ухода голливудских фильмов из широкого проката.

В целом минусовые зоны можно интерпретировать как маркеры приоритетов; зоны, где общество видит наибольший потенциал роста, а модернизация этих сфер будет давать наибольший эффект для улучшения восприятия России в глобальной экономике. Индекс фиксирует не столько слабые места, сколько карту общественного запроса на инвестиции, модернизацию и развитие.

Рис. 3. Лично Вы в повседневной жизни предпочитаете товары, услуги и технологии, произведенные в России или зарубежные?
(закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

ОБРАЗ ЖИЗНИ

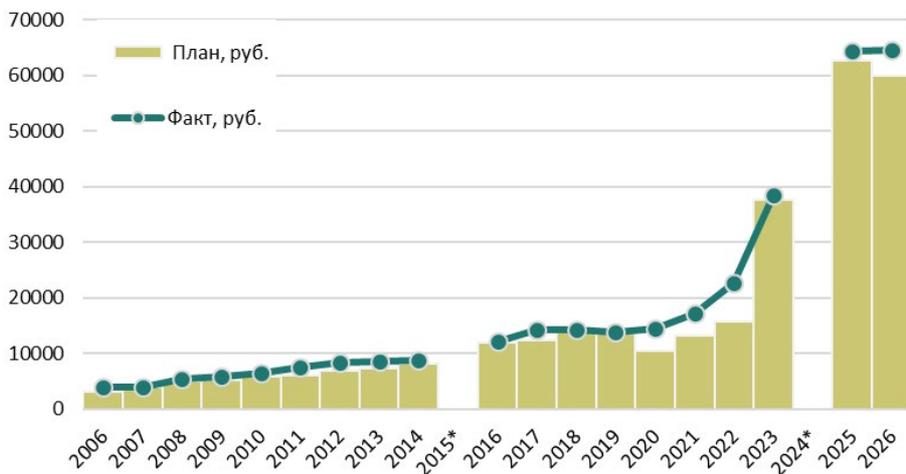
НОВЫЙ ГОД В РЕЖИМЕ «ЭКОНОМ».....	178
ТЕЛЕМЕДИЦИНА: СЕГОДНЯ И ЗАВТРА.....	180

НОВЫЙ ГОД В РЕЖИМЕ «ЭКОНОМ»

16 января 2026 г.

Амбициозные планы россиян сэкономить на праздновании Нового года скорее не увенчались успехом: расходы в среднем составили 64 459 рублей, на 8% больше запланированного бюджета. Многолетняя ретроспектива показывает, что перерасход бюджета в период новогодних праздников — привычное и даже ожидаемое явление. Другой вопрос в том, что в последние несколько лет он стал более умеренным. В целом за весь период наблюдений россиянам лишь однажды удалось уложиться в запланированный бюджет (в 2007 г.) и один раз — сэкономить (в 2018 г.).

Рис. 1. Сколько примерно денег Вы потратили на празднование Нового года?*
(открытый вопрос, один ответ, средняя сумма расходов, в руб. по ответам тех, кто совершал соответствующие траты, прогнозируемые и фактические новогодние траты)

* За 2015 и 2024 гг. данные отсутствуют.

** До 2017 г. опросы проводились методом поквартальных face-to-face интервью (проект «Экспресс»), выборка стратифицированная многоступенчатая с квотами по социально-демографическим параметрам, репрезентирует население РФ 18 лет и старше по типу населенного пункта, полу, возрасту, образованию и федеральному округу. Объем выборки составляет 1600 респондентов.

Из года в год за звание самой крупной статьи расходов борются новогодние подарки и досуг. В этом году победу одержал последний: на посещение культурно-развлекательных мероприятий, туристические поездки и проч. в период продолжительных новогодних каникул россияне в среднем потратили 27 509 рублей, превысив запланированный бюджет на 2 267 рублей. При этом досуг остается

скорее опциональной статьёй расходов: потратиться на развлечения в этом году были готовы четверо из десяти наших сограждан (на остальные две категории трат — семеро из десяти). Подарки родным и близким в этом году в среднем обошлись в 24 636 рублей, что на 3 001 рубль больше запланированного. Новогодний стол — единственная категория, где фактические траты оказались ниже ожидаемых; средний чек на гастрономические изыски к главному семейному празднику в этом году составил 12 314 рублей.

Несмотря на небольшой перерасход бюджета, есть повод для оптимизма: общие фактические траты остались на уровне прошлого года (2025 г. — 64 439 рублей). Тот факт, что итоговый чек не вырос вслед за инфляцией, позволяет предположить, что праздник перестал быть поводом для необдуманных и неограниченных трат и превратился в сферу более контролируемого и осознанного потребления.

ТЕЛЕМЕДИЦИНА: СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

14 февраля 2026 г.

Пандемия 2020 г. дала импульс развитию телемедицины, после чего она существовала в «тестовом» режиме, в условиях ограниченного нормативного регулирования. Ситуация изменилась в 2025—2026 гг.: были утверждены единые требования к дистанционным консультациям, а в системе ОМС создана нормативная основа для их дальнейшего внедрения.

Нововведения в сфере здравоохранения зачастую оказываются чувствительными для пациентов и воспринимаются с особой настороженностью, поэтому роль врача как потенциального посредника и доверенного лица в вопросах освоения пациентами телемедицинских технологий сложно переоценить. В России дистанционные консультации пациентов возможны только посредством специального сервиса (приложения), с использованием подтвержденной учетной записи пациента (через Госуслуги) и электронной медкарты. С учетом этих условий каждый второй россиянин (49 %) скорее согласится провести повторный плановый прием дистанционно, если врач предложит такой вариант после первичного очного визита. Главные мотивы — экономия времени и удобство формата: «не трать лишнее время, быстрее» (33 % от числа согласных), «удобнее» (28 %), «нет очередей» (18 %), «не надо выходить из дома, не надо куда-то ехать» (17 %). Выше доля сторонников повторной консультации онлайн среди граждан в возрасте 18—44 лет, активных интернет-пользователей, жителей городов с численностью более 500 тыс. человек.

Доля тех, кто скорее откажется от нового формата, сопоставима с согласившимися — 44 % опрошенных россиян. Аргументы против связаны в первую очередь с традиционными представлениями о качестве и полноте медицинской помощи: по 19—20 % отказавшихся называют «важность живого общения» и «важность факта, что врач должен видеть пациента», 13 % считают дистанционный формат приема менее качественным, 12 % заявляют о недопустимости онлайн-консультации и недоверии к ней. На технические сложности — «сложно записаться», «не работают Госуслуги», «не являются пользователями интернета» — ссылаются 13 % отказавшихся. Каждый второй респондент старше 60 лет и каждый второй житель сельской местности высказались против такой инициативы. Еще 6 % респондентов не смогли определиться, запросив больше информации.

Таким образом, лояльная аудитория молодых городских пациентов видит в телемедицинских технологиях удобный инструмент, дополняющий привычную медицинскую практику (чем они и должны являться). А настороженные критики считают это как риск замены традиционной медицины, снижения качества услуг и их доступности для себя (в том числе цифровую недоступность). А значит, расширение телемедицины в системе ОМС неизбежно поднимает вопрос цифрового неравенства и учета того, что часть граждан нуждается не только в медицинской, но и в организационной и информационной поддержке.

Что касается уже сформированного запроса на дистанционные консультации, то о нем заявили 30 % опрошенных россиян: в течение последнего года они уже получали такие консультации или хотели бы их получить. При этом спрос на конкретные виды дистанционной помощи внутри вовлеченной группы распределяется относительно равномерно: расшифровка анализов или результатов обследования

(8% от всех опрошенных россиян), уточнение вопросов о приеме лекарств, консультации при легком недомогании у взрослых или детей (по 6% соответственно). Еще по 5% сообщили о получении «второго мнения» и о закрытии больничного листа. В сознании же большинства граждан (70%) такого запроса не сформировано, традиционное общение с врачом остается привычным и непоколебимым стандартом.

Рис. 2. Скажите, если Ваш врач после очного приема предложит следующий плановый визит заменить на дистанционный — через специальное приложение или онлайн-сервис, Вы скорее согласитесь или скорее откажетесь? (закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

DOI: [10.14515/monitoring.2026.1.2909](https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.2909)

Ю. Н. Корешникова, И. А. Афанасьева, Д. А. Соломинова

**В МОЗАИКЕ ОБЩЕСТВА:
ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ
ХАРАКТЕРИСТИК АГЕНТНОГО НАСЕЛЕНИЯ**

Правильная ссылка на статью:

Корешникова Ю. Н., Афанасьева И. А., Соломинова Д. А. В мозаике общества: исследование социально-демографических характеристик агентного населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 1. С. 182—207. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.2909>.

For citation:

Koreshnikova Y. N., Afanaseva I. A., Solominova D. A. (2026) In the Mosaic of Society: A Study of the Socio-Demographic Characteristics of the Agent Population. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 182–207. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.2909>. (In Russ.)

Получено: 30.01.2025. Принято к публикации: 18.11.2025.

**В МОЗАИКЕ ОБЩЕСТВА: ИССЛЕДОВАНИЕ
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАК-
ТЕРИСТИК АГЕНТНОГО НАСЕЛЕНИЯ**

*КОРЕШНИКОВА Юлия Николаевна — кан-
дидат педагогических наук, доцент, старший
научный сотрудник Института образования,
Национальный исследовательский универ-
ситет «Высшая школа экономики», Москва,
Россия*

E-MAIL: koreshnikova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7566-0028>

*АФАНАСЬЕВА Ирина Анатольевна — канди-
дат наук в области искусства и дизайна (PhD),
доцент, научный сотрудник Института образо-
вания, Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия*

E-MAIL: iaafanaseva@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5109-5949>

*СОЛОМИНОВА Дарья Алексеевна — анали-
тик Института образования, Национальный
исследовательский университет «Высшая
школа экономики», Москва, Россия*

E-MAIL: dsolominova@hse.ru

<https://orcid.org/0009-0000-6960-4038>

Аннотация. Представленное в статье ис-
следование нацелено на составление со-
циально-демографического портрета аген-
тного человека. Под «агентностью» авторы
понимают способность человека высту-
пать активным действующим лицом, кото-
рое проявляет инициативу по изменению
среды, а не следует за ней пассивно. За-
прос на такие качества, по мнению авто-
ров исследования, актуализируется в ус-
ловиях высокой изменчивости окружающего
мира. Для достижения цели были проведе-
ны два выборочных обследования насе-
ления России по репрезентативной выбо-
рке. Первое реализовано методом личных
полужформализованных интервью, взятых

**IN THE MOSAIC OF SOCIETY: A STUDY OF THE
SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF
THE AGENT POPULATION**

*Yuliya N. KORESHNIKOVA¹ — Cand. Sci. (Ped-
ag.), Senior Research Fellow, Institute of Ed-
ucation*

E-MAIL: koreshnikova@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7566-0028>

*Irina A. AFANASEVA¹ — PhD in Art and Design,
Research Fellow, Institute of Education*

E-MAIL: iaafanaseva@hse.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5109-5949>

*Daria A. SOLOMINOVA¹ — Analyst, Institute of
Education*

E-MAIL: dsolominova@hse.ru

<https://orcid.org/0009-0000-6960-4038>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The study presented in this arti-
cle aims to create a socio-demographic pro-
file of the agentic individual. The authors de-
fine agency as a person's ability to act as an
active participant who takes the initiative to
change the environment, rather than pas-
sively follows it. The authors believe that the
demand for such qualities is heightened in a
highly volatile world. To achieve the goal if the
study, two surveys of the Russian population
were conducted using a representative sample.
The first one employs face-to-face, semi-struc-
tured interviews via tablets ($N=2,000$, Sep-
tember 2023). The second one is an online
survey ($N=4,00$, October 2023). Data analy-
sis revealed that women exhibit the greatest

с помощью планшетов (2000 человек, сентябрь 2023 г.). Второе проведено методом онлайн-опроса (4001 человек, октябрь 2023 г.). В ходе анализа данных показано, что женщины наибольшую инициативность проявляют в возрасте 35—44 лет, тогда как мужчин — в 25—34 лет. Большинство участников исследования, проявивших инициативу хотя бы в одной сфере, проживают в крупных городах Центрального федерального округа. Максимальная доля людей, проявляющих агентность, зафиксирована в группах со средним специальным или высшим образованием. Максимальной инициативой отличаются мужчины, живущие одни или в семьях из пяти и более человек, тогда как максимальный процент агентных женщин — в семьях по четыре человека. Также данные показали, что среднедушевой доход увеличивается с повышением уровня агентности.

Ключевые слова: агентность, самостоятельность, инициативность, социально-демографические характеристики, социальные структуры, семья, благосостояние

Благодарность. Исследование проводилось в рамках стратегического проекта НИУ «Высшая школа экономики» «Успех и самостоятельность человека в меняющемся мире» программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

Введение

Развитие цифровых технологий повлекло за собой переход от индустриального общества к цифровому. Как и в предыдущие времена, когда происходили значительные изменения в экономике и обществе, в настоящее время также наблюдается трансформация роли человека и видов деятельности, которые он осуществляет [Sutterlüty, Tisdall, 2019; Hirschi et al., 2017; Archer, 2003]. В индустриальном обществе для большинства людей акцент делался на физическую работу и механизацию производственных процессов, человек выступал скорее элементом системы, в задачи которого входило выполнять определенные функции. В современном цифровом мире важно умение работать с информацией и технологиями, что приводит к росту значимости креативных и аналитических

initiative at the age of 35—44, while men exhibit the greatest initiative at the age of 25—34. Most study participants who demonstrated initiative in at least one area live in large cities of the Central Federal District. The highest proportion of people demonstrating agency was found in groups with secondary vocational or higher education. Men living alone or in families of five or more demonstrated the highest levels of agency, while the highest percentage of women exhibiting agency was found in families of four. The data also showed that per capita income increased with increasing levels of agency.

Keywords: agency, independence, initiative, socio-demographic characteristics, social structures, family, well-being

Acknowledgments. This research is part of Strategic Project “Success and Self-Sustainability of the Individual in a Changing World”, which is part of Higher School of Economics’ development program under the “Priority 2030” academic leadership initiative.

профессий, в которых требуются высокая степень гибкости и непрерывное обучение [Murnane, Levy, 1996].

В цифровом обществе появляется больше возможностей удаленной работы и введения гибких графиков, благодаря чему работники могут сочетать множество обязанностей и заниматься несколькими проектами одновременно [Сорокин и др., 2025; van den Groenendaal et al., 2022]. Эти изменения также способствуют новому осмыслению концептов времени и пространства, поскольку сотрудники становятся более мобильными и способными выполнять свои задачи из любого места на планете, ключевым условием становится доступ к интернету.

Обобщая данные научных дискуссий, можно утверждать, что основными задачами человека в цифровом обществе являются активная адаптация к меняющимся условиям, непрерывное обучение и умение эффективно использовать цифровые технологии для достижения личных и профессиональных целей [van den Groenendaal et al., 2022; Himani Srihita et al., 2025].

В научной и экспертной литературе отмечается, что в условиях появления новых видов индивидуального поведения, структур и форм их взаимодействия особенно актуален вопрос о возможностях индивидуальной агентности (проактивного поведения) в социальных процессах [Кузьминов и др., 2019; Сорокин, 2023]. Аспекты индивидуального поведения человека и его взаимодействия с обществом активно обсуждаются в рамках дискуссий, связанных с концепцией агентности (англ. *agency*). Понятие «агентность» — одно из наиболее важных в современных социальных науках. В русскоязычном дискурсе синонимами могут служить инициативность, проактивность, предприимчивость, самостоятельность [Сорокин, Зыкова, 2021].

Концепция агентности получила широкое распространение, когда ученые выступили против неспособности структурализма учитывать влияние действий отдельных людей на социальные и политические структуры [Ahearn, 1999]. Энтони Гидденс впервые отметил, что люди способны создавать общество, точно так же как общество создает их, и определил агентность как способность совершать преднамеренное действие (о котором действующий знает или верит, что оно приведет к определенному результату) с точки зрения действующего лица [Giddens, 1984].

В цифровом мире особую роль приобретают теории, признающие индивидуальную агентность как способность человека трансформировать окружающую среду в зависимости от его потребностей; менять структуру, институты, а не только воспроизводить их [Заславская, 2002; Кузьминов и др., 2019; Сорокин, 2023]. В качестве примеров активных и позитивных форм проявления агентности можно рассматривать творческие инициативы субъектов или предложения, например, по развитию существующих методов работы (создание новых форматов мероприятий, развитие онлайн-платформ, оптимизация процессов управления проектами), что может приводить к изменению правил и процедур в существующих институтах и их изменению [Paloniemi, Collin, 2012; Vähäsantanen et al., 2009]. Агентность может проявляться и через критическую позицию, когда сотрудник выступает с альтернативными предложениями к руководству [Vähäsantanen, Billett, 2008; Fenwick, 2006] или принимает решение сменить место работы.

В условиях меняющихся требований окружающего мира к человеческому потенциалу возникает не просто исследовательский интерес, а практическая необходимость ответить на вопросы: кого можно считать агентными людьми и каковы их социально-демографические характеристики? Без ответа на них невозможно ни диагностировать, где сегодня формируются инициативные субъекты изменений, ни адресно поддерживать развитие такой способности в образовании, кадровой и социальной политике. Агентность в данном исследовании понимается не как бинарная характеристика (есть/нет), а как степень выраженности способности человека влиять на события и инициировать изменения. Любой человек принимает решения, агентных людей отличает масштаб воздействия. Они не только адаптируются к обстоятельствам, но и перестраивают их на уровне профессии, сообщества или более широких социальных практик. Изучение их портрета необходимо для понимания того, какие группы сегодня выступают драйверами общественных изменений.

Данная статья посвящена ответам на эти вопросы и ставит своей целью создание социально-демографического портрета агентного человека. Для достижения поставленной цели были собраны данные в ходе двух волн исследования, проведенного в рамках реализации стратегического проекта «Успех и самостоятельность человека в меняющемся мире» (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики») на репрезентативной выборке населения Российской Федерации.

Статья организована следующим образом: в первой части представлена теоретическая рамка исследования, далее приводится описание методологии, после чего представлены полученные результаты, в заключении — выводы и дискуссия.

Эволюция взглядов на агентность:

динамика теорий и социально-демографические факторы

На социальном уровне агентность рассматривается как важный элемент, обеспечивающий эффективное и адаптивное сочетание экономики с благосостоянием и благополучием людей [Eteläpelto et al., 2013]. Людям необходимо иметь возможность проявлять агентность при преодолении жизненных обстоятельств [Hitlin, Elder, 2007], возникающих как в профессиональной, так и в личной жизни. Агентность требуется для планирования жизни и принятия взвешенных и обдуманных долгосрочных решений, особенно в контексте переходов между уровнями образования, смены работы и иных сфер жизнедеятельности.

Основная часть дискуссий и разногласий между исследователями, работающими с концепцией агентности, касается вопроса о социальных и экономических структурах и их влияния на деятельность человека, а также степени проявления индивидуальной активности внутри этих структур [Hitlin, Elder, 2007]. Степень влиятельности этих дискуссий на научное и экспертное сообщество зависит от исторического периода и экономического устройства общества. По мере перехода от индустриального общества к цифровому увеличивается количество степеней свободы у человека, в связи с чем возрастает и запрос на агентность.

Постепенное преодоление детерминизма, присущего предшествующим теориям агентности, началось еще в XIX веке, с усилением индивидуализма. Джон Стю-

арт Милль и Макс Вебер подчеркивали важность человеческого выбора и значимость субъективного опыта, что уже в те времена служило основой для более проактивного понимания агентности [Mill, 1998; Weber, 1921].

В XX веке Пьер Бурдьё и Энтони Гидденс внесли свои коррективы в эту концепцию, развивая теории двойственной природы структуры [Bourdieu, 2017; Giddens, 1984]. П. Бурдьё ввел понятие «габитус», которое обозначает внутреннюю predisposition индивида к агентности, формирующуюся под воздействием культурных и социальных условий [Bourdieu, 2017]. Агентность воспринимается как целенаправленное действие, осознанное и продуманное. Э. Гидденс, в свою очередь, развил теорию «структуриации», акцентирующую внимание на взаимосвязи между агентами и структурами, утверждая, что изменения структуры являются следствием индивидуального действия, ненаправленного на изменения структуры, то есть изменения институтов представляют собой вторичный эффект от повседневных практик. Эта концепция подчеркивает динамичность взаимодействия, где агентность не статична, а постоянно переосмысливается и трансформируется в зависимости от изменения социальных условий [Giddens, 1984].

Маргарет Арчер отмечает необходимость учитывать активную роль индивидов в формировании социальных реалий. Одним из ключевых элементов ее подхода является идея о том, что агентность и структура находятся в динамическом взаимодействии. По мнению М. Арчер, индивиды не просто являются продуктами социальных структур, они действуют на основе своих собственных целей, интересов и понимания мира, что создает пространство для выбора и изменений. Это означает, что люди могут оспаривать и переосмысливать социальные нормы и структуры, в которых они существуют [Archer, 2003].

С течением времени взгляды на отношения между человеком и социальными структурами претерпевали значительные изменения, отводя все более активную роль индивидуумов в этих взаимодействиях. По мере перехода от индустриального общества к цифровой эпохе росла возможность для личной свободы и агентности, что подчеркивало важность человеческого выбора и субъективного опыта. Исследователи, начиная с Джона Стюарта Милля и Макса Вебера, а также более поздние теоретики, такие как Пьер Бурдьё и Энтони Гидденс, подчеркивали динамичность этого взаимодействия, акцентируя внимание на том, что индивиды не только подвержены влиянию структур, но и активно формируют их своими действиями и решениями. Важной фигурой в этом контексте является Маргарет Арчер, которая утверждает, что агентность человека неразрывно связана с его социальным контекстом, и выявляет необходимость анализа взаимосвязей между индивидуальными действиями и структурными условиями [Archer, 2003]. Различия между подходами заключаются в том, что Э. Гидденс пишет о взаимном влиянии агента и структуры, тогда как М. Арчер акцентирует внимание на автономии агента и возможности его выбора вне ограничений структурных условий. Таким образом, современное понимание агентности предполагает, что личность играет ключевую роль в переосмыслении и изменении социальных норм и структур, подчеркивается растущий запрос на активное участие человека в процессе формирования своей социальной реальности. Вариативность проявляется в способности выбирать различные стратегии поведения даже в ограниченных структурах,

преодолевая нормы и создавая новые модели взаимодействия. Индивидуальные практики становятся источником изменений, поскольку позволяют людям адаптироваться к новым условиям, экспериментировать и формировать альтернативные сценарии развития общества.

Авторы данной статьи придерживаются мнения, что агентность и социальные структуры находятся в динамичном взаимодействии, где индивиды активно конструируют свою реальность и имеют возможность оспаривать существующие нормы и структуры в зависимости от меняющихся социальных условий. Наиболее близки авторам положения, сформулированные А. Бандурой в рамках социально-когнитивной теории [Bandura, 2006]. Согласно этой теории, люди вносят свой вклад в условия жизни, а не просто являются их продуктом. Социально-когнитивная теория отвергает двойственность между человеческой активностью и социальной структурой. Позиция А. Бандуры заключается в том, что действие человека — следствие двух групп факторов: личностных характеристик и внешних условий. Все три компонента (действие, личностные характеристики и внешние факторы) взаимно влияют друг на друга [Bandura, 2006].

Именно эта теория стала фундаментом для концепции исследования, представленного в настоящей статье, а также послужила основой для разработки инструментов сбора данных.

На сегодняшний день понятие «агентность» остается дискуссионным и имеет различные трактовки. Исследователи сферы образования подчеркивают принципиальную ценность вовлеченности для концептуализации понятия «агентности» [Reeve, 2013; Sutterlüty, Tisdall, 2019]. С точки зрения других теоретических рамок, люди, которые предлагают идеи, но не вовлекаются в их воплощение, не могут считаться полностью агентными в широком смысле — необходима включенность в работу [Hirschi et al., 2017]. В то же время активное участие в реализации чужих инициатив, помощь и поддержка проектов тоже не являются абсолютными проявлениями агентности [Smith, Ulvik, 2017]. Агентность стоит рассматривать как спектр поведения, включающий как инициативность в генерировании идей, так и способность включаться в практическую деятельность по их реализации [Hirschi et al., 2017].

Инструмент оценки проявлений агентности

Агентность оценивалась на основании наличия у респондентов предложений идей или способов действия, а также личностных и деятельностных характеристик, свойственных агентным людям. В качестве обоснования отнесения обозначенных качеств к концепции агентности использован корпус как российских, так и зарубежных исследований [Bandura, 2006; Giddens, 1984; Lautamo et al., 2021; Со рокин, 2023]. В инструмент оценки были включены различные сферы, в которых человек может проявлять агентность, а именно: трудовая и образовательная деятельность, социальное окружение — семья, а также друзья и знакомые. Наличие у респондентов предложений, идей или способов действия, а также деятельностных характеристик можно рассматривать как интегральный показатель агентности, поскольку этот показатель отражает ключевые ее компоненты: действие, проявление личностных характеристик (инициативности, способности к планированию и при-

нятию решений) и взаимодействие с внешними условиями и факторами. Такой показатель фиксирует не только готовность к действию, но и проявление внутренней мотивации и способности адаптироваться к социальной среде, что является сущностью агентности в социальных науках и психологии [Bandura, 2006; Giddens, 1984; Сорокин, Зыкова, 2021; Сорокин, Афанасьева, 2025]. Примером неагентности является состояние пассивности, или подчиненности обстоятельствам, при которой человек практически не проявляет самостоятельности или инициативы. Например, случай, когда работник годами терпит неудовлетворительные условия труда, не предпринимая попыток изменить ситуацию, является примером неагентности.

В качестве социально-демографических характеристик, описывающих агентного индивида, в настоящем исследовании были выбраны следующие: пол [Панов, 2014; Штылева, 2008], возраст [Садкова, 2019], образование [Сорокин и др., 2025; Морозова, 2024; Гасинец, Капуза, Добрякова, 2022; Рожкова и др., 2021], место жительства (регион) [Антипина, Хомутов, 2024], количество членов семьи [Баландина, 2008; Думитрашку, 1991], уровень дохода [Сорокин, 2023], место работы [Сорокин, Афанасьева, 2025; Сорокин, 2023; Эфендиев, Балабанова, Сорокин, 2011]. Эти параметры могут существенно влиять на возможности и способности индивидов действовать как агенты в своем социальном окружении. Далее приведем обоснование этой позиции через анализ исследований именно российских авторов, поскольку культурные и социальные особенности могут влиять на результаты подобных исследований.

Гендерные различия могут приводить к различиям в доступности ресурсов и возможностей, включая образование и трудовую занятость [Панов, 2014; Штылева, 2008]. В то же время возраст влияет на жизненный опыт, свободу выбора и социальную активность: молодежь может активнее использовать новые технологии, тогда как пожилые люди могут иметь больше опыта и знаний, хотя иногда сталкиваются с ограничениями в силу возраста [Садкова, 2019].

Образование открывает двери новым возможностям, влияя на самооценку и уверенность индивида в своих действиях [Рожкова и др., 2021]. Кроме того, место работы может предлагать различные ресурсы поддержки, которые способствуют развитию агентности: от карьерного роста до сети социальных контактов [Сорокин, 2023; Эфендиев, 2011].

Разные регионы могут обеспечивать различный уровень доступа к ресурсам. Городская жизнь часто предоставляет больше возможностей для социальной активности и самореализации, в отличие от сельских районов, где такие возможности могут быть ограничены [Антипина, Хомутов, 2024].

Количество членов семьи и уровень дохода также могут рассматриваться как значимые факторы агентности [Баландина, 2008; Думитрашку, 1991]. Чем больше людей в семье, тем больше взаимозависимостей и компромиссов в принятии решений, что может ограничивать индивидуальные действия [Баландина, 2008; Думитрашку, 1991]. Уровень дохода влияет на доступ к ресурсам, свободное время и возможности для участия в социальных и культурных мероприятиях, что, в свою очередь, может увеличивать или уменьшать агентность [Сорокин, 2023].

Таким образом, выбор указанных факторов обусловлен их непосредственным влиянием на возможности индивидов действовать осознанно и эффективно.

но в своей социальной среде. Эти характеристики не просто описывают контекст жизни человека, но и формируют его роль как агента изменений, что имеет значительные последствия для понимания процессов социальной динамики и индивидуальной активности в современном мире.

Стоит отметить, что существуют отдельные группы населения, склонные к большему проявлению агентности и самостоятельности, например, предприниматели (в том числе корпоративные), самозанятые и волонтеры [Сорокин и др., 2025; Коршунов, Ширкова, Сорокин, 2024]. Особую агентность демонстрируют работники, выполняющие свои обязанности в условиях гибких и альтернативных форм занятости — например, на платформах [Сорокин, Афанасьева, 2025]. Современные международные исследования показывают, что платформенная занятость требует таких компетенций, как самостоятельность, стрессоустойчивость, способность оперативно адаптироваться к запросам быстро меняющегося мира [van den Groenendaal et al., 2022]. Лица, занятые на цифровых платформах, сталкиваются со специфическими требованиями к человеческому потенциалу, связанными с необходимостью проявления индивидуальной агентности и проактивного поведения в профессиональной деятельности [Himani Srihita et al., 2025].

В оптике теории агентности изучаются краудсорсинговые проекты, направленные на задействование потребителей, пользователей или партнеров. В числе наиболее известных российских примеров можно привести проекты «Активный гражданин» (система опросов по улучшению жизни города)¹, «Футурейтинг» (портал о технологиях, образовании и культуре будущего)², «Знание.Вики» (онлайн-энциклопедия)³, форум «Сильные идеи для нового времени» (выявление и поддержка реализации общественно значимых инициатив)⁴ и др. Краудсорсинг предполагает участие людей, которые проявляют инициативу, готовы делиться своими знаниями и опытом, а также сознательно принимать участие в различных проектах. Этот механизм открывает возможность каждому желающему активно участвовать в проектах организации, помогая не только в решении текущих задач, но и в оптимизации и развитии бизнес-процессов. При этом краудсорсинг способствует развитию волонтерства, поскольку многие участники выполняют работу на добровольных началах, внося вклад в общественно значимые инициативы.

В настоящей статье в рамках темы агентности рассматривается ограничение, связанное с одним вопросом: «Предлагали ли вы новые идеи или способы действий своему окружению в рамках трудовой деятельности?», — что соответствует выбранной теоретической рамке [Bandura, 2006; Reeve, 2013; Sutterlüty, Tisdall, 2019; Кузьминов, Сорокин, Фрумин, 2019].

Новизна данного исследования объясняется, во-первых, тем, что связь всей совокупности факторов была оценена с агентностью как декларацией опыта предлагать свои идеи по изменению ключевых сфер деятельности человека, во-вторых, подходом к сбору данных, описанным в методологии исследования.

¹ Активный гражданин. URL: <https://ag.mos.ru/home> (дата обращения: 15.10.2025).

² Футурейтинг. URL: <https://futurating.com/> (дата обращения: 15.10.2025).

³ Знание.Вики. URL: <https://znanierussia.ru/articles> (дата обращения: 15.10.2025).

⁴ Форум «Сильные идеи для нового времени». URL: https://ideas-forum.ru/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 15.10.2025).

Методология исследования

Исследование состояло из двух волн. Первая волна была реализована в сентябре 2023 г. при помощи метода личного полуструктуризованного интервью с использованием планшетов. Для этого была спроектирована стратифицированная выборка на 2000 респондентов, в которой использовались следующие параметры: региональная принадлежность, тип населенного пункта (только города), возраст и уровень образования. В качестве параметров для стратификации использовались следующие характеристики:

- региональная принадлежность (федеральные округа; г. Москва и г. Санкт-Петербург были выделены в отдельные категории);
- тип городского населенного пункта (города более 1 млн человек, от 500 тыс. до 1 млн, от 100 тыс. до 500 тыс.);
- возраст (18—29 лет, 30—39 лет, 40—49 лет, 50—59 лет, 60 лет и старше);
- уровень образования (мягкие квоты, высшее образование и ниже).

Для формирования выборки было отобрано 50 регионов во всех восьми федеральных округах. Выборка населения, проживающего в городах, дополнительно распределялась по размеру города пропорционально численности постоянного населения всех возрастов по состоянию на 1 января 2023 г. (Росстат, 2023 г., городское население 0+). Расхождение между генеральной совокупностью и квотным заданием не превысило 0,5 %.

Вторая волна исследования была реализована в октябре 2023 г. при помощи онлайн-опроса. Выборка была построена на основе онлайн-панели, респонденты отбирались случайным образом после таргетирования на заданные критерии. Основным критерием выступил возраст респондентов — к участию в исследовании приглашались респонденты старше 18 лет. Объем выборки составил 4001 человек. В выборке присутствуют представители восьми федеральных округов, отклонений от генеральной совокупности по данному показателю нет.

Для расчета параметров по географическому признаку и возрасту использовался показатель численности населения по состоянию на 1 января 2023 г. (данные Росстата 2023 г.). Расхождение между генеральной совокупностью и квотным заданием не превысило 0,02 %. Для формирования выборки было отобрано 50 регионов во всех восьми федеральных округах.

Дополнительно выборка городского населения была сформирована, исходя из количества постоянно проживающих жителей всех возрастных групп на начало 2023 г. согласно данным Росстата (городское население, 0+):

- крупные города с населением свыше 1 млн человек;
- средние города с численностью от 500 тысяч до 1 млн человек;
- малые города с численностью жителей от 100 тыс. до 500 тыс. человек;
- небольшие населенные пункты с количеством жителей менее 100 тыс. человек.

Чтобы минимизировать возможные смещения выборки, обусловленные трудностями привлечения молодых респондентов со средним общим образованием, использовалась гибкая система квотирования уровня образования (высшее образование и ниже), соответствующая демографическим характеристикам каждого конкретного региона. Для расчетов использовались данные Переписи 2020 г.

Расхождение между генеральной совокупностью и квотным заданием не превысило 0,56 %.

Использование двух разных методов сбора данных (личные интервью и онлайн-опрос) позволяет сочетать их сильные стороны. Личные интервью с планшетами обеспечивают более высокий уровень доверия к данным, контроль за процессом опроса и включение групп с ограниченным доступом в интернет. Онлайн-опрос на панели дает возможность быстро и экономично охватить более широкий круг респондентов при сохранении контроля над выборкой. Совмещение методов повышает надежность выводов за счет взаимной проверки результатов. Совпадение результатов, полученных разными способами, позволяет исключить версию о том, что выводы обусловлены спецификой конкретного метода или конкретной выборки.

Можно отметить некоторые ограничения данного исследования. Во-первых, данные основаны на онлайн-опросах и самооценках участников, что может влиять на объективность результатов. Во-вторых, наблюдается невысокая представительность некоторых подгрупп населения, что может ограничивать обобщения представленных выводов. Проведенный анализ механизмов, связывающих агентность с социально-демографическими характеристиками, является первой попыткой в данной области и может быть продолжен в других исследованиях.

Социально-демографические характеристики участников исследования первой и второй волн с разным уровнем агентного потенциала

Для оценки индивидуальной агентности участникам исследования обеих волн задавался один и тот же вопрос:

«Были ли за последние два месяца следующие ситуации? [множественный выбор]

1. Вы предлагали новые идеи или способы действия своему окружению в рамках трудовой (для работающих) или образовательной (для учащихся) деятельности.
2. Вы предлагали новые идеи или способы действия в своей семье.
3. Вы предлагали новые идеи или способы действия среди своих друзей, знакомых, соседей».

Распределения ответов респондентов, принимавших участие в первой и второй волнах исследования, представлены в таблицах 1 и 2 соответственно.

Таблица 1. **Агентность участников исследования первой волны (N = 2000)**

Вопрос		Доля, %
Были ли за последние два месяца следующие ситуации?	Не предлагал ни для одной из сфер	47
	Предлагал хотя бы в одной сфере	20
	Предлагал в двух и более сферах	33
Итого		100

Таблица 2. Агентность участников исследования второй волны (N = 4001)

Вопрос		Доля, %
Были ли за последние два месяца следующие ситуации?	Не предлагал ни для одной из сфер	46
	Предлагал хотя бы в одной сфере	40
	Предлагал в двух и более сферах	14
Итого		100

Из таблиц 1 и 2 видно, что, по данным обеих волн исследования, процент людей, проявляющих инициативу хотя бы в одной сфере, не менее 50% (в первую волну — 53%, а во вторую — 54%).

В таблицах 3 и 4 представлено распределение участников исследования по типам населенного пункта для первой и второй волн соответственно.

Таблица 3. Распределение участников исследования первой волны по количеству сфер проявления инициативы и типу населенного пункта (N = 2000)

Населенный пункт	Количество сфер проявления инициативы		
	Ни одной, %	Одна, %	Две и три, %
Москва	13	14	17
Санкт-Петербург	7	5	6
Город с населением от 1 млн чел., за исключением Москвы и Санкт-Петербурга	26	26	26
Город с населением 500 тыс. — 1 млн чел.	19	19	18
Город с населением 100—500 тыс. чел.	35	36	33
Итого	100	100	100

Таблица 4. Распределение участников исследования второй волны по количеству сфер проявления инициативы и типу населенного пункта (N = 4001)

Населенный пункт	Количество сфер проявления инициативы		
	Ни одной, %	Одна, %	Две и три, %
Город с численностью более 1 млн чел.	34	37	42
Город с численностью 500 тыс. — 1 млн чел.	11	11	10
Город с численностью 100—500 тыс. чел.	23	22	22
Город с численностью до 100 тыс. чел.	32	30	26
Итого	100	100	100

По данным обеих волн можно заметить, что более высокий процент агентных людей сосредоточен в городах с населением 1) свыше 1 млн человек и 2) до 100 тыс. человек. Важно учесть, что в первой волне Москва и Санкт-Петербург не входят в число городов-миллионников, эти города рассматриваются отдельно. Доля респондентов, проявляющих инициативу в двух и более сферах, в Москве и Санкт-Петербурге примерно на 10% ниже, чем в других российских городах с населением свыше 1 млн человек. Распределение участников исследования по агентности и федеральным округам представлено в таблицах 5 и 6 для первой и второй волн соответственно.

Таблица 5. Распределение участников исследования по количеству сфер проявления инициативы и федеральным округам для первой волны исследования (N = 2000)

Федеральный округ	Количество сфер проявления инициативы		
	Ни одной, %	Одна, %	Две и три, %
ЦФО	32	31	30
СЗФО	9	12	13
ЮФО	11	8	9
СКФО	4	5	4
ПФО	17	21	19
УФО	10	10	8
СФО	11	9	11
ДВФО	5	4	6
Итого	100	100	100

Таблица 6. Распределение участников исследования по количеству сфер проявления инициативы и федеральным округам для второй волны исследования (N = 4001)

Федеральный округ	Количество сфер проявления инициативы		
	Ни одной, %	Одна, %	Две и три, %
ЦФО	27	26	28
СЗФО	10	8	9
ЮФО	12	13	15
СКФО	6	8	9
ПФО	21	20	19
УФО	8	8	6
СФО	11	12	9
ДВФО	5	5	5
Другое	0	0	0
Итого	100	100	100

Если сопоставить результаты, представленные в таблицах 3 и 5, то можно заметить, что максимальное число респондентов, проявляющих инициативу, прожи-

вают не в Москве и Санкт-Петербурге, но при этом в Центральном федеральном округе. На втором месте — Приволжский федеральный округ (по данным обеих волн исследования).

При сопоставлении таблиц 4 и 6 видно, что наиболее агентными являются жители крупных городов и Центрального федерального округа. Центральный федеральный округ лидирует по числу участников, не проявляющих инициативы, а также среди тех, кто демонстрирует инициативу в двух-трех сферах одновременно. Остальные округа демонстрируют менее контрастные показатели.

Возрастные диапазоны респондентов первой и второй волн не совпадают между собой, поэтому результаты представлены в таблицах 7 и 8 для первой и второй волн (соответственно).

Таблица 7. *Возраст участников первой волны исследования (N = 2000)*

Возрастная группа	Количество сфер проявления инициативы		
	Ни одной, %	Одна, %	Две и три, %
18—29 лет	10	18	21
30—39 лет	18	20	28
40—49 лет	16	23	21
50—59 лет	15	14	16
60+ лет	41	25	14
Итого	100	100	100

Таблица 8. *Возраст участников второй волны исследования (N = 4001)*

Возрастная группа	Количество сфер проявления инициативы		
	Ни одной, %	Одна, %	Две и три, %
18—24 лет	5	10	10
25—34 лет	12	20	23
35—44 лет	17	22	25
45—54 лет	17	16	18
55—64 лет	20	16	16
65+ лет	29	16	8
Итого	100	100	100

Анализ результатов показывает, что среди представителей пожилого возраста процент агентных людей значительно ниже и составляет около 15% от общей доли населения. Наибольшую агентность демонстрируют люди в возрасте от 30 до 39 лет по данным первой волны и от 35 до 44 лет — по данным второй (около 24% от общей доли населения в обеих волнах), далее с возрастом наблюдается сокращение доли людей, демонстрирующих агентность в двух и более сферах, и увеличение доли тех, кто не проявляет инициативу ни в одной из сфер, по данным обеих волн.

В таблице 9 представлено распределение по полу.

Таблица 9. Распределение участников исследования по количеству сфер проявления инициативы в зависимости от пола (данные первой и второй волн)

Волна	Пол	Количество сфер проявления инициативы		
		Ни одной, %	Одна, %	Две и три, %
1 волна	Мужской	42	44	48
	Женский	58	56	52
2 волна	Мужской	44	43	50
	Женский	56	57	50
Итого		200	200	200

Данные обеих волн показывают более высокий процент женщин среди агентных людей, за исключением второй волны, где среди наиболее агентных распределение практически равное (приблизительно 1: 1). Однако, по данным обеих волн, среди наименее агентных преобладают тоже женщины. Все различия статически значимые (критерий Манна — Уитни, $p < 0,001$). Тем не менее можно заключить, что наибольший уровень агентности проявляют именно женщины (около 54 % по отношению к 46 % агентного мужского населения по данным двух волн).

Далее рассмотрим, совпадает ли проявление агентности у мужчин и женщин по возрасту (см. табл. 10). Расчеты производились на данных второй волны.

Таблица 10. Распределение участников исследования по количеству сфер проявления инициативы, полу и по возрасту ($N = 4001$)

Возрастная группа	Мужчины			Женщины		
	Количество сфер проявления инициативы					
	Ни одной, %	Одна, %	Две и три, %	Ни одной, %	Одна, %	Две и три, %
18—24 лет	7	10	11	4	10	9
25—34 лет	14	24	28	10	17	17
35—44 лет	19	25	25	15	20	25
45—54 лет	18	16	16	15	16	21
55—64 лет	19	14	17	21	17	16
65+ лет	23	11	3	35	20	12
Итого	100	100	100	100	100	100

Таблица 10 показывает, что наибольший процент мужчин с наивысшим уровнем агентности сосредоточен в возрастной группе 25—34 года, тогда как женщины демонстрируют наибольшую агентность в возрасте 35—44 года. У мужчин в возрасте 35—44 года максимальная доля соответствует одной и более сферам проявления инициативы (около 25 %), их процент меньше, чем в предыдущем возрастном диапазоне в категории две и более сферы проявления инициативы (около 28 %).

Что касается уровня образования, то по данным обеих волн у мужчин и у женщин наблюдается одинаковая тенденция независимо от количества сфер, в которых они проявляют инициативу. Максимальный процент людей, проявляющих агентность, — в категориях со средним специальным и высшим образованием (около 80 % от общей доли агентного населения). В таблице 11 приводится распределение по уровню полученного образования участников первой волны исследования, поскольку участникам второй волны этот вопрос не задавался.

Таблица 11. **Распределение участников первой волны исследования по количеству сфер проявления инициативы и уровню полученного образования (N=2000)**

Образование	Количество сфер проявления инициативы		
	Ни одной, %	Одна, %	Две и три, %
Начальное или неполное среднее	3	3	1
Общее среднее	17	15	14
Среднее специальное или незаконченное высшее	50	44	42
Высшее	30	36	41
Два высших образования, магистратура, аспирантура, кандидат или доктор наук, МВА	0	2	2
Итого	100	100	100

В анкету второй волны был включен вопрос о количестве человек в семье. Результаты распределения числа детей по уровню агентности представлены в таблице 12.

Таблица 12. **Распределение участников исследования по количеству сфер проявления инициативы и количеству человек в семье (N=4001)**

Количество сфер проявления инициативы	Количество человек в семье, %				
	1	2	3	4	5 и более
Ни одной	59	50	40	36	38
Одна сфера	32	37	42	46	47
Две и три сферы	9	13	18	18	15
Итого	100	100	100	100	100

Из таблицы 12 видно, что доля агентных респондентов растет с повышением количества членов семьи. Если рассматривать людей, которые проявляют инициативу в одной сфере, то их процент увеличивается с 32 % до 47 % — от семьи, состоящей из одного человека, к семье, состоящей из пяти и более человек. При этом для категории «проявлял инициативу в двух и более сферах» тенденция повышения наблюдается от семьи из одного человека к семье из четырех человек,

далее фиксируется снижение. Можно сделать вывод, что семья может быть стимулом к проявлению агентной позиции.

Учитывая связь агентности с возрастом и полом, представляется интересным рассмотреть характеристики семей с разным количеством человек у наиболее агентных людей (см. табл. 13, 14) на основе данных второй волны исследования.

Таблица 13. Распределение наиболее агентных мужчин по возрасту и размеру семьи (N = 4001)

Возрастная группа	Количество человек в семье, %				
	1	2	3	4	5 и более
18—24 лет	21	10	9	8	13
25—34 лет	35	25	30	25	38
35—44 лет	29	16	25	34	31
45—54 лет	0	18	19	18	6
55—64 лет	6	25	17	13	6
65+ лет	9	6	0	2	6
Итого	100	100	100	100	100

Таблица 14. Распределение наиболее агентных женщин по возрасту и размеру семьи (N = 4001)

Возрастная группа	Количество человек в семье, %				
	1	2	3	4	5 и более
18—24 лет	0	6	12	11	19
25—34 лет	15	13	24	14	11
35—44 лет	7	16	23	47	39
45—54 лет	15	22	25	18	15
55—64 лет	33	21	15	4	8
65+ лет	30	22	1	6	8
Итого	100	100	100	100	100

Анализ таблиц 13—14 показывает, что наибольший процент участников (около 47 % от общей доли агентных женщин), проявляющих инициативу в более чем одной сфере, приходится на женщин в возрасте 35—44 года. Для мужчин максимальный процент проявления инициативы (около 34 % от общей доли) соответствует возрастной группе 25—34 года. Если посмотреть на категорию мужчин обозначенного возраста, то можно заметить, что доля агентных мужчин неустойчиво меняется (то увеличивается, то уменьшается) при увеличении количества человек в семье. Процент активных женщин устойчиво повышается с увеличением количества членов семьи до четырех человек, потом следует спад. Однако наблюдается следующее различие: максимальный процент агентных мужчин на-

блюдается в семьях с количеством человек от одного или более пяти (около 35 % и 38 % соответственно), тогда как максимальный процент агентных женщин (около 47 %) — в семьях по четыре человека.

Формируется следующая картина: агентные мужчины чаще одинокие или имеющие большие семьи. Максимальное количество агентных женщин — в семьях по четыре человека. Доля одиноких агентных женщин меньше, чем доля одиноких агентных мужчин.

Взаимосвязь между уровнем агентности и числом членов семьи может быть двунаправленной: не только социально-демографические характеристики влияют на агентность, но и сама агентность индивида способна влиять на семейную структуру, например через решения о размере семьи, распределении ролей или уровне вовлеченности в семейные процессы. Такой гипотезе стоит уделить внимание в дальнейших исследованиях.

Рынок труда — одна из главных сфер проявления агентности [Сорокин и др., 2025], выход на него связан прежде всего с получением дохода и обеспечением семьи. Поэтому уровень материального благополучия — ключевая социально-демографическая характеристика в контексте изучения агентности в трудовой деятельности. В таблице 15 представлены результаты ответов на вопрос «Как бы вы оценили материальное положение вашей семьи?» для первой и второй волн.

Таблица 15. Распределение участников первой и второй волн исследования по количеству сфер проявления инициативы и материальному положению семьи

Количество сфер проявления инициативы	Материальное положение, %												
	Не хватает на еду		Экономят на повседневных тратах		Сложно купить одежду		Сложно купить технику		Авто только в кредит		Авто и отпуск доступны		Затруднились с ответом, отказ
	Волна												
	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1	2	1
Ни одной	5	1	18	9	14	8	36	37	20	39	5	6	2
Одна сфера	3	1	8	5	13	7	38	29	30	48	6	10	2
Любые две	2	1	9	3	12	7	25	26	38	54	12	9	2
Все три сферы	3	0	8	4	3	1	24	19	47	58	14	18	1

Данные, представленные в таблице 15, показывают, что процент респондентов, относящихся к двум верхним категориям дохода, увеличивается с повышением уровня агентности (сравнение внутри каждой волны). Если проанализировать два нижних показателя дохода, то можно заметить, что людям, которые не проявляли инициативу ни в одной из сфер (как в первой, так и во второй волне), чаще не хватает денег на необходимые продукты питания, чем людям, которые проявляли инициативу в одной и более сфер (в соотношении около 1: 2 соответственно). Однако можно допустить и обратный эффект: повышение дохода ведет к увели-

чению уровня благополучия и улучшению психического здоровья, что положительно влияет на рост агентности (см. подробнее [Mylopoulos, Shepherd, 2020]). Интересно, что хотя во второй волне меньше агентных людей, число неагентных, относящихся к трем верхним категориям по уровню дохода, больше, чем таких же в первой волне. Возможно, это связано с тем, что первая волна реализовывалась методом личных полуформализованных интервью, а вторая волна проведена методом онлайн-опроса.

В таблице 16 представлены результаты объединения категорий, предложенных для разделения респондентов по уровню дохода:

- «бедные» — это категории, включающие ответы респондентов «Иногда не хватает денег на необходимые продукты питания» и «На еду денег хватает, но в других ежедневных расходах приходится себя ограничивать»;
- «средний доход» — это категории, включающие ответы респондентов «На ежедневные расходы хватает, но покупка одежды уже представляет трудности» и «На еду и одежду хватает, но покупка телевизора, холодильника и т. п. представляет трудности»;
- «богатые» — это категории, включающие ответы респондентов «Достаточно обеспечены материально, но для покупки автомобиля и дорогостоящего отпуска пришлось бы залезть в долги» и «Материально обеспечены, можем позволить себе дорогостоящий отпуск и покупку автомобиля».

Таблица 16. **Распределение участников исследования по количеству сфер проявления инициативы и уровню дохода**

Уровень дохода	Количество сфер проявления инициативы					
	Ни одной сферы проявления агентности (1 волна), %	Ни одной сферы проявления агентности (2 волна), %	Одна сфера проявления агентности (1 волна), %	Одна сфера проявления агентности (2 волна), %	Две и более сферы проявления агентности (1 волна), %	Две и более сферы проявления агентности (2 волна), %
Высокий	25	45	37	58	54	67
Средний	50	45	51	36	34	29
Низкий	23	10	11	6	11	4
Затруднились с ответом, отказ	2	0	1	0	1	0
Итого	100	100	100	100	100	100

Представленные результаты позволяют увидеть прямую связь между агентностью и уровнем дохода семьи: чем выше уровень агентности, тем выше уровень благосостояния. При этом для первой волны прослеживается тенденция, что к среднему классу относятся 50% участников исследования из тех, кто не проявлял инициативу или проявлял ее в одной сфере, тогда как для наиболее агентных доля людей среднего класса сокращается до 29%, при этом число богатых увеличивается до более чем 50%.

Среднедушевой доход участников исследования составил 38863 руб. при отсутствии проявления инициативы, 44863 руб. — при проявлении инициативы в одной сфере и 60268 руб. — при проявлении инициативы в двух-трех сферах. Данные показывают, что размер среднедушевого дохода связан с повышением уровня агентности.

В таблице 17 представлено распределение ответов на вопрос «Как изменилось благосостояние вашей семьи за последний год?» среди участников первой волны исследования.

Таблица 17. Распределение участников исследования по количеству сфер проявления инициативы и изменению благосостояния семьи за последний год (N = 2000)

Изменение благосостояния семьи за последний год	Количество сфер проявления инициативы		
	Ни одной, %	Одна сфера, %	Две и три сферы, %
Точно ухудшилось	12	9	9
Скорее ухудшилось	28	25	26
Осталось без изменений	49	42	35
Скорее улучшилось	10	19	24
Точно улучшилось	1	5	6
Итого	100	100	100

Анализ результатов, представленных в таблице 17, показывает, что самооценка уровня благосостояния более трети респондентов вне зависимости от уровня агентности ухудшилось или скорее ухудшилось. Однако процент агентных участников исследования, точно уверенных, что их благосостояние ухудшилось, статистически значимо ниже, чем у тех, кто не проявлял инициативу ни в одной из сфер (все различия статистически значимы, критерий Краскела — Уоллиса, $p < 0,001$). 49% респондентов, не проявляющих инициативу ни в одной из сфер, высказали мнение, что их материальное положение не изменилось, при этом среди агентных процент респондентов ниже и составляет 42% и 35% в зависимости от количества сфер, в которых была проявлена инициатива. Среди агентных выше процент уверенных, что их доходы увеличились. Другие эмпирические исследования также подтверждают, что высокая агентность коррелирует с успешностью на рынке труда и более высокими доходами [Murgia, Pulignano, 2019; Сорокин и др., 2025].

Заключение

Как видно из полученных результатов, социально-демографические характеристики, такие как пол, возраст и уровень образования, связаны с проявлением агентности. Это согласуется с положениями, выдвинутыми Э. Гидденсом, А. Бандурой, М. Арчер и другими исследователями о том, что агентность не является статичной, а изменяется в зависимости от контекста и социальных условий. Например, наибольший уровень агентности наблюдается у женщин в возрасте 35—44 лет и у мужчин в возрасте 25—34 лет.

В ходе исследования выявлено, что люди с более высоким уровнем образования проявляют большую агентность. Это открывает пространство для обсуждения того, как образовательная система и социальная инфраструктура могут поддерживать или, наоборот, ограничивать возможности развития агентности у различных групп населения. Чем более образован человек, тем больше у него шансов проявлять инициативу и активно участвовать в жизни своего сообщества [Сорокин и др., 2025], что согласуется с положениями П. Бурдьё, который подчеркивал важность социальной структуры для формирования индивидуальных действий [Bourdieu, 2017].

Также данные показали, что с увеличением уровня агентности растет размер среднедушевого дохода. Это подтверждает теоретические предположения о том, что экономические условия и индивидуальная способность к действию взаимосвязаны друг с другом [Bourdieu, 2017; Giddens, 1984]. Такой вывод согласуется с положениями социально-когнитивной теории, в рамках которой выполнен данный анализ. Согласно этой теории, активная позиция индивидов позволяет им не только преодолевать трудности, но и формировать окружение в соответствии с личными целями и амбициями.

Анализ связи агентности и количества членов семьи, с которыми проживают участники исследования, показал, что максимальное число агентных мужчин проживают либо одни, либо в семьях с количеством пять человек и более. У женщин наблюдается иная тенденция: доля женщин, проявляющих инициативу в одной или нескольких сферах, растет с увеличением числа членов семьи до четырех человек, а затем снижается.

Возможность проявления инициативы у одиноких мужчин может быть связана с их большей свободой выбора и отсутствием обязательств перед другими. Этим мужчинам легче управлять своим временем и ресурсами, что создает пространство для проактивного поведения и принятия рисков. Мужчины в больших семьях (пять и более человек) также могут проявлять высокий уровень инициативы, что, вероятно, объясняется необходимостью материального обеспечения и координировать жизнь более крупного семейного коллектива. В таких условиях их агентность проявляется в способности принимать волевые решения, оказывать влияние на других членов семьи и разрабатывать стратегии для улучшения общего благосостояния семьи — это касается и поддержки, и создания новых возможностей.

Что касается женщин, то результаты исследования могут свидетельствовать о наличии оптимального баланса между социальными связями и личной автономией. В семьях, воспитывающих до четырех детей, женщины реже испытывают ресурсное истощение и чаще чувствуют поддержку. Это создает условия для проявления инициативы, тогда как в семьях с большим числом детей высокая нагрузка может препятствовать реализации личных целей.

При этом можно подчеркнуть важность контекста: не только количество членов семьи, но и их роли и динамика взаимодействий связаны с различными уровнями агентности. Например, в более крупных семьях может существовать комплексная сеть поддержки и зависимостей, которая стимулирует или, наоборот, сдерживает проявление активных действий. Авторы статьи допускают и обратную взаимосвязь.

Анализ данных проведенного исследования подтверждает предположение, что тип населенного пункта, в котором проживают индивиды, связан с уровнем

агентности. Большинство респондентов, проявляющих инициативу в двух и более сферах, живут в крупных городах с населением свыше 1 млн человек. С точки зрения теории социального капитала, предложенной П. Бурдьё, различные типы населенных пунктов обеспечивают разные уровни доступа к ресурсам и связям [Bourdieu, 2017]. В крупных городах с их развитой инфраструктурой респонденты имеют доступ к большему разнообразию образовательных и профессиональных возможностей, что способствует формированию высокой агентности. Проживание в таких условиях позволяет людям легче наладить связи, которые служат поддержкой для их инициатив.

Интересно отметить, что крупные города Центрального федерального округа продемонстрировали самые высокие показатели инициативности, в то время как респонденты из Москвы и Санкт-Петербурга оказались менее активными по сравнению с другими городами-миллионниками, по данным первой волны исследования. Это может быть итогом не только доступности ресурсов, но и сложной социальной структуры этих мегаполисов, где, возможно, конкуренция и окружающая среда ограничивают индивидуальные проявления агентности.

Таким образом, полученные данные не только подтверждают существующие теоретические модели, но и выявляют новые аспекты агентности в условиях трансформирующегося социального контекста, открывая перспективы для дальнейших научных исследований и разработок. Это создает возможность формирования более сложных и многоуровневых моделей, учитывающих динамику изменений традиционных источников агентности и их влияния на качество жизни индивидов.

Исследование социально-демографических характеристик агентности может стать фундаментом для дальнейших теоретических и прикладных работ в социологии, психологии, образовании. Перспективы развития темы включают анализ качественных аспектов агентности, изучение роли культуры и институциональных условий, а также оценку воздействия государственной политики и национальных проектов на уровень агентности различных социальных групп.

Список литературы (References)

1. Антипина О. Н., Хомутов А. А. Как удовлетворенность жизнью зависит от типа населенного пункта? // Вопросы теоретической экономики. 2024. Т. 23. № 2. С. 103—115. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_2_103_115.
Antipina O. N., Khomutov A. A. (2024) How Does Life Satisfaction Depend on the Type of Settlement? *Questions of Theoretical Economics*. Vol. 23. No. 2. P. 103—115. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_2_103_115. (In Russ.)
2. Баландина Л. Я. Гендерные особенности индивидуальности детей из многодетных и однодетных семей // Пол и gender в интегральном исследовании индивидуальности человека. Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2008. С. 57—74.
Balandina L. Ya. (2008) Gender-Specific Personality Traits of Children from Large and Single-Parent Families. In: *Gender in the Integral Study of Human Individuality*. Perm: Perm State Humanitarian and Pedagogical University. P. 57—74. (In Russ.)

3. Гасинец М. В., Капуза А. В., Добрякова М. С. Агентность учителей в формировании учебного успеха школьников: роли и убеждения // Вопросы образования. 2022. № 1. С. 75—97. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-1-75-97>.
Gasinets M. V., Kapuza A. V., Dobryakova M. S. (2022) Teachers' Agency in Shaping the Educational Success of Schoolchildren: Roles and Beliefs. *Educational Studies Moscow*. No. 1. P. 75—97. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-1-75-97>. (In Russ.)
4. Думитрашку Т. А. Влияние внутрисемейных факторов на формирование индивидуальности // Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 135—142.
Dumitrashku T. A. (1991) The Influence of Intra-Family Factors on the Formation of Personality. *Questions of Psychology*. No. 1. P. 135—142. (In Russ.)
5. Заславская Т. И. Структура российского общества через призму трансформационного процесса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 4. С. 7—13.
Zaslavskaya T. I. (2002) The Structure of Russian Society Through the Prism of the Transformation Process. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 7—13. (In Russ.)
6. Коршунов И. А., Ширкова Н. Н., Сорокин П. С. Запрос работодателей на самостоятельность сотрудников: анализ открытых вакансий // Социологические исследования. 2024. № 1. С. 85—96. <https://doi.org/10.31857/S0132162524010085>.
Korshunov I. A., Shirkova N. N., Sorokin P. S. (2024) Employers' Request for Employee Independence: Analysis of Vacancies on Recruiting Sites. *Sociological Studies*. No. 1. P. 85—96. <https://doi.org/10.31857/S0132162524010085>. (In Russ.)
7. Кузьминов Я. И., Сорокин П. С., Фрумин И. Д. Общие и специальные навыки как компоненты человеческого капитала: новые вызовы для теории и практики образования // Форсайт. 2019. Т. 13. № 2. С. 19—41.
Kuzminov Ya. I., Sorokin P. S., Froumin I. D. (2019) Generic and Specific Skills as Components of Human Capital: New Challenges for Education Theory and Practice. *Foresight and STI Governance*. Vol. 13. No. 2. P. 19—41. <https://doi.org/10.31857/S0132162524010085>. (In Russ.)
8. Морозова Е. В. Обучение студентов российских вузов предпринимательству как способ формирования агентности // Вопросы образования. 2024. № 1. С. 185—213. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17333>.
Morozova E. V. (2024) Entrepreneurial Education of Russian Universities' Students as a Way to Form Agency. *Educational Studies Moscow*. No. 1. P. 185—213. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17333>. (In Russ.)
9. Панов А. М. Гендерный анализ российского рынка труда // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 3. С. 235—247.
Panov A. M. (2014) Gender Analysis of the Russian Labor Market. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. No. 3. P. 235—247. (In Russ.)

10. Рожкова Л. В., Тугускина Г. Н., Супиков В. Н., Сеидов Ш. Г. Образование как фактор жизненного и профессионального успеха россиян // Социодинамика. 2021. № 10. С. 9—26. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.10.36629>.
Rozhkova L. V., Tuguskina G. N., Supikov V. N., Seidov S. G. (2021) Education as a Factor of Life and Professional Success of Russians. *Sociodynamics*. Vol. 10. P. 9—26. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.10.36629>. (In Russ.)
11. Садкова И. В. Особенности трудоустройства людей предпенсионного возраста // Human Progress. 2019. Т. 5. № 2. С. 1—9. <https://doi.org/10.34709/IM.152.3>.
Sadkova I. V. (2019) Features of Employment of People of Pre-Retirement Age. *Human Progress*. Vol. 5. No. 2. P. 1—9. <https://doi.org/10.34709/IM.152.3>. (In Russ.)
12. Сорокин П. С., Афанасьева И. А. Человеческая агентность как фактор успеха корпораций // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 4. С. 202—224. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2927>.
Sorokin P. S., Afanaseva I. A. (2025) Human Agency as a Factor in Corporate Success. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 202—224. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2927>. (In Russ.)
13. Сорокин П. С., Афанасьева И. А., Вятская Ю. А., Ковалёва А. Агентность студентов и выпускников вузов в сфере труда и занятости: связь с образовательным опытом и благополучием // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 7. С. 133—152. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-7-133-152>.
Sorokin P. S., Afanaseva I. A., Vyatskaya Yu. A., Kovalyova A. (2025) Agency of Students and Graduates of Russian Universities in the Sphere of Labor and Employment: Educational Experience and Well-Being. *Higher Education in Russia*. Vol. 34. No. 7. P. 133—152. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-7-133-152>. (In Russ.)
14. Сорокин П. С., Зыкова А. В. «Трансформирующая агентность» как предмет исследований и разработок в XXI веке: обзор и интерпретация международного опыта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 216—241. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1858>.
Sorokin P. S., Zyкова A. V. (2021) «Transformative Agency» as a Subject of Research and Development in the 21st Century: A Review and Interpretation of International Experience. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 216—241. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.1858>. (In Russ.)
15. Сорокин П. С. Проблема «агентности» через призму новой реальности: состояние и направления развития // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 103—114. <https://doi.org/10.31857/S013216250022927-2>.
Sorokin P. S. (2023) The Problem of “Agency” Through the Prism of a New Reality: Conditions and Perspectives. *Sociological Studies*. No. 3. P. 103—114. <https://doi.org/10.31857/S013216250022927-2>.

16. Штылева Л. Фактор пола в образовании: гендерный подход и анализ. М.: Per Se, 2008.
Shtyleva L. (2008) *The Gender Factor in Education: A Gender Approach and Analysis*. Moscow: Per Se. (In Russ.)
17. Эфендиев А. Г., Балабанова Е. С., Сорокин П. С. Карьера сотрудников российских бизнес-организаций как социальное явление: опыт эмпирического исследования // Мир России. Социология. Этнология. 2011. Т. 20. № 4. С. 140—169.
Efendiev A. G., Balabanova E. S., Sorokin P. S. (2011) *Careers at Russian Business Organizations as a Social Phenomenon: Experience from Empirical Research*. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. Vol. 20. No. 4. P. 140—169.
18. Archer M. (2003) *Structure, Agency and the Internal Conversation*. Cambridge: Cambridge University Press.
19. Ahearn L. M. (1999) Agency. *Journal of Linguistic Anthropology*. Vol. 9. No. 1/2. P. 12—15.
20. Bandura A. (2006) Toward a Psychology of Human Agency. *Perspectives on Psychological Science*. Vol. 1. No. 2. P. 164—180. <https://doi.org/10.1111/j.1745-6916.2006.00011.x>.
21. Bourdieu P. (2017) Habitus. In: Bourdieu P. *Habitus: A Sense of Place*. London: Routledge. P. 59—66.
22. Eteläpelto A., Vähäsantanen K., Hökkä P., Paloniemi S. (2013) What is Agency? Conceptualizing Professional Agency at Work. *Educational Research Review*. Vol. 10. P. 45—65. <https://doi.org/10.1016/j.edurev.2013.05.001>.
23. Fenwick T. (2006) Escaping/Becoming Subjects: Learning to Work the Boundaries in Boundaryless Work. In: S. Billett, T. Fenwick, M. Somerville (eds.) *Work, Subjectivity and Learning. Understanding Learning Through Working Life*. Dordrecht: Springer. P. 21—36.
24. Giddens A. (1984) *The constitution of society*. Berkeley: University of California Press.
25. Himani Srihita R., Goli G., Gobinath M. R., Gobinath R. (2025) Transformative Dynamics of the Gig Economy: Technological Impacts, Worker Well-being and Global Research Trends. *International Journal of Engineering Business Management*. Vol. 17. P. 1—27. <https://doi.org/10.1177/18479790241310362>.
26. Hirschi A., Nagy N., Baumeler F., Johnston C. S., Spurk D. (2017) Assessing Key Predictors of Career Success: Development and Validation of the Career Resources Questionnaire. *Journal of Career Assessment*. Vol. 26. No. 2. P. 338—358. <https://doi.org/10.1177/1069072717695584>.
27. Hitlin S., Elder G. H. (2007) Time, Self and the Curiously Abstract Concept of Agency. *Sociological Theory*. Vol. 25. No. 2. P. 170—191. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2007.00303.x>

28. Lautamo T., Paltamaa J., Moilanen J., Malinen K. (2021) Psychometric Properties of the Assessment Tool for Perceived Agency (ATPA-22) — Utility for the Rehabilitation of Young Adults Not in Education, Employment or Training (NEETs). *Scandinavian Journal of Occupational Therapy*. Vol. 28. No. 2. P. 97—109. <https://doi.org/10.1080/11038128.2020.1782983>
29. Mill J. S. (1998) *On Liberty and Other Essays*. Oxford: Oxford University Press.
30. Mylopoulos M., Shepherd J. (2020) The Experience of Agency. In: U. Kriegel (eds.) *The Oxford Handbook of the Philosophy of Consciousness*. Oxford: Oxford University Press. P. 164—187.
31. Murgia A., Pulignano, V. (2019) Neither Precarious nor Entrepreneur: The Subjective Experience of Hybrid Self-Employed Workers. *Economic and Industrial Democracy*. Vol. 42. No. 4. P. 1351—1377. <https://doi.org/10.1177/0143831X19873966>.
32. Murnane R. J., Levy F. (1996) *Teaching the New Basic Skills. Principles for Educating Children to Thrive in a Changing Economy*. New York, NY: Free Press.
33. Paloniemi S., Collin K. (2012) Discursive Power and Creativity in Inter-Professional Work. *Vocations and Learning*. Vol. 5. No. 1. P. 23—40. <https://doi.org/10.1007/s12186-011-9064-7>.
34. Reeve J. (2013) How Students Create Motivationally Supportive Learning Environments for Themselves: the Concept of Agentic Engagement. *Journal of Educational Psychology*. Vol. 105. No. 3. P. 579—595. <https://doi.org/10.1037/a0032690>.
35. Smith K., Ulvik M. (2017) Leaving Teaching: Lack of Resilience or Sign of Agency? *Teachers and Teaching*. Vol. 23. No. 8. P. 928—945. <https://doi.org/10.1080/13540602.2017.1358706>.
36. Sutterlüty F., Tisdall E. K. M. (2019) Agency, Autonomy and Self-Determination: Questioning Key Concepts of Childhood Studies. *Global Studies of Childhood*. Vol. 9. No. 3. P. 183—187. <https://doi.org/10.1177/2043610619860992>.
37. Van den Groenendaal S. M. E., Akkermans J., Fleisher C., Dorien T. A. M., Rob F. P., Freese Ch. (2022) A Qualitative Exploration of Solo Selfemployed Workers' Career Sustainability. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 134. P. 1—16. <https://doi.org/10.1016/j.jvb.2022.103692>.
38. Weber M. (1968) *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*. New York, NY: Bedminster Press.

DOI: [10.14515/monitoring.2026.1.3071](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3071)

А. Ю. Антоновский, Н. Н. Погожина

**ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФУНКЦИИ НАУКИ:
ОТ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ УСЛОВИЙ
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ
ДО СИСТЕМЫ КОММУНИКАЦИИ**

Правильная ссылка на статью:

Антоновский А. Ю., Погожина Н. Н. Исследование общественной функции науки: от внутренних и внешних условий институционального существования до системы коммуникации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 1. С. 208—230. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3071>.

For citation:

Antonovsky A. Y., Pogozhina N. N. (2026) The Research Into the Social Function of Science: From Internal and External Conditions of Institutional Existence to the Communication System. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 208–230. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3071>. (In Russ.)

Получено: 27.07.2025. Принято к публикации: 09.12.2025.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ФУНКЦИИ НАУКИ: ОТ ВНУТРЕННИХ И ВНЕШНИХ УСЛОВИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ДО СИСТЕМЫ КОММУНИКАЦИИ

АНТОНОВСКИЙ Александр Юрьевич — доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и философии истории философского факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
E-MAIL: antonovski@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4209-8213>

ПОГОЖИНА Наталья Николаевна — младший научный сотрудник философского факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия
E-MAIL: pogozhinann@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5529-817X>

Аннотация. В статье обосновываются сложность и комплексность понятия науки в поздней современности (late modernity), которые приводят к необходимости расширения горизонтов исследования науки — ориентации не только на предметное и временное, но и социальное измерение научной коммуникации. Авторы реконструируют основные этапы социального исследования науки и научного знания, которые способствовали оформлению ключевой проблематики и методологического аппарата системно-коммуникативной теории в приложении к анализу подсистемы науки: для первичной постановки проблемы условий существования научной коммуникации в виде специфического характера научных утверждений, ориентированных на истину и одновременно с этим ограниченных темпоральным горизонтом, авторы привлекают идеи Макса Вебера; дальнейшее развитие принцип свободы от оценочных суждений получает в концепции «этоса науки» у Роберта Мертона в рамках развития слабой про-

THE RESEARCH INTO THE SOCIAL FUNCTION OF SCIENCE: FROM INTERNAL AND EXTERNAL CONDITIONS OF INSTITUTIONAL EXISTENCE TO THE COMMUNICATION SYSTEM

Alexander Yu. ANTONOVSKY¹ — Dr. Sci (Philos.), Professor, Department of Social Philosophy and Philosophy of History, Faculty of Philosophy
E-MAIL: antonovski@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4209-8213>

Natalya N. POGOZHINA¹ — Junior Research Fellow
E-MAIL: pogozhinann@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5529-817X>

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The article highlights the complexity and comprehensiveness of the concept of science in late modernity, emphasizing the need to broaden the scope of scientific research — not only in terms of subject matter and temporal aspects but also in terms of the social dimension of scientific communication. The authors trace the key stages of social research on science and scientific knowledge, which contributed to the development of core issues and methodological frameworks within system and communication theory as applied to the analysis of the science subsystem. For the initial framing of the problem of scientific communication — particularly the conditions under which scientific statements operate, oriented toward truth yet constrained by temporal horizons — the authors draw upon Max Weber's ideas. The principle of value neutrality is further explored in Robert Merton's concept of the ethos of science within the weak program of the sociology of knowledge. The critique proposed by the strong program (David Bloor) is also discussed. Next, the authors ex-

граммы социологии знания; приводится критика, предложенная сильной программой (Дэвид Блур). Далее анализируются взгляды Никласа Лумана на подсистему науки и феномен истины как значения уникального коммуникативного кода науки. Архитектура системно-коммуникативной теории, ее методологические ресурсы, по мысли авторов, позволяют масштабировать рассмотрение науки как части системы общественной коммуникации, а значит, сравнить науку и другие общественные системы (политику, хозяйство), находя не только различие, но и общее в том, как организована коммуникативная практика. В заключении авторы обращаются к вопросу об эволюционном характере механизмов инклюзии в научную коммуникацию в современности на примере трансформации публикационной активности.

Ключевые слова: системно-коммуникативная теория, социология науки и научного знания, теория социальных систем, наука, истина, знание, коммуникация

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-18-00440 «Анализ социальной каузальности и инвариантов общественного развития как метод преодоления фрагментации социально-философского познания».

Введение

Подходы к исследованию условий выработки научного знания и его специфики, структуры и реализации научной деятельности, взаимодействия науки и других социальных институтов в обществе предлагают многие дисциплины. Отдельные аспекты изучают науковедение, социология, психология, история и экономика науки, теория научной коммуникации. Философия науки, в свою очередь, ориентирована на попытку фиксации наиболее общей перспективы в анализе научного познания как *социокультурного феномена* [Стёпин, 2006: 8]. Таким образом, каждая из представленных областей знания реализует собственную функцию в исследовании науки, согласно тем методологическим рамкам и исследовательскому горизонту, которые заданы дисциплиной. Для психологии науки, к примеру, свой-

amine Niklas Luhmann's perspective on the science subsystem and the concept of truth as the defining communicative code of science. According to the authors, the structure of the system and communication theory and its methodological tools enable a scalable analysis of science as part of the broader system of social communication. This approach allows for comparisons between science and other social systems (e.g., politics, economics), revealing not only differences but also similarities in the organization of communicative practices. In conclusion, the authors explore the evolutionary nature of inclusion mechanisms in scientific communication, illustrating this through the transformation of publication practices.

Keywords: system and communication theory, sociology of science and scientific knowledge, theory of social systems, science, truth, knowledge, communication

Acknowledgments. The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation, project № 24-18-00440 "Analysis of social causality and invariants of social development as a method of overcoming the fragmentation of socio-philosophical cognition".

ственен интерес к личностным аспектам, тем психологическим механизмам, которые связаны с функционированием научного знания и научной коммуникации. История науки ретроспективно обращается к различным периодам становления и развития научного знания. Социология науки в качестве отраслевой дисциплины исследует широкий пул проблем взаимодействия науки (системы и института) и общества. Науковедение как междисциплинарная область сочетает в себе подходы, связанные с калькуляцией результатов научной деятельности (наукометрические исследования) и оптимизацией сферы управления наукой, и изучает, по определению Э. М. Мирского, «функционирование и развитие науки, структуру и динамику научного знания и научной деятельности, взаимодействие науки с другими социальными институтами и сферами материальной и духовной жизни общества» [Философский словарь..., 1991: 355].

Наука представляет собой специфический взгляд на мир, отличающийся от иных способов его понимания и познания. Однако мир осваивают и пытаются по-своему понять разные социальные системы — религия, искусство, социальные движения, литература, массмедиа. Философия признает и эти формы наблюдения мира и понимает науку как один из возможных способов его описания. Но при всей специфичности научного мироописания никто, кроме нее, не способен осуществить *объективное, истинностное, методологически выверенное, проверяемое, рефлексивное и рациональное* познание мира.

Многообразие дисциплинарных оптик, с одной стороны, позволяет детально исследовать отдельные аспекты научной деятельности, но с другой — порождает вопрос о возможности выработки целостного, синтетического понятия науки, которое связало бы воедино ее эпистемологическую специфику (ориентацию на истину) и социальное бытие (функционирование в качестве общественного института). Как возможно получить такое понятие, не редуцируя науку либо к ее внутренней, эпистемологической составляющей, либо к внешним социальным условиям? Данный исследовательский вопрос определяет цель настоящей статьи: проследить эволюцию подходов к осмыслению общественной функции науки и обосновать эвристический потенциал системно-коммуникативной теории в решении этой задачи.

Чтобы ответить на этот вопрос, мы прослеживаем, как менялось понимание общественной функции науки в ключевых теоретических подходах XX века. Отталкиваясь от классической проблемы демаркации, мы показываем, почему многообразие научных практик требует выхода за рамки сугубо эпистемологического анализа. Рассмотрение концепций М. Вебера, Р. Мертона и «сильной программы» Д. Блура позволяет увидеть, как постепенно вызревала потребность в теоретическом языке, способном одновременно удерживать и когнитивную специфику науки, и ее социальную природу. Таким языком, на наш взгляд, располагает системно-коммуникативная теория Н. Лумана. Возможности этого подхода мы конкретизируем в соответствующих разделах статьи.

К попытке определить понятие «наука»

Чем наука отличается от других способов наблюдения мира, от других форм деятельности и коммуникации? Чем рациональное научное познание отличается от вненаучных типов освоения и описания мира и общества? В философии на-

уки эта проблема известна как проблема демаркации (разграничения) научного и ненаучного познания мира.

В связи с тем, что философское осмысление науки ставит вопросы о сущности научного познания и научного знания, требуется дальнейшее обращение к исследованию научной истины и условий ее достижения. Приходится определяться с понятиями проверки или верификации получаемого знания, его достоверности и процедуры обоснования. Условия получения научной истины характеризуют обобщающим термином — *понятием рационального познания*. Претензия на объективность в рамках научного исследования вполне понятна, но вместе с этим нужно учитывать, что глобальная оценка роли науки не ограничивается определением ее функционала и не может быть осуществлена вне матрицы общественных отношений, исходя исключительно из положений, формирующихся «внутри» науки, взгляда на то, какое именно знание наука может выработать. Более того, само знание (не только научное) также имеет довольно долгую историю рассмотрения с позиции включения в социокультурный контекст (в качестве детерминированного, обусловленного или не вычленяемого из него) [Мамчур, 1987]. Попытка определить внешнюю общественную функцию науки может быть ориентирована на рассмотрение ценностной стороны пользы науки в обществе и трактоваться с позиции определения общественного блага науки [Касавин, 2021]. Мы же ориентируемся на рассмотрение науки как системы общественной коммуникации, что влечет за собой три горизонта исследования — предметное, временное, социальное, в которых интерпретация соотношения пользы и риска, а соответственно позитивной и негативной оценки, могут не совпадать [Антоновский, Бараш, 2023: 214].

Ключевым аспектом внешней научной коммуникации выступает социальное позиционирование науки — *образ науки в обществе* — совокупности представлений о науке, о том, как институциональная структура науки и научное знание воспринимаются внешними акторами, как интерпретируются смысловые ориентиры науки, ее задачи [Огурцов, 1972]. Следовательно, образ науки в обществе как часть общественной функции науки возможно проанализировать, обратившись к исследованию общественного мнения, применяя при этом социологический инструментарий. Представление о науке у общественности складывается под влиянием двух основных факторов: во-первых, это оценка эффективности науки, актуальности научных разработок и текущего состояния отдельных отраслей¹; во-вторых, это бытующие в обществе образы ученых и исследователей, включая стереотипы об их внешнем виде, личностных качествах, возрасте, поле, а также субъективное восприятие престижа профессии и осведомленность о конкретных современных отечественных ученых².

Наука, обладая особой мировоззренческой позицией, уникальной оптикой, использующейся при описании мира, отдельным арсеналом методов, коммуникативной спецификой, одновременно с этим является частью общественной системы. Мы ставим следующий вопрос: как возможно получить полное и внутрен-

¹ См. подробнее: Российская наука сегодня // ВЦИОМ. 2025. 5 февраля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiiskaja-nauka-segodnja> (дата обращения: 01.06.2025).

² См. подробнее: Образ ученого и инженера: мониторинг // ВЦИОМ. 2024. 7 июня. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-uchenogo-i-inzhenera-monitoring> (дата обращения: 01.06.2025).

не непротиворечивое понятие науки, которое бы свело в единство все остальные перспективы и аспекты понимания науки — социологическое, психологическое, историческое, науковедческое?

Очевидно, что научная деятельность и коммуникация крайне разнообразны. Мы можем отнести сюда сам тип научного мышления, совокупность теоретических исследований, рутинизированные эмпирические процедуры повторяющихся экспериментов, сбор данных, словом, всю лабораторную работу, изложение и демонстрацию полученных результатов в виде текстов, а следовательно, и рецензирование научных публикаций, экспертную оценку проектов, взаимодействие исследователей внутри коллективов и работу научных институций и др. Многообразие научных практик усугубляется сложностью исследовательского поля, требующего дифференциации и иерархизации конкретных дисциплин. Дисциплины кардинально различаются по степени зрелости, строгости используемых понятий, формализованности языка, четкости формулировок и типу фиксируемых научных законов, что существенно затрудняет поиск *обобщающего, синтетического* определения науки. Тем не менее, на наш взгляд, науку можно рассматривать как единый, динамически развивающийся феномен, требующий соответствующего охватывающего определения.

Заметим, запрос на формулирование предельно общего и полного синтетического понятия науки не возникает каждый раз при необходимости обратиться к демаркации научного знания. Практикующие исследователи, ученые, занимающиеся историей и социологией науки, рутинно разграничивают научное и ненаучное знание. Сегодня эта демаркация реализуется, с одной стороны, через формализованный механизм отклонения рукописей научных статей редколлегиями и экспертами научных журналов. С другой стороны, фактическая демаркация осуществляется экспертными коллективами (ВАК, РАН), контролирующими научно-квалификационные работы и научные тематики государственного задания, проекты которых предлагаются научными организациями. Причем ни в том, ни в другом случае эксперты не руководствуются эксплицитно формулируемым понятием научности, а ориентируются на *внутридисциплинарные* критерии актуальности, новизны, фронтальности конкретных научных публикаций и исследовательских тематик.

И все же поиск синтетического определения науки — это вопрос саморефлексии и самоидентификации научного сообщества. Попыток такого рефлексивного самоопределения науки было немало. Одно из решений проблемы *демаркации* научного знания было предложено в логическом позитивизме Венского кружка. В качестве критерия научного познания признавалась осмысленность предложений языка науки в противовес иным — религиозным, метафизическим выражениям, не допускающим их эмпирическую проверку или верификацию. Критический реализм Карла Поппера усматривал подобный критерий научности в способности науки фальсифицировать собственные утверждения, ведь только опровержение, а не подтверждение является логически безупречным способом получения научной истины.

Обратимся к определению науки, сформулированному В. С. Стёпиным: «Наука — особый вид познавательной деятельности, нацеленный на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире. Социальный

институт, обеспечивающий функционирование научной познавательной деятельности. Как вид познания наука взаимодействует с другими его видами: обыденным, художественным, религиозно-мифологическим, философским. Возникая из потребностей практики и особым способом регулируя ее, наука ставит своей целью выявить сущностные связи (законы), в соответствии с которыми объекты могут преобразовываться в человеческой деятельности. Поскольку в деятельности могут преобразовываться любые объекты — фрагменты природы, социальные подсистемы и общество в целом, состояния человеческого сознания и т. п., — постольку все они могут стать предметами научного исследования» [Энциклопедия эпистемологии..., 2009: 560—561].

Значимо, что это определение включает в себя взгляд на науку как на систему знаний о мире, ориентированную на получение объективного знания, и одновременно с этим — как на общественный институт. Однако в связи с этим можно помыслить следующие вопросы, требующие уточнения, но не отраженные в дефиниции: только ли производство знания является наукой? Будет ли наукой обмен научной информацией и знанием, например, в ходе конференций или в рамках экспертной оценки текста, ведь производство, обмен и восприятие знания отличны друг от друга? Где локализовано производство знания — понимаем ли мы под этим, научную дискуссию, лабораторную рутину, сознание отдельного ученого? Будет ли считаться подходящим под определение науки процесс ее популяризации и диалог с гражданской публикой, то есть выход за пределы профессионального сообщества? Будет ли считаться частью науки институт критики науки? Будет ли являться частью науки то ложное знание, которое в процессе производится научными институтами и учеными? Говоря более общими словами: *как мы можем развести науку и ее каузально значимые (организационные, экзистенциальные, коммуникативные) условия? Если последние находятся вне науки, то не лишаем ли мы науку ее системной самодостаточности?*

Указанное ранее рассмотрение науки как социального института, специфической деятельности, дифференцированной и самостоятельно оформленной системы, требует следующего шага — подбора и использования методологических средств более общей социальной теории (общей теории коммуникации, систем, деятельности и др.), что поможет «вписать» науку в систему общественных отношений, сохранив ее особенности.

Такие попытки — *дать функциональное описание науки как социального института, прояснить уникальную общественную задачу в рамках фундаментальной социальной теории* — осуществлялись неоднократно. Для нашего исследования ключевыми являются те теоретические направления, которые последовательно углубляли понимание автономии науки и ее отношения к обществу. С этой точки зрения можно указать на интерпретацию науки в рамках понимающей социологии Макса Вебера; социально-функционалистское понимание науки Робертом Мертоном; истолкование и критику науки в Критической теории Франкфуртской школы; социально-эпистемологический подход, или сильную программу, в социологии науки и, наконец, системно-коммуникативную теорию науки Никласа Лумана. Мы фокусируемся именно на этих подходах, поскольку, на наш взгляд, они в наибольшей степени повлияли на формирование понятийного аппарата современ-

ной философии и социологии науки и позволяют проследить эволюцию взглядов от анализа внешних условий (М. Вебер, Р. Мертон) к эпистемологической критике (сильная программа) и, в итоге, к системно-коммуникативному синтезу (Н. Луман).

«Свобода от оценки, отнесение к ценностям»: условия и принципы научного познания (Макс Вебер)

Макс Вебер одним из первых поставил вопрос о научном познании как специфически-рациональном взгляде на мир, отличном от других типов его наблюдения — художественного, религиозного, политико-идеологического. Этот процесс описывает Ю. Н. Давыдов, ссылаясь на интерпретацию веберовского подхода Вольфгангом Шлюхтером: «...исчерпала себя религиозная картина мира, и для Запада возникла необходимость в создании новой — уже нерелигиозной, не „постулирующей“ бога — картины мира. Отныне ее предстояло создать науке, сыгравшей в процессе разложения религиозной „картины мира“ ту же роль, какую религия сыграла в деле разложения синкретически нерасчлененного комплекса магических представлений. По мере того как при решающем участии религии создается целиком разволшебствованный, обезбоженный мир, где для религиозности в традиционном смысле не остается уже больше места, кальвинизм и близкие к нему религиозные ориентации все больше и больше заменяет в их расколдовывающей и овеществляющей функции — именно наука, которая, как оказывается, обладает как бы собственным потенциалом разволшебствования» [Гайденко, Давыдов, 1991: 258—259].

Безусловно, в концентрированной форме эта проблема нашла отражение в статье-манифесте «Наука как призвание и профессия». М. Вебер концептуализирует внешние социальные условия науки как профессиональной деятельности и как социального института, обозначает тенденцию профессионализации науки в связи с утверждением североамериканского стандарта оформления системы научной деятельности как капиталистического государственного предприятия. Эта аналогия используется для того, чтобы подробнее описать рутинизированную профессиональную деятельность ученого как работника такого предприятия, причем целью здесь выступает (так же, как и в случае работника) ценность буржуазного успеха. Ученый сталкивается с «отчуждением от средств производства», то есть с зависимостью от материально-технической базы, предоставляемой государством, и с административной иерархией капиталистического толка. Важно отметить следующее соображение: *внешней мотивацией* исследователя в таком случае становится карьерная перспектива и материальное вознаграждение, а не поиск научной истины. Очевидно, что в такой расстановке приоритетов нет места «следованию призванию». И все-таки стоит оговориться, что немецкое слово *Berufung*, используемое М. Вебером, означает и призвание, и профессию, поскольку в немецком словоупотреблении эти слова не различимы, что передает характер протестантской трактовки профессиональной этики — карьерный успех есть следствие призвания работника.

Отслеживая историю развития науки, М. Вебер отмечает, что современная наука проходит новый этап становления, отличный от науки Нового времени, в том числе в смысловом контексте, ведь традиционная мотивация (постижение научной

истины) вторична по отношению к карьерной траектории. Также современная наука обособляется от других мировоззренческих форм. Если раньше ученый представлялся «универсальным» мудрецом, постигающим истину, прекрасное, добродетельное и божественное, и это формировало его миссию, то в современности такая мотивация не может быть нормой на уровне социальной институции науки, а может быть только индивидуальным исключением. Однако наука не потеряла интерес и страсть, они обращены теперь к частным проблемам и отдельным областям, и это связано с еще одним серьезным отличием современной науки — специализацией. М. Вебер пишет: «В настоящее время отношение к научному производству как профессии обусловлено прежде всего тем, что наука вступила в такую стадию специализации, какой не знали прежде, и что это положение сохранится и впредь. Не только внешне, но и внутренне дело обстоит таким образом, что отдельный индивид может создать в области науки что-либо завершённое только при условии строжайшей специализации. <...>. Только благодаря строгой специализации человеку, работающему в науке, может быть, один-единственный раз в жизни дано ощутить во всей полноте, что вот ему удалось нечто такое, что останется надолго. Действительно, завершённая и дельная работа — в настоящее время всегда специальная работа» [Вебер, 1990: 707—708].

Этика протестантизма выражается в страсти к предпринимательской деятельности, но и исследовательская программа в науке так же может быть реализована с деятельностной страстью. Другими словами, наука и коммерческая деятельность в современности близки по природе мотиваций к труду: «Коммерсанту или крупному промышленнику без „коммерческой фантазии“, то есть без выдумки — гениальной выдумки, — лучше было бы оставаться приказчиком или техническим чиновником; он никогда не создаст организационных нововведений. Вдохновение отнюдь не играет в науке, как это представляет себе ученое чванство, большей роли, чем в практической жизни, где действует современный предприниматель» [там же: 710].

М. Вебер отмечает еще один важный аспект оформления современного научного знания — высокий темп изменений и постоянную ориентацию на новое в будущем. Сколь наука становится близка с хозяйствованием и предпринимательством, столь же отдаляется от возможности постулирования ценностных положений. Прежнее устремление науки «открывать» вечно значимые истины в современности не выдерживает гонки за новизной открытия: «Но процесс расколдовывания, происходящий в западной культуре в течение тысячелетий, и вообще „прогресс“, в котором принимает участие и наука — в качестве звена и движущей силы, — имеют ли они смысл, выходящий за пределы чисто практической и технической сферы? <...> Для культурного человека — „нет“. И именно потому „нет“, что жизнь отдельного человека, жизнь цивилизованная, включенная в бесконечный „прогресс“, по ее собственному внутреннему смыслу не может иметь конца, завершения. Ибо тот, кто включен в движение прогресса, всегда оказывается перед лицом дальнейшего прогресса» [там же: 714]. Развитие науки в современности не допускает паузы и ориентировано на постановку новых проблем, а следовательно, в этом динамическом процессе не остается места для вечных ценностных утверждений, таких, которые требуются, например, для объяснения

смысла мира: «Кто сегодня, кроме некоторых „взрослых“ детей, которых можно встретить как раз среди естествоиспытателей, еще верит в то, что знание астрономии, биологии, физики или химии может — хоть в малейшей степени — объяснить нам смысл мира или хотя бы указать, на каком пути можно напасть на след этого „смысла“, если он существует? Если наука что и может сделать, так это скорее убить веру в то, будто вообще существует нечто такое, как „смысл“ мира! И уж тем более нелепо рассматривать ее, эту особенно чуждую Богу силу, как путь „к Богу“» [там же: 717—718].

Рассуждения М. Вебера, представленные в выборочных цитатах из «Науки как призвания и профессии», демонстрируют, что он где-то явно, где-то латентно, но формулирует ключевую смысловую проблему современной науки — проблему мотивации к научной деятельности с учетом положения современной науки и утраты наукой «мировоззренческих иллюзий», претензии на выделенное место и даже «гносеологического оптимизма» в вопросе познания природных объектов (смысла человеческой жизни, устройства мира) в их полноте. Что может предложить в этом случае наука как сфера деятельности и профессионального влечения? И более того — какие собственные суждения смысла может предложить гуманитарное знание с учетом того, что работа по исследованию различных культурных явлений (социальных, литературных, исторических, художественных) также не предполагает субъективного ответа на вопрос об их ценности и значимости (принцип свободы от оценки)?

И здесь важно обозначить ключевую мысль для нашего дальнейшего анализа, подчиненного идее встроить научное познание (и мотивацию к научной коммуникации) в схему более общей социальной теории: с одной стороны, суждения науки не отвечают на вопросы других мировоззренческих и ценностных позиций и сфер общественной жизни (религии, политической практики, искусства, морали), но, с другой стороны, эти формы осознания мира не должны претендовать на научную истину и вмешиваться в селекцию научных суждений. Таким образом, наука мыслится как обособившаяся социальная система, у которой собственный механизм по отбору суждений в рамках научного исследования — выявление истинных суждений (фактов науки) и отвержения валютивных (ценностных суждений художественного, религиозного, идеологического и иного характера).

Слабая и сильная программы в социологии знания

Вопрос истинности (объективности, доказательности и обоснованности) научных утверждений становится обобщающим признаком и демаркационным критерием науки. Но чтобы у науки как особого выделенного сообщества появилась возможность концентрироваться на этой задаче, требовалось отмежеваться от «внешних ценностей», способных вторгаться и манипулятивно исказить объективный характер научных суждений.

Для этого науке требовалось более четко сформулировать свои собственные установки и ценности, которые позволили бы осуществить демаркацию науки и ненауки в (настоящей и «фальшивой» науки) в системном и институциональном смысле. Эти нормативные установки были кодифицированы Робертом Мертоном и получили название «*научный этос*» (то есть образец, ценностный эталон

профессионального поведения). «Этос науки» конкретизировал и уточнял веберовский принцип «свободы от ценностных (идеологических, политических, художественных, религиозных) суждений». Положения, предложенные Р. Мертоном, носили подчеркнуто гуманистический характер, что было особенно важно в историческом контексте [Мотрошилова, 2010: 50—51], ведь особую актуальность этот вопрос приобрел в 1930—1940-х годах в Германии, где некоторые немецкие ученые и философы состояли на службе у нацистского режима, а ученые-евреи, напротив, изгонялись из науки и философии.

В 1937 г. Р. Мертон прочитал доклад «Наука и социальный порядок» (годом позже он будет опубликован в виде статьи), в котором вслед за М. Вебером обратился к ценностной проблематике научной истины и тем угрозам, с которыми сталкивается наука при ее системной автономии. Далее в работе «Наука и демократическая социальная структура»³ Р. Мертон сформулировал означенные ценностные принципы науки, призванные защитить науку от внешней экспансии со стороны других социальных систем и сообществ [Мертон, 2006: 776—782]. Однако демаркация подлинно научной деятельности теперь проводилась шире и радикальнее, чем у М. Вебера. «Чистая наука» отмежевывалась не только от ценностей, мотивов, установок и стандартов сопредельных ценностных систем (искусства, религии) и политических идеологий, но также и от повреждающих воздействий индивидуальных пристрастий, влияния экономических (монетарных) мотиваций и даже от воздействия внутренних иерархий (научных статусов, должностей и авторитетов). Эти ценности концептуализировались в понятиях *коммунизма, универсализма, бескорыстия и организованного скептицизма*.

Ценность *коммунизма (communism)* отражает то, что научные знания производятся коллективно, а значит, должны быть доступны всем исследователям без исключения. Ценность *универсализма (universalism)* требует от ученого при вынесении и оценке научных суждений не принимать во внимание личные и социальные качества ученых: этническую, национальную, религиозную принадлежность, социальный статус, индивидуальные особенности характера. Ничто из перечисленного не должно влиять на критику, оценку истинности и достоверности исследований. *Бескорыстие, незаинтересованность (disinterestedness)* указывают на то, что ученого не должен мотивировать экономический интерес. Вспомним, что М. Вебер фиксировал тенденцию превращения научной работы в некую разновидность труда на капиталистическом производстве. Напротив, Р. Мертон полагает увлеченность предметом исследования, альтруизм и любопытство подлинными мотивами научной работы. В свою очередь, *организованный скептицизм (organized skepticism)* подчеркивает роль критической установки, требующей учета всего многообразия фактов, констатация которых только и обеспечивает вынесение окончательного решения об истине научного суждения. Как в методах, так и в институциональной защите исследований требовалось гарантировать, что окончательное суждение будет вынесено только тогда, когда будут доступны все необходимые факты.

Мертоновские принципы научного этоса опирались на общую идею демаркации, различения внутринаучных факторов, определяющих характер исследования

³ Статья называлась «Наука и технология при демократическом устройстве общества», а позже была включена в качестве отдельной главы в книгу «Социальная теория и социальная структура».

и автономную логику развития научного знания, и внешних (внеаучных) факторов, безусловно, детерминирующих науку, но не являющихся «рациональными» с точки зрения самих ученых. *Внешние* (прежде всего экономические и политические) факторы требовали научной разработки тех или иных социально значимых научных тематик, интерес к которым проявляли сопредельные социальные системы — политика и хозяйство. От ученых требовали открытия и получения новых видов энергии, новых лекарств, материалов с заданными свойствами, новых продуктов питания, и не в последнюю очередь — новых вооружений. Однако обращение к этим исследовательским задачам напрямую не вытекает из автономной логики развития науки. Отсюда проистекает различие между «внутренней историей науки» и ее «внешней историей», которое получило распространение в послевоенной философии науки (И. Лакатос, Л. Лаудан и др.). Соответственно, критерии научной рациональности (наблюдаемости, проверяемости, обоснованности, опытный характер, использование проверенных методов, универсальная воспроизводимость результатов, доказательность, экономичность) применяются к эпизодам внутренней истории науки, а внешнюю историю науки должны объяснять социологи науки. Ведь внутренняя история науки может быть понята и «рационально реконструирована» на основании указанных выше критериев, так как они являются основанием (причинными объяснениями) для отбора учеными лучших из возможных научных теорий, причинами их убежденности в истинности своих суждений. Напротив, ошибки, заблуждения и в целом ложный характер научных высказываний получали отдельное, внеаучное объяснение. Их причины усматривались во внешних политических или экономических воздействиях на науку⁴.

Общим местом философии науки было представление, что наука следует «внутренней логике развития», не требующей каузального, причинного анализа убеждений и суждений ученых. Ведь их полагания определяются как бы самим предметом исследований, структура которого и заставляет ученого высказываться о предмете именно так (истинным образом), а не иначе. У истинности суждений и соответствующих убеждений ученых в этом смысле отсутствуют *внешние*, социальные причины. Наука (как множество истинных суждений) такова, какова она есть, независимо от социальных воздействий. Это соображение объединяло философов науки, использовавших дихотомию *экстернализма/интернализма* как ассиметричное различие, где *только* ложные суждения получали каузальное, внешнее, социально определяемое объяснение, а истинные утверждения получали статус самообъяснимых.

Эта ассиметричность в дихотомии *экстернализма/интернализма* оказалась под огнем критики ряда ученых Эдинбургского университета. Дэвид Блур, Стивен Шейпин и Барри Барнс сформулировали *сильную программу* объяснения истории науки, противопоставив ее *слабой программе*, имея в виду прежде всего концепцию Р. Мертона. В основе сильной программы лежит директивный принцип: интерпретатор науки старается раскрыть причины убеждений ученых, привлекая

⁴ Например, «лысенковщина» как кампания, направленная на развитие антидарвиновских подходов в биологии, которая носила политико-идеологический характер и, соответственно, была формой внешнесоциального давления на систему науки. Подобные примеры демонстрируют ограничение перечисленных ранее внутринаучных стандартов рациональности.

одни и те же типы причин для объяснения как рациональных (истинных, успешных) убеждений, так и иррациональных (ложных, неудачных) полаганий. Например, в рамках данной программы теория термодинамики полагалась причинным следствием «влияния практического развития технологий использования водных потоков». Но можно привести менее сложные и более тривиальные примеры. Так, истинные результаты математических действий, допустим деления, есть отражения распределения произведенных общественных продуктов; результаты действия вычитания есть следствие их потребления, а результаты сложения — следствие их аккумуляции и хранения; результат умножения, в свою очередь, проистекает из процедуры выращивания сельскохозяйственных культур как умножение посаженных семян. В целом способности ученых проводить классификации природных объектов, давать родовые и видовые определения полагались следствием социальных классификаций людей и сообществ (концепция Э. Дюркгейма).

Как бы в противовес четырем принципам слабой программы Дэвид Блур формулирует четыре принципа сильной программы — принципы *каузальности, беспристрастности, симметричности, рефлексивности* [Блур, 2002: 166]:

1. Социология знания должна быть *каузальной*, то есть выявлять причины тех или иных состояний сознания ученых, их научные представления и убеждения. При этом следует различать социальные и отличные от социальных типы причин, которые, в свою очередь, обуславливают убеждения ученых.

2. Социология знания *беспристрастна* в решении вопроса *истинности/ложности, рационального/иррационального*, научных достижений и фиаско. Каждая сторона означенных дистинкций объясняется каузално — через выявление соответствующих причин.

3. Форма объяснения должна быть *симметричной*. Типы причин, объясняющих формирование как истинных, так и ложных убеждений ученых, должны быть идентичными.

4. Социология знания имеет *рефлексивный* характер. Это означает, что и к убеждениям социологов науки следует применять каузальные типы объяснения их ложности или истинности.

Цель сильной программы — каузальный анализ, объясняющий развитие как «внутренней», так и «внешней» истории науки. Представители сильной программы (Д. Блур, Б. Барнс, С. Шейпин) считают, что причины всякого убеждения и соответствующих высказываний следует искать во влияниях со стороны тех или иных социальных структур (как это демонстрировалось нами ранее на примере теории термодинамики). Критики же указывают на то, что среди причин формирования убеждений ученых главную роль играет не социальное давление, а сама структурность познаваемого объекта. Научная реконструкция учеными структуры природных объектов в том виде, как они существуют, в основной массе случаев перевешивает социальное давление на ученого, даже если оно имеет место. Ссылка на социальное давление в какой-то мере объясняет выбор в пользу той или иной теории в рамках конкурирующих парадигм в специфических обстоятельствах. Однако факт создания самой теории лучше объясняется ссылкой на структуру «вида природы» (атома, гена, химического вещества и т. д.), чем на внешненаучный социальный прессинг. Так, Ларри Лаудан, как один из последовательных оппонентов

сильной программы, указывает на то, что успех научных теорий должен объясняться исключительно их эмпирической адекватностью, а не социальными фактами, имеющими внешнее отношение к теории [Laudan, 1984]. Аналогичная позиция, отстаивающая приоритет «внутритеоретических», методологических факторов перед социальными, свойственна представителям постпозитивистского направления философии науки, стремившегося сохранить автономию научной рациональности от социологического редукционизма.

Оформление системно-коммуникативного взгляда на науку: социология Никласа Лумана

Социальная эпистемология (в обеих версиях — слабой и сильной программы) выявила ряд ограничений классической эпистемологической традиции. Оба направления акцентируют исследовательское внимание на проблеме генезиса и предпосылок формирования научного знания.

Однако если классическая эпистемология трактовала знание узко, сводя его к стандартной дефиниции *истинного и обоснованного убеждения*, и рассматривала в качестве его источника когнитивные характеристики субъекта познания — чувственный опыт, сенсорные возможности, работу с информацией, способности к логическим выводам, — то социальная эпистемология в вариациях слабой и сильной программ расширенно интерпретирует источники знания, исследует процессы трансляции знания в социуме, выявляет социальные условия принятия знания обществом и связи знания и коллективных действий, а также параметры распространения знания как внутри профессионального научного сообщества, так и за его пределами.

Указанные выше позиции социальной эпистемологии в современности получили свое теоретическое развитие в системно-коммуникативной теории философии науки на базе социологического подхода Никласа Лумана. Системно-коммуникативная теория (далее СКТ) претендует на преодоление фрагментарности теории познания и философии науки, поскольку рассматривает науку как часть общественной коммуникации с позиции общей социальной теории, опирающейся на потенциал сравнения науки с другими общественными подсистемами (политической, экономической, системой религиозных убеждений и практик, искусства и др.) [Луман, 2016]. Подобное сравнение производилось ранее — выше мы описывали эти идеи у М. Вебера и Р. Мертон, однако исключительно в апофатическом ключе (чем наука не является, какими свойствами не обладает, что отличает научное знание и коммуникацию от ненаучных). Цель исследования науки в СКТ как раз наоборот предполагает выделение универсальных характеристик научной коммуникации, которые объединяют систему науки с остальными типами коммуникации в социуме.

Методологическая «оптика» СКТ дает возможность рассматривать любую систему коммуникации как набор специфических операций, составляющих своеобразность подсистемы. На примере экономики такими оперативными связками будут сделки и платежи, в политике — совокупность обязательных решений, направленных на группы и коллективы людей. Важно отметить, что успешная коммуникация — скорее *невероятное событие* (например, высока вероятность отка-

за от научной гипотезы или нарушения коллективной директивы в политической сфере). Этот факт продуцирует необходимость системной компенсации отклоненных запросов на коммуникацию, которая реализуется посредством бинарного кода (истина — ложь, власть — безвластие и т. д.). Как это работает?

Единичные системные операции соотносятся в единую структуру неслучайным образом, они подсоединяются друг к другу, их взаимосвязь упорядочена селекцией, суть которой состоит в механизме отбора позитивно значимых актов, решений, действий в рамках заданной бинарной оппозиции. Так, властные решения (*власть как бинарный код в политической подсистеме общественной коммуникации*) будут подвергаться селекции с позиции значимого для государства, того, что укрепляет и масштабирует политическую власть, вместо того, что может приводить к утрате политического влияния. В системе хозяйства коммуникация выстраивается согласно бинарному коду *денег*, таким образом, операции системы проводятся на базе различения платежеспособности и неплатежеспособности, их цель — максимизация прибыли, что соответствует нацеленности политической коммуникации на масштабирование и максимизацию власти. Система отклоняет все, что противоречит этой цели.

Как указывалось выше, системная теория позволяет рассматривать и научную коммуникацию, вписывая в обширный контекст коммуникации в обществе. В случае научной коммуникации бинарным кодом будет *«истина — ложь»*, то есть цель научной коммуникации — интегрировать суждения в рамках функционирования системы науки с позиции ориентации на научную истину.

Специфика научного знания в системе общественной коммуникации.

Постановка вопроса об истине

Научное знание — итог процесса обсуждения, но по своей сущности совершенно не похоже на внешний мир, обсуждение которого происходит и который представляется «отраженным» в восприятии сознания. Эта инаковость выражена в самой материальной форме коммуникации (звучах в устной коммуникации, текстах в письменной). Выходит, мы можем регистрировать две перспективы наблюдения (то есть *производства*) знания — с позиции рецепции сознанием и с позиции осуществления коммуникативного процесса (обсуждения). Выходя за границы системы психики (ментальных актов, обладающих определенной последовательностью) и системы коммуникации (коммуникативных актов, обладающих последовательностью сообщений), знание получает самостоятельную идентичность, собственную объективность.

Мы обозначили, как научная (и любая другая) коммуникация связана с сознаниями (психическими системами), переживающими внешний по отношению к ним мир. Однако подсистема научной коммуникации связана и с другими подсистемами, то есть возможно провести аналогии в архитектонике подсистем коммуникации, которые обособлялись наряду с наукой в ходе нарастания эволюционной сложности общества. Особенного внимания, на наш взгляд, заслуживает сравнение научной и политической систем коммуникации, поскольку они в отношении друг друга образуют противоположные позиции. Так, политическая коммуникация представляет собой связку *действий с действиями*. Символический инстру-

мент политической коммуникации — *власть* — скрепляет последовательность действий акторов друг с другом, и это объясняет долговременность цепочки событий в отношении социально обязательной и коллективно исполняемой цели, которая требует больших затрат и предстает скорее невероятной для наблюдателя (например, сложные постройки, требующие огромных коллективных усилий, — пирамиды, храмовые комплексы, ирригационные системы и т. д.). Символическим инструментом (медиа) научной коммуникации, как отмечалось ранее, выступает *истина*. Смыслы же научных (познавательных) достижений состоят в *сцеплении переживаний с переживаниями, восприятий с восприятиями*, поскольку именно такая связка позволяет удостовериться в воспроизведенных опытах, экспериментах, как итог — научных утверждениях, в их взаимной доказательности.

В СКТ истина выступает в качестве инструмента, использующегося для бинарного кодирования *невероятных* предложений смысла (истина, наряду с ложью, одна из сторон этого кода). Невероятными предложения смысла являются, поскольку обладают серьезной сложностью для восприятия или, например, могут не укладываться в существующие научные представления, общепринятые парадигмы (как положения квантовой механики или гелиоцентрическая модель Николая Коперника). Под кодированием понимается форма операций, распределяющих предложения по смыслу и значению на два противоположных конца кода «истина — ложь», что обеспечивает дальнейшие связи и самовоспроизводимость системы коммуникации. Этот структурный механизм свойственен любой коммуникативной системе, не только научной. Проясим, что суждения языка, конечно, могут быть истинными и ложными — допустим, суждение о дожде («идет дождь»), которое часто используется для демонстрации простого высказывания в логике, может получить свое подтверждение истинности, если погода действительно дождлива. Однако истина как системно воспроизводимый код, ориентированный на постоянное осуществление коммуникативного отбора, а значит, продолжения коммуникации, появляется вместе с дифференциацией собственной подсистемы научной коммуникации. И этот особенный системно-коммуникативный смысл истины возможен потому, что устойчиво воспроизводится пул требований, которые предъявляются к научному знанию и коммуникации в науке, причем эти требования, как и продолжение коммуникации, о котором мы писали ранее, также носят в каком-то смысле невероятный характер в связи с невероятностью силы побудительной причины к рутинному научному поиску — постоянно повторяющейся экспериментальной работе, зачастую с отрицательным результатом, работе с огромным количеством сложных текстов, к поиску информации.

Истина выступает в роли индекса научного знания, то есть легитимирует и упорядочивает запросы с предложением коммуникации по итогам какого-либо научного исследования. Функция признания знания, закрепленная за истиной, связана с тем, что истинная оценка *нового знания* рассматривается социально положительно, а следовательно, требует демаркации такого знания. Другие варианты знания (например, уже известное, художественное, религиозное, ненаучное) не требуют распределения по негативным и позитивным значениям. Так, художественное знание может оцениваться по многомерной шкале (оригинальность, выразительность, красота), а не в соответствии с дихотомией «истина — ложь»;

религиозное знание опирается на веру и авторитет традиции, где ключевое различие — «сакральное — профанное» или «правоверие — ересь» и т. д. Таким образом, эти варианты познания не требуют обязательной сортировки по позитивному и негативному полюсам «истины — лжи», поскольку функционируют, опираясь на иные системы различения.

Асимметричный характер различения истины и лжи восходит к античной оппозиции: с одной стороны, требованию истинного (несокрытого) знания как спасения от забвения (*aletheia*), с другой — социального запрета на ложь (*pseudos*) [Хайдеггер, 1991, 2009]. Дэвид Блур и Барри Барнс проблематизируют указанную оппозицию. Ранее в соответствующем параграфе мы обозначали пункты сильной программы социологии знания. В третьем пункте говорится о *симметричной форме объяснения*, то есть фактически предлагается преодоление разделения сторон истины и лжи и демонстрируется, что истинность так же конструируема, как и ложь. Однако СКТ обосновывает, что приведенная выше асимметрия все же имеет под собой основания, поскольку указывает на ключевое различие, не позволяющее полностью приравнять истину и ложь. Этим различием выступают действия (*сообщения*) и переживания (*восприятия, воображения, желания, убеждения*) [Антоновский, Погожина, 2023]. На действия налагается императивный запрет (не лги), тогда как переживания составляют суть требования к когнитивному запрету на забвение. Таким образом, ложность *социально обусловлена* не только в трюистическом смысле в силу разности социального интереса, наличия предрассудков, специфики языка, но и концептуально — потому что именно *ложь соразмерна сообщению* (действию). Истина, в свою очередь, находит свое выражение в сообщении, однако воспринимается сугубо сознанием. Эти данные восприятия в усеченной форме в дальнейшем фиксируются в коммуникативном сообщении, что позволяет говорить о том, что истинность не определена характеристиками действий (то есть сообщений), а значит, и различными фабрикациями и манипуляциями.

Как функционирует истина в системно-коммуникативной теории?

Теперь подробнее остановимся на том, как именно функционирует истина в системе научной коммуникации. Мы указывали выше, что истина представляет собой *бинарный код операций и программу распределения значений кода*. Эти формулировки могут выглядеть достаточно абстрактно, поэтому Никлас Луман проясняет функциональное значение истины для системы коммуникации в науке (или в других системах коммуникации — денег, власти и т. д.), используя концепцию посредника (медиа) восприятия, сформулированную Фрицем Хайдером [Heider, 2005]. Проводится аналогия между посреднической (медиальной) ролью воздуха и света для осуществления чувственного восприятия, использования зрительных и слуховых возможностей и инструментальной, посреднической ролью медиумов коммуникативных систем, в частности истины. Если продолжать эту аналогию, то истина, как и воздух, и свет, «невидимы» наблюдателю, но выступают в качестве инструмента для наблюдения доступных форм недоступного медиа. «Наложенные на самих себя формы» медиа делают их частично наблюдаемыми (например, свет как цветовой спектр, доступный восприятию, воздух как ветер). Подобный абстрактный образ для истины будет означать, что как медиа в системе научной

коммуникации истина фиксирует то или иное знание, но сама по себе (как воздух и свет) не регистрируется (ускользает) прямым наблюдением. Например, ученый, занятый практической рутинной деятельностью, вряд ли будет регулярно проблематизировать само понятие научной истины и ее роль в системе коммуникации.

Во всех социальных системах медиумы коммуникации выполняют функции символизации и генерализации. Для подсистемы науки эти функции выполняет истина, присоединяя структурные элементы системы и обобщая вариации инклюзии в коммуникативную подсистему, поскольку знание, удостоверенное в своей общезначимости и истинности «собирает» вокруг себя научные коллективы. Однако медиум коммуникации (и истина не исключение) выполняет также обратную функцию обособления системы, регулятором которой он выступает. Выходит, что медиуму истины присуща, как и медиумам других систем, двоякая функция — с одной стороны, «сбирания» достоверного знания и интеграции научной системы коммуникации в общественную коммуникацию посредством использования научного знания обществом (символическую функцию (*sym-bol*)), а с другой — обособления («диаволическую» функцию (*dia-bol*)), которое неминуемо возникает в связи с возрастанием количества ложных суждений и объемов неизвестного и, как следствие, ограниченности и недостаточности наблюдателя в сравнении с высококомплексным наблюдаемым системным единством.

Из вышесказанного очевидно, что в СКТ Н. Луман отвергает так называемую корреспондентскую теорию истины, утверждающую прямую корреляцию суждений и внешнего мира. Внешний мир не является достаточным гарантом истинности суждений, поскольку требуется поиск оснований истинности вне подсистемы коммуникации (в каких-то случаях это может казаться адекватным, а в каких-то — совершенно неочевидным и слишком сильным допущением, например применительно к математическим суждениям). Также корреспондентская теория не подходит для прояснения системной роли ложных суждений и их количественного превосходства «на пути» к истинному знанию.

Мы писали ранее о схожести посреднической природы истины с другими медиа (власти, денег, любви, веры, права и т. д.). Нужно отметить, что истина так же *невероятна* и по своему генезису, как они. Истина способна *инфляционировать* и *дефляционировать*, то есть приобретать или утрачивать в своем значении с точки зрения наблюдателей истины из других систем. Она столь же абстрактна, как и другие медиа, и поэтому вынуждена опираться на телесно-материальные механизмы удостоверения своей значимости, то есть способна образовывать некие *симбиотические* механизмы, использовать телесные свойства организма (прежде всего его способности восприятия) для контроля процесса распределения истинностных значений в случае сомнений в истине. Невероятность генезиса медиума истины выражена прежде всего в том, что тот, кто предлагает новые истины, все-таки не рассматривается как лжец или фальсификатор, хотя он и подрывает прошлое, а значит, надежное и удостоверенное знание, сомневается в фундаментальных основаниях научного консенсуса.

Общность научной системы с другими подсистемами общественной коммуникации также отражена в том, что все коммуникативные системы сталкиваются с рассогласованностью между *функцией отбора* лучшего из возможных предло-

жений смысла, интеграцией данной системы и отклонением всего, что к системе не относится (экономических, политических, религиозных запросов на контакт), с одной стороны, и функцией социальных медиа по установлению социального консенсуса — с другой. Дилемма «консенсус — конфликт» в науке расцепляется с дилеммой «истина — ложь», что принуждает отказываться от деятельностного понимания истины. Отклонение ложного предложения теперь не должно рассматриваться как «произвольно-целевой» акт, как свободное действие; такое утверждение истины и отклонение прежней ложной позиции отныне стилизовано под «вынужденное» решение на основе объективности и интересубъективности восприятия, с которым вынуждены согласиться оппоненты. Как следствие, эти расцепления обеих дилемм («истина — ложь» и «консенсус — конфликт») умножают вариации: конфликт (или полемика) может организовываться и вокруг ложности, и вокруг истинности, и ни то ни другое не гарантирует согласия.

Стоит обратить внимание на критику системно-коммуникативного подхода Н. Лумана, последовательно развиваемую Ю. Хабермасом и касающуюся как самой методологии СКТ, так и понимания научной коммуникации. В методологическом плане можно выделить два противоречия. Во-первых, несмотря на апелляцию к эмпирической реальности, теория избегает прямой фальсификации, трактуя причинность не как объективную закономерность, а как «атрибуцию причин» конкретному наблюдателю. Следовательно, противоречащие факты не опровергают теорию, а лишь указывают на частную позицию наблюдателя. Во-вторых, это проявляется в концепции конечности систем: система существует, лишь пока длится ее аутопоэзис, а прекращение коммуникации означает ее «смерть», что делает границы системы абсолютными и неподверженными внешнему отрицанию [Habermas, Luhmann, 1971]. Ю. Хабермас упрекал СКТ в технократизме и антигуманизме. По его мнению, СКТ лишь фиксирует наличное состояние социальных протоколов, не оставляя пространства для их критики, нравственного диалога [Habermas, 1973]. В противовес сам Ю. Хабермас рассматривает науку как часть публичной сферы, где знание неотделимо от ценностных оснований (технического, практического и эмансипаторного интересов) [Habermas, 1970]. Его концепция коммуникативного действия подчеркивает необходимость рационального диалога между наукой, политикой и обществом, преодолевая сведение научной коммуникации лишь к профессиональному информационному обмену. Таким образом, фокус смещается на внешнюю научную коммуникацию — взаимодействие науки с другими социальными системами и формирование ее образа в общественном сознании. Для целей нашего исследования — выработки синтетического понятия науки, которое позволило бы вписать ее в систему общественных отношений, сохранив при этом представление о ее специфике, — методологический аппарат СКТ представляется более эвристичным, чем подход Ю. Хабермаса. Если теория коммуникативного действия предлагает нормативную модель того, как *должен* строиться диалог между наукой и обществом, то СКТ позволяет описать, как этот диалог *фактически функционирует*, фиксируя механизмы перевода внешних запросов на внутренний код системы науки. Именно операционализация понятий «бинарный код», «медиум коммуникации» и «наблюдение второго порядка» дает нам инструментарий для анализа реальных процессов трансформации научной коммуникации.

«Наблюдая наблюдения» в системе научной коммуникации

Ранее мы ставили вопрос об определении науки с позиции более общей социальной теории. В СКТ обобщенное (родовое) понятие науки можно обозначить следующим образом: наука — это коммуникативная система общества, которая представляет собой внутренне закрытую последовательность сообщений (действий), ранжированных сообразно смыслу и значению в рамках бинарного кода «истина — ложь». Безусловно, научная коммуникация состоит из сообщений (то есть действий), но смысл сообщений определяется *переживанием* (восприятием) внешнего мира (реальности). И это важное замечание, поскольку наука, согласно общим структурным параметрам коммуникативных систем, закрыта, но восприятие ею внешней внесистемной реальности позволяет демонстрировать свойства *открытой системы*.

Известно, что в СКТ различаются уровни наблюдения. Раскроем подробнее перспективы наблюдения для системы научной коммуникации. Наблюдение первого порядка будет производить первичный наблюдатель — практикующий ученый, который не проводит различие между собственным знанием фактов о мире и миром, то есть происходит совпадение наблюдательных оптик знания ученого и познаваемого им мира, что приводит к фиксации истинного знания как коррелята мира. Наблюдение второго порядка вносит коррективы. Так, базирываясь на этой позиции, можно заключить, что мир (все то, что фиксируется «на самом деле») не равен знанию о нем. Допустим, в знании о мире фигурируют такие переменные, которые не соотносятся с миром, а также не все знание является *истинным*. Выходит, что наблюдение можно означить как минимум тремя формами умозаключений, в которых добавляется наблюдательная перспектива: 1) «нечто есть»; 2) «я знаю, что нечто есть»; 3) «я знаю, что истинно, что нечто есть».

В науке указанное наблюдение второго порядка реализуется не единожды. Можно привести как минимум два таких случая. Во-первых, разные исследовательские группы, ученые наблюдают одно и то же, но также наблюдают наблюдения друг друга, чтобы удостовериться научные результаты. Во-вторых, отделяется особая подсистема, которая наблюдает науку, рефлексивирует над оценкой научных теорий и коммуникаций как таковых (например, такое место наблюдателя занимают эпистемология, теория познания, социология и история науки, философия науки).

Науку можно наблюдать и внешне-системно, то есть силами других систем общественной коммуникации (с позиции политики, экономики, церкви, массмедиа), но это наблюдение ограничено системной сложностью науки, высокой степенью уникальной профессиональной компетенции, необходимой для интерпретации научного результата и оценки коммуникативной специфики науки, поэтому в науке возникают «внутренние институты» для оценки научной теории.

Заключение

Проведенный в статье анализ позволяет сделать ряд выводов относительно эволюции взглядов на общественную функцию науки и обосновать эвристический потенциал системно-коммуникативного подхода для решения задачи выработки синтетического понятия науки.

Реконструкция ключевых этапов социального исследования науки показывает последовательное углубление представлений об автономии научного познания и его связи с обществом. М. Вебер заложил основы понимания науки как профессиональной деятельности, обособленной от ценностных суждений, но при этом встроенной в капиталистическую организацию труда. Р. Мертон развил эту линию, кодифицировав институциональные нормы научного этоса, призванные защитить науку от внешних (политических, экономических) вторжений. «Сильная программа» Д. Блура и его коллег подвергла критике асимметричность классической эпистемологии, потребовав единого каузального объяснения как истинных, так и ложных убеждений, однако столкнулась с риском социологического редукционизма.

Преодоление ограничений как интернализма, так и экстернализма становится возможным в рамках системно-коммуникативной теории Н. Лумана. СКТ позволяет рассматривать науку как аутопойетическую коммуникативную систему, функционирующую на основе бинарного кода «истина — ложь». Это понимание снимает дилемму «внутреннего — внешнего»: внешние социальные воздействия не определяют содержание научных утверждений напрямую, но могут быть «переработаны» системой только при условии их перевода на язык ее собственного кода. Тем самым сохраняется представление о когнитивной автономии науки, которая при этом не мыслится изолированно, а сравнивается с другими подсистемами общества (политикой, экономикой, религией) по единым структурным параметрам.

Эвристическая сила предложенного подхода может быть проиллюстрирована на примере трансформации публикационной активности в современной науке. СКТ интерпретирует научную публикацию как ключевой механизм инклюзии и продолжения коммуникации. Публикация выполняет функцию «предъявления» знания, его селекции и упрощения, превращая сложные исследовательские процессы в форму, способную породить новые коммуникативные связи (цитирование, дискуссию, критику). Наблюдаемый в настоящее время переизбыток научных публикаций, значительная часть которых остается невостребованной, не является дисфункцией, а может быть понята как эволюционная особенность самореференциальных систем, которые производят информацию не только для внешнего потребления, но и для поддержания собственной сложности и готовности к селекции [Stichweh, 2022; Антоновский, Бараш, 2023: 331—347].

Таким образом, системно-коммуникативный подход демонстрирует свою теоретическую силу при обсуждении процессов, разворачивающихся в современной науке, и обладает достаточным универсализмом, позволяющим встроить научную коммуникацию в систему общества, сохранив при этом представление о ее уникальной функции — производстве истины. Предложенная оптика открывает перспективы для дальнейших сравнительных исследований науки с политикой, экономикой и другими подсистемами, отвечая на исследовательский вопрос о возможности получения внутренне непротиворечивого понятия науки как части общественной коммуникации.

Список литературы (References)

1. Антоновский А. Ю., Бараш Р. Э. Введение в системно-коммуникативную философию науки. М.: «Логос»/«Гнозис», 2023.
Antonovsky A. Yu., Barash R. E. (2023) Introduction to System-Communicative Philosophy of Science. Moscow: Logos/Gnosis. (In Russ.)
2. Антоновский А. Ю., Погожина Н. Н. Системно-коммуникативная теория: структура, аномалии, применение // Человек. 2023. Т. 34. № 5 С. 7—28. <https://doi.org/10.31857/S023620070028498-4>.
Antonovskiy A., Pogozhina N. (2023) The System-Communicative Theory: Structure, Anomalies, Application. *The Human Being*. Vol. 34. No. 5. P. 7—28. <https://doi.org/10.31857/S023620070028498-4>. (In Russ.)
3. Блур Д. Сильная программа в социологии знания // Логос. 2002. № 5—6. С. 162—185.
Blur D. (2002) The Strong Programme in the Sociology of Knowledge. *Logos*. No. 5—6. P. 162—185. (In Russ.)
4. Вебер М. Наука как призвание и профессия // Избранные произведения / пер. с нем., сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова, предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990.
Weber M. (1990) Science as a Vocation. In: Davydov Yu. N., Gaidenko P. P. (eds.) *Selected Works*. Moscow: Progress. (In Russ.)
5. Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность: социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991.
Gaidenko P. P., Davydov Yu. N. (1991) History and Rationality. The Sociology of M. Weber and the Weberian Renaissance. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
6. Касавин И. Т. Наука как общественное благо // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 217—227.
Kasavin I. T. (2021) Science: A Public Good and a Humanistic Project. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya — Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. No. 60. P. 217—227. (In Russ.)
7. Луман Н. Истина, знание, наука как система. М.: Логос, 2016.
Luhman N. (2016) Truth, Knowledge, Science as a System. Moscow: Logos. (In Russ.)
8. Мамчур Е. А. Проблемы социокультурной детерминации научного знания: к дискуссиям в современной постпозитивистской философии науки. М.: Наука, 1987.
Mamchur E. A. (1987) Problems of Socio-Cultural Determination of Scientific Knowledge: Towards Discussions in Modern Post-positivist Philosophy of Science. Moscow: Nauka. (In Russ.)
9. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура / пер. с англ. Е. Н. Егоровой и др.; науч. ред. З. В. Коганова. М.: АСТ, 2006.

- Merton R. K. (2006) *Social Theory and Social Structure*. Moscow: AST. (In Russ.)
10. Мотрошилова Н. В. Создание Р. Мертоном классических парадигм социологии науки: взгляд из XXI века // *Социология науки и технологий*. 2010. Т. 1. № 4. С. 45—83.
Motroshilova N. V. (2010) Robert Merton's Formulation of Classical Paradigms in Sociology of Science: Looking Back from the 21st Century. *Sociology of Science and Technology*. Vol. 1. No. 4. P. 45—83. (In Russ.)
 11. Огурцов А. П. Образы науки в буржуазном общественном сознании // *Философия в современном мире. Философия и наука* / под ред. Л. Н. Митрохина. М.: ИФ РАН, 1972.
Ogurtsov A. P. (1972) Images of Science in Bourgeois Public Consciousness. In: Mitrokhin L. N. (ed.) *Philosophy in the Modern World. Philosophy and Science*. Moscow: IPh RAS. (In Russ.)
 12. Стёпин В. С. *Философия науки. Общие проблемы*. М.: Гардарики, 2006.
Stepin V. S. (2006) *Philosophy of Science: General Issues*. Moscow: Gardariki. (In Russ.)
 13. *Философский словарь* / под ред. И. Т. Фролова. М.: Политиздат, 1991.
Frolov I. T. (ed.) (1991) *Philosophical Dictionary*. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
 14. Хайдеггер М. О сущности истины / пер. с нем. З. Н. Зайцевой // Хайдеггер М. *Разговор на проселочной дороге*. М.: Высшая школа, 1991. С. 8—27.
Heidegger M. (1991) On the Essence of Truth. In: Heidegger M. *Country Path Conversations*. Moscow: Higher School. P. 8—27. (In Russ.)
 15. Хайдеггер М. Парменид. СПб.: Владимир Даль, 2009.
Heidegger M. (2009) *Parmenides*. Sant Petersburg: Vladimir Dal. (In Russ.)
 16. *Энциклопедия эпистемологии и философии науки* / сост. и общ. ред. И. Т. Касавина. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009.
Kasavin I. T. (ed.) (2009) *Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science*. Moscow: Canon+ ROOI Rehabilitation. (In Russ.)
 17. Habermas J. (1973) *Erkenntnis und Interesse. Mit einem neuen Nachwort*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
 18. Habermas J. (1970) *Technology and Science as Ideology*. Boston: Beacon Press.
 19. Habermas J., Luhmann N. (1971) *Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie: Was leistet der Systemforschung*, Frankfurt: Suhrkamp Verlag.
 20. Heider F. (2005) *Ding und Medium*. Berlin: Kulturverlag Kadmos.
 21. Laudan L. (1984) The Pseudo-Science of Science? In: J. R. Brown (ed.) *Scientific Rationality: The Sociological Turn*. Dordrecht: Springer Netherlands. P. 41—73.
 22. Stichweh R. (2022) Hierarchies and Universal Inclusion in Scientific Communities. In: Forsberg E., Geschwind L., Levander S., Wermke W. (eds.) *Peer Review in an Era of Evaluation*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 37—52. https://doi.org/10.1007/978-3-030-75263-7_2.

DOI: [10.14515/monitoring.2026.1.3085](https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3085)

Ю. М. Кузнецова, А. А. Максименко, М. А. Станкевич, И. В. Смирнов

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА О КОРРУПЦИИ
В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ В «ВКОНТАКТЕ»**

Правильная ссылка на статью:

Кузнецова Ю. М., Максименко А. А., Станкевич М. А., Смирнов И. В. Психолингвистический анализ непрофессионального дискурса о коррупции в социальной сети в «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 1. С. 231—250. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3085>.

For citation:

Kuznetsova Y. M., Maksimenko A. A., Stankevich M. A., Smirnov I. V. (2026) Psycholinguistic Analysis of Non-Professional Discourse on Corruption in the Social Network VKontakte. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 231–250. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3085>. (In Russ.)

Получено: 11.08.2025. Принято к публикации: 06.11.2025.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА О КОРРУПЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ В «ВКОНТАКТЕ»

КУЗНЕЦОВА Юлия Михайловна — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук (ФИЦ ИУ РАН), Москва, Россия

E-MAIL: kuzjum@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9380-4478>

МАКСИМЕНКО Александр Александрович — доктор социологических наук, кандидат психологических наук, доцент, главный научный сотрудник проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-MAIL: Maximenko.AI@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>

СТАНКЕВИЧ Максим Алексеевич — младший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук (ФИЦ ИУ РАН), Москва, Россия

E-MAIL: stankevich@isa.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0705-5832>

СМИРНОВ Иван Валентинович — доктор технических наук, доцент, заведующий отделом «Интеллектуальный анализ информации», Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук (ФИЦ ИУ РАН), Москва, Россия

E-MAIL: ivs@isa.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4490-2017>

Аннотация. Статья посвящена анализу непрофессионального онлайн-дискурса о коррупции, представленного в социальной сети «ВКонтакте». В отличие от институцио-

PSYCHOLINGUISTIC ANALYSIS OF NON-PROFESSIONAL DISCOURSE ON CORRUPTION IN THE SOCIAL NETWORK VKONTAKTE

Yulia M. KUZNETSOVA¹ — *Cand. Sci. (Psych.), Senior Researcher*

E-MAIL: kuzjum@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9380-4478>

Aleksandr A. MAKSIMENKO² — *Dr. Sci. (Soc.), Cand. Sci. (Psych.), Chief Researcher at the Lab of Anti-Corruption Policy*

E-MAIL: Maximenko.AI@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-0891-4950>

Maksim A. STANKEVICH¹ — *Junior Researcher*

E-MAIL: stankevich@isa.ru

<https://orcid.org/0000-0003-0705-5832>

Ivan V. SMIRNOV¹ — *Dr. Sci. (Tech.), Head of Department “Intelligent Processing of Information”*

E-MAIL: ivs@isa.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4490-2017>

¹ Federal Research Center Computer Science and Control of Russian Academy of Sciences (FRC CSC RAS), Moscow, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The study focuses on the analysis of non-professional online discourse related to corruption. Unlike the institutional or expert approach, the focus on everyday, user-generated

нального или экспертного подхода, фокус на обыденной, пользовательской рефлексии позволяет уловить глубинные ценностные установки, формы выражения и языковые паттерны повседневной морали, что особенно актуально в условиях роста значимости социальных сетей как источника информации и формирования общественных настроений. Целью исследования было определить психолингвистические характеристики непрофессионального дискурса о коррупции, включая степень вовлеченности участников, соотношение эмоциональных и рациональных компонентов, оценочные тенденции и тематическую направленность. Эмпирическую базу составили 59 297 комментариев пользователей, распределенных по трем подкорпусам: коррупционному (19 804 комментария), медицинскому (19 493 комментария) и фоновому, нейтральному (20 000 комментариев). Тексты обрабатывались с использованием инструмента интеллектуального анализа TITANIS, обеспечивающего многоуровневое выявление лингвистических и семантических маркеров, таких как эмоциональная окрашенность, категоричность, стилистическая направленность и частотность тематических единиц. Для оценки значимости различий применялись U-тест Манна — Уитни для данных, приближенных к нормальному распределению, и критерий хи-квадрат для ненормально распределенных. В случае с ненормально распределенными маркерами, что справедливо для редких словарных маркеров, данные бинаризовались (0 — отсутствие, 1 — наличие). Для предотвращения ошибки первого рода при множественных сравнениях использовалась поправка Бонферрони. Результаты показали, что непрофессиональный дискурс о коррупции отличается высокой эмоциональной напряженностью, доминированием негативной тональности и политической фокусировкой при слабом внимании к экономиче-

reflection allows for capturing the deep values, forms of expression and linguistic patterns of everyday morality, which is especially important in the context of the growing importance of social networks as a source of information and the formation of public sentiment. The objective is to identify the psycholinguistic features of non-professional discourse on corruption in the social network VKontakte, the psycholinguistic aspects of non-professional discourse on corruption: the degree of involvement of participants, emotional and rational components, evaluative characteristics, and thematic focus. The study used methods of text mining based on multi-level natural language processing using the TITANIS tool, with an emphasis on identifying linguistic and semantic markers reflecting the features of non-professional online discourse, such as emotional coloring, categoricity, stylistic orientation, and the presence of thematic vocabulary units. A total of 59,297 comments from the VKontakte social network were collected and prepared for analysis, distributed into three thematic subcorps: corruption topics (19,804 comments), medical topics (19,493 comments), and background, neutral topics (20,000 comments). The TITANIS tool was used to calculate text markers based on intelligent processing of user comments from social media, followed by a statistical comparison between the cases. To assess the significance of the differences, the Mann-Whitney U-test was used for normally distributed data and the chi-square criterion for abnormally distributed data. In the case of markers with an abnormal distribution, such as rare dictionary markers, the data were binarised (0 — absence, 1 — presence). The Bonferroni correction was used to prevent the first kind of error in multiple comparisons. As a result, high emotional tension, predominance of negative tone and focus on political aspects, such as the activities of authorities and law enforcement agencies, with low representation of economic topics were revealed

ской тематике. Дискуссии характеризуются снижением рациональности и низкой коммуникативной вовлеченностью, с частым использованием клишированных выражений и радикальных предложений. Показано, что непрофессиональный дискурс о коррупции демонстрирует устойчивые психолингвистические особенности, указывающие на моральные и эмоциональные позиции авторов. Высказываниям участников дискуссий о коррупции свойственны ярко выраженные осуждение, групповая солидарность и противоречивые моральные установки, в которых гнев и пессимизм сочетаются с радикальными призывами к справедливости. Однако низкая коммуникативная вовлеченность и избегание личного опыта указывают на то, что эта мораль служит скорее инструментом публичной критики и социальной идентификации, чем основой для глубокого морального анализа или диалога.

Ключевые слова: отношение к коррупции, непрофессиональный дискурс о коррупции, социальные сети, обработка естественного языка, психолингвистические показатели текста

in the online non-professional discourse on corruption. Discussions are characterized by decreased rationality and low communicative engagement, with frequent use of cliched expressions and radical sentences. It is shown that the unprofessional discourse on corruption demonstrates stable psycholinguistic features, indicating the moral and emotional positions of the authors. The digital morality of participants in discussions about corruption is characterized by pronounced condemnation and contradictory moral attitudes, where anger and pessimism are combined with radical calls for justice. However, low communicative involvement and avoidance of personal experience indicate that this morality serves more as a tool for public criticism and social identification than as a basis for deep moral analysis or dialogue.

Keywords: attitudes towards corruption, non-professional discourse on corruption, social media, natural language processing, psycholinguistic indicators of the text

Введение

Явление коррупции вызывает в обществе не только правовую или политическую реакцию, но и сильный эмоциональный отклик, проявляющийся в повседневной речи [Скоробогатов, Скоробогатова, Краснов, 2021] и сетевых обсуждениях. Наряду с официальными дискуссиями, разворачивающимися в экспертной [Трыканова, 2022], правовой и политической сферах [Баранов, Кабанов, 2017], все большую роль в формировании общественных представлений о коррупции играют цифровые коммуникации [Максименко и др., 2024], в частности социальные сети. Последние становятся пространством массовой, непрофессиональной рефлексии, где пользователи открыто высказывают свои мнения, оценки, эмоции и установки [Максименко, Крылова, 2023].

Сетевой дискурс позволяет исследовать не только содержание высказываний, но и более глубокие слои социальной жизни: моральные ориентиры, языковые паттерны повседневного мышления, формы социальной идентичности. Такой подход особенно актуален в условиях, когда граница между публичной и частной речью размывается, а любая реплика в интернете становится элементом общественного

диалога [Зотов, Губанов, 2021]. Анализ непрофессионального пользовательского дискурса способен выявить устойчивые когнитивные и эмоциональные шаблоны, связанные с восприятием и оценкой коррупционного поведения, что имеет важное значение для понимания ценностной картины современного общества.

Дискурс-анализ предоставляет ключевые инструменты для изучения того, как формируются, распространяются и воспринимаются представления о коррупции в цифровом пространстве. Так, Т. А. ван Дейк [Van Dijk, 2011] подчеркивает значимость многослойного анализа дискурса, позволяющего выявлять когнитивные схемы, скрытые идеологические послылы и языковые стратегии, которые присутствуют в повседневной коммуникации. Применительно к непрофессиональному дискурсу о коррупции это дает возможность исследовать, каким образом эмоциональные и оценочные компоненты комментариев в социальных сетях структурируют общественное восприятие явления.

Критический дискурс-анализ, развитый Н. Фэркло [Fairclough, 2018], акцентирует внимание на связях между языком, властью, идеологией и социальными практиками. В контексте цифровых медиа и сетевых обсуждений коррупции подход Н. Фэркло помогает осознать, как повседневные интернет-выражения отражают и воспроизводят социальные и политические нормы, а также каким образом медийные нарративы транслируются в массовое сознание. М. В. Йоргенсен и Л. Дж. Филлипс [Йоргенсен, Филлипс, 2008] предлагают систематизированный подход к анализу текстов, уделяющий внимание как содержательным аспектам, так и формальным характеристикам дискурса, включая языковые паттерны, жанровые структуры и прагматические функции высказываний.

Опираясь на концепцию М. Фуко и работы его последователей (например, [Jäger, Maier, 2009]), цифровой дискурс о коррупции можно анализировать как пространство, где власть и знание проявляются не только через официальные тексты, но и через непрофессиональные высказывания пользователей.

Кроме того, исследования российских авторов [Чудова, 2010; Прокофьева, 2017; Современный дискурс-анализ..., 2016] показывают, что медиа- и интернет-дискурсы формируют нормативные ожидания и стандарты поведения в обществе, включая академическую среду. Психолингвистический анализ позволяет выявлять устойчивые когнитивные и эмоциональные паттерны, которые проявляются в непрофессиональных комментариях и таким образом обеспечивает понимание того, как медиаобраз коррупции проникает в повседневные практики и поддерживает их легитимизацию.

В русле сложившейся традиции междисциплинарных исследований [Баранов, Казакевич, 1991; Гостева, 2012; Кронгауз, 2019; Шейгал, 2004] политический дискурс в широком смысле может пониматься как множество устных и письменных текстов, содержание которых относится к сфере политики. Для эпохи цифровых массмедиа характерна тенденция превращать сетевой дискурс в основной канал осуществления политической коммуникации, что отмечается исследователями [Шейгал, 2004], а также формировать дискурсивные практики, объединяемые социально-политической тематикой, но различающиеся по ряду существенных признаков.

В частности, представленность тематики коррупции в пространстве общественного дискурса может быть описана через ряд противопоставлений. На пер-

вом уровне исследователи выделяют оппозицию дискурса коррупции и дискурса о коррупции. Первый из них, то есть дискурс коррупции, представляет собой текстовое отражение коррупционных практик, изучаемых в категориях речевого жанра [Макаров, 2023], семантики и прагматики коррупционного речевого поведения [Каримова, 2024] и т. д. Дискурс о коррупции составляет совокупность текстов, выражающих рефлексию со стороны общества и его институтов по отношению к коррупции как явлению, второе деление подразумевает противопоставление профессионального и непрофессионального дискурса о коррупции. К профессиональной его части относятся тексты, выражающие специальные юридические, экономические, политические, социологические, психологические знания о коррупции [Воронин, Моисеенко, Викулина, 2020; Скоробогатов, Скоробогатова, Краснов, 2021]. В рамках лингвистических исследований изучаются структура и языковые репрезентации концепта «коррупция» [Барабаш, 2017], а также особенности институционального медийного дискурса о коррупции как разновидности профессионального публицистического дискурса [Гуань, 2023]. В отличие от профессионального, непрофессиональный дискурс о коррупции пока не получил каких-либо четких дефиниций, хотя исследования, предмет которых определяется, например, как «отношение российской аудитории социальных сетей к коррупции», уже проводятся [Максименко, Крылова, 2023]. По аналогии с категориями, предложенными И. В. Савельевой для анализа непрофессионального политического дискурса в целом [Савельева, 2022], непрофессиональный дискурс о коррупции можно описать содержательно как дискурс реагирования рядовыми гражданами на события в сфере коррупционных правонарушений и антикоррупционных мероприятий в их медийной репрезентации; по форме он представляет собой пространство непрофессиональных интернет-комментариев, характеризующихся неинституциональной природой, гибридизацией политической, повседневной, медийной и виртуальной дискурсивных сфер с преобладанием эмоционально-оценочных высказываний. Ориентация на социальные сети как сферу существования непрофессионального дискурса о коррупции и, следовательно, источник информации о нем, основана на современных реалиях: не менее 80 % сообщений, посвященных теме коррупции и доступных для рядового гражданина, публикуется именно в цифровых медиа [Людкевич, Афаунов, Татлок, 2020].

СМИ существенно влияют на общественное восприятие коррупции, однако количество публикаций на эту тему не всегда отражает ее реальный уровень [Крылова, Максименко, 2021]. Массовое освещение может быть связано с активизацией антикоррупционной деятельности властей, гражданского общества или журналистов, а не с ростом числа самих нарушений. Кроме того, субъективность, недостоверность или низкая квалификация авторов материалов могут искажать картину, формируя у обывателя преувеличенное или неверное представление о масштабах проблемы. Интернет-медиа, используя определенные формулировки, эмоциональные акценты и структуру подачи, не только информируют, но и формируют общественную реакцию [Артемова, Максименко, Охрименко, 2022] — от тревожности до доверия к действиям власти. Таким образом, медиаполе выступает как мощный инструмент воздействия на массовое сознание в вопросах коррупции.

Медиадискурс о коррупции, распространяясь через повторяющиеся сюжеты, лексические штампы и устойчивые образы, постепенно становится частью повседневного общения, встраиваясь в неформальные коммуникации различных социальных групп [Леонтьева, 2009]. Как показывают исследования вузовской микросреды, подобные процессы находят отражение и в академическом контексте: внутри университетской среды коррупция начинает восприниматься не как исключение, а как обыденное явление, обсуждаемое с использованием узнаваемых формул, отсылающих к медийным нарративам. Через призму неформального пространства, где связи между группами структурируются по мотивационно-целевым установкам и характеру взаимодействия, видно, как медиаобраз коррупции проникает в повседневные практики, нормализуется и адаптируется к локальным реалиям.

В этом контексте возникает ключевой исследовательский вопрос: каковы текстовые особенности сетевой непрофессиональной коммуникации о коррупции, включая эмоциональную тональность, характер аргументации и тематику обсуждений, и как эти особенности отражают восприятие коррупции через призму власти, справедливости и моральных оценок участников дискуссий?

Исходя из результатов проведенного обзора научной литературы, а также предварительного анализа эмпирических данных, были сформулированы следующие рабочие гипотезы исследования:

Гипотеза 1: сетевой непрофессиональный дискурс о коррупции характеризуется высокой эмоциональной напряженностью и преимущественно негативной тональностью, отличающей его от обсуждений других социально значимых тем, таких как медицина.

Гипотеза 2: в сетевых непрофессиональных дискуссиях о коррупции экспрессивные, оценочные высказывания преобладают над рационально-аргументированными.

Гипотеза 3: в сетевых непрофессиональных дискуссиях коррупция обсуждается преимущественно в политико-управленческом контексте, тогда как экономические аспекты остаются на периферии внимания пользователей, что отражает восприятие явления через призму власти и справедливости.

Гипотеза 4: специфику непрофессионального морального суждения в цифровой среде отражает противоречивость оценочных и моральных позиций участников дискуссий (сочетание осуждения, пессимизма и радикальных призывов к справедливости).

Материалы и методы

В цели нашего исследования входило выявление психолингвистических характеристик непрофессионального сетевого дискурса о коррупции как формы массовой общественной рефлексии, проявляющейся в социальной сети «ВКонтакте». В рамках исследования анализируются эмоционально-оценочные, когнитивные и тематические особенности пользовательских комментариев, отражающие специфику восприятия и интерпретации коррупции в повседневном сетевом общении. С целью разделения характеристик обсуждений коррупции, свойственных сетевому дискурсу на вызывающие напряженность темы в целом и специфиче-

ских именно для коррупционной тематики, было сформировано три группы сетевых дискуссий, или три подкорпуса текстов: 1) дискуссии на темы коррупции; 2) дискуссии на темы здоровья и медицинского обслуживания; 3) фоновые дискуссии без определенной тематики. Первый и второй подкорпуса рассматриваются как отражающие мнения и представления коммуникантов относительно тем с высоким потенциалом эмоциональной напряженности; общие характеристики, отличающие их от фоновых текстов, можно интерпретировать как проявления напряженности в сетевом дискурсе, не зависящие от ее конкретного предмета. Сравнение же «коррупционного» и «медицинского» подкорпусов позволяет описать специфику, связанную с конкретной причиной эмоциональной напряженности.

Выбор медицинской тематики в качестве контрастного направления обусловлен несколькими факторами. Во-первых, обсуждения вопросов здоровья и медицины, особенно в постпандемийный период, характеризуются высокой социальной значимостью и выраженной эмоциогенностью, сопоставимой с реакциями на коррупционные события. Это позволяет использовать медицинский дискурс как *контрольную группу для тем с аналогичным уровнем общественного напряжения*, но с иным предметным содержанием. Во-вторых, медицинская тематика изначально не несет в себе политической составляющей, что дает возможность *отделить собственно эмоциональные и когнитивные характеристики дискурса от политического фактора*, доминирующего в обсуждениях коррупции. Таким образом, сопоставление этих двух направлений обеспечивает более точное выделение специфических признаков именно коррупционного дискурса, а не общих особенностей эмоционально нагруженных сетевых обсуждений.

Сбор данных коррупционной тематики осуществлялся при участии студентов-волонтеров, рекрутированных через сервис НИУ ВШЭ «Ярмарка проектов». В рамках проекта волонтеры, получавшие академические кредиты за участие, размечали датасет и собирали материалы для анализа. Работа заключалась в поиске и фиксации ссылок на посты в социальной сети «ВКонтакте», посвященные теме коррупции, опубликованные в период с 2020 по 2024 г. В процессе сбора также учитывались количественные параметры реакции аудитории: число комментариев, репостов и отметок «нравится». Все собранные данные структурировались в таблицу для последующей выгрузки и психолингвистического анализа¹.

Сбор фоновых дискуссий и дискуссий на тему здоровья и медицинского обслуживания производился на основе данных городских новостных сообществ, представленных в социальной сети «ВКонтакте», отбирались материалы за период с 2019 по 2023 г. Для выгрузки были выбраны пять самых крупных новостных сообществ по количеству подписчиков в рамках одного города в Нижегородской области с населением около 100 тыс. человек. Изначально все собранные дискуссии попали в группу фоновых дискуссий, а затем из этой группы выделялись дискуссии на тему здоровья и медицины. Для этого использовался специализированный словарь лексики медицины и здравоохранения, на основе которого для каждой дискуссии был рассчитан показатель интенсивности медицинской тематики, основывающийся на частоте употребления лексики из словаря в тексте по-

¹ Наборы данных доступны по адресу: https://huggingface.co/datasets/anonymous-author/paper_data. Предоставляемые данные полностью деперсонализированные и не содержат ссылки на конкретные аккаунты.

ста и комментариях к нему. Дискуссии со значением рассчитанного показателя выше 80 квантиля определялись как дискуссии на тему здоровья и медицинского обслуживания. При этом значение квантиля подбиралось таким образом, чтобы размер медицинской выборки был сопоставим с размером выборки дискуссий на тему коррупции. Из дискуссий, не вошедших в медицинскую группу, была составлена случайная подвыборка, также в соответствии с размером выборки дискуссий на тему коррупции.

Технически выгрузка комментариев из дискуссий осуществлялась в апреле 2025 г. при помощи официального API «ВКонтакте». Всего было собрано 19 804 комментария из дискуссий на тему коррупции, 19 493 комментария из дискуссий на медицинскую тематику и 20 000 комментариев из дискуссий без определенной тематики. Дополнительная информация о собранных данных представлена в таблице 1. Отметим, что среди комментаторов могли оказаться боты, однако это обстоятельство не учитывалось при обработке данных.

Таблица 1. **Статистика по собранным данным**

Параметр	Дискуссии на тематику коррупции	Дискуссии на тематику медицины	Дискуссии на другие темы
Количество комментариев	19 804	19 493	20 000
Медиана количества слов в комментариях	8	14	7
Медиана возраста авторов комментариев*	46	42	40
Пол авторов комментариев*	61% мужчин 39% женщин	34% мужчин 66% женщин	45% мужчин 55% женщин

* Основано на данных пользователей, которые имели открытый профиль «ВКонтакте» и указывали в нем пол и возраст.

Все текстовые сообщения были обработаны при помощи инструмента TITANIS, который показал свою эффективность при решении многих задач психоэмоционального анализа текстов социальных сетей [Smirnov et al., 2021]. В результате обработки были рассчитаны текстовые маркеры комментариев, которые использовались для сравнения текстов из разных выборок. Подробное описание маркеров представлено в отдельной работе [Смирнов, 2023].

Проверка гипотез, сформулированных во введении, сводится к проверке наличия статистических различий в значениях текстовых маркеров между соответствующими корпусами дискуссий. Показатели сравнивались между корпусами попарно, с использованием U-теста Манна — Уитни в случае приближенных к нормальному распределению выборок и критерия хи-квадрат в случае отсутствия нормального распределения. В последнем случае значения маркеров перед сравнением приводились к бинарному виду: 0, если маркер равен 0, и 1, если маркер

больше 0. В большинстве случаев бинаризировались те словарные маркеры, которые встречаются в отдельных комментариях редко и значения которых зачастую обнулены. Для корректировки результатов статистических тестов вводилась поправка Бонферрони на множественную проверку гипотез, в соответствии с количеством проводимых экспериментов.

Результаты

Текстовые особенности сетевых дискуссий о коррупции свидетельствуют о том, что данная тема относится к категории социально значимых и выступает источником эмоционального напряжения для значительной части населения России. Согласно данным (см. табл. 1 [Приложения](#)), обсуждения коррупции заметно выделяются своей напряженностью не только по сравнению с фоновой, тематически разнородной сетевой коммуникацией, но и по большей части превосходят дискуссии на весьма чувствительные, особенно в период пандемии COVID-19, темы, связанные со здоровьем и медициной. Заметное число высказываний о коррупции содержит слова из тематической группы слов (ТГС) «Аффектогенная лексика», относящиеся к категории усилительной и безысклительной лексики, или сверхобобщения (в примерах выделены полужирным): **«все все** видят, знают и понимают, но **никто ничего** не хочет менять»; «расстрел, и **все сразу** прекратят брать»; «брали **всегда** и во **все** времена»; **«любого**, повторяю, **любого** министра можно брать, и там такой **вагон** будет, что пожизненно — это как бы гуманно будет»; «проходят **бесчисленные** круги **ада**»; **«кругом одни** взяточники!»; «есть **только один** выход! **только так** и **не иначе!**» и т. п. (см. табл. 1 [Приложения](#)).

При этом коррупция как предмет разговора вызывает у коммуникантов меньшую готовность к развернутым и подробным обсуждениям по сравнению с медицинской тематикой, а интерес к установлению открытого субъектного диалога с другими участниками здесь ниже не только по отношению к медицинским, но и к фоновым обсуждениям (см. табл. 2 [Приложения](#)).

Яркой особенностью непрофессионального сетевого дискурса о коррупции является выраженное преобладание негативных оценок (см. табл. 3 [Приложения](#)). По сравнению с ним обсуждения на медицинские темы, в целом не менее эмоционально напряженные, оказываются не такими однозначно отрицательными по своей тональности.

Негативные эмоции в непрофессиональном дискурсе о коррупции сочетаются со снижением показателей рациональности в виде размышления и аргументированного обмена мнениями между участниками сетевых дискуссий (см. табл. 1 [Приложения](#)). В целом коррупция предстает как предмет общего бурного осуждения, направленного на ее акторов, причины, проявления и последствия, что можно проследить, проанализировав частотность встречаемых в обсуждениях коррупции слов, входящих в соответствующие ТГС, и их сочетаний.

Судя по представленности лексики из ТГС «Власти», «Силовые структуры», «Здравоохранение», повышенная частотность которых характеризует непрофессиональный дискурс о коррупции (см. табл. 4 [Приложения](#)), обсуждения сосредоточены вокруг деятельности властей различного уровня («у нас любой чиновник берет взятки»), правоохранительных органов («продажный коп») и армии («что ни полков-

ник, то вор»), а также системы здравоохранения («не лечат, а калечат, еще и деньги клянчат»). Отметим, что в исследуемом материале коррупция в сфере экономики и финансовой деятельности хотя и упоминалась («дали чиновникам власти столько, что без них бизнесу не чихнуть, вот и отстегивают, просто чтобы не цеплялись»), однако статистически реже, чем в обсуждениях на некоррупционные темы. При этом в дискуссиях о коррупции в высказываниях, содержащих понятие «бизнес», оно чаще используется не в своем исходном нейтральном смысле, а с отрицательной коннотацией для обозначения незаконного обогащения: «можно только догадываться о масштабе взяток от криминального бизнеса».

Основной причиной коррупции в анализируемых текстах называется отсутствие контроля со стороны руководства и органов надзора, что, в свою очередь, объясняется коррумпированностью всей системы управления в стране: «Как можно бороться с коррупцией в России, если те, кто борется, сами берут? Это замкнутый круг!». Для выражения данной идеи коммуниканты используют известные речевые клише. Так, пословица «Рыба гниет (варианты: „тухнет“, „портится“) с головы» в анализируемых текстах повторяется разными пользователями около 60 раз. Широко представлено мнение о неизбежности и неизживаемости коррупционных отношений: «Схеме тысячи лет, при всех царях, князьях, и фараонах; есть система и она ломает всех, подминая под себя. Можно быть сколь угодно идеалистом, служить идее, но тебя перемелет и выплюнет». На этом фоне даже антикоррупционные мероприятия расцениваются коммуникантами как одно из проявлений коррумпированности. Чаще всего данное соображение выражается с помощью конструкции «не поделился» (выявлено 170 случаев): «Видать он не поделился с вышестоящими, вот и слили». Не менее пессимистично и объяснение преследования выявленных коррупционеров с использованием обиходной метафоры «стрелочник»: «Нашли стрелочников <...> и будут теперь трубить на каждом углу». «Случайно пострадавшие» уличенные коррупционеры вызывают у коммуникантов ощущение несправедливости: «Думаете они двое, они все берут чего и идут служить в эту кормушку. Не будешь делиться или уволят или подставят» и даже жалости: «Жалко дядьку, можно сказать единственный путный руководитель, хозяйственный пришел в район и оказался стрелочником». С другой стороны, выраженное отрицательное отношение высказывается по отношению к ближайшему окружению коррупционеров, которому коммуниканты отказывают в презумпции неучастия в преступлениях. Например, слово «родственники» в анализируемых текстах встречается 95 раз, и чаще всего в контекстах, подобным этим: «волчий билет детям и родственникам, чтобы тоже не могли работать госслужащими!»; «все его и родственников до 7-го колена имущество в бюджет!».

Как показывают приведенные ниже примеры, среди последствий коррупционных преступлений чаще других упоминаются неэффективность мероприятий хозяйственного, социального и политического характера, а также формирование в обществе негативных установок по отношению к конкретным коррупционерам и к их предполагаемым покровителям; предлагаемые способы борьбы с коррупцией своей радикальностью соответствуют уровню выражаемого неприятия (в связи с этическими нормами исследования сетевого контента все цитаты анонимизированы).

Чинуш через одного можно сажать... если копнуть глубже они там все замазаны, просто перестать воровать и другим не давать, пресекать; вот тогда у нас в Карелии будут и дороги и школы и детсады и мн. другое. жить станет лучше и веселее.

Я о тех, кто у власти, кто выделяет деньги на вооружение, кто отчитывается о поставках в армию новых систем... деньги выделяются, осваиваются... и оседают в чьих то карманах ... а летают на том, что есть, стреляют из того что есть, другого все равно нет.

Ну, кругом ворье... когда же мы научимся честно жить и верить в справедливость? а справедливость в том, что рыба гниет с головы, все получают поборы и никто еще не отказался, я писала каждого 2-го управленца страной поставить к стенке и несколько не ошибетесь, вот тогда задумаются воровать или нет; и всем на все хватит и на зарплаты и на пенсии и на все остальное, прекратить этот беспредел; начинать с верхних эшелонов власти.

Тема наказания за коррупцию представлена широко, но при этом семантических вариантов мало. Преобладает предложение/требование физического устранения коррупционеров: «радикальный способ» в виде расстрела упоминается более чем 260 раз («расстреливать тварей прилюдно»; «расстрелять весь род этот гнилой»), иногда в сочетании с экономическими мерами («пока не будет расстрела, с полной конфискацией у всех близких родственников тоже, ничего не изменится»). По мнению участников обсуждений, эффективность подобного подхода доказывается опытом СССР («да, наказание не как в СССР, когда за недолив компота и обвес можно было расстрел получить»), лично Сталина («при Сталине его бы, наверное, расстреляли за такие дела») или Андропова («чекистам пора уже отстреливать этих полицейских коммерсантов как было при Андропове»), а также современного Китая («надо как в Китае в расход пускать всех взяточников»). Популярны также предложения применять к коррупционерам наказания в виде лишения свободы. Формулировки со словами «сажать»/«посадить» и т. п. встречаются в анализируемых текстах более 160 раз: «таких тварей сажать, и не выпускать»; «пересажать всех надо».

Для оценки величины эффекта различий в средних значениях текстовых маркеров между сравниваемыми выборками были рассчитаны коэффициенты d Коэна и представлены в виде тепловой карты (см. рис. 1 [Приложения](#)).

Обсуждение результатов

Приведенные данные позволяют характеризовать непрофессиональный дискурс о коррупции как отражающий ярко отрицательное и выражаемое с большой экспрессией отношение к коррупционным преступлениям. Эти наблюдения непосредственно связаны с первым предположением о высокой эмоциональной напряженности и преимущественно негативной тональности, что отличает дискуссии о коррупции от обсуждений других социально значимых тем, таких как медицина.

Сравнение с текстовыми показателями обсуждений медицинских тем показало, что негативный эмоциональный радикал не является обязательной характеристикой сетевых обсуждений напряженных тем как таковых, его наличие в дан-

ном случае отражает преобладание высказываемых негативных оценок именно в связи с тематикой коррупции. Эти данные входят в противоречие с результатами, опубликованными в работе [Людкевич и др., 2020], согласно которым только 17 % сообщений о коррупции в социальных сетях имеют отрицательную тональность, а 82 % — нейтральную. Выявленные различия могут отражать как специфику методов, использованных для оценки тональности, так и особенности самого текстового материала. В цитируемой работе анализировались посты, которые могли иметь чисто информационную направленность и, соответственно, быть выдержаны в более спокойном тоне, в то время как наш материал представляет собой комментарии участников дискуссий, что подразумевает большую свободу для авторов как в плане содержания, так и в плане выражения.

Выявленная отрицательная коннотация понятия «бизнес» соответствует устойчивой национально-специфической традиции (ср. [Крюков, 2012]). Преимущественно «неэкономический» статус дискурса о коррупции отмечается также в работе [Гуань, 2023], где показано, что, вопреки своей исходной квалификации как преступления экономического характера, коррупция в общественном сознании россиян воспринимается как политическая проблема.

Этот сдвиг в восприятии имеет принципиальное значение: он отражает не только специфику отечественного символического поля, но и более широкий социокультурный контекст, в котором экономические практики осмысляются через призму властных отношений, доверия и справедливости. В этом смысле коррупция оказывается включенной в политико-ценностный дискурс, где она интерпретируется как проявление системной неравновесности между гражданином и властью, а не как частный случай экономического нарушения. Такой подход позволяет глубже понять, почему антикоррупционная риторика в России часто апеллирует к моральным, а не экономическим категориям, и почему общественная реакция на коррупцию оказывается связана прежде всего с ощущением несправедливости, а не с ущербом государству или экономике.

Расхождение между явным содержанием текстов респондентов, выражающих отрицательное отношение к коррупции как аморальному явлению, и глубинными способами ее категоризации в метафорической картине мира, не подтверждающими наличие морального конфликта, описано А. Н. Барановым [Баранов, 2005]. В нашем исследовании, помимо выявленного несоответствия между эмоциональной экспрессией декларативного отвержения коррупции и степенью реально переживаемой личной значимости этой проблемы, прослеживается также смысловая неоднородность высказываний. Она проявляется, например, в том, что в одном и том же дискурсивном поле сочетаются оправдание так называемых «стрелочников» из числа низовых коррупционеров и одновременно — тенденция априори приписывать виновность всем членам семьи уличенного в коррупции лица. Аналогичная амбивалентность наблюдается и в сочетании представлений о повсеместности и неискоренимости коррупции с требованиями максимально жестких мер наказания. При этом не всегда речь идет о внутренней непоследовательности отдельных комментаторов: скорее, противоречивость характеризует совокупный, «коллективный» образ непрофессионального сетевого дискурса, в котором сосуществуют различные, порой взаимоисключающие стратегии моральной оцен-

ки. В этом смысле противоречивость выступает как структурное свойство данного типа дискурса наряду с высоким уровнем эмоционального напряжения, преобладанием резко отрицательной тональности и сосредоточенностью на коррупции в сферах управления, силовых структур и здравоохранения.

Таким образом, текстовые особенности непрофессионального сетевого дискурса: эмоциональная насыщенность, преобладание оценочных высказываний, фокус на политико-управленческих аспектах и структурная противоречивость, — отражают восприятие коррупции через призму власти, справедливости и моральной оценки.

Заключение

Анализ непрофессионального сетевого дискурса о коррупции выявил ряд ключевых характеристик, которые отражают особенности восприятия и обсуждения этой темы в российском общественном сознании. Полученные результаты подчеркивают высокую социальную значимость коррупции как темы, вызывающей выраженное эмоциональное напряжение, превосходящее даже дискуссии о здоровье в период пандемии COVID-19. Однако это напряжение сочетается с относительно низкой коммуникативной и предметной вовлеченностью, что указывает на специфическую природу обсуждений, где эмоциональная экспрессия преобладает над рациональным анализом или диалогом. Дискурс о коррупции характеризуется абсолютным доминированием негативной тональности, снижением рациональности и фокусом на политических аспектах, таких как деятельность властей, силовых структур и системы здравоохранения, а не на экономических проявлениях коррупции. Предлагаемые участниками меры борьбы с коррупцией носят радикальный характер, часто апеллируя к физическому устранению или тюремному заключению, что также подчеркивает эмоциональную насыщенность дискурса. Противоречивость в восприятии коррупции, выражающаяся в сочетании оправдания отдельных коррупционеров («стрелочников») с обвинениями их родственников или в одновременной вере в неискоренимость коррупции и требованиях жестких наказаний, свидетельствует о сложной и неоднозначной природе общественного отношения к этому явлению.

Для проверки полученных результатов были сформулированы четыре гипотезы, которые в целом нашли подтверждение по итогам анализа. *Первая гипотеза*, согласно которой сетевой непрофессиональный дискурс о коррупции характеризуется высокой эмоциональной напряженностью и преимущественно негативной тональностью, подтвердилась полностью. В комментариях, посвященных коррупции, заметно выше уровень эмоциональной вовлеченности и негативного отношения, чем в обсуждениях медицинских и фоновых тем. *Вторая гипотеза*, предполагавшая преобладание экспрессивных и оценочных высказываний над рационально-аргументированными, также нашла подтверждение. В дискуссиях преобладают эмоциональные реакции и категоричные оценки, тогда как рассуждения, основанные на анализе причин или конструктивных предложениях, встречаются значительно реже. *Третья гипотеза*, предполагавшая, что в сетевых обсуждениях коррупция соотносится преимущественно с политико-управленческой сферой, получила частичное подтверждение. Политические и властные контексты действительно упоминаются чаще других, однако экономические и социальные аспекты

также представлены, хотя и занимают менее заметное место в структуре обсуждения. *Четвертая гипотеза*, связанная с противоречивостью моральных и оценочных позиций участников, нашла подтверждение. В комментариях одновременно присутствуют осуждение коррупции, выражение пессимизма и радикальные призывы к справедливости, что отражает специфику непрофессионального морального суждения в цифровой среде и указывает на преобладание эмоциональной самоидентификации над рефлексивным анализом.

Полученные результаты вносят значительный вклад в научное знание о восприятии коррупции в российском обществе. Во-первых, они дополняют существующие исследования (например, [Людкевич и др., 2020; Гуань, 2023]), подчеркивая различия в тональности и содержании постов и комментариев, что указывает на необходимость учета типа текстового материала при анализе общественного дискурса. Во-вторых, обнаруженная противоречивость в восприятии коррупции — сочетание эмоционального осуждения с низкой вовлеченностью и оправданием отдельных коррупционеров — указывает на наличие психологических барьеров, препятствующих открытому обсуждению личного опыта. Это открывает перспективы для дальнейших исследований, направленных на изучение глубинных убеждений и мотиваций, лежащих в основе публичного осуждения коррупции. Наконец, акцент на политическом, а не экономическом характере коррупции в общественном сознании подтверждает необходимость междисциплинарного подхода, объединяющего лингвистический, социологический и психологический анализ для понимания этого феномена. Таким образом, исследование не только углубляет представление о специфике непрофессионального дискурса о коррупции, но и предоставляет основу для разработки более эффективных стратегий общественного диалога и антикоррупционной политики, учитывающих эмоциональные и коммуникативные особенности восприятия этой проблемы.

Ограничения исследования

Тематика сравнительного анализа в работе была ограничена сопоставлением коррупционного и медицинского дискурсов, что позволило выявить определенные различия в структуре и тональности общественных высказываний, однако выбор именно медицинской сферы в качестве контрастной линии оставляет за пределами анализа другие важные и потенциально релевантные области общественного обсуждения — такие как образование, правосудие, армия или сфера ЖКХ. Эти направления также обладают высокой социальной значимостью и могли бы продемонстрировать иную структуру гражданской рефлексии, дав более объемное представление о специфике непрофессионального публичного дискурса.

Кроме того, исследование сосредоточено исключительно на текстовом анализе, что исключает из рассмотрения визуальные и паралингвистические элементы цифрового общения, играющие важную роль в выражении оценки и эмоционального отношения. Мемы, изображения, эмодзи и другие мультимодальные средства коммуникации зачастую усиливают, модифицируют или даже радикально меняют смысл текстового высказывания. Их игнорирование ограничивает полноту психолингвистического анализа и может приводить к недооценке экспрессивных стратегий, используемых пользователями в социальной сети.

Полученные различия между коррупционным, медицинским и фоновым дискурсами могут быть частично обусловлены демографическими характеристиками выборки, а также временным сдвигом в один год в период сбора данных.

В собранных данных в теории могли оказаться комментарии ботов. Однако в рамках исследования эта проблема не изучалась.

Горизонт перспективных исследований

Одним из перспективных направлений дальнейших исследований может стать сопоставление непрофессионального и профессионального дискурса о коррупции. Такое сравнение позволило бы выявить различия в языковых средствах, структуре аргументации, уровне терминологической строгости, использовании метафор, а также в коммуникативных целях, которым подчиняется высказывание. Если в профессиональном дискурсе (например, в юридических документах, аналитических статьях, СМИ или экспертных комментариях) преобладают нормативность, фактологичность и стремление к объективности, то в непрофессиональной речи пользователей социальных сетей чаще фиксируются эмоционально окрашенные оценки, обобщения, нарративные формы и политическая интерпретация событий. Сравнение этих уровней позволит точнее определить, как формируются общественные представления о коррупции, где происходит разрыв между официальной и гражданской интерпретацией, а также как распространяются и закрепляются определенные фреймы и образы коррупционных практик в массовом сознании.

Дополнительную ценность представляет и кросс-культурное исследование непрофессионального коррупционного дискурса, в котором можно было бы сопоставить репрезентации коррупции в цифровом пространстве различных стран. Например, сравнение российской выборки с данными из стран Латинской Америки, Восточной Европы или Юго-Восточной Азии, где также сохраняется высокая чувствительность общества к коррупционным практикам, позволило бы выявить как универсальные элементы восприятия коррупции (например, недоверие к институтам, моральную дихотомию «честный — вор»), так и культурно-специфические особенности (типичные метафоры, историко-культурные образы, структуру субъективной ответственности). Такой подход позволил бы выйти за рамки локального анализа и углубить понимание того, как социокультурные факторы влияют на язык и структуру антикоррупционного дискурса в цифровой среде.

Список литературы (References)

1. Артемова Е. Л., Максименко А. А., Охрименко Д. А. Применение методов машинного обучения для классификации контента коррупционной тематики в русскоязычных и англоязычных Интернет-СМИ // Социология: методология, методы математическое моделирование. 2022. № 52. С. 131—157. <https://doi.org/10.19181/4m.2021.52.5>
Artemova E. L., Maksimenko A. A., Okhrimenko D. A. (2022) Application of Machine Learning Methods in Classification of Corruption Related Content in Russian-Speaking and English-Speaking Internet Media. *Sociology: Methodology, Meth-*

- ods, *Mathematical Modeling (Sociology: 4M)*. No. 52. P. 131—157. <https://doi.org/10.19181/4m.2021.52.5>. (In Russ.)
2. Барабаш О. В. Концепт «коррупция» и его репрезентации в семантическом пространстве русского языка // *Политическая лингвистика*. 2017. № 6. С. 223—229. Barabash O. V. (2017) The Concept of «Corruption» and Its Representations in the Semantic Space of the Russian Language. *Political Linguistics*. No. 6. P. 223—229. (In Russ.)
 3. Баранов А. Н. Феномен коррупции в метафорах двух дискурсов // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды международной конференции Диалог—2005, Звенигород, 1—6 июня 2005* / отв. ред. И. М. Кобозева и др. Звенигород: ИПИ РАН, 2005. С. 25—30. Baranov A. N. (2005) Understanding of Corruption through Metaphors in Two Different Discourses. In: Kobozev I. M. et al. (eds.) *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference Dialog—2005, Zvenigorod, June 1—6, 2005*. Zvenigorod: IIP RAS. P. 25—30. (In Russ.)
 4. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание, 1991. Baranov A. N., Kazakevich E. G. (1991) *Parliamentary Debates: Traditions and Innovations*. Moscow: Znanie. (In Russ.)
 5. Баранов В. М., Кабанов П. А. Коррупция в политико-правовом ракурсе. Рецензия на учебник «Государственная антикоррупционная политика» / под ред. Р. А. Абрамова и Р. Т. Мухаева (М., 2017. 429 с.) // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2017. № 2. С. 183—187. Baranov V. M., Kabanov P. A. (2017) Corruption in the Political and Legal Perspective. Review on the Textbook: Abramov R. A., Mukhaev R. T. (eds.) *State Anti-Corruption Policy*. Moscow, 2017. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. Vol. 38. No. 2. P. 183—187. (In Russ.)
 6. Воронин М. Ю., Моисеенко Л. В., Викулина М. А. Некоторые особенности стереотипизации негативных аспектов образа власти // *Социально-политические науки*. 2020. Т. 10. № 5. С. 13—19. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2020-10-5-13-19>. Voronin M. Yu., Moiseenko L. V., Vikulina M. A. (2020) Some Specific Features of Stereotypization of Negative Aspects of the Authorities' Image. *Sociopolitical Sciences*. Vol. 10. No. 5. P. 13—19. <https://doi.org/10.33693/2223-0092-2020-10-5-13-19>. (In Russ.)
 7. Гостева Ж. Е. Картина политического мира и дискурс политической коммуникации // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2012. Т. 70. № 6. С. 40—42. Gosteva J. E. (2012) Political World Picture and Political Communication Discourse. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. Vol. 70. No. 6. P. 40—42. (In Russ.)

8. Гуань Ц. Лингвистический анализ концепта «коррупция» в политическом дискурсе русского языка // *Litera*. 2023. № 6. С. 265—273. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.6.40916>.
Guan Qi. (2023) Linguistic Analysis of the Concept of Corruption in the Russian Political Discourse. *Litera*. No. 6. P. 265—273. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2023.6.40916>. (In Russ.)
9. Зотов В. В., Губанов А. В. Социальные медиа как диалоговые площадки граждан и органов власти субъектов центрального федерального округа // *Цифровая социология*. 2021. Т. 4. № 4. С. 28—39. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-28-39>.
Zotov V. V., Gubanov A. V. (2021) Social Media as Dialogue Platforms for Citizens and Authorities of the Subjects of the Central Federal District's Entities. *Digital Sociology*. Vol. 4. No. 4. P. 28—39. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2021-4-4-28-39>. (In Russ.)
10. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2008.
Jorgensen M. V., Phillips L. J. (2008) Discourse Analysis. Theory and Method. Kharkiv: Humanitarian Center. (In Russ.)
11. Каримова Т. С. Особенности лингвистической экспертизы текстов диалогов по антикоррупционным делам // *Полицейская деятельность*. 2024. № 1. С. 1—15. <https://doi.org/10.7256/2454-0692.2024.1.69818>.
Karimova T. S. (2024) Features of Linguistic Expertise of Texts of Dialogues on Anti-Corruption Cases. *Police Activity*. No. 1. P. 1—15. <https://doi.org/10.7256/2454-0692.2024.1.69818>. (In Russ.)
12. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: АСТ; CORPUS, 2019.
Krongauz M. A. (2019) The Russian Language is on the Verge of a Nervous Breakdown. Moscow: AST; CORPUS. (In Russ.)
13. Крылова Д. В., Максименко А. А. Использование искусственного интеллекта в вопросах выявления и противодействия коррупции: обзор международного опыта // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2021. № 84. С. 241—255. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-84-241-255>.
Krylova D. V., Maksimenko A. A. (2021) Using Artificial Intelligence in Corruption Discernment and Counteraction: International Experience Review. *Public Administration. Electronic Bulletin*. No. 84. P. 241—255. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-84-241-255>. (In Russ.)
14. Крюков И. А. Смысловое наполнение концепта «бизнес» и его репрезентация в русском языке на современном этапе: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2012.
Kryukov I. A. (2012) Semantic Content of the Concept “Business” and Its Representation in the Russian Language at the Present Stage. Extended Abstract of the PhD Dissertation in Philological Science. Nizhny Novgorod. (In Russ.)

15. Леонтьева Э. О. Повседневные коммуникации и укорененность коррупции в неформальном пространстве вуза // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 325. С. 43—48.
Leontieva E. O. (2009) Daily Communications and Corruption in University's Informal Space. *Tomsk State University Journal*. No. 325. P. 43—48. (In Russ.)
16. Людкевич Ю. Н., Афаунов А. З., Татлок А. К. Специфика и динамика сообщений, упоминающих преступления коррупционной направленности (по результатам анализа социальных сетей с 01.03.2020 по 01.05.2020) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 6. С. 154—158.
Lyudkevich Y. N., Afaunov A. Z., Tatlock A. K. (2020) Specificity and Dynamics of Messages Mentioning Corruption-Related Crimes (Based on the Analysis of Social Networks from 01.03.2020 to 01.05.2020). *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. Vol. 6. P. 154—158. (In Russ.)
17. Макаров В. И. «Договоримся», или об одной языковой маске взяточничества // Ученые записки НовГУ. 2023. № 6. С. 711—719.
Makarov V. I. (2023) “Let’s Make a Deal”, Or About a Linguistic Mask of Bribery. *Memoirs of NovSU*. Vol. 51. No. 6. P. 711—719. (In Russ.)
18. Максименко А. А., Зайцев А. В., Дейнека О. С., Зябликов А. В., Ахунзянова Ф. Т. Оценка населением эффективности цифровой коммуникации глав регионов в интернет-диалоге «власть — общество» // Регионоведение. 2024. Т. 32. № 2. С. 217—241. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.217-241>.
Maksimenko A. A., Zaitsev A. V., Deyneka O. S., Zyablikov A. V., Akhunzyanova F. T. (2024) Assessment by the Population of the Effectiveness of Digital Communication of Heads of Regions in the Internet Dialogue “Power – Society”. *Russian Journal of Regional Studies*. Vol. 32. No. 2. P. 217—241. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.127.032.202402.217-241>. (In Russ.)
19. Максименко А. А., Крылова Д. В. Социальные сети как источник информации об отношении россиян к коррупции // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 1. С. 69—79. <https://doi.org/10.24158/spp.2023.1.9>.
Maksimenko A. A., Krylova D. V. (2023) Social Media as a Source of Information about the Attitudes of Russians towards Corruption. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. No. 1. P. 69—79. <https://doi.org/10.24158/spp.2023.1.9>. (In Russ.)
20. Прокофьева А. В. Развитие дискурса интернет-пространства на современном этапе и особенности его языковой организации // Вопросы современной лингвистики. 2017. № 5. С. 85—96. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2017-5-85-96>.
Prokofieva A. V. (2017) The Present Stage of Development and Language Structure Organisation of the Internet Discourse. *Key Issues of Contemporary Linguistics*. No. 5. P. 85—96. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2017-5-85-96>. (In Russ.)
21. Савельева И. В. Непрофессиональный политический дискурс как новое коммуникативное явление: лингвопрагматический и лингвоперсонологический аспекты моделирования: дисс. ... докт. филол. наук. Кемерово, 2022.

- Savelyeva I. V. (2022) Non-Professional Political Discourse as a New Communicative Phenomenon: Linguopragmatic and Linguopersonological Aspects of Modeling. Dissertation of the Doctor of Science in Philology. Kemerovo. (In Russ.)
22. Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И., Краснов А. В. Дискурс коррупции в российском обществе // *Russian Journal of Economics and Law*. 2021. Т. 15. № 4. С. 751—764. <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.751-764>.
Skorobogatov A. V., Skorobogatova A. I., Krasnov A. V. (2021) Discourse of Corruption in the Russian Society. *Russian Journal of Economics and Law*. Vol. 15. No. 4. P. 751—764. <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2021.4.751-764>. (In Russ.)
23. Смирнов И. В. Интеллектуальный анализ текстов на основе методов разноразмерной обработки естественного языка. М.: ФИЦ ИУ РАН, 2023.
Smirnov I. V. (2023) Intelligent Text Analysis Based on Multi-Level Natural Language Processing Methods. Moscow: Federal Research Center “Computer Science and Control” of the RAS. (In Russ.)
24. Современный дискурс-анализ: повестка дня, проблематика, перспективы / под ред. Е. А. Кожемякина, А. В. Полонского. Белгород: ИД «Белгород», 2016.
Kozhemyakin E. A., Polonskyi A. V. (eds.) (2016) Modern Discourse Analysis: Agenda, Problems, Prospects. Belgorod: “Belgorod”. (In Russ.)
25. Трыканова С. А. Теоретико-прикладной дискурс к определению понятия коррупция // *Образование и право*. 2022. № 2. С. 167—172.
Trykanova S. A. (2022) Theoretical and Applied Discourse on the Definition of Corruption. *Education and Law*. No. 2. P. 167—172. (In Russ.)
26. Чудова И. А. Нормативное воздействие СМИ: изучение радиодialogов // Современный дискурс-анализ. 2010. № 2. С. 4—24.
Chudova I. A. (2010) Normative Impact of Mass Media: The Study of Radio Talks. *Modern Discourse Analysis*. No. 2. P. 4—24. (In Russ.)
27. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004.
Sheigal E. I. (2004) Semiotics of Political Discourse. Moscow: Gnosis. (In Russ.)
28. Fairclough N. (2018) *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. London: Routledge.
29. Jäger S., Maier F. (2009) Theoretical and Methodological Aspects of Foucauldian Critical Discourse Analysis and Dispositive Analysis. In: Wodak R., Meyer M. (eds.) *Methods of Critical Discourse Analysis*. P. 34—61. London: Sage.
30. Smirnov I., Stankevich M., Kuznetsova Y., Suvorova M., Larionov D., Nikitina E., Grigoriev O. (2021) TITANIS: A Tool for Intelligent Text Analysis in Social Media. In: S. M. Kovalev, S. O. Kuznetsov, A. I. Panov (eds.) *Artificial Intelligence: 19th Russian Conference, RCAI 2021, Taganrog, Russia, October 11—16, 2021, Proceedings* 19. P. 232—247. Cham Springer.
31. Van Dijk T. A. (2011) *Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction*. London: Sage.

DOI: [10.14515/monitoring.2026.1.3086](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3086)

Г. А. Савчук, С. В. Кульпин, Р. М. Курашов, В. Э. Тронина

**АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ ПУБЛИЧНЫХ СТРАНИЦ
МУНИЦИПАЛИТЕТОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА
В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»: ПРЕОБЛАДАЮЩИЕ
ФРЕЙМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДИАЛОГА С НАСЕЛЕНИЕМ**

Правильная ссылка на статью:

Савчук Г. А., Кульпин С. В., Курашов Р. М., Тронина В. Э. Анализ материалов публичных страниц муниципалитетов Уральского федерального округа в социальной сети «ВКонтакте»: преобладающие фреймы и возможности диалога с населением // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 1. С. 251—274. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3086>.

For citation:

Savchuk G. A., Kulpin S. V., Kurashov R. M., Tronina V. E. (2026) Framing and Public Engagement on Official Municipal Pages in the Ural Federal District on VKontakte. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 251–274. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3086>. (In Russ.)

Получено: 12.08.2025. Принято к публикации: 04.12.2025.

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛОВ ПУБЛИЧНЫХ СТРАНИЦ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ «ВКОНТАКТЕ»: ПРЕОБЛАДАЮЩИЕ ФРЕЙМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДИАЛОГА С НАСЕЛЕНИЕМ

САВЧУК Галина Анатольевна — кандидат социологических наук, заведующий кафедрой интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: galina.savchuk@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2980-8970>

КУЛЬПИН Сергей Владимирович — кандидат экономических наук, доцент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: s.v.kulpin@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3998-9341>

КУРАШОВ Руслан Махмудович — ассистент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: ruslan.kurashov@urfu.ru
<https://orcid.org/0009-0000-6205-1813>

ТРОНИНА Виктория Эдуардовна — ассистент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
E-MAIL: v.e.tronina@urfu.ru
<https://orcid.org/0009-0001-5085-2856>

Аннотация. Авторы исследования ставят своей целью выявить преобладающие фреймы в публикациях госпабликов админист-

FRAMING AND PUBLIC ENGAGEMENT ON OFFICIAL MUNICIPAL PAGES IN THE URAL FEDERAL DISTRICT ON VKONTAKTE

Galina A. SAVCHUK¹ — Cand. Sci (Soc.), Head of the Department of Integrated Marketing Communications and Branding
E-MAIL: galina.savchuk@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2980-8970>

Sergey V. KULPIN¹ — Cand. Sci (Econ.), Associate Professor of the Department of Integrated Marketing Communications and Branding
E-MAIL: s.v.kulpin@urfu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3998-9341>

Ruslan M. KURASHOV¹ — Assistant of the Department of Integrated Marketing Communications and Branding
E-MAIL: ruslan.kurashov@urfu.ru
<https://orcid.org/0009-0000-6205-1813>

Victoria E. TRONINA¹ — Assistant of the Department of Integrated Marketing Communications and Branding
E-MAIL: v.e.tronina@urfu.ru
<https://orcid.org/0009-0001-5085-2856>

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Abstract. The authors of the study aim to identify the prevailing frames in the most engaging publications in the public pages of municipal

раций городских и муниципальных округов, муниципальных районов субъектов Уральского федерального округа для оценки их потенциала вовлечения граждан в обсуждение и принятие управленческих решений. Методологической основой исследования стала методика выявления фреймов Х. Семетко и П. Валкенбурга, адаптированная под машинный анализ с помощью нейросети ChatGPT 4o. В работе использовалась целевая выборка публикаций из 203 госпабликов муниципалитетов УрФО в социальной сети «ВКонтакте». Итоговую выборку составили 1150 текстов с высокими показателями вовлеченности. По результатам исследования, в целом по массиву доминирует моральный фрейм, значительно отстают фреймы ответственности и индивидуальных интересов, слабо выражен фрейм экономических последствий и почти отсутствует фрейм конфликта. При обработке массива текстов меньше 150 символов, которые содержат преимущественно видео- и фотоконтент, авторы дополнительно выделили фреймы локального патриотизма и коллективных действий. В заключении статьи авторы делают вывод, что наиболее часто встречающийся в публикациях муниципалитетов в социальных сетях моральный фрейм не способствует в полной мере вовлечению граждан в обсуждение и принятие управленческих решений. По мнению авторов, с этой целью акцент следует делать на фреймах ответственности и экономических последствий.

Ключевые слова: госпаблики, органы местного самоуправления, коммуникация с населением, социальные сети, вовлеченность в коммуникацию, фрейм-анализ

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01153, <https://rscf.ru/project/24-28-01153/>.

administrations of the Ural Federal District in terms of views, to assess their potential to involve citizens in the discussion and adoption of management decisions. The methodological basis of the study was the frame identification technique developed by H. Semetko and P. Valkenburg, which was adapted for machine analysis using ChatGPT 4o. The work used a target sample of publications from 203 public pages of municipalities of the Ural Federal District on the social network VKontakte, the final sample consisted of 1,150 texts with high engagement rates. According to the results of the study, the morality frame dominates in the array as a whole, the frames of responsibility and individual interests lag significantly behind, the frame of economic consequences is poorly encountered, and the conflict frame is practically absent. When processing an array of short texts (less than 150 characters), which mainly accompany video and photo content, the authors decided to highlight the frames of local patriotism and collective action. The authors conclude that the moral frame most often found in municipal publications on social networks does not fully contribute to the involvement of citizens in the discussion and adoption of management decisions. According to the authors, for this purpose, greater emphasis should be placed on the frames of responsibility and economic consequences.

Keywords: government publics, local government bodies, communication with the population, social networks, involvement in communication, frame analysis

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-01153, <https://rscf.ru/project/24-28-01153/>.

Введение

Сетевая коммуникация создает во всех сферах жизни возможности, которых не было еще десять лет назад. Взаимодействие граждан с органами власти не исключение. Если смотреть на этот вопрос отвлеченно, то в такой коммуникации могут быть реализованы лучшие стороны и демократии, и сетевой коммуникации. Для демократических процессов важно, что цифровая платформа может выступать в качестве площадки для дискуссии, необходимой для обсуждения и принятия управленческих решений.

Вместе с тем на практике коммуникация органов власти и местного самоуправления в социальных сетях, реализуемая на основе федерального закона № 270-ФЗ¹, пока не стала однозначно успешной. На текущем этапе ее развития собраны противоречивые данные о ее эффективности, например, по причине одностороннего характера [Бабаева, 2021]. Также отдельные исследователи отмечают снижение уровня вовлеченности аудитории при высокой публикационной активности, что может быть связано с информационной перегрузкой подписчиков [Прокопьев и др., 2024]. Соответственно, появляются вопросы, которые требуют осмысления.

Авторы также выявили, что после вступления в силу Федерального закона № 270-ФЗ во всех регионах УрФО увеличилась публикационная активность администраций городских и муниципальных округов, муниципальных районов (далее — муниципалитетов) в социальной сети «ВКонтакте», но это пока не привело к более высокой вовлеченности граждан в коммуникацию [Савчук и др., 2024]. При расчете показателя вовлеченности учитываются все реакции подписчиков, в том числе комментарии, которые они оставляют. Соответственно, высокая публикационная активность со стороны администрации муниципалитетов сама по себе еще не создает условий для вовлечения граждан в обсуждение публикуемой информации, не говоря уже об их участии в принятии управленческих решений.

Возможно, низкая активность граждан в этой коммуникации объясняется какими-то неочевидными, на первый взгляд, характеристиками. Конечно, имеет значение тематика публикаций, однако одну и ту же тему можно подать в разном ключе. Например, публикации к дню города — тема, регулярно набирающая большое число реакций, — могут быть написаны по-разному. Акцент может быть на поздравлениях горожан, которые содержат перечень актуальных для общества ценностей, выраженных в пожеланиях. Или акцент может быть на усилиях городских властей, которые предприняли определенные действия для комфорта горожан в рамках масштабного праздника. Также это могут быть просто фотографии и видео без текста.

Заданные имплицитно через текст рамки коммуникации, определяемые ее отправителем, влияют на коммуникацию в целом, в том числе на реакции реципиента, так как он не только считывает смысл текста, но и догадывается, что от него ожидается в этой коммуникации.

Отметим деятельность АНО «Диалог», которая развивает интернет-коммуникации органов власти, тем самым обеспечивая разработку методических материалов

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и статью 10 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»: Федер. закон от 14.07.2022 № 270-ФЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140024> (дата обращения: 30.06.2025).

и проведение обучения для профильных специалистов по ведению госпабликов. Муниципалитеты опираются на поддержку этой организации и ее консультации в реализации своей сетевой коммуникации². Это нужно учитывать, анализируя рамки коммуникации: возможно, определенные черты стандартизации как контент-стратегии госпабликов муниципалитетов, так и отдельных постов в их аккаунтах, связаны с этим фактом.

Исследовательский вопрос, который ставят перед собой авторы: можно ли говорить о фрейминге в госпабликах муниципалитетов, то есть существуют ли устойчивые рамки подачи публикаций, влияющие на их восприятие аудиторией? Гипотеза исследования: среди постов, имеющих высокие показатели по вовлеченности, можно выделить наиболее часто встречающийся фрейм.

Исследование проведено на примере официальных страниц администраций муниципалитетов Уральского федерального округа (далее — УрФО) ввиду того, что регионы, входящие в состав округа, с одной стороны, имеют сходный социокультурный профиль, общие темы в информационной повестке. С другой стороны, они различаются по социально-экономическому развитию, ведущим отраслям развития экономики.

Цель статьи — выявить преобладающие фреймы в наиболее вовлекающих по просмотрам публикациях госпабликов администраций муниципалитетов УрФО для оценки их потенциала вовлечения граждан в обсуждение и принятие управленческих решений.

Обзор литературы по теме исследования

Значимый вклад в развитие демократии публичной дискуссии внес Ю. Хабермас [Habermas, 1962]. В более поздних работах он рассматривает социальные сети как элемент трансформации публичной сферы, ведущий к ее расширению и фрагментации [Habermas, 2022], формируемое при этом общественное мнение способно влиять на процесс принятия политических решений. Эти идеи находят подтверждение в исследовании Ш. Буллиан, выявившей корреляцию между использованием социальных сетей и участием в гражданской и политической жизни [Boulianne, 2015].

В последние десятилетия при анализе массмедиа распространение получила теория фрейминга, основы которой были заложены И. Гофманом. В своих работах он определяет понятие фрейма как перспективу восприятия, создающую формальные определения ситуации. Иными словами, поведение людей определяется фреймами, которые являются частью социальной жизни и которые служат для интерпретации поведения других людей [Гофман, 2003]. Гофман выделяет две категории первичных фреймов: естественные и социальные. В рамках первой категории события интерпретируются как результат естественных причин и следствий (без вмешательства людей), вторая категория рамок, наоборот, основана на действиях людей и их мотивах. Таким образом, любое поведение может быть интерпретировано либо как инстинктивное, либо как осмысленное и целенаправленное.

В дальнейшем теория фрейминга нашла свое развитие и в сфере исследований медиа. Так, Р. Энтман трактует фреймирование в медиа как «выбор некото-

² Эффективный госпаблик города, района, поселения. Методическое руководство. URL: https://dialog.info/wp-content/uploads/2023/06/Gospabliki_OMSU_metodichka_Dialoga.pdf (дата обращения: 01.10.2025).

рых аспектов воспринимаемой реальности, чтобы сделать их более заметными в сообщаемом тексте» [Entman, 1993: 52]. Использование фреймов, по его мнению, способствует селективной презентации информации и выполняет следующие функции: определение конкретной проблемы, интерпретация причин, формулирование моральной оценки, средства решения проблемы. Таким образом, фреймирование представляет собой целенаправленный процесс, авторы которого подчеркивают (осознанно или бессознательно) конкретные элементы реальности. Данный процесс носит произвольный характер и ограничен культурными шаблонами, то есть репертуарами фреймов.

Значительный вклад в развитие методологических основ фрейм-анализа внесли Х. Семетко и П. Валкенбург. В своей работе «Фреймирование политики в Европе: контент-анализ печатных и телевизионных новостей» они предложили классификацию из пяти медиафреймов, созданную на основе исследований Р. Ноймана, М. Джаста, А. Кригlera и Ш. Айенгара:

- фрейм конфликта акцентирует внимание на противостоянии между индивидами, группами или институтами;
- фрейм экономических последствий сообщает о событии с точки зрения его экономических последствий для отдельного индивида, группы, института, региона или страны;
- фрейм индивидуальных интересов привносит эмоциональный аспект в представление события с фокусом на историях отдельных людей;
- моральный фрейм представляет событие через призму религиозных догматов или моральных предписаний;
- фрейм ответственности представляет проблему таким образом, что ответственность за ее причину или решение возлагается на правительство, отдельно человека или группу [Semetko, Valkenburg, 2000].

Эта классификация получила широкое распространение в эмпирических исследованиях за счет высокой степени операционализации — каждый фрейм кодируется с использованием вопросов-индикаторов, что обеспечивает надежность и воспроизводимость результатов анализа [Лебедев, Мавлетова, 2017].

К числу других значимых разработок относятся труды Ш. Айенгара, выделившего два типа фрейма — эпизодический и тематический — основывающиеся на характере освещения того или иного события [Iyengar, 1996], а также труды М. Маттеса и М. Коринга, выделивших пять исследовательских подходов в рамках фрейм-анализа: герменевтический, лингвистический, холистский, подход с использованием компьютерных технологий и дедуктивный [Matthes, Kohring, 2008]. Отдельного внимания заслуживает работа Н. Кловайта и его концепция технологических фреймов, главная особенность которых заключается в специфике канала коммуникации, а именно трансформации человеческого взаимодействия в связи с ограниченностью интеракции [Кловайт, 2015].

В условиях цифровизации медиакоммуникаций фрейм-анализ адаптируется к новым форматам. Так, в работе А. Юнг и др. представлен кросс-платформенный анализ фрейминга одного религиозного события в социальных сетях и традиционных СМИ [Jung et al., 2024]. В исследовании С. Чжао и С. Вана используется автоматизированный анализ для сравнения фреймов, позволяющий выявить расхож-

дения между государственным и гражданским нарративом в контексте пандемии COVID-19 [Zhao, Wang, 2022]. Возрастает интерес и к мультимодальным формам фреймирования, так как визуальные элементы влияют на интерпретацию текста [Geise, Xu, 2024], в том числе в контексте дезинформации, например о COVID-19 [Brennen, Simon, Nielsen, 2021].

Анализ работ отечественных исследователей показывает, что фрейм-анализ остается слабо изученным направлением [Асланов, 2020]. Н. С. Назарова подчеркивает, что в российской политической коммуникации фреймирование используется в недостаточной степени в связи с недооцененностью данной технологии [Назарова, 2021]. Эта проблема также связана с отсутствием общепринятых классификаций фреймов, методик их выделения и концептуальных рамок, что ограничивает возможности эмпирического применения подхода.

Тем не менее в последние годы наблюдается рост интереса к теме фреймирования. Так, работа С. А. Джавадовой акцентирует внимание на медиафреймах как инструменте влияния на общественное мнение [Джавадова, 2020]. М. А. Самкова показывает, как фреймы используются в медиа при конструировании образа города [Самкова, 2021]. Схожую проблематику поднимает А. М. Новикова, исследуя медиакартину города с помощью фрейм-анализа [Новикова, 2021]. Другой подход к фреймированию встречается в работе Е. С. Богомяжковой и Э. Ю. Харманской, где социальные сети рассматриваются как самостоятельные фреймы пользовательского опыта. Исследование показывает, что цифровая среда задает специфические рамки восприятия, например, социальная сеть «ВКонтакте» ассоциируется с официальной публичностью, в то время как Telegram — с приватностью [Богомяжкова, Харманская, 2024].

Изучение контента официальных аккаунтов муниципалитетов в социальных сетях стало важным направлением, поскольку именно через него органы местного самоуправления выстраивают репутационные стратегии, информируют население и, потенциально, организуют диалог. В научных исследованиях в данной области применяется широкий спектр методов анализа, при этом предмет интереса может быть разным.

В ряде российских работ используется контент-анализ, ориентированный на выделение тем и степени вовлеченности пользователей. Например, в исследовании Алтайского края проанализированы паблики муниципалитетов во «ВКонтакте» с фокусом на статистические данные: количество подписчиков, частота публикаций, коэффициент вовлеченности [Василенко, 2023]. Схожую методологию применили исследователи Северо-Западного федерального округа, применяя метрики по количеству публикуемых постов, лайков, комментариев и коэффициента вовлеченности за день [Секушина, Лебедева, 2024]. В Центральном федеральном округе дополнительно оценивали тематику постов с наибольшим числом комментариев и распределение типов контента [Рослякова, 2023]. Онлайн-опросы были изучены Е. А. Прокопьевым и соавторами, они классифицировали этот вид постов на социальные, экономические, политические и развлекательные и выявили самые частотные темы [Прокопьев и др., 2025].

В зарубежной научной литературе методы контент-анализа отличаются большей вариативностью. Например, цифровая коммуникация итальянских муниципалитетов

ципалитетов с гражданами в период пандемии COVID-19 анализируется при помощи алгоритма тематического моделирования [Ravenda et al., 2023]. Другие исследователи с помощью регрессионного анализа обнаружили влияние финансовой автономии и социодемографических факторов на уровень раскрытия информации муниципалитетами Португалии в соцсетях в период первой волны COVID-19 [Padeiro, Bueno-Larraz, Freitas, 2021]. Работа С. Чалхана и коллег акцентирует внимание на ценностной составляющей цифровой коммуникации, авторы проводят контент-анализ с применением метода аналитической иерархии, что позволяет сопоставить содержание сообщений с общественными ценностями [Çalhan et al., 2021]. Ключевая идея изучения официальных страниц местного самоуправления в странах Западной Европы заключалась в оценке влияния типа и вида контента на вовлеченность граждан: для каждой публикации рассчитывались показатели популярности, приверженности и виральности [Bonsón, Royo, Ratkai, 2015].

Большинство исследований не затрагивают вопрос смыслового оформления сообщений. В этом контексте фрейм-анализ представляет собой актуальный метод для изучения официальных аккаунтов органов власти и местного самоуправления, в частности госпабликов муниципалитетов в социальных сетях, так как эти площадки выполняют функцию медиаторов между властью и населением, формируя общественное восприятие не только событий, но и самого института власти. По сравнению с другими подходами фрейм-анализ позволяет понять смысловую структуру сообщений и выявить скрытую семиотику.

Таким образом, несмотря на достаточно редкое его применение в отечественной науке, данный подход имеет значительный потенциал для изучения коммуникативных практик органов местного самоуправления в цифровом пространстве.

Методология

Анализ когнитивных схем, которые позволяют классифицировать информацию, интерпретировать ее определенным образом и определять к ней свое отношение, проводился с опорой на одну из наиболее цитируемых классификаций, выделяющих общие для СМИ фреймы: фрейм конфликта, фрейм экономических последствий, фрейм индивидуальных интересов, моральный фрейм и фрейм ответственности. Для кодирования текстов применялся перечень вопросов, прошедший проверку в исследовании Х. Семетко и П. Валкенбурга [Semetko, Valkenburg, 2000], с адаптацией под возможности анализа нейросетью ChatGPT 4o. Обращение к машинному анализу текстов с помощью нейросети ChatGPT 4o обусловлено рядом причин. Во-первых, возможность анализировать большой массив текстов «одним исследователем» снимает проблему разного прочтения текстов несколькими кодировщиками данных в тех случаях, когда массив разделен между исследователями в силу большого объема и каждый анализирует только свою часть текстов. Во-вторых, после обучения нейросети выполнению этой задачи ее навыки можно использовать не только для составленной выборки текстов, но и для других аналогичных массивов данных, и это значительно экономит время.

Для составления массива данных использовалась целевая выборка. Исходную базу текстов (256 102 поста) составили публикации из 203 аккаунтов администра-

ций городских и муниципальных округов, муниципальных районов регионов УрФО³ в социальной сети «ВКонтакте»⁴, отобранных сплошным образом, подтвержденных через Госуслуги с присвоением статуса «Госорганизация», за период с 1 декабря 2022 г. по 1 декабря 2023 г. (начальная дата периода взята в связи с вступлением в действие Федерального закона от 14.07.2022 № 270-ФЗ). Данные по публикациям были выгружены с помощью парсингового инструмента «Церебро 3.0», также были выгружены агрегированные базы вовлеченных подписчиков и других пользователей социальной сети, которые в течение указанного периода проявляли активность в аккаунтах сообществ. На их основе с помощью доступных метрик рассчитывались основные показатели [Савчук и др., 2024].

Главным критерием отбора постов для последующего фрейм-анализа была высокая вовлеченность по просмотрам (ERR)⁵. Отбор был сделан из наиболее вовлекающих постов (ERR больше или равен медианному ERR в сообществе) из подмассива наиболее просматриваемых постов (просмотры поста больше или равны медианному значению просмотров в сообществе). На этом этапе количество постов составило 36 532.

Далее к созданному подмассиву был применен двухэтапный метод исключения экстремумов, чтобы нивелировать случайные всплески просмотров или специальные накрутки. Методом межквартильного размаха были исключены выбросы по просмотрам конкретного поста относительно медианного значения просмотров для сообщества, аналогичным методом были исключены выбросы по критерию вовлеченности по просмотрам. После этого этапа массив составил 20 560 постов. В то же время важно было оставить в выборке публикации из аккаунтов муниципалитетов различных субъектов УрФО и разных по численности населения. Поэтому для каждого региона отбирались 200 постов с наибольшей вовлеченностью по просмотрам: по 50 для каждой группы муниципалитетов по численности населения (административный центр, крупные и большие — свыше 100 тыс. человек, средние — от 50 тыс. до 100 тыс. человек, малые — до 50 тыс. человек). Итоговую выборку составили 1150 текстов, так как в Курганской области отсутствует группа крупных и больших муниципалитетов.

Учитывая, что выборка строилась по принципу отбора наиболее вовлекающих постов, полученную совокупность текстов авторы оценили на предмет представленности в ней аккаунтов субъектов регионов УрФО (см. табл. 1 и 2).

В большинстве регионов в выборку попали тексты из более чем половины аккаунтов в регионе. В случае Свердловской области, где доля представленности аккаунтов в выборке меньше половины, можно сделать вывод, что в нее попали посты из аккаунтов наиболее успешных в коммуникации муниципалитетов.

³ Согласно данным Федеральной службы государственной статистики на 1 января 2025 г. За рамками исследования остались госпублики городских и сельских поселений субъектов УрФО.

⁴ Социальная сеть «ВКонтакте» была выбрана для анализа, так как, согласно данным Mediascope, является абсолютным лидером по охвату за месяц (MAU) среди всех социальных сетей, география: вся Россия, аудитория: 12+. Показатель на сентябрь 2025 г. составляет 93 778 400 человек, в то время как «Одноклассники», где также ведется коммуникация согласно федеральному закону № 270-ФЗ, за пределами топ-5 социальных сетей. URL: <https://mediascope.net/data/> (дата обращения: 25.10.2025).

⁵ ERR = сумма всех реакций (лайки + комментарии + репосты) у поста / количество просмотров поста * 100%.

Таблица 1. Представленность в выборке постов из аккаунтов муниципалитетов регионов УрФО

Регион	Количество аккаунтов, из которых не менее одного текста попало в выборку	Общее количество аккаунтов в регионе	Доля представленности, %
Курганская обл.	19	26	73,1
Свердловская обл.	36	73	49,3
Тюменская обл.	19	26	73,1
ХМАО	21	22	95,5
Челябинская обл.	29	43	67,4
ЯНАО	12	13	92,3

Таблица 2. Представленность в выборке постов из разных по численности населения муниципалитетов регионов УрФО

Муниципалитеты	Количество аккаунтов, из которых не менее одного текста попало в выборку	Общее количество аккаунтов в кластере	Доля представленности, %
Административный центр	6	6	100,0
Крупные и большие	16	16	100,0
Средние	25	25	100,0
Малые	88	156	56,4

Меньшая представленность в выборке муниципалитетов с малой численностью населения связана с тем, что их, с одной стороны, значительно больше в массиве анализируемых аккаунтов, а с другой — их группа неоднородна, в выборку попали наиболее успешные в коммуникации аккаунты из этой группы.

Выявление фреймов с помощью машинного анализа потребовало адаптации выбранной методики. Первоначально перечень вопросов для кодировки текстов был проанализирован с точки зрения возможности работы с ним нейросетью ChatGPT 4o. Эта нейросеть оптимизирована под работу с текстовой информацией, поэтому из фрейма индивидуальных интересов был убран вопрос «Содержит ли текст визуальную информацию, которая может вызывать чувство возмущения, сочувствия или сострадания?» Итоговый перечень вопросов для кодировки представлен в таблице 3.

Таблица 3. Перечень вопросов для фрейм-анализа по методике Х. Саметко и П. Валкенбурга с адаптацией к машинному анализу

Фрейм	Вопросы для кодировки	Комментарий для машинного анализа
Фрейм конфликта	Содержит ли текст информацию о разногласиях между лицами, группами или странами?	Любые упоминания споров, конфликтов — 1 балл
	Содержит ли текст информацию об упреках или обвинениях?	Если есть упреки или критика в чей-то адрес — 1 балл
	Содержится ли информация о двух или более сторонах проблемы или вопроса?	Если в тексте есть намек на существование как минимум двух сторон с разными позициями — 1 балл

Фрейм	Вопросы для кодировки	Комментарий для машинного анализа
Фрейм экономических последствий	Есть ли упоминание финансовых потерь или прибыли сейчас или в будущем?	Явное или скрытое указание на экономический эффект — 1 балл
	Есть ли упоминание расходов, стоимости вовлеченности в событие?	Если реализация инициативы или действия подразумевают расход бюджетных или иных средств — 1 балл
	Есть ли информация об экономических последствиях, если следовать или не следовать определенному плану действий?	Если можно заключить, что определенные действия повлекут экономические последствия (сокращение или увеличение потерь, сокращение или увеличение прибыли, улучшение или ухудшение экономических условий) — 1 балл
Фрейм индивидуальных интересов	Рассказывается ли история человека или показана проблема через жизнь конкретного человека?	Если упомянута личная история, указано имя, описаны эмоции, жизненные обстоятельства — 1 балл
	Текст вызывает сочувствие или сострадание, эмоции через личные истории, личные виньетки?	Если есть персона и ее история, вызывающая эмоциональный отклик — 1 балл
	Текст затрагивает личную жизнь людей, о которых рассказывается?	Если указаны события из личной жизни, хобби, семья, личные обстоятельства конкретных людей — 1 балл
	Подчеркивается ли, как конкретный человек или конкретная идентифицированная группа людей затронуты вопросом или проблемой?	Если можно четко понять, что описывается реальная группа людей или личность, с деталями, которые позволяют воспринимать их как конкретных лиц, а не как абстрактную массу — 1 балл
Моральный фрейм	Содержит ли текст моральное послание?	Явное или неявное моральное наставление, призыв к добру, напоминание о правильном поведении — 1 балл
	Есть ли в тексте отсылка к морали, богу или религии?	Прямая отсылка к религии, божественному, нравственным нормам — 1 балл
	Есть ли информация о том, как нужно себя вести в социуме?	Рекомендации по социально одобряемому поведению, участию в хороших делах — 1 балл
Фрейм ответственности	Содержится ли информация о том, что у властей определенного уровня есть возможности решить проблему?	Считаем не только явные формулировки. Если речь о действиях властей, которые улучшают ситуацию, устраняют недостаток — 1 балл
	Содержится ли информация о том, что власти определенного уровня несут ответственность за этот вопрос или проблему?	Если понятно, что власти занимаются вопросом или проблемой, иницируют меры, значит они несут ответственность — 1 балл
	Содержится ли информация о решении вопроса или проблемы?	Если из текста видно, что предпринимаются действия для устранения недостатка, улучшения чего-то ранее проблемного — 1 балл
	Содержится ли информация, что человек или группа людей ответственны за вопрос или проблему?	Если можно понять, что возникший вопрос, проблема вызвана действиями или бездействием конкретных лиц или групп — 1 балл

На следующем этапе адаптации было необходимо задать предмет анализа, методику присвоения баллов и их подсчета для определения фреймов, а также основной принцип анализа. Предмет анализа был задан следующим образом: проведение анализа каждого текста по пяти фреймам.

Основной принцип анализа после нескольких процедур тестирования был задан следующим образом: тексты необходимо анализировать, «как человек», который вникает в смысл текста; нужно опираться как на прямые указания в тексте, так и на неявный, имплицитный смысл. Если из текста можно логически вывести существование проблемы, требующей решения, моральный посыл или экономический аспект, следует присваивать тексту соответствующий балл, даже если это не сказано прямо. При этом не допускается делать это произвольно. Интерпретация должна быть разумной, как если бы обычный читатель, учитывая контекст сообщения, понимал бы этот смысл. Если же информации недостаточно даже для логичной имплицитной интерпретации, балл не присваивается.

Такой подход к определению принципа анализа потребовался потому, что без данной формулировки, вводящей необходимость «рассуждения», «вникания в смысл», «имплицитной интерпретации», около 30 % текстов определялись нейросетью как не имеющие фрейма. В то время как при прочтении тех же самых текстов исследователь, применяя вопросы для кодировки, выделял тот или иной фрейм.

В ходе адаптации методики стало понятно, что необходимо расширить инструкцию для нейросети, дать определение ключевым терминам в вопросах для кодировки текстов, а также добавить комментарии и привести примеры. Без этого баллы, присваиваемые исследователем и нейросетью тестируемым образцам, не совпадали.

Для фрейма ответственности термин «проблема» пришлось не только определить, но и дать дополнительные комментарии, что деятельность властей на регулярной основе, реализация плановых мероприятий, организация общегородских праздников в обычном режиме не считаются проблемой. В то же время если из текста понятно, что изменения в работе транспорта, благоустройство территорий и другие улучшения городской среды устраняют существовавшие недостатки, то нужно считать, что проблема была, даже если она не названа в тексте прямо.

Для определения нейросетью фрейма индивидуальных интересов пришлось пояснить, что означает термин «конкретный человек», а также дать пояснения, что недостаточно только упоминания в тексте фамилии, имени и отчества человека, о котором рассказывается: необходимо, чтобы в тексте были описаны его жизнь, обстоятельства, в которых он находится, его эмоции. Потребовалось и объяснение, что упоминание человека или группы людей без конкретизации (например, спортсменов, жителей и т. п.) не подходит для фрейма индивидуальных интересов, даже если в тексте описываются их эмоции или обстоятельства, в которых они находятся.

В рамках идентификации морального фрейма были даны пояснения, что пожелания, актуализирующие общественные ценности или связанные с социально одобряемым поведением, могут неявно нести моральное послание (например, призыв поздравить мать в День матери или заботиться о ветеранах в поздравлении в честь Дня Победы). Также если в тексте есть призывы поступать во бла-

го общества, участвовать в улучшении городской жизни, понимать ценность исторической памяти, то он относится к информации о том, как нужно вести себя в социуме и, следовательно, его тоже необходимо считать моральным посланием.

Для определения фрейма экономических последствий тоже потребовались объяснения и примеры. В итоговой инструкции было сформулировано, что если прямо или неявно подразумеваются расходы или вложения, экономическая выгода или ее отсутствие, то необходимо присваивать баллы по этому фрейму. Например, для благоустройства городской территории требуются средства; вакцинация в перспективе влияет на экономию расходов в сфере здравоохранения, хотя на нее необходимо выделить средства; восстановление инфраструктуры территории после пожара требует расходов и т. п.

Кроме этих общих положений по анализу фреймов, в отношении каждого вопроса для кодировки дополнительно уточнялось, в каких случаях тексту присваивается балл.

В ходе тестирования методики было апробировано несколько моделей для анализа (ChatGPT o1-preview, ChatGPT 4o, ChatGPT o3, DeepSeek R1), по результатам тестирования была выбрана модель ChatGPT 4o, финальный анализ проводился апреле и мае 2025 г. Для оптимизации анализа был создан ИИ-ассистент, в его конфигурацию были загружены финальная инструкция, методические материалы (статья по выбранной методике фрейм-анализа на английском языке, примеры анализа текстов, разработанные на предыдущих этапах адаптации методики), также было проведено обучение ИИ-ассистента. ИИ-ассистент настроен на подсчет баллов по каждому фрейму и выдачу таблицы с результатами⁶. Вместе с тем для определения доминирующего фрейма потребовалось взвесить баллы в ручном режиме: для этого необходимо было найти отношение баллов по каждому фрейму, присвоенных нейросетью, к числу вопросов по каждому фрейму из методики. Пример анализ поста представлен в таблице 4.

Таблица 4. Пример анализа поста

Текст поста: «Новогодние мечты сбываются Семья Светловых, проживающая по адресу 30 лет Октября, многодетная. В ней растет трое детей — старшая дочка Диана, сыновья Матвей и совсем маленький Макар. Дочка Диана мечтает научиться играть на гитаре. И под Новый год, она вместе с мамой Людмилой Сергеевной отправили письмо — заявку на гитару на Елку желаний. И неожиданно для них чудо свершилось. Их желание осуществил глава города Сайгид Билалов. Накануне большого православного праздника Крещения он побывал в гостях у Светловых и подарил Диане красивый музыкальный инструмент — гитару. Диана была сильно смущена, но пообещала главе научиться и со временем сыграть для него в знак благодарности. На снимке Ю. Калугина: момент вручения подарка. Пресс-центр администрации МО город Алапаевск».					
	Фрейм ответственности	Фрейм индивидуальных интересов	Фрейм конфликта	Фрейм морали	Фрейм экономических последствий
Баллы	0	4	0	1	0
Коэффициент взвешивания	0	1,00	0	0,33	0
Вывод: доминирующий фрейм индивидуальных интересов					

⁶ Протестировать инструмент можно по ссылке — URL: <https://chatgpt.com/g/g-683dfd60c07c8191a7107d150461ea9f-nauchnyi-sotrudnik> (требуется регистрация в системе Open AI и VPN).

На всех этапах адаптации методики вручную проводилась проверка 20 % выборки (отбирались 20 % постов для проверки в каждой группе муниципалитетов по численности населения в каждом из регионов). И если на первом этапе несовпадения ручного и машинного анализа наблюдались в 15—18 % случаев, то на этапе итоговой проверки доля расхождений не превышала 1 %. Можно отметить, что большинство ошибок было связано с интерпретацией сложных текстов: алгоритм не всегда точно распознавал тонкие семантические различия, иронию или имплицитные смыслы, поэтому на первоначальных этапах работы с методикой наибольшее число ошибок наблюдалось при определении морального фрейма и фрейма индивидуальных интересов.

Типовой объем поста, визуализация и другие особенности текстов в социальных сетях потребовали предварительной классификации массива данных с точки зрения наличия технологических фреймов, то есть с точки зрения подачи материала, связанной с технологическими особенностями социальных сетей. Массив данных для анализа был разделен на репосты (полностью заимствованные тексты, в которых модератор аккаунта не добавил от себя ни одного символа), тексты меньше 150 символов и тексты со 150 символами и больше (в ходе тестирования методики было выявлено, что объем текста менее 150 символов не позволяет определять общие для массмедиа фреймы).

Репосты было решено убрать из анализа, так как они не были созданы модераторами пабликов муниципалитетов и поэтому передают рамку, созданную другими акторами, кроме того, существуют технические сложности получения текстов при формировании выгрузки в отношении постов такого типа: парсинговый инструмент не выгружает сам текст поста и требуется открытие ссылки вручную для просмотра текста, его копирования и дальнейшей обработки. В итоговой выборке их было 7,0 % (80 постов). Для анализа текстов объемом меньше 150 символов (фотографии или видео с короткими комментариями или только фотографии или видео) методика была видоизменена. В итоговой выборке таких текстов было 11,6 % (133 поста). Тексты со 150 символами и больше анализировались с помощью выбранной методики, адаптированной к машинному анализу. Такие тексты составили 81,5 % выборки (937 постов).

Важно отметить следующие ограничения исследования. Во-первых, выводы о фрейминге делаются преимущественно на основании публикаций из наиболее успешных в коммуникации аккаунтов. Во-вторых, так как при отборе постов был применен метод двухэтапного исключения экстремумов, чтобы убрать случайные всплески и специальные накрутки просмотров, анализировалась обычная, рутинная коммуникация в госпабликах. В-третьих, не рассматривались аккаунты городских и сельских поселений.

Результаты исследования

Данные по анализу текстов представлены в таблице 5.

Таблица 5. Фреймы текстов в госпабликах муниципалитетов субъектов УрФО (в %)

Тип фрейма	Морали	Ответственности	Индивидуальных интересов	Экономических последствий	Конфликта	Несколько равноправных	Отсутствует	ИТОГО
Муниципалитеты								
Курганская область	62,2	8,7	20,5	4,7	0,0	2,4	1,6	100,0
Административный центр	71,4	7,1	14,3	4,8	0,0	0,0	2,4	100,0
Крупные и большие	—	—	—	—	—	—	—	—
Средние	58,5	14,6	19,5	7,3	0,0	0,0	0,0	100,0
Малые	56,8	4,6	27,3	2,3	0,0	6,8	2,3	100,0
Свердловская область	30,8	20,6	23,3	4,8	0,7	1,4	18,5	100,0
Административный центр	28,3	28,3	2,2	8,7	2,2	0,0	30,4	100,0
Крупные и большие	9,7	25,8	41,9	0,0	0,0	0,0	22,6	100,0
Средние	35,3	17,7	29,4	5,9	0,0	5,9	5,9	100,0
Малые	48,6	8,6	28,6	2,9	0,0	0,0	11,4	100,0
Тюменская область	54,0	23,0	2,3	5,2	0,0	1,2	14,4	100,0
Административный центр	42,6	34,0	0,0	14,9	0,0	2,1	6,4	100,0
Крупные и большие	50,0	17,5	2,5	0,0	0,0	0,0	30,0	100,0
Средние	58,7	28,3	0,0	4,4	0,0	0,0	8,7	100,0
Малые	65,9	9,8	7,3	0,0	0,0	2,4	14,6	100,0
ХМАО	45,6	12,7	19,0	10,8	0,0	5,1	7,0	100,0
Административный центр	40,6	18,8	15,6	18,8	0,0	6,2	0,0	100,0
Крупные и большие	45,5	11,4	27,3	13,6	0,0	2,3	0,0	100,0
Средние	47,5	15,0	17,5	5,0	0,0	7,5	7,5	100,0
Малые	47,6	7,1	14,3	7,1	0,0	4,8	19,1	100,0
Челябинская область	43,8	45,6	0,6	1,9	0,0	1,9	6,2	100,0
Административный центр	14,6	83,3	0,0	0,0	0,0	0,0	2,1	100,0
Крупные и большие	55,3	39,5	0,0	2,6	0,0	0,0	2,6	100,0
Средние	60,5	26,3	0,0	2,6	0,0	2,6	7,9	100,0
Малые	52,8	22,2	2,8	2,8	0,0	5,6	13,9	100,0
ЯНАО	47,7	4,1	20,9	11,1	0,0	4,7	11,6	100,0
Административный центр	65,9	2,3	9,1	9,1	0,0	6,8	6,8	100,0
Крупные и большие	50,0	5,3	23,7	10,5	0,0	2,6	7,9	100,0
Средние	41,3	6,5	30,4	13,0	0,0	2,2	6,5	100,0
Малые	34,1	2,3	20,5	11,4	0,0	6,8	25,0	100,0
В целом по массиву	47,2	19,3	14,0	6,5	0,1	2,8	10,1	100,0

В целом по массиву доминирует фрейм морали с большим преимуществом по отношению к другим — 47,2%. В этом фрейме представлены несколько групп текстов. Во-первых, сюда вошли поздравления с общероссийскими, религиозными, профессиональными и городскими праздниками, содержащие моральное послание. Во-вторых, часто встречаются патриотические и памятные тексты, связанные с военными и историческими датами, церемониями награждения, парадами и иными формами публичного признания героизма и подвига. В-третьих, в эту группу попали тексты о спортивных соревнованиях разного уровня, в которых участвовали спортсмены, представлявшие муниципалитет, если акцент в тексте был сделан на значимости ценности спорта для общества и/или других социально значимых ценностях, таких как воля к победе, настойчивость и упорство в тренировках и т. п. В-четвертых, это тексты с различными инструкциями по социально одобряемому поведению: как правильно вести себя на пожаре или в лесу и т. п. В-пятых, истории из городской жизни, если в них фрейм морали был выражен сильнее, чем фрейм индивидуальных интересов, — вручение подарка многодетной семье главой города в рождественский праздник, помощь волонтеров в заготовке дров семьям участников СВО и т. п. Метрики по реакциям для этого типа фреймов примерно такие же, как по всему массиву в целом, выраженных отклонений в ту или иную сторону нет.

На втором месте, но со значительным отставанием, — фрейм ответственности (19,3%). Этот фрейм также встречается в нескольких группах текстов. Это, во-первых, тексты об изменениях, — как правило, улучшениях городской среды и инфраструктуры, — реализованных властями муниципалитета. Во-вторых, посты с призывами проголосовать за те или иные изменения в городской среде и тем самым принять участие в развитии своей территории. В-третьих, сообщения о мерах поддержки малого бизнеса, переселении жителей из аварийного жилья в новые кварталы, реализации мер поддержки многодетных семей и т. п. В-четвертых, тексты с оперативным реагированием властей на возникающие проблемы: сообщения о мониторинге состояния территорий, наведении порядка, устранении последствий природных явлений, технических неисправностей — мониторинг отлова бездомных животных, устранение проблем водоснабжения, проверка мусорных контейнерных площадок. У постов данного фрейма больше комментариев, чем по массиву в целом: медиана — 10, в то время как по массиву в целом — 2. В то же время меньше лайков: медиана — 44, по массиву в целом — 68.

На третьем месте — фрейм индивидуальных интересов (14,0%). Это истории жителей муниципалитетов, поданные как в позитивном ключе, например в связи с юбилеем, значимым достижением или памятной датой, так и в связи с трагическими событиями. Большинство текстов описывают истории ныне живущих семей, но в небольшом количестве встречаются и исторические тексты о купцах, ремесленниках и других выдающихся исторических личностях, которыми известна территория. У постов в рамках данного фрейма больше, чем у других, лайков: медиана — 125, по массиву в целом — 68. И больше всех реакций любого типа: медиана — 144, по массиву в целом — 83.

На четвертом месте — значительно реже встречающийся фрейм экономических последствий (6,5%). Это тексты, рассказывающие о закупках техники или

транспорта для развития инфраструктуры муниципалитета, заключении договоров с подрядчиками на реализацию услуг по содержанию городской инфраструктуры, организации городских выставок-ярмарок и т. п. Также сюда вошли тексты с упоминанием выплат, субсидий для отдельных категорий граждан и инвестиционных проектов, поддержки малого бизнеса. У этого типа фреймов больше репостов, чем у других: медиана — 9, по массиву в целом — 5. Также этот тип фреймов на втором месте по общему числу реакций: медиана — 128, по массиву в целом — 83.

Фрейм конфликта почти не встречается — 0,1%. Это единичный случай, описание его характеристик не имеет статистической значимости.

Ситуация нескольких одинаково выраженных фреймов встречается в 2,8% случаев. Такой тип текстов обладает минимальными, но валидными признаками фреймовой структуры, в текстах присутствует одинаковое, по нескольким фреймам минимальное значение присвоенных баллов. Как правило, это слабое присутствие морального послания, экономического компонента или ответственности, а также недетализированное, поверхностное освещение истории конкретного человека.

Фрейм отсутствует в подаче 10,1% текстов. Это, как правило, нейтрально поданная информация о каких-либо городских событиях — афиша праздничных мероприятий, график движения транспорта между населенными пунктами и т. п. Отсутствие фрейма в данном случае можно рассматривать как отдельную смысловую рамку, когда отправитель информации не сопровождает ее какими-то дополнительными смыслами, но исходит из того, что эта информация важна для целевой аудитории.

Сложность анализа текстов, содержащих меньше 150 символов, в которых основное содержание передается фотографиями или видео, заключалась в том, что значительная часть массива не попадает под общие для массмедиа фреймы. Важно отметить, что такие фреймы, как ответственности, экономических последствий или индивидуальных интересов, выделить только на основе фотографий, если они не сопровождаются короткими сообщениями, невозможно. Такая же сложность с видео, если оно не сопровождается аудиотекстом. Вместе с тем довольно большой массив постов с фотографиями и видео явно содержит определенную рамку референции, когда и отправителю сообщения, и реципиенту из контекста коммуникации понятно, какой смысл доносится в транслируемом сообщении, но эти фреймы не относятся к пяти общим фреймам.

Учитывая небольшой объем постов в данном технологическом фрейме (133), а также потребность в ходе анализа выделить новые содержательные фреймы, отсутствие для этого апробированной в предыдущих исследованиях методики, было принято решение проводить эту часть исследования вручную, без применения машинного анализа.

Использовавшаяся ранее для анализа текстов 150 символов и больше классификация (фрейм конфликта, экономических последствий, индивидуальных интересов, морали и ответственности) была расширена за счет введения дополнительных фреймов — локального патриотизма и коллективных действий.

Объединить в один фрейм фотографии и видео с местными природными ландшафтами и явлениями, узнаваемыми городскими местами в различные времена года, а также с событиями из городских праздников, нас побудили отдельные

комментарии к этим постам, в которых выражалась гордость за родной край, восхищение красотой местной природы. Данному фрейму было присвоено название «фрейм локального патриотизма».

Изображения с массовых мероприятий, в которых визуально отражена динамика событий, вошли во фрейм коллективных действий. К этому фрейму были отнесены фотографии и видео со спортивных мероприятий, концертов и т. п.

Результаты анализа данного типа технологических фреймов представлены в таблице 6.

Таблица 6. Фреймы фотографий и видео в госпабликах муниципалитетов субъектов УрФО (в %)

Тип фрейма	Морали	Ответственности	Индивидуальных интересов	Экономических последствий	Коллективных действий	Локального патриотизма	Конфликта	Фрейм отсутствует	ИТОГО
Муниципалитеты									
Курганская область	30,0	25,0	0,0	0,0	10,0	25,0	0,0	10,0	100,0
Административный центр	14,3	57,1	0,0	0,0	14,3	14,3	0,0	0,0	100,0
Крупные и большие	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Средние	12,5	12,5	0,0	0,0	12,5	50,0	0,0	12,5	100,0
Малые	80,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	20,0	100,0
Свердловская область	28,6	0,0	3,6	0,0	7,1	50,0	0,0	10,7	100,0
Административный центр	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	75,0	0,0	25,0	100,0
Крупные и большие	18,2	0,0	0,0	0,0	0,0	72,7	0,0	9,1	100,0
Средние	55,6	0,0	0,0	0,0	11,1	33,3	0,0	0,0	100,0
Малые	25,0	0,0	25,0	0,0	25,0	0,0	0,0	25,0	100,0
Тюменская область	38,1	4,8	0,0	0,0	0,0	42,9	0,0	14,2	100,0
Административный центр	50,0	0,0	0,0	0,0	0,0	50,0	0,0	0,0	100,0
Крупные и большие	30,0	10,0	0,0	0,0	0,0	60,0	0,0	0,0	100,0
Средние	50,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	50,0	100,0
Малые	42,8	0,0	0,0	0,0	0,0	28,6	0,0	28,6	100,0
ХМАО	26,1	26,1	0,0	4,4	4,4	30,4	0,0	8,6	100,0
Административный центр	33,3	50,0	0,0	0,0	0,0	16,7	0,0	0,0	100,0
Крупные и большие	60,0	20,0	0,0	0,0	0,0	20,0	0,0	0,0	100,0
Средние	16,7	33,3	0,0	0,0	0,0	33,3	0,0	16,7	100,0
Малые	0,0	0,0	0,0	16,7	16,7	50,0	0,0	16,6	100,0
Челябинская область	21,4	14,3	0,0	0,0	7,1	42,9	0,0	14,3	100,0
Административный центр	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Крупные и большие	0,0	14,3	0,0	0,0	0,0	85,7	0,0	0,0	100,0
Средние	50,0	50,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	100,0
Малые	40,0	0,0	0,0	0,0	20,0	0,0	0,0	40,0	100,0

Тип фрейма	Морали	Ответственности	Индивидуальных интересов	Экономических последствий	Коллективных действий	Локального патриотизма	Конфликта	Фрейм отсутствует	ИТОГО
Муниципалитеты									
ЯНАО	18,5	0,0	3,7	0,0	14,8	59,3	0,0	3,7	100,0
Административный центр	16,6	0,0	0,0	0,0	16,7	66,7	0,0	0,0	100,0
Крупные и большие	9,1	0,0	9,1	0,0	9,1	72,7	0,0	0,0	100,0
Средние	0,0	0,0	0,0	0,0	25,0	50,0	0,0	25,0	100,0
Малые	50,0	0,0	0,0	0,0	16,7	33,3	0,0	0,0	100,0
В целом по массиву	27,1	10,5	1,5	0,8	7,5	42,9	0,0	9,8	100,0

В массиве постов с числом знаков менее 150 доминирует фрейм локального патриотизма — 42,9%. Он охватывает посты, которые способствуют формированию положительного эмоционального отношения к конкретному городу, району или местности, подчеркивая их уникальность, значимость и привлекательность для жителей. В отличие от фрейма морали, здесь акцент не на универсальных ценностях, а на чувстве сопричастности к месту, его истории и настоящему. Это посты, включающие визуализацию природных пейзажей региона и городской среды. В ряде случаев короткие подписи усиливают посыл сообщения, например, «первый снег в городе». Отдельный жанр представляют собой ностальгические публикации о прошлом района (архивные съемки, воспоминания о прежнем облике улиц и зданий, история знаковых мест района). Значительную часть составляют видеотрансляции с городских мероприятий и праздников, в которых подчеркивается участие местного сообщества, позитивная атмосфера.

Существенно уступает по частоте фрейм морали — 27,1%, включающий изображения, связанные с государственными праздниками, благотворительными инициативами, архивными фотографиями, например военных лет, и визуальными инструкциями, направленными на формирование социально одобряемых моделей поведения, таких как профилактика заболеваний. Также сюда входят видеоролики с поздравлениями ветеранов, участников СВО и других личностей за их достижения. Здесь же присутствуют видеоролики с сообщениями администрации о правилах и нормах поведения, например призывы соблюдать правила пожарной безопасности.

На третьем месте фрейм ответственности — 10,5%. В его рамках поданы материалы, демонстрирующие работу коммунальных служб муниципалитета (озеленение территории, плановые ремонты проблемных участков улиц) и деятельность администрации по организации мероприятий (украшение города к празднику).

Далее следует фрейм коллективных действий — 7,5%, включающий изображения массовых мероприятий: концертов, спортивных забегов, массовых велопрогулок и других форм участия в коллективной активности. Фрейм индивидуальных интересов присутствует в 1,5% случаев. Это видео, где описывается история конкретной семьи — история встречи и любви — в рамках местной телевизион-

ной передачи. Фрейм экономических последствий практически не встречается — 0,8%, а фрейм конфликта полностью отсутствует.

Фрейм не определен у 9,8% постов. Это, как правило, информационные сообщения нейтрального характера, например афиша мероприятий или изображение расписания движения транспорта.

Дискуссия и заключение

Авторы согласны с важностью изучения статистических показателей коммуникации госпабликов [Василенко, 2023; Секушина, Лебедева, 2024] и расставляемых тематических акцентов [Рослякова, 2023; Прокопьев и др., 2025]. Результаты данных исследований способствуют разработке практических рекомендаций, ориентированных на увеличение вовлеченности подписчиков и активность госпабликов. Вместе с тем авторы считают важным дополнить имеющиеся работы изучением имплицитных смыслов коммуникации.

Связь между медиаконтентом и гражданской активностью изучалась зарубежными исследователями [Boulianne, 2015]. В данном контексте фрейм-анализ помогает выявить селективность подаваемой информации [Entman, 1993] и, тем самым, желаемое направление ожидаемых реакций, в том числе вовлечение граждан в обсуждение и принятие управленческих решений, если такое ставится в качестве цели.

Также в рамках исследования методика выявления в массмедиа общих фреймов [Semetko, Valkenburg, 2000] была применена к новому типу текстов — публикациям в госпабликах муниципалитетов в социальных сетях. В ходе адаптации методики были продемонстрированы как ее эвристические возможности, так и потребность в видоизменении и дополнении при анализе публикаций объемом менее 150 символов, характеризующихся преобладанием визуальных компонентов.

Применив фрейм-анализ, авторы выделили доминирование фрейма морали, присущего в наиболее вовлекающим по просмотрам публикациям в аккаунтах администраций муниципалитетов УрФО. По мнению авторов, данный фрейм не может способствовать вовлечению граждан в обсуждение и принятие управленческих решений. Такой вывод основывается как на теоретических характеристиках данного фрейма, который в большей степени подразумевает однонаправленную коммуникацию, донесение морального послания или образцов социально-одобряемого поведения, так и на основании содержания постов и медианных показателей реакции.

Для вовлечения в обсуждение и принятие управленческих решений больше подходят фреймы ответственности и экономических последствий. Фрейм ответственности может служить рамкой для вовлечения граждан в обсуждение и принятие управленческих решений, так как предполагает определение проблемы, субъектов, которые могут взять на себя ответственность за ее решение, демонстрацию решений. Это можно подтвердить тем, что в массив постов этого фрейма входят в том числе опросы о выборе городских территорий для благоустройства, то есть формат, в котором жители высказывают свое мнение. А также у публикаций в рамках данного фрейма большее значение медианного показателя комментариев, чем по массиву в целом, то есть посты данного формата побуждают аудиторию к обсуждениям.

Фрейм экономических последствий с точки зрения теории задает рамку для понимания управления бюджетом территории, программ, в которых она может участвовать, ресурсов, необходимых для того или иного мероприятия, экономических последствий тех или иных явлений или целенаправленных действий. Высокие медианные показатели репостов и всех реакций в целом показывают социальное значение постов, входящих в данный фрейм, стремление прочитавших привлечь внимание других читателей к данным текстам.

Учитывая, что выборку составили наиболее вовлекающие посты в ситуации рутинной коммуникации, получается, что посты с моральным фреймом и фреймом локального патриотизма, которые преобладают, чаще привлекают внимание граждан. Этот факт свидетельствует, по мнению авторов, что и актуальная аудитория госпабликов пока не готова к диалогу в русле обсуждения и принятия управленческих решений.

Дальнейшее развитие темы исследования может быть направлено на изучение мнения аудитории о контенте госпабликов и возможностях ее вовлечения в обсуждение и принятие управленческих решений.

Список литературы (References)

1. Асланов И. А. Исследование фрейминга в работах российских ученых: результаты контент-анализа // Медиаскоп. 2020. № 4. Ст. 2.
Aslanov I. A. (2020) Framing Research in Russian Articles: Data of Frequency Analysis. *Mediascope*. No. 4. Art. 2. (In Russ.)
2. Бабаева А. А. Органы государственной власти в социальных сетях: анализ аккаунтов Правительства Москвы // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 3. С. 198—215. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2021.198215>.
Babaeva A. A. (2021) Bodies of State Power on Social Networks: an Analysis of Moscow Government Accounts. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*. No. 3. P. 198—215. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2021.198215>. (In Russ.)
3. Богомягова Е. С., Харманская Э. Ю. Социальные сети как фреймы: анализ пользовательского опыта // Журнал социологии и социальной антропологии. 2024. Т. 27. № 3. С. 168—195. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.6>.
Bogomyagkova E., Kharmanskaya E. (2024) Social Networks as Frames: User Experience Analysis. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 27. No. 3. P. 168—195. <https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.6>. (In Russ.)
4. Василенко И. А. Госпаблики органов местного самоуправления Алтайского края во «ВКонтакте»: опыт анализа // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. 2023. № 28. С. 17—25.
Vasilenko I. A. (2023) Altai Krai Local Government Communities in VKontakte: Experience of Analysis. *PR and Advertising in a Changing World: Regional Aspect*. No. 28. P. 17—25. (In Russ.)

5. Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / пер. с англ. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой; вступ. статья Г. С. Батыгина. М.: Институт социологии РАН, 2003.
Goffman E. (2003) *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. Moscow: Institute of Sociology of the RAS. (In Russ.)
6. Джавадова С. А. Медиафрейминг как инструмент влияния на общественное мнение // *E-Scio*. 2020. № 5. С. 85—93.
Javadova S. A. (2020) *Media Framing as a Tool for Influencing Public Opinion*. *E-Scio*. No. 5. P. 85—93. (In Russ.)
7. Кловайт Н. О. Конститутивные эффекты технологических фреймов в повседневном взаимодействии // *Социология власти*. 2015. Т. 27. № 1. С. 166—180.
Klowait N. O. (2015) *Constitutive Effects of Technological Frames in Everyday Interaction*. *Sociology of Power*. Vol. 27. No. 1. P. 166—180. (In Russ.)
8. Лебедев Д. В., Мавлетова А. М. Исследования медиа-фреймов: обзор основных методологических подходов // *Коммуникации. Медиа. Дизайн*. 2017. Т. 2. № 3. С. 79—102.
Lebedev D., Mavletova A. (2017) *Studying the Media Frames: Review of the Main Methodological Approaches*. *Communications. Media. Design*. Vol. 2. No. 3. 79—102. (In Russ.)
9. Назарова М. С. Роль медиафрейминга в процессе политической коммуникации // *Русская политология*. 2021. № 2. С. 154—159.
Nazarova M. S. (2021) *The Role of Media Framing in Political Communication Process*. *Russian Political Science*. No. 2. P. 154—159. (In Russ.)
10. Новикова А. М. Фреймовый анализ как метод построения медиакартины города // *Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики*. 2021. Т. 7. № 3. С. 28—39. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-3>.
Novikova A. M. (2021) *Building the Media Picture of a City: The Method of Frame Analysis*. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. Vol. 7. No. 3. P. 28—39. <https://doi.org/10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-3>. (In Russ.)
11. Прокопьев Е. А., Курило А. Е., Губина О. В., Шлапекко Е. А. Методика оценки цифрового разрыва на основе индекса вовлеченности «ВКонтакте» // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2024. Т. 17. № 5. С. 151—168. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.5.95.8>.
Prokopiev E. A., Kurilo A. E., Gubina O. V., Shlapeko E. A. (2025) *Technique for Assessing the Digital Divide Based on the Engagement Index on VKontakte Social Media Platform*. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 17. No. 5. P. 151—168. <https://doi.org/10.15838/esc.2024.5.95.8>. (In Russ.)
12. Прокопьев Е. А., Курило А. Е., Шлапекко Е. А., Губина О. В. Онлайн-взаимодействие муниципальных властей с населением (кейс опросов во «ВКонтакте» на примере СЗФО РФ) // *Полис. Политические исследования*. 2025. № 3. С. 144—161. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.03.10>.

- Prokopiev E. A., Kurilo A. E., Shlapeko E. A., Gubina O. V. (2025) Online Interaction of Municipal Authorities with the Population (Case of Surveys on VKontakte in the Northwestern Federal District of Russia). *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 144—161. <https://doi.org/10.17976/jpps/2025.03.10>. (In Russ.)
13. Рослякова М. В. Социальные сети как инструмент вовлечения граждан в управление (на примере официальных страниц местных администраций городов ЦФО) // Социодинамика. 2023. № 7. С. 1—18. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2023.7.43708>.
Roslyakova M. V. (2023) Social Networks as a Tool for Involving Citizens in Governance (Using the Example of the Official Pages of Local Administrations of Cities in Central Russia). *Sociodynamics*. No. 7. P. 1—18. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2023.7.43708>. (In Russ.)
14. Савчук Г. А., Банных Г. А., Кульпин С. В., Курашов Р. М. Коммуникация органов местного самоуправления и населения в социальных медиа: регионы Уральского федерального округа // Регионоведение. 2024. Т. 32. № 4. С. 653—672. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.653-672>.
Savchuk G. A., Bannykh G. A., Kulpin S. V., Kurashov R. M. (2024) Communication of Local Governments and the Population in Social Media: Regions of the Ural Federal District. *Russian Journal of Regional Studies*. Vol. 32. No. 4. P. 653—672. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.129.032.202404.653-672>. (In Russ.)
15. Самкова М. А. Фреймирование в опыте медийного конструирования образа города // Политическая лингвистика. 2021. № 5. С. 157—167. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_05_18.
Samkova M. A. (2021) Framing in Media Construction of a City Image. *Political Linguistics*. No. 5. P. 157—167. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_05_18. (In Russ.)
16. Секушина И. А., Лебедева М. А. Оценка гражданской активности в локальных сообществах в социальной сети «ВКонтакте» (на примере муниципальных образований Северо-Западного федерального округа) // Креативная экономика. 2024. Т. 18. № 12. С. 3805—3826. <https://doi.org/10.18334/ce.18.12.122155>.
Sekushina I. A., Lebedeva M. (2024) A. Assessment of Civic Activity in Local Communities on the VKontakte Social Network (on the Example of Municipalities of the Northwestern Federal District). *Creative Economy*. Vol. 18. No. 12. P. 3805—3826. <https://doi.org/10.18334/ce.18.12.122155>. (In Russ.)
17. Boulianne S. (2015) Social Media Use and Participation: A Meta-Analysis of Current Research. *Information, Communication & Society*. Vol. 18. No. 5. P. 524—538. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2015.1008542>.
18. Bonsón E., Royo S., Ratkai M. (2015) Citizens' Engagement on Local Governments' Facebook Sites. An Empirical Analysis: The Impact of Different Media and Content Types in Western Europe. *Government Information Quarterly*. Vol. 32. No. 1. P. 52—62. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2014.11.001>.
19. Brennen J. S., Simon F. M., Nielsen R. K. (2021) Beyond (Mis)Representation: Visuals in COVID-19 Misinformation. *The International Journal of Press/Politics*. Vol. 26. No. 1. P. 277—299. <https://doi.org/10.1177/1940161220964780>.

20. Çalhan H. S., Karkin N., Hasiloglu S. B., Özgül, M. E. (2021) The Reflection of Public Values in Twitter Use of Metropolitan Municipalities: A Content Analysis Employing the Analytic Hierarchy Process. *Information Polity*. Vol. 26. No. 4. P. 391—415. <https://doi.org/10.3233/IP-210327>.
21. Entman R. M. (1993) Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. *Journal of Communication*. Vol. 43. No. 4. P. 51—58. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>.
22. Geise S., Xu Y. (2024) Effects of Visual Framing in Multimodal Media Environments: A Systematic Review of Studies Between 1979 and 2023. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. Vol. 102. No. 3. P. 796—823. <https://doi.org/10.1177/10776990241257586>.
23. Iyengar S. (1996) Framing Responsibility for Political Issues. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 546. P. 59—70.
24. Jung A. K., Shahi G. K., Fromm J., Røysland K. A., Gronert K. H. (2024) Multi-Platform Framing Analysis: A Case Study of Kristiansand Quran Burning. *arXiv*. Art. arXiv:2407.12968. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2407.12968>.
25. Habermas J. (1962) Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Öffentlichkeit. Neuwied: Luchterhand.
26. Habermas J. (2022) Reflections and Hypotheses on a Further Structural Transformation of the Political Public Sphere. *Theory, Culture and Society*. Vol. 39. No. 4. P. 145—171. <https://doi.org/10.1177/02632764221112341>.
27. Matthes J., Kohring M. (2008) The Content Analysis of Media Frames: Toward Improving Reliability and Validity. *Journal of Communication*. Vol. 58. No. 2. P. 258—279. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2008.00384.x>.
28. Padeiro M., Bueno-Larraz B., Freitas A. (2021) Local Governments' Use of Social Media during the COVID-19 Pandemic: The Case of Portugal. *Government Information Quarterly*. Vol. 38. No. 4. Art. 101620. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2021.101620>.
29. Ravenda D., Valencia-Silva M. M., Argiles-Bosch J. M., García-Blandón J. (2023) COVID-19 Communication Management on Facebook Pages of Local Governments. *Administration & Society*. Vol. 55. No. 7. P. 1290—1333. <https://doi.org/10.1177/00953997231165258>.
30. Semetko H., Valkenburg P. (2000) Framing European Politics: A Content Analysis of News and Television News. *Journal of Communication*. Vol. 50. No. 2. P. 93—109. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2000.tb02843.x>.
31. Zhao X., Wang X. (2022) Dynamics of Networked Framing: Automated Frame Analysis of Government Media and the Public on Weibo with Pandemic Big Data. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. Vol. 100. No. 1. P. 100—122. <https://doi.org/10.1177/10776990211072508>.

DOI: [10.14515/monitoring.2026.1.3069](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3069)

Е. Я. Варшавская

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГЕНДЕРНАЯ СЕГРЕГАЦИЯ
НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА**

Правильная ссылка на статью:

Варшавская Е. Я. Профессиональная гендерная сегрегация на российском рынке труда // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 1. С. 275—299. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3069>.

For citation:

Varshavskaya E. Y. (2026) Occupational Gender Segregation in the Russian Labor Market. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 275–299. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3069>. (In Russ.)

Получено: 17.07.2025. Принято к публикации: 18.11.2025.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГЕНДЕРНАЯ СЕГРЕГАЦИЯ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА

ВАРШАВСКАЯ Елена Яковлевна — доктор экономических наук, профессор департамента организационного поведения и управления человеческими ресурсами, Высшая школа бизнеса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: evarshavskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5996-4563>

Аннотация. В статье представлена оценка уровня и динамики профессиональной гендерной сегрегации, которая считается одной из ключевых характеристик, отражающих положение мужчин и женщин на рынке труда, в России в 2000—2024 гг. Эмпирической базой выступили данные Обследования рабочей силы, проводимого Росстатом, и данные Евростата. Для оценки уровня сегрегации использован индекс диссимилиации Дункана. Показано, что уровень профессиональной сегрегации в России является высоким и характеризуется плавной повышательной динамикой. Рост в основном обусловлен усилением концентрации мужчин и женщин внутри отдельных профессий. Гендерная профессиональная структура устойчива и поляризована. Около половины российских мужчин и женщин сконцентрированы в абсолютно мужских или абсолютно женских профессиях, в которых доля доминирующего гендера превышает 80%. Совсем незначительная часть занятых (менее 5%) работает в смешанных по своему составу группах. Установлено, что среди занятых с высшим образованием профессиональная сегрегация выражена значительно слабее, чем среди работников с более низким образовательным уровнем. Гендерная сегрегация имеет существенную отраслевую дифференциацию. В отраслях с более высокой долей высококвалифицированных

OCCUPATIONAL GENDER SEGREGATION IN THE RUSSIAN LABOR MARKET

Elena Ya. VARSHAVSKAYA¹ — Dr. Sci. (Econ.), Professor at Department of Organisational Behavior and Human Resource Management, Graduate School of Business
E-MAIL: evarshavskaya@hse.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5996-4563>

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The article presents an assessment of the level and dynamics of occupational gender segregation, considered a key characteristic reflecting the position of men and women in the labor market, in Russia from 2000 to 2024. Empirically, the study bases on the data from the Labor Force Surveys conducted by Rosstat and Eurostat. To measure the level of segregation, the author uses the Duncan dissimilarity index. The study shows that the level of occupational segregation in Russia is high and is characterized by a smooth upward trend. The increase is primarily due to a growing concentration of men and women within specific occupations. The gender occupational structure is stable and polarized. About half of Russian men and women are concentrated in either male-dominated or female-dominated occupations, in which the share of the dominant gender exceeds 80%. A very small proportion of the employed (less than 5%) works in mixed groups. Occupational segregation is significantly less pronounced among workers with higher education compared to those with lower educational levels. Gender segregation also varies substantially across industries. Sectors with a higher share of highly skilled jobs tend to exhibit lower levels of segregation. Compared to European countries, the Russian labor market is characterized by a high level of gender segregation. The dissimilarity index in Russia is one-third higher than the European

рабочих мест отмечается более низкий уровень сегрегации. По сравнению с европейскими странами российский рынок труда характеризуется высоким уровнем гендерной сегрегации. Индекс сегрегации в России на треть превышает среднеевропейский. Доля работников, занятых в абсолютно мужских и женских профессиях, является самой высокой и вдвое превышает средний показатель по странам Европейского Союза. Доля работников смешанных профессиональных групп, напротив, минимальна и в пять раз ниже среднеевропейского показателя. С опорой на полученные результаты в статье предложены направления гендерной десегрегации российской занятости.

Ключевые слова: профессиональная сегрегация, гендерная сегрегация, гендерно доминируемые профессии, профессиональная структура занятости, рынок труда, российский рынок труда

average. The share of workers in male- and female-dominated occupations is the highest, twice the average for EU countries. The share of workers in mixed occupations, by contrast, is minimal, five times lower than the European average. Based on these results, this article suggests actions for gender desegregation in Russian employment.

Keywords: occupational segregation, gender segregation, gender-dominated occupations, occupational structure of employment, labor market, Russian labor market

Проблема гендерной сегрегации как неравного распределения работающих мужчин и женщин в экономике (по отраслям, профессиям, занятиям) на протяжении нескольких десятилетий привлекает внимание политиков, общественных деятелей, экспертов и исследователей. Интерес к этому явлению во многом связан с тем, что гендерная сегрегация — один из ключевых факторов формирования и воспроизводства гендерного социально-экономического неравенства, которое проявляется в различиях в заработках и доходах, в неравном доступе к ресурсам, в разных шансах на карьерный и профессиональный рост, неодинаковых условиях труда и т. д. Важно отметить, что гендерная сегрегация не всегда тождественна дискриминации женщин. Неодинаковая представленность мужчин и женщин в отраслях, профессиях, занятиях влечет различные выгоды и издержки для обеих групп, «поэтому нормативные выводы не так однозначны, и речь не всегда идет только о проигрыше или о подчиненном положении женщин» [Мальцева, Рощин, 2006: 21]. Так, значительная часть «мужских профессий» сопряжена с тяжелыми и вредными условиями труда, следствием чего являются более высокие риски профессиональных заболеваний и травматизма среди работающих мужчин.

Переход российской экономики к рыночной системе, приведший к существенным социально-экономическим изменениям, стимулировал исследовательский интерес к проблемам неравного положения мужчин и женщин на рынке труда. В работах середины 1990-х годов — начала 2010-х годов анализировались размеры и причины гендерной сегрегации [Ашвин, 2000; Баскакова, 1998; Козина,

2003; Косякова, Куракин, 2016; Мальцева, Роцин, 2006; Klimova, Ross, 2012; Ogloblin, 2005]. Большинство авторов, несмотря на различия в методах измерения, отмечают рост сегрегации и усиление поляризации отраслевой и профессионально-должностной структуры занятости по признаку пола как в кризисные 1990-е годы, так и в период посткризисного восстановления и роста экономики 2000—2010-х годов [Баскакова, 2025; Мальцева, Роцин, 2006; Klimova, Ross, 2012]. Отдельное место занимают исследования, посвященные анализу разрыва в заработной плате мужчин и женщин и факторов, влияющих на него (см. обзоры в [Роцин, Емелина, 2022; Khitarishvili, 2019; Oshcherkov, 2021]). Исследователи сходятся во мнении, что отраслевая и профессиональная сегрегация вносит существенный вклад (от 20 % до 35 %) в гендерный разрыв в заработной плате.

Постепенное накопление эмпирических данных сделало возможным появление исследований на более узкие, специфичные темы, такие как гендерная сегрегация отдельных социальных групп [Кашина, 2009; Коростылева, 2015; Тихонова, 2020], роль образования в ее формировании [Кирюшина, Рудаков, 2024], гендерная асимметрия при выходе на рынок труда и ее влияние на карьерную траекторию [Креховец, Леонова, 2017; Шинкаренко, Витковская, 2022]. В последние четыре — пять лет возрос интерес, очевидно, как ответ на дефицит кадров инженеров, к проблеме низкой представленности женщин в инженерно-технических специальностях [Антошук, 2021; Лебедева, Вилкова, 2022; Малошонок и др., 2022; Савинская, Лебедева, 2020].

Цель работы — проанализировать уровень и динамику профессиональной сегрегации по полу на российском рынке труда, а также выявить ее отличительные особенности по сравнению с европейскими странами. Интерес именно к профессиональной сегрегации обусловлен тем, что «профессию можно назвать „атомом“, первичным элементом, характеризующим занятость индивида» [Мальцева, Роцин, 2006: 10]. Проведенные ранее исследования ограничиваются периодом конца 1980-х годов — началом 2000-х годов и дают лишь общие оценки ее уровня и динамики¹. Мы сосредотачиваем внимание на ином временном отрезке — 2000—2024 гг. Кроме того, в статье представлены не только общие оценки уровня профессиональной сегрегации, но и впервые в российской исследовательской практике выполнен ее анализ в разрезе возрастных и образовательных групп, а также внутри отдельных отраслей.

Профессиональная гендерная сегрегация: теоретические подходы и детерминанты

Теоретические подходы к анализу профессиональной сегрегации

Под гендерной сегрегацией понимается разделение мужчин и женщин как индивидов, принадлежащих разным гендерным группам, в рамках социальных, экономических и институциональных структур. Выделяют вертикальную (неравномерное распределение по должностной иерархии) и горизонтальную (разделение по отраслям и профессиям) сегрегацию. В отличие от отраслевой профес-

¹ В этом смысле профессиональной сегрегации «повезло» значительно меньше по сравнению с отраслевой, детальный анализ которой на протяжении 100 лет (!) представлен в работах М.Е. Баскаковой [Баскакова, 2023; 2024; 2025].

сиональная сегрегация не является чисто горизонтальной, так как используемые в международной и российской практике кодификаторы классифицируют профессии не только по содержательному принципу (учителя, врачи, строители, водители и т. д.), но и в соответствии со статусом, занимаемым работником в организационной иерархии, и/или его квалификацией (руководители, специалисты, квалифицированные рабочие и т. д.). Таким образом, в исследовательской практике профессиональная сегрегация предстает как комбинация горизонтального и вертикального измерений.

Существует два теоретических подхода к объяснению гендерной сегрегации: экономический и социологический.

Экономический подход применяется в контексте теории человеческого капитала и теории дискриминации. Теория человеческого капитала объясняет сегрегацию рациональным выбором работников. Выполнение семейных обязанностей приводит к тому, что многие женщины приобретают меньший опыт работы, чем мужчины, вследствие более раннего выхода с рынка труда или в результате перерывов в работе. Следовательно, для женщин рациональным становится выбор профессий с высокими стартовыми заработками, низкой отдачей от профессионального опыта и невысокими «штрафами» за временный выход из рабочей силы [Polachek, 1981]. Предвидя семейные обязанности, женщины также могут выбирать работу с гибким режимом занятости, даже при меньшей оплате [Nakim, 2006]. Эти предпочтения задействуют механизмы самоотбора, формирующие неравномерное распределение работников по профессиям.

Теории дискриминации анализируют поведение работодателей. Согласно данному подходу, работодатели устанавливают барьеры для входа индивидов определенного пола (чаще всего женщин) в профессии или должности. Причины дискриминирующего поведения работодателей могут быть двоякого рода. Во-первых, работодатель может связывать наем женщин с дополнительными издержками из-за нормативных ограничений и необходимости предоставления льгот, а в условиях неполной информации он может предпочитать не нанимать на определенные должности женщин, приписывая характеристики, присущие в среднем всем женщинам, конкретному индивиду (теория статистической дискриминации). Во-вторых, работодатель может оценивать представителей того или иного пола как менее производительную рабочую силу (склонность к дискриминации).

Социологический подход основывается на концепции «гендерного порядка», под которым понимается исторически сложившаяся система отношений между мужчинами и женщинами, включающая социальные нормы, роли, ожидания и модели поведения, которые определяют, что считается «мужским» и «женским» в конкретном обществе². Наличие профессиональной сегрегации в значительной мере объясняется гендерными стереотипами в отношении места и роли мужчин и женщин в экономике, семье, обществе, которые приводят к формированию и у работодателей, и у работников представлений о «типично мужских» и «типично женских» профессиях. Таким образом, в рамках социологического подхода гендерная сегрегация связывается не с рациональным выбором и предпочтениями

² Понятие «гендерный порядок» впервые было использовано Р. Коннеллом [Connell, 1987].

отдельных индивидов (работников и/или работодателей), а с действием социальных норм и социальных механизмов.

Детерминанты профессиональной сегрегации

Уровень гендерной сегрегации определяется совокупностью факторов.

1. *Участие женщин в рабочей силе и отраслевая структура экономики.* Высокий уровень экономической активности женщин, сокращение числа рабочих мест в сельском хозяйстве и промышленности, в которых преимущественно заняты мужчины, и рост занятости в секторе услуг, обеспечивающий устойчивый спрос на женский труд, рассматриваются как факторы, снижающие профессиональную сегрегацию [Charles, Grusky, 2004; Keane, Russell, Smyth, 2017]. Однако внутренняя неоднородность сектора услуг может способствовать сохранению и даже усилению сегрегации, создавая «розоворотничковые профессиональные гетто» для женщин [Chang, 2000; Charles, 2005; Ngai, Petrongolo, 2017].

2) *Уровень и характер образования.* В высококвалифицированных профессиях, предполагающих высокий уровень профессионального образования, гендерная сегрегация менее выражена [Blau, Brummund, Liu, 2013; Grönlund, Magnusson, 2016]. Это объясняется снижением неопределенности в отношении потенциальной производительности, которую дает диплом о высшем образовании [Goldin, 2014], большей универсальностью найма, а также тем, что он основывается на формальных требованиях к работнику [Charles, Grusky, 2004]. Однако сегрегационные силы действуют и здесь: работодатели в меньшей степени инвестируют в повышение квалификации и переобучение женщин [Grönlund, Magnusson, 2016; Mandel, 2012], а гендерные стереотипы, влияя на выбор образовательной траектории с раннего возраста, ограничивают представленность женщин в STEM-профессиях³ [Антошук, 2021; Prieto-Rodríguez, Sincok, Blackmore, 2020; Verdugo-Castro, García-Holgado, Sánchez-Gómez, 2022].

3) *Государственное регулирование рынка труда.* Вследствие обширной системы льгот и нормативных преференций в отношении работающих женщин работодатели априори воспринимают женщин в качестве более затратного проблемного актива, что усиливает гендерную сегрегацию [Estevez-Abe, 2006]. Например, советское трудовое законодательство ограничивало или даже запрещало использование женского труда на ряде работ, содержало жесткие нормы, регулирующие труд женщин с детьми. В результате укреплялся стереотип о женщинах как о работниках, обремененных семейными обязанностями, из-за чего усилилась гендерная сегрегация [Баскакова, 2024; Роцин, 1996].

4) *Семейная политика.* Государственные меры по поддержке семьи традиционно были направлены в первую очередь на содействие занятости женщин, имеющих семейные обязанности. Они оказывали различное влияние на гендерную сегрегацию. Так, развитие системы детских дошкольных учреждений способствует большей интеграции женщин в профессиональную сферу. Однако право на неполный рабочий день может усиливать гендерную сегрегацию, поскольку в этом случае женщины концентрируются в секторах и занятиях, подходящих для такого

³ STEM — аббревиатура от Science, Technology, Engineering и Mathematics. Соответственно, STEM-профессии — это профессии в области точных и естественных наук, техники, технологии и инженерии.

графика работы [Pettit, Hook, 2009]. Длительный декретный отпуск и отпуск по уходу за ребенком в странах, где доминируют принципы традиционной семьи, в которой мужчина выполняет в первую очередь роль кормильца, нередко усиливает дискриминацию и сегрегацию женщин [Estevez-Abe, 2006; Mandel, Semyonov, 2006]. Предполагается, что решением проблемы может быть переориентация законодательных льгот и преференций на всех членов семьи, сочетающих семейные и профессиональные обязанности. Опыт стран Северной Европы показал, что реализация эгалитарной семейной политики сопровождалась снижением уровня гендерной сегрегации [Gronlund, Magnusson, 2016; Hustad et al., 2020].

5) *Гендерные нормы и стереотипы.* Социокультурное маркирование профессий как женских или мужских способствует воспроизводству профессиональной сегрегации через влияние на спрос и предложение труда. Со стороны спроса наиболее очевидный механизм — дискриминация работников и соискателей, не соответствующих гендерным нормам, а также предвзятая оценка квалификации. Со стороны предложения труда гендерные стереотипы усиливают сегрегацию, побуждая индивидов делать гендерно-конформные выборы, которые подтверждают их мужественность или женственность, позволяют избежать социальных санкций и предвосхищают гендерно-специфическое обращение и дискриминацию [Ridgeway, 2011]. Таким образом, выбор профессии, который кажется глубоко личным, может воспроизводить гендерный порядок, опираясь на широко распространенные культурные представления о гендерных различиях [Cech, 2013; Charles, 2017]. Даже в условиях продвижения ценностей социального гендерного равенства убеждения в разных «естественных» установках и способностях мужчин и женщин (гендерный эссенциализм) сохраняют влияние стереотипов на образовательные и профессиональные предпочтения [Charles, Grusky, 2004].

Данные и методы измерения

Эмпирической основой исследования выступают данные Обследования рабочей силы (далее — ОРС) Росстата. Выбор в качестве главного источника информации ОРС определяется регулярностью его проведения, репрезентативностью данных, возможностью сопоставления российских результатов с оценками по зарубежным странам, доступностью и разнообразием микроданных. Для расчетов по зарубежным странам использовались данные Labour Force Survey, размещенные в базе Евростата.

В ОРС для идентификации профессиональной принадлежности работников используется Общероссийский классификатор занятий (далее — ОКЗ), гармонизированный с Международной стандартной классификацией профессий (ISCO-88). ОКЗ имеет иерархическую, четырехуровневую структуру, упорядоченную с точки зрения требуемой квалификации. На самом высоком уровне классификации в нем выделяются десять профессиональных групп (девять групп для гражданской занятости и одна для военнослужащих), каждая из которых делится на профессии двухзначного уровня (их 40)⁴. Последующее разукрупнение позволяет выделить группы трехзначного и четырехзначного уровня дезинтегрирования⁵.

⁴ Данные о группе «Военнослужащие» в официальных открытых статистических источниках отсутствуют.

⁵ Подробнее принципы построения ISCO изложены в [Elias, 1997].

ОКЗ используется в ОРС с 1997 г. С начала 2000-х годов Росстат неоднократно вносил в ОКЗ изменения, наиболее существенное из них было произведено в 2014 г. в связи с переходом на новую версию классификатора. В данных ОРС новый ОКЗ (далее ОКЗ 2014) используется с 2016 г. Поскольку между старой (далее ОКЗ 93) и новой версией классификатора имеются значимые расхождения, динамика профессиональной структуры занятости и ее гендерная сегрегация в статье анализируются отдельно для периодов 2000—2015 гг. и 2016—2024 гг.

Для выделения гендерно доминируемых профессионально-должностных групп использовалась методика, в основе которой лежит сопоставление доли женщин/мужчин, занятых в данной группе, с долей женщин/мужчин в экономике в целом. Было выделено пять групп:

- абсолютно женские — доля женщин от 80 % и выше;
- преимущественно женские — доля женщин 60—79 %;
- смешанные (гендерно нейтральные) — доля женщин 40—59 %;
- преимущественно мужские — доля женщин 20—39 %;
- абсолютно мужские — доля женщин 19 % и менее.

Для оценки гендерной сегрегации применялся индекс диссимилиации Дункана, наиболее широко используемый в исследованиях на данную тему⁶. Индекс Дункана (ID) рассчитывается по формуле (1):

$$ID = \frac{1}{2} \sum_i \left| \frac{F_i}{F} - \frac{M_i}{M} \right|, \quad (1)$$

где F_i и M_i — численность женщин и мужчин соответственно, занятых в профессиональной группе i ,

F и M — общая численность занятых женщин и мужчин (соответственно),

i — изменяется от 1 до числа, соответствующего количеству выделяемых профессиональных групп.

Индекс Дункана измеряет степень сегрегации от 0, когда рынок труда характеризуется полным отсутствием сегрегации, до 1 (или 100 %), что отражает абсолютно сегрегированную структуру занятости.

Оценки индекса диссимилиации для России и зарубежных стран выполнены на двухзначном уровне кодировки профессиональных групп, который, по нашему мнению, является оптимальным для целей анализа. Двухзначный уровень кодировки, включающий 40 групп, позволяет учесть существенно большую степень гендерных диспропорций, чем это отражает распределение работников по девяти однозначным группам. Анализ на более высоком уровне дезагрегации (на третьем и четвертом уровне классификации) нельзя считать статистически надежным: распределение ограниченной численности респондентов между значительным количеством групп может привести к завышенным показателям сегрегации.

⁶ В международной практике разработан обширный инструментарий для измерения гендерной сегрегации. Обзор различных показателей, используемых для ее измерения, их достоинств и недостатков представлен в [Мальцева, Рошин, 2006; Bridges, 2003; Flückiger, Silber, 2012].

В работе также использован метод декомпозиции [Blau, Simpson, Anderson, 1998]. Данный метод позволяет оценить, в какой мере изменение индекса диссимилиации для периода (t ; $t+n$) вызвано (1) изменениями во внутрипрофессиональной концентрации работников, то есть изменениями пропорций, в которых мужчины и женщины представлены в рамках отдельных профессий (далее $\Delta IDsc$), и (2) изменениями в общей профессиональной структуре занятости, то есть увеличением или уменьшением доли занятых в профессиях, где доминирует одна из гендерных групп (далее $\Delta IDocs$). Изменение (ΔID) можно записать следующим образом (2):

$$\Delta ID = ID_2 - ID_1 = \Delta IDsc + \Delta IDocs. \quad (2)$$

При этом

$$\Delta IDsc = \left[\frac{1}{2} \sum_i \left| \frac{q_{i2} T_{i1}}{\sum_i q_{i2} T_{i1}} - \frac{p_{i2} T_{i1}}{\sum_i p_{i2} T_{i1}} \right| \right] - ID_1, \quad (3)$$

$$\Delta IDocs = ID_2 - \left[\frac{1}{2} \sum_i \left| \frac{q_{i2} T_{i1}}{\sum_i q_{i2} T_{i1}} - \frac{p_{i2} T_{i1}}{\sum_i p_{i2} T_{i1}} \right| \right], \quad (4)$$

где:

T_{it} — общая численность занятых в профессиональной группе i в момент t ,

p_{it} — доля женщин в профессиональной группе i в момент t ,

q_{it} — доля мужчин в профессиональной группе i в момент t ,

ID_t — индекс Дункана в момент t .

Аналогичный подход применен для оценки вклада различий во внутрипрофессиональном распределении работников и в общей профессиональной структуре занятости в межстрановые различия в гендерной сегрегации. В этом случае расчеты выполняются для двух стран A и B , где $A = 1$ и $B = 2$.

Профессиональная сегрегация в России: миры мужских и женских профессий

Анализ гендерной структуры занятости показывает, что мужчины и женщины сосредоточены в разных профессиональных группах (см. табл. 1). Пять самых распространенных профессий для российских мужчин: водители, рабочие металлообрабатывающих и машиностроительных производств, строительные рабочие, специалисты в области науки и техники (как высшего, так и среднего уровня квалификации). В 2024 г. в этих профессиях была занята почти половина (48 %) работающих мужчин, а доля женщин составляла всего 5 %. Для женщин основными профессиями являются продавец, специалист в области здравоохранения, специалист в сфере бизнеса и администрирования, работник сферы индивидуальных услуг, средний медицинский персонал. В них занята почти каждая вторая женщина (49 %) и только десятая часть мужчин (10 %). Состав лидирующей пятерки профессий на протяжении 2016—2024 гг. остается неизменным, а их доля даже немного увеличилась (на 2 п. п. для мужчин и 3 п. п. для женщин). Почти не изменился он и по сравнению с 2000—2014 гг.

Таблица 1. Пять основных профессий мужчин и женщин

2000—2014 г. (по ОКЗ 93)				2016—2024 г. (по ОКЗ 2014)			
Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
Водители Рабочие металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности Рабочие, занятые на горных и строительных работах Неквалифицированные рабочие, общие для всех отраслей Руководители		Продавцы Работники сферы индивидуальных услуг (с 2004 г.) Средний персонал в области финансово-экономической и административной деятельности Прочие специалисты высшего уровня квалификации Квалифицированные работники товарного сельского хозяйства (до 2003 г.) Неквалифицированные рабочие, общие для всех отраслей		Водители Рабочие, занятые в металлообрабатывающем и машиностроительном производстве Рабочие, занятые в строительстве Специалисты-техники в области науки и техники Специалисты в области науки и техники		Продавцы Работники сферы индивидуальных услуг Специалисты в области образования Специалисты в области бизнеса и администрирования Средний медицинский персонал	
Доля работников, занятых в топ-5 профессиях							
Мужчины		Женщины		Мужчины		Женщины	
2000 г.	2014 г.	2000 г.	2014 г.	2016 г.	2024 г.	2016 г.	2024 г.
51	53	43	51	46	48	46	49

Высокую сегрегированность российской занятости подтверждают данные о распределении работающих по гендерно доминируемым профессиональным группам (см. табл. 2). Из 40 анализируемых профессиональных групп лишь шесть в 2024 г. можно было отнести к смешанным (гендерно нейтральным). Самыми большими по численности смешанными группами являются управляющие в корпоративном секторе, руководители в торговле и в гостиничном бизнесе, а также квалифицированные работники сельского хозяйства. Однако работает в них совсем незначительная часть занятых — около 4—5% мужчин и женщин. Причем эта доля в течение 2016—2024 гг. снизилась более чем в два раза.

Таблица 2. Структура занятости по гендерно доминируемым профессиональным группам, 2024 г., в % от численности занятых

	Все занятые			Мужчины			Женщины		
	2016	2020	2024	2016	2020	2024	2016	2020	2024
Абсолютно женские	26	26	27	7	7	7	46	45	47
Преимущественно женские	20	20	24	12	12	14	29	30	34
Смешанные	11	9	4	10	8	4	11	10	5
Преимущественно мужские	14	16	16	18	21	21	9	11	10
Абсолютно мужские	29	29	29	53	52	54	5	4	4

Подавляющее большинство занятых обоего пола работают в гендерно доминируемых группах: 75 % мужчин — в мужских профессиях, 81 % женщин — в женских. Так, среди специалистов-техников в области науки и техники доля мужчин составляла 87 %, среди работников охраны — 89 %, среди строительных рабочих — 93 %. Профессии рабочих, занятых в металлообрабатывающем и машиностроительном производстве, рабочих в области электротехники и водителя почти абсолютно мужские — доля мужчин в них превышает 95 %. С другой стороны, женщины составляют более 90 % среди служащих общего профиля и прочих офисных служащих, среднего медицинского персонала, работников по индивидуальному уходу, уборщиков и прислуги.

За 2016—2024 гг. из 40 анализируемых профессиональных групп только пять изменили свою принадлежность, переместившись в соседнюю по классификации. Такая устойчивость гендерной профессиональной структуры в целом и ее топовых мест свидетельствует о закреплении мужчин и женщин на определенных (традиционных в этом смысле) профессиональных позициях. При этом гендерная профессиональная концентрация, уровень которой и так высок, медленно растет, главным образом за счет увеличения доли работающих в преимущественно женских или в преимущественно мужских профессиях и снижения удельного веса занятых в смешанных профессиях. Иначе говоря, происходит «вымывание» работников из гендерно нейтральной профессиональной зоны.

Приведенные выше данные позволяют сделать еще один вывод. Уровень концентрации женщин незначительно, но все же превосходит показатели мужчин. Женщины чаще работают в женских профессиях, чем мужчины — в мужских. Кроме того, женщинам реже по сравнению с мужчинами удается проникнуть в гендерно «чужую» профессиональную сферу и занять места вне рамок своих гендерно доминируемых профессий: 14 % женщин занято в мужских профессиях и в полтора раза больше (21 %) мужчин — в женских.

Характеристики рабочих мест существенно дифференцированы по типам профессиональных групп (см. табл. 3). Большинство рабочих мест из групп абсолютно и преимущественно женских профессий сосредоточено в бюджетной сфере и торговле и предполагают высокий уровень образования. Почти половина (47 %) занятых в группе, где доля женщин превышает 80 %, работают в бюджетных отраслях, около трети (34 %) — в торговле и сфере гостеприимства, почти 30 % имеют высшее образование. Рабочие места из групп абсолютно и преимущественно мужских профессий сконцентрированы в производственной сфере — промышленности и строительстве, а также на транспорте. Здесь высок удельный вес рабочего персонала — квалифицированных рабочих в случае абсолютно мужских профессий и неквалифицированных рабочих — в преимущественно мужских. Отметим, что занятые в женских профессиональных группах имеют меньшую продолжительность рабочей недели по сравнению с занятыми в мужских группах. Среди них несколько выше доля работающих дистанционно. Выигрывая с точки зрения возможностей гибкости рабочего времени и рабочего места, работающие в женских профессиональных группах проигрывают в размере заработной платы. Это утверждение в первую очередь относится к абсолютно женской группе профессий, где уровень оплаты труда как минимум в полтора раза меньше по сравнению с другими группами.

Таблица 3. Характеристики рабочих мест в гендерно доминируемых профессиональных группах, 2024 г., в % от численности группы

	Абсолютно женские	Преимущественно женские	Смешанные	Преимущественно мужские	Абсолютно мужские
Работники с высшим образованием	29	65	40	45	16
Руководители и специалисты (ОКЗ 1 и 2)	25	62	52	50	6
Работники сферы обслуживания и торговли (ОКЗ 5)	47	0	0	0	10
Квалифицированные рабочие (ОКЗ 7 и 8)	0	10	8	16	66
Неквалифицированные рабочие (ОКЗ 9)	6	0	0	34	0
Промышленность	3	17	11	39	28
Строительство и транспорт	3	7	4	18	34
Торговля, общественное питание, гостиничное хозяйство	34	15	26	9	8
Бюджетная сфера	47	36	10	13	11
Средняя продолжительность рабочей недели, час	38	39	35	40	40
Работали дистанционно в течение недели	1	3	3	2	1
Средняя заработная плата, оба пола, руб.	50226	75410	73095	83872	77998
Мужчины	63714	98989	91874	92521	80390
Женщины	48001	68686	66687	70273	67376

Источник: расчеты автора по ОРС 2024 и по данным Обследования о заработной плате работников организаций по категориям персонала и профессиональным группам за октябрь 2023 г.

Общие и групповые оценки профессиональной сегрегации в России

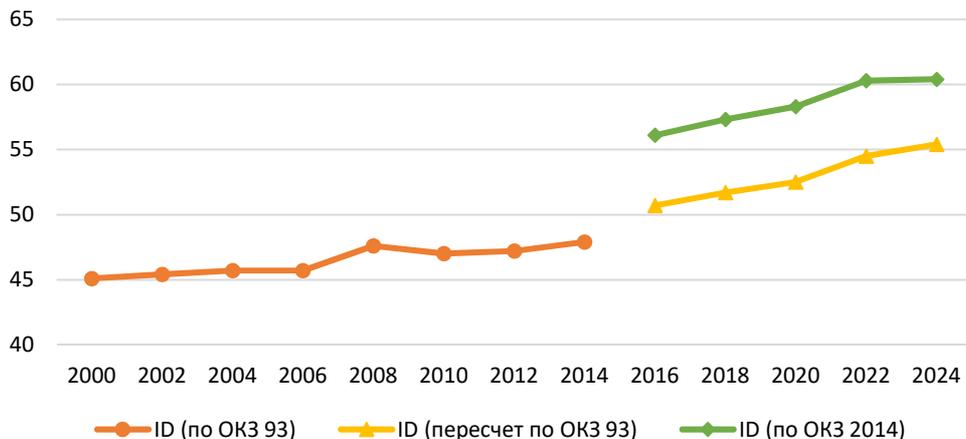
Уровень и динамика профессиональной гендерной сегрегации

Расчеты индекса диссимилиации Дункана представлены на рисунке 1. Оценки выполнены для двух периодов: 2000—2014 гг. и 2016—2024 гг. Расчеты для 2000—2014 гг. осуществлены на по ОКЗ 93, для 2016—2024 гг. — по ОКЗ 2014. Кроме того, для периода 2016—2024 гг. индекс Дункана рассчитан также по данным, перекодированным из ОКЗ 2014 в ОКЗ 93⁷. Скачок абсолютной величины индекса с 47,9% в 2014 г. до 56,1% в 2016 г. связан с переходом на другой клас-

⁷ Заметим, что перекодировка является неполной, так как произведена на двухзначном уровне. Полная перекодировка возможна на четырехзначном уровне. Микроданные такой степени детализации недоступны.

сификатор занятий и наглядно иллюстрирует чувствительность индекса Дункана к числу групп, на которых он строится, а также прямую зависимость размера индекса от их количества⁸.

Рис. 1. Индекс диссимилиации Дункана (ID), 2000—2024 гг., %

В течение всего анализируемого периода отмечался рост индекса Дункана. Причем наиболее заметные изменения произошли в 2016—2024 гг., когда индекс увеличился на 4,4 п. п. (с 56,1% до 60,5%) по ОКЗ 2014 и на 4,7 п. п. (с 50,7% до 55,4%) по ОКЗ 93. Иначе говоря, ежегодный темп роста составил 0,5—0,6 п. п. В 2000—2014 г. он рос заметно более низкими темпами (0,2 п. п. в год), увеличившись на 2,8 п. п. (с 45,1% до 47,9%).

Как уже отмечалось, изменения индекса диссимилиации могут быть вызваны либо изменениями во внутрипрофессиональном распределении работников, либо сдвигами в общей профессиональной структуре занятости. Расчеты показывают, что увеличение индекса сегрегации в 2000—2014 гг. было полностью обусловлено эффектом внутрипрофессиональной структуры (см. табл. 4). Более того, действие эффекта «перекрывало» влияние другого фактора — изменения распределения работников между профессиями, действовавшего в направлении снижения гендерной сегрегации. В 2016—2024 гг. эффект внутрипрофессиональной структуры продолжал вносить основной вклад в рост гендерной сегрегации, хотя его влияние несколько ослабло. Увеличение индекса сегрегации в этот период почти на 70% было обусловлено перераспределением работников внутри отдельных профессиональных групп — ростом удельного веса мужчин или женщин в рамках той или иной профессии. Следствием отмеченных изменений в 2000—2024 гг. стал рост однородности гендерного состава профессиональных групп. Профессии, имевшие преимущественно мужской состав, еще больше увеличили долю мужчин среди работающих, а женские профессии продолжили свою феминизацию.

⁸ В ОКЗ 93 было 33 двухзначные группы, в ОКЗ 2014 их стало 40.

Таблица 4. Декомпозиция изменений индекса диссимилиции в России

Индекс сегрегации, %	2000 г.	2014 г.	2016 г.	2024 г.
		45,1	47,9	56,1
Изменение индекса, п. п.	2000—2014 гг.		2016—2024 гг.	
	2,8		4,4	
В том числе за счет:	в п. п.	в %	в п. п.	в %
эффекта внутрипрофессиональной структуры	4,5	161	3,0	69
эффекта общей профессиональной структуры	-1,7	-61	1,4	31

Источник: расчеты автора по данным ОРС.

Характеризуя динамику профессиональной сегрегации, следует отметить два обстоятельства. Во-первых, рост профессиональной сегрегации в России в 2000—2024 гг. пришел на смену его снижению в 1990-е годы, хотя последнее и не было существенным [Мальцева, Рошин, 2006; Klimova, Ross, 2012]. Исследователи расходятся в объяснении причин этого снижения. По оценкам И. О. Мальцевой и С. Ю. Рошина [Мальцева, Рошин, 2006], основной вклад в снижение гендерной сегрегации в 1990-е годы вносили изменения профессиональной структуры, то есть уменьшение доли занятых в профессиях, где доминирует одна из гендерных групп. А. Климова и Р. Росс [Klimova, Ross, 2012], напротив, объясняют снижение уровня профессиональной сегрегации сокращением концентрации мужчин и женщин в рамках отдельных профессий, в то время как изменения структуры профессий в целом на российском рынке труда способствовали росту сегрегации. Во-вторых, восходящий тренд профессиональной сегрегации в России в анализируемый период сопровождался ростом отраслевой сегрегации. Среди мужчин доля занятых в мужских отраслях росла, а многие женские виды экономической деятельности наращивали женский персонал, теряя мужские кадры [Баскакова, 2025; Шаль, 2013].

Оценки профессиональной сегрегации по возрастным, образовательным и отраслевым группам

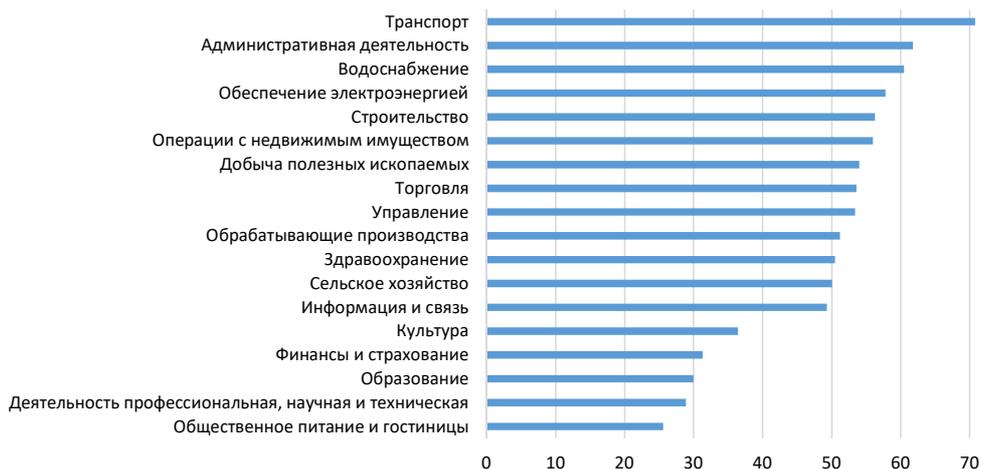
С возрастом уровень профессиональной сегрегации медленно растет — от 58,3—58,4% в группе 15—34-летних до 63,0% среди 55—64-летних. Повышательный тренд прерывается в самой старшей возрастной группе (65 лет и старше), где показатель сегрегации снижается до 56,0%. При контроле образования наблюдается более сложная картина: рост индекса диссимилиции с увеличением возраста в группе работников с высшим образованием, его практически стабильные показатели — среди имеющих среднее профессиональное образование и плавное снижение — среди имеющих начальное профессиональное образование или образование в пределах полной или неполной средней школы (см. табл. 5).

Таблица 5. Индекс диссимилиации по образовательным и возрастным группам, 2024 г., %

	Все работники	Высшее	Среднее профессиональное	Начальное профессиональное	Нет профессионального образования
Все работники (15 лет и старше)	60,5	42,0	68,3	73,3	63,6
25—34 лет	58,3	39,9	68,1	75	65,7
35—44 лет	61,1	43,4	70,5	74,7	66,6
45—54 лет	61,7	42,4	69,6	74,4	65,3
55—64 лет	63,0	44,3	69,7	72,4	63,2

Среди занятых с высшим образованием профессиональная сегрегация выражена значительно слабее. Показатель сегрегации работников с высшим образованием как минимум в полтора раза меньше по сравнению с занятыми с более низким образовательным уровнем. Причем такой значительный разрыв сохраняется и при контроле возраста (см. табл. 5).

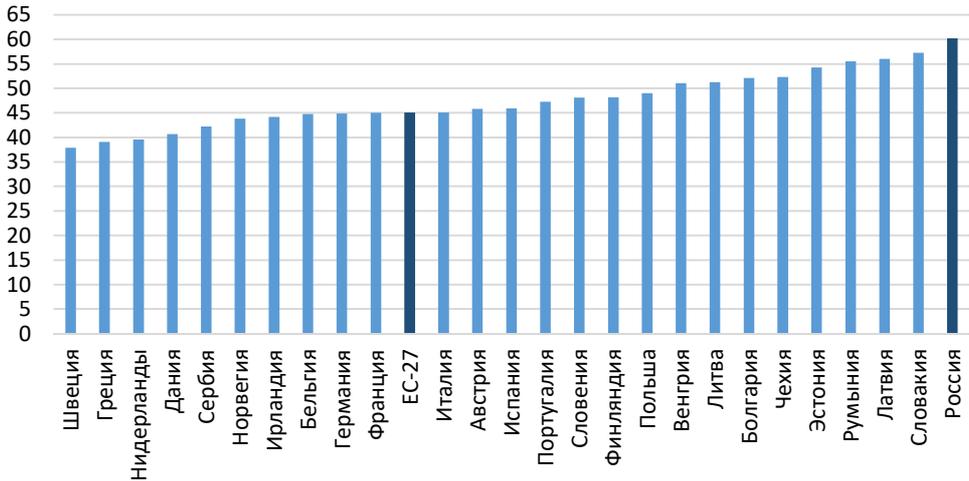
Отрасли существенно различаются по уровню профессиональной сегрегации (см. рис. 2). Между общественным питанием и гостиничным хозяйством с минимальным показателем сегрегации (25,6%) и транспортом с максимальным (70,8%) наблюдается почти трехкратный разрыв. Причины столь существенной дифференциации отраслей по уровню профессиональной сегрегации нуждаются в специальном анализе. Однако необходимо заметить, что в отраслях с большей долей высококвалифицированных рабочих мест отмечается обычно более низкий уровень сегрегации.

Рис. 2. Индекс диссимилиации Дункана (ID) по отраслям, 2024 г., в %⁹⁹ Источник: расчеты автора по данным ОРС.

Гендерная сегрегация по профессиям: Россия vs зарубежные страны

Расчеты индекса диссимилиации Дункана для России и европейских стран в 2024 г. представлены на рисунке 3. Уровень профессиональной сегрегации в России самый высокий: он (60,2%)¹⁰ в полтора раза превышает показатели стран с минимальным уровнем (Швеции, Греции, Нидерландов), в которых его значение менее 40 %, и на треть больше уровня в ЕС-27 (45,1 %). При этом оценки профессиональной сегрегации в России наиболее близки к показателям пост-социалистических стран Европы (Венгрии, Болгарии, Чехии, Румынии, Словакии) и стран Балтии, входивших в состав СССР (Латвии, Литвы, Эстонии).

Рис. 3. Индекс диссимилиации Дункана (ID) в России и европейских странах, 2024 г., в %

Источник: расчеты автора по ОРС (для России) и данным Евростата (для европейских стран).

Основные различия в уровнях гендерной сегрегации между Россией и европейскими странами обусловлены внутривидовой структурой занятости (см. табл. 6). Более высокий уровень сегрегации в России определяется прежде всего тем, что внутри отдельных профессий наблюдается более сильная концентрация мужчин или женщин. Этот фактор объясняет свыше 70 %, а в ряде случаев — более 80 % межстрановых различий. Вклад различий в общей профессионально-должностной структуре занятости существенно меньше и в большинстве случаев не превышает 30 %.

¹⁰ Данная оценка (60,2%) незначительно отличается от представленной выше (60,5%), поскольку для обеспечения сопоставимости расчеты по России выполнены по однозначной группе «Квалифицированные работники сельского хозяйства», остальные группы рассчитывались на двухзначном уровне. Аналогично сделаны оценки по европейским странам.

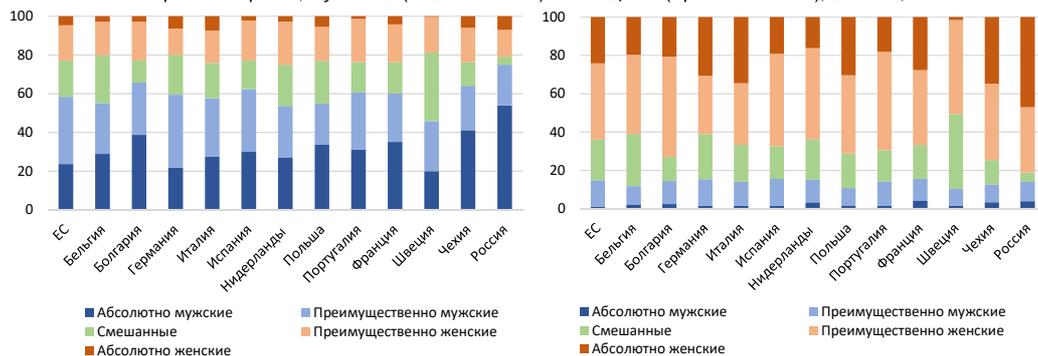
Таблица 6. Декомпозиция различий индекса диссимилиации Дункана (ID) между Россией и европейскими странами

Страна	Индекс Дункана (ID) (2024 г.)	Разница с РФ, п.п.	Вклад в различия за счет..., п. п.		Вклад в различия за счет..., в %	
			внутри-профессиональной структуры	общей профессиональной структуры	внутри-профессиональной структуры	общей профессиональной структуры
ЕС	45,1	15,1	12,6	2,5	83	17
Болгария	52,1	8,2	4,5	3,7	55	45
Бельгия	44,7	15,5	10,7	4,8	69	31
Германия	44,9	15,3	13,5	1,8	88	12
Италия	45,1	15,1	13,8	1,4	91	9
Испания	45,9	14,3	13,1	1,2	92	8
Нидерланды	39,6	20,6	12,6	8,1	61	39
Польша	49,0	11,2	6,0	5,2	53	47
Португалия	47,2	13,0	10,8	2,2	83	17
Франция	45,0	15,2	11,2	4,0	74	26
Швеция	37,9	22,3	18,3	4,0	82	18
Чехия	52,3	7,9	9,0	-1,1	114	-14

Источник: расчеты автора по ОРС (для России) и данным Евростата (для европейских стран).

Как и в странах Европы, в России уровень концентрации женщин несколько превосходит уровень концентрации мужчин. Кроме того, и российские, и европейские женщины реже мужчин заняты вне рамок своих гендерно доминируемых профессий (см. рис. 4). Вместе с тем Россия с точки зрения гендерной сегментации обладает рядом особенностей. Во-первых, доля смешанных профессий, в которых примерно в равной мере представлены и мужчины, и женщины, в России существенно меньше, чем в странах Европы. В среднем в странах ЕС 20% работающих заняты в смешанных профессиях, что в пять раз больше аналогичного показателя в России. Даже в Болгарии и Чехии — странах с минимальной долей занятых в смешанных профессиях — этот показатель составил 12%, втрое больше российского уровня. Во-вторых, в России крайне слабо представлена не только зона гендерно нейтральных занятий, но и следующая за ней группа профессий — преимущественно женских и особенно — преимущественно мужских. В результате распределение работающих россиян по гендерно доминируемым профессиональным группам оказывается смещенным к полюсам. 29% работающих мужчин заняты в абсолютно мужских профессиях и 27% женщин — в абсолютно женских, что в два раза превосходит средние показатели стран ЕС (13% и 14% соответственно). В целом структура рабочих мест подтверждает вывод о высоком уровне гендерной сегрегации на российском рынке труда, превышающем показатели европейских стран.

Рис. 4. Структура занятости по гендерно доминируемым профессиональным группам в России и странах Европы, мужчины (левая панель) и женщины (правая панель), 2024 г., %

Источник: расчеты автора по данным ОПС и Евростата

Заключение

Профессиональная сегрегация — одна из ключевых характеристик, отражающих положение мужчин и женщин на рынке труда. Исследование показало, что уровень гендерной сегрегации по профессиям в России весьма высок. Причем незначительное его снижение, зафиксированное в 1990-е годы, с начала 2000-х годов сменилось повышением. Увеличение профессиональной сегрегации было обусловлено усилением концентрации мужчин или женщин внутри отдельных профессий. Это указывает на то, что, несмотря на социально-экономические изменения (например, развитие сферы услуг, принятие гендерно нейтрального трудового законодательства, увеличение оплаты труда в таких «женских» отраслях, как образование и здравоохранение) в России в анализируемый период (2000—2024 гг.), механизмы, воспроизводящие гендерное разделение труда, не только сохраняются, но и усиливаются.

Российскую профессиональную структуру отличает поляризация. Около половины российских мужчин и женщин сконцентрированы в абсолютно мужских и абсолютно женских профессиях соответственно, в которых доля доминирующего гендера превышает 80%. Доля смешанных профессий, где представленность обоих полов сбалансирована, мала (около 4—5% занятых) и имеет тенденцию к сокращению, что ведет к усилению гендерной однородности профессиональных групп.

По сравнению со странами Европы российский рынок труда отличается повышенным уровнем сегрегированности. Индекс диссимилиации Дункана в России на треть превышает среднеевропейские показатели. Основная причина этого разрыва кроется не столько в различиях профессионально-должностной структуры экономики, сколько в значительно более высокой концентрации мужчин и женщин внутри самих профессий (эффект внутрипрофессиональной структуры). В России отмечается самая высокая доля работающих в абсолютно мужских и абсолютно женских профессиях, которая вдвое превышает средние показатели стран ЕС, и самый низкий удельный вес занятых в смешанных профессиональных группах — в пять раз меньше аналогичного среднеевропейского показателя.

Наличие глубокой и устойчивой профессиональной гендерной сегрегации, подтвержденное в нашем исследовании, приводит к ряду негативных последствий. Во-первых, сегрегация является одним из значимых факторов гендерного разрыва в оплате труда [Oshcherkov, 2021]. Концентрация женщин на низкооплачиваемых рабочих местах повышает риск их уязвимости, увеличивает вероятность бедности среди семей с одним родителем (чаще всего матерью), воспроизводя экономическое неравенство и бедность. Во-вторых, сегрегация вызывает неэффективное распределение человеческого капитала, поскольку доступ к профессиям определяется не только знаниями и квалификацией кандидата, но и гендерными стереотипами. В такой ситуации работодатели нередко ограничивают поиск сотрудников преимущественно одним «типичным» для профессии полом, игнорируя более квалифицированных кандидатов из другой гендерной группы. В-третьих, сегрегация снижает гибкость и адаптивность рынка труда, затрудняя движение рабочей силы между отраслями и усиливая кадровые дисбалансы. Классические примеры — «утечка» квалифицированных женщин из STEM-специальностей или мужчин из педагогических профессий при кадровом дефиците в этих сферах [Заиченко, Савельева, 2020; Савинская, Лебедева, 2020]. Решение задачи десегрегации требует комплексного подхода, сочетающего меры экономического, социального, правового и культурного характера. Представляется очевидным, что десегрегация не может сводиться только к протекционистской политике по отношению к женщинам, а проблемы реализации принципа равенства прав и возможностей женщин и мужчин не должны рассматриваться исключительно как женские проблемы.

Не претендуя на исчерпывающий список десегрегационных мер, назовем три направления, которым, по нашему мнению, уделяется недостаточно внимания. Во-первых, необходимо стимулировать проникновение работников в «гендерно чужие» профессии, в том числе через развитие программ профессиональной ориентации, ломающие стереотипные представления о мужских и женских профессиях. Во-вторых, в сфере образования, в первую очередь общего, необходима реализация на деле концепции равного доступа юношей и девушек ко всем профессиям, в том числе за счет устранения практик гендерной стереотипизации настоящих и будущих профессиональных ролей (так называемая борьба с «ранними» корнями сегрегации)¹¹. В-третьих, решению проблемы «двойной нагрузки» работающей женщины должна способствовать государственная семейная политика, направленная на равное распределение семейных обязанностей между супругами и предусматривающая наделение льготами и преференциями всех членов семьи, сочетающих семейные и профессиональные роли.

Список литературы (References)

1. Антошук И. А. Продвигаясь по «трубе» STEM: систематический обзор литературы по гендерному неравенству в российской инженерной профессии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3. С. 57—87. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1912>.

¹¹ В Атласе новых профессий все профессии маркированы мужскими или женскими портретами. Весьма показательно, что только треть из более чем 350 профессий «закреплены» за женщинами. В таких направлениях, как робототехника, новые материалы и нанотехнологии, наблюдается почти полное доминирование мужчин [Атлас... 2021].

- Antoshchuk I. A. (2021) Moving through the STEM Pipeline: A Systematic Literature Review of the Gender Inequality in Russian Engineering. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 57—87. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.3.1912>. (In Russ.)
2. Атлас новых профессий 3.0. М.: Альпина ПРО, 2021.
Atlas of New Professions (2021) Moscow: Alpina PRO. (In Russ.)
 3. Ашвин С. Влияние советского гендерного порядка на современное поведение в сфере занятости // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 63—72.
Ashvin S. (2000) The Influence of the Soviet Gender Order on Contemporary Employment Behavior. *Sociological Studies*. No. 11. P. 63—72. (In Russ.)
 4. Баскакова М. Е. Государственное регулирование занятости женщин и профессиональная сегрегация в российской сфере труда — 100 лет истории (Часть 3. 1992—2024 гг.) // Вопросы теоретической экономики. 2025. № 1. С. 147—166. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2025_1_147_166.
Baskakova M. (2025) State Regulation of Women’s Employment and Occupational Segregation in the Russian Labour Sphere — 100 Years of History (Part 3. 1992—2024). *Issues in Theoretical Economics*. No. 1. P. 147—166. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2025_1_147_166. (In Russ.)
 5. Баскакова М. Е. Государственное регулирование занятости женщин и профессиональная сегрегация в российской сфере труда — 100 лет истории (Часть 2. 1945—1991 годы) // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 2. С. 134—151. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_2_134_151.
Baskakova M. (2024) State Regulation of Women’s Employment and Occupational Segregation in the Russian Labour Sphere — 100 Years of History (Part 2. 1945—1991). *Issues in Theoretical Economics*. No. 2. P. 134—151. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2024_2_134_151. (In Russ.)
 6. Баскакова М. Е. Государственное регулирование занятости женщин и профессиональная сегрегация в российской сфере труда — 100 лет истории. Часть 1. 1918—1945 гг. // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 3. С. 127—146. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_3_127_146.
Baskakova M. (2023) State Regulation of Women’s Employment and Occupational Segregation in the Russian Labour Sphere — 100 Years of History Part 1. 1918—1945. *Issues in Theoretical Economics*. No. 3. P. 127—146. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_3_127_146. (In Russ.)
 7. Баскакова М. Е. Равные возможности и гендерные стереотипы на рынке труда. М.: МЦГИ, 1998.
Baskakova M. E. (1998) Equal Opportunities and Gender Stereotypes in the Labor Market. Moscow: Moscow Center for Gender Studies. (In Russ.)
 8. Заиченко Н. А., Савельева Е. А. Дискурс гендера в представлениях участников образовательных отношений в пространстве петербургской школы // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 3. С. 50—74. <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.3>.

- Zaichenko N. A., Savelyeva E. A. (2020) Gender Discourse in the Perceptions of Educational Relations Participants in the St. Petersburg Schools. *Interaction. Interview. Interpretation*. No. 3. P. 50—74. <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.3.3>. (In Russ.)
9. Кашина М. А. Женщины на российской государственной гражданской службе: феминизация и воспроизводство гендерной пирамиды // *Женщина в российском обществе*. 2009. № 2. С. 13—31.
Kashina M. A. (2009) Women in the Russian Civil Service: Feminization and Reproduction of the Gender Pyramid. *Woman in Russian Society*. No. 2. P. 13—31. (In Russ.)
10. Киришина М., Рудаков В. Роль высшего образования в формировании гендерного неравенства на рынке труда. Обзор российских и зарубежных исследований // *Вопросы образования*. 2024. № 2. С. 75—110. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17588>.
Kiryushina M. A., Rudakov V. N. (2024) The Role of Higher Education in the Formation of the Gender Inequality in the Labor Market. A Review of Russian and International Literature. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 2. P. 75—110. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17588>. (In Russ.)
11. Козина И. М. Профессиональная сегрегация: гендерные стереотипы на рынке труда // *Социологический журнал*. 2003. № 3. С. 126—136.
Kozina I. M. (2003) Professional Segregation: Gender Stereotypes in the Labor Market. *Sociological Journal*. No. 3. P. 126—136 (In Russ.)
12. Коростылева Н. Гендерное распределение в системе государственной гражданской службы // *Государственная служба*. 2015. № 5. С. 68—72.
Korostyleva N. (2015) Gender Distribution in the Civil Service System. *Civil Service*. No. 5. P. 68—72 (In Russ.)
13. Косякова Ю., Куракин Д. Имеют ли значение институты? Профессиональная гендерная сегрегация на этапе выхода на рынок труда в советской и постсоветской России // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2016. Т. XIX. № 5. С. 127—145.
Kosyakova Yu., Kurakin D. (2016) Do Institutions Matter? Professional Gender Segregation at the Stage of Entering the Labor Market in Soviet and Post-Soviet Russia. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. XIX. No. 5. P. 127—145 (In Russ.)
14. Креховец Е. В., Леонова Л. А. Трудоустройство выпускников высших учебных заведений: гендерный анализ // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 3. С. 58—69. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2017.3.5>.
Krekhovets E. V., Leonova L. A. (2017) University Graduates Employability: Gender Analysis. *Woman in Russian Society*. No. 3. P. 58—69. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2017.3.5>. (In Russ.)
15. Лебедева Н. В., Вилкова К. А. Почему девушки не выбирают STEM: гендерные различия в мотивационных ориентирах // *Мониторинг общественного мнения*

- ния: экономические и социальные перемены. 2022. № 3. С. 115—135. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1923>.
- Lebedeva N. V., Vilkova K. A. (2022) Why Girls Do Not Choose STEM? Gender Differences in Motivation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3. P. 115—135. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1923>. (In Russ.)
16. Малошонок Н. Г., Щеглова И. А., Вилкова К. А., Абрамова М. О. Гендерные стереотипы и выбор инженерно-технического направления подготовки // Вопросы образования. 2022. № 3. С. 149—186. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-3-149-186>.
- Maloshonok N. G., Shcheglova I. A., Vilkova K. A., Abramova M. O. (2022) Gender Stereotypes and the Choice of an Engineering Undergraduate Program. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*. No. 3. P. 149—186. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-3-149-186>. (In Russian).
17. Мальцева И. О., Рошин С. Ю. Гендерная сегрегация и трудовая мобильность на российском рынке труда. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006.
- Maltseva I. O., Roschin S. Yu. (2006) Gender Segregation and Labor Mobility in the Russian Labor Market. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russ.)
18. Рошин С. Ю. Занятость женщин в переходной экономике России. М.: ТЕИС, 1996.
- Roschin S. Yu. (1996) Women's Employment in Russian Transition Economy. Moscow: TEIS. (In Russ.)
19. Рошин С. Ю., Емелина Н. К. Мета-анализ гендерного разрыва в оплате труда в России // Экономический журнал ВШЭ. 2022. № 2. С. 213—239. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2022-26-2-213-239>.
- Roshchin S. Yu., Yemelina N. K. (2022) Meta-analysis of the Gender Pay Gap in Russia. *HSE Economic Journal*. No. 2. P. 213—239. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2022-26-2-213-239>. (In Russ.)
20. Савинская О. Б., Лебедева Н. В. Почему женщины уходят из STEM: роль стереотипов // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 62—75. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.2.6>.
- Savinskaya O. B., Lebedeva N. V. (2020). Why Women Leave STEM: The Role of Stereotypes. *Woman in Russian Society*. No. 2. P. 62—75. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.2.6>. (In Russ.)
21. Тихонова Н. Е. Специалисты в современной России: социально-демографические особенности состава и ключевые проблемы // Социологический журнал. 2020. Т. 26. № 3. С. 64—89. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7396>.
- Tikhonova N. E. (2020) Specialists in Modern Russia: Socio-Demographic Composition and Key Problems. *Sociological Journal*. Vol. 26. No. 3. P. 64—89. <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7396>. (In Russ.)
22. Шаль А. В. Статистическая оценка гендерной сегрегации в России в посткризисный период // Terra Economicus. 2013. Т. 11. № 4. С. 106—109.

- Shal A. V. (2013) Statistical Estimation of Gender Segregation in Russia in Post-Crisis Period. *Terra Economicus*. Vol. 11. No. 4. P. 106—109 (In Russ.)
23. Шинкаренко Е. А., Витковская С. К. Трудоустройство молодежи: гендерная сегментация // *Женщина в российском обществе*. 2022. Специальный выпуск. С. 78—86. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.0.8>.
Shinkarenko E. A., Vitkovskaya S. K. (2022) Youth Employment: Gender Segmentation. *Woman in Russian Society*. Special issue. P. 78—86. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.0.8>. (In Russ.)
24. Blau F. D., Brummund P., Liu A. Y. H. (2013) Trends in Occupational Segregation by Gender 1970—2009: Adjusting for the Impact of Changes in the Occupational Coding System. *Demography*. Vol. 50. No. 2. P. 471—492. <https://doi.org/10.1007/s13524-012-0151-7>.
25. Blau F. D., Simpson P., Anderson D. (1998) Continuing Progress? Trends in Occupational Segregation in the United States over the 1970's and 1980's. *Feminist Economy*. Vol. 4. No. 3. P. 29—71. <https://doi.org/10.1080/135457098338301>.
26. Bridges W. P. (2003) Rethinking Gender Segregation and Gender Inequality: Measures and Meanings. *Demography*. Vol. 40. No. 3. P. 543—568. <https://doi.org/10.1353/dem.2003.0020>.
27. Cech E. (2013) The Self-Expressive Edge of Occupational Sex Segregation. *American Journal of Sociology*. Vol. 119. No. 3. P. 747—789.
28. Chang M. L. (2000) The Evolution of Sex Segregation Regimes. *American Journal of Sociology*. Vol. 105. No. 6. P. 1658—701.
29. Charles M. (2017) Venus, Mars, and Math: Gender, Societal Affluence, and Eighth Graders' Aspirations for STEM. *Socius*. Vol. 3. Art. 2378023117697179. <https://doi.org/10.1177/2378023117697179>.
30. Charles M. (2005) National Skill Regimes, Postindustrialism, and Sex Segregation. *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society*. Vol. 12. No. 2. P. 289—316. <https://doi.org/10.1093/sp/jxi015>.
31. Charles M., Grusky D. (2004) *Occupational Ghettos: The Worldwide Segregation of Women and Men*. Stanford, CA: Stanford University Press.
32. Connell R. (1987) *Gender and Power. Society, the Person and Sexual Politics*. Redwood City, CA: Stanford University Press.
33. Elias P. (1997) Occupational Classification (ISCO-88): Concepts, Methods, Reliability, Validity and Cross-National Comparability. OECD Labour Market and Social Policy Occasional Papers No. 20. OECD Publishing. <https://doi.org/10.1787/304441717388>.
34. Estévez-Abe M. (2006) Gendering the Varieties of Capitalism. A Study of Occupational Segregation by Sex in Advanced Industrial Societies. *World Politics*. Vol. 59. No. 1. P. 142—175. <https://doi.org/10.1353/wp.2007.0016>.

35. Flückiger Y., Silber J. (2012) *The Measurement of Segregation in the Labor Force*. Springer Science & Business Media.
36. Goldin C. (2014) A Pollution Theory of Discrimination. In: Boustan L. P., Frydman C., Margo R. A. (eds.) *Human Capital in History: The American Record*. Chicago, IL: University of Chicago Press. P. 313—348.
37. Gronlund A., Magnusson C. (2016). Family-friendly Policies and Women's Wages — Is There a Trade-off? Skill Investments, Occupational Segregation and the Gender Pay Gap in Germany, Sweden and the UK. *European Societies*. Vol. 18. No. 1. P. 91—113. <https://doi.org/10.1080/14616696.2015.1124904>.
38. Hakim C. (2006) Women, Careers, and Work-Life Preferences. *British Journal of Guidance & Counselling*. Vol. 34. No. 3. P. 279—294. <https://doi.org/10.1080/03069880600769118>.
39. Hustad I.B, Bandholtz J., Herlitz A., Dekhtyar S. (2020) Occupational Attributes and Occupational Gender Segregation in Sweden: Does It Change Over Time? *Frontiers of Psychology*. Vol. 11. Art. 554. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00554>.
40. Keane C., Russell H., Smyth E. (2017) Female Participation Increases and Gender Segregation. ESRI Working Paper. № 564.
41. Khitarishvili T. (2019) Gender Pay Gaps in the Former Soviet Union: A Review of the Evidence. *Journal of Economic Surveys*. Vol. 33. P. 1257—1284. <https://doi.org/10.1111/joes.12321>.
42. Klimova A., Ross R. (2012) Gender-based Occupational Segregation in Russia: An Empirical Study. *International Journal of Social Economics*. Vol. 39. No. 7. P. 474—489.
43. Mandel H. (2012) Winners and Losers: The Consequences of Welfare State Policies for Gender Wage Inequality. *European Sociological Review*. Vol. 28. No. 2. P. 241—262.
44. Mandel H., Semyonov M. (2006) A Welfare State Paradox: State Interventions and Women's Employment Opportunities in 22 Countries. *American Journal of Sociology*. Vol. 111. No. 6. P. 1910—1949.
45. Ngai L. R., Petrongolo B. (2017) Gender Gaps and the Rise of the Service Economy. *American Economic Journal: Macroeconomics*. Vol. 9. No. 4. P. 1—44. <https://doi.org/10.1257/mac.20150253>.
46. Ogloblin C. (2005) The Sectoral Distribution of Employment and Job Segregation by Gender in Russia. *Regional and Sectoral Economic Studies*. Vol. 5—2. P. 5—18.
47. Oshchepkov A. (2021) Gender Pay Gap in Russia: Literature Review and New Decomposition Results. In: Karabchuk T., Kumo K., Gatskova K., Skoglund E. (eds.) *Gendering Post-Soviet Space: Demography, Labour Market and Values in Empirical Research*. Springer Publishing Company. P. 211—233.

48. Pettit B., Hook J. (2009) *Gendered Tradeoffs: Family, Social Policy, and Economic Inequality in Twenty-One Countries*. New York, NY: Russell Sage Foundation.
49. Polachek S. W. (1981) Occupational Self-Selection: A Human Capital Approach to Sex Differences in Occupational Structure. *The Review of Economics and Statistics*. Vol. 63. No. 1. P. 60—69.
50. Prieto-Rodriguez E., Sincock K., Blackmore K. (2020) STEM Initiatives Matter: Results from a Systematic Review of Secondary School Interventions for Young Women. *International Journal of Science Education*. Vol. 42. No. 7. P. 1144—1161. <https://doi.org/10.1080/09500693.2020.1749909>.
51. Ridgeway C. L. (2011) *Framed by Gender: How Gender Inequality Persists in the Modern World*. New York, NY: Oxford University Press.
52. Verdugo-Castro S., García-Holgado A., Sánchez-Gómez M. C. (2022) The Gender Gap in Higher STEM Studies: A Systematic Literature Review. *Heliyon*. Vol. 8. No. 8. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2022.e10300>.

DOI: [10.14515/monitoring.2026.1.3040](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3040)

Г. И. Игнатьев

МЕНЯЮЩАЯСЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ В США: ПРИЧИНЫ ИЗМЕНЕНИЙ И СПОСОБСТВУЮЩИЕ ФАКТОРЫ

Правильная ссылка на статью:

Игнатьев Г. И. Меняющаяся политическая поляризация в США: причины изменений и способствующие факторы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 1. С. 300—325. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3040>.

For citation:

Ignatyev G. I. (2026) Changing Political Polarization in the USA: Reasons for Change and Contributing Factors. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 300—325. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3040>. (In Russ.)

Получено: 02.06.2025. Принято к публикации: 09.12.2025.

МЕНЯЮЩАЯСЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ В США: ПРИЧИНЫ ИЗМЕНЕНИЙ И СПОСОБСТВУЮЩИЕ ФАКТОРЫ

*ИГНАТЬЕВ Глеб Игоревич — аспирант факультета социальных наук, преподаватель факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-MAIL: gignatjev@hse.ru
<https://orcid.org/0009-0006-8348-3627>*

Аннотация. Исследования политической поляризации в США стали одной из самых важных тем в современной политической науке в последние 15 лет. Этому способствовали появление и стремительный рост феномена аффективной поляризации, а также новые шаги в изучении других ее форм. Автор следует тренду в исследовании форм поляризации, пытаясь связать аффективную и идеологическую формы поляризации между собой. Помимо теории о политической поляризации, важную роль в работе играет теория социальных размежеваний: именно разделения между социальными группами могут стать факторами, повлиявшими на рост поляризации в разных ее формах. Различные группы могут быть заинтересованы в разных политических решениях спорных вопросов или просто поддерживать разных кандидатов, что становится причиной роста аффективной поляризации. Цель работы — обнаружение влияния конкретных групп на рост политической поляризации в разных ее формах.

В исследовании на основе данных опросов общественного мнения, собранных в рамках Comparative Study of Electoral Systems, рассматриваются изменения уровня политической поляризации в США и факторы, повлиявшие на них. В ходе работы было составлено 15 регрессионных моделей, в которых на основании данных за пять избира-

CHANGING POLITICAL POLARIZATION IN THE USA: REASONS FOR CHANGE AND CONTRIBUTING FACTORS

*Gleb I. IGNATYEV¹ — Graduate Student, Faculty of Social Sciences; Lecturer, Faculty of Social Sciences
E-MAIL: gignatjev@hse.ru
<https://orcid.org/0009-0006-8348-3627>*

¹ HSE University, Moscow, Russia

Abstract. Studies of political polarization in the United States have become one of the most important topics in contemporary political science over the past 15 years. This has been driven by the emergence and rapid growth of affective polarization, as well as new advances in the study of other forms of polarization. This study continues the existing trend in polarization research, attempting to link affective and ideological polarization. In addition to political polarization theory, social cleavage theory plays a significant role in this study. Divides between social groups can become factors that influence the growth of polarization in its various forms. Groups may be interested in different policy solutions to contentious issues or simply support different candidates, leading to increased affective polarization. Accordingly, identifying the influence of specific groups on the growth of political polarization in its various forms is the goal of this study. In this research, 15 regression models were compiled, in which, based on data from five election cycles from 2004 to 2020, factors influencing the increase in political polarization were tested. The results have shown a close tendency of two types of political polarization — affective and positional — from each other. In addition, within the framework of responsibility, certain social groups are distinguished that are becoming more polarized than the rest of society, for example, for American women ideological positioning has changed signif-

тельных циклов с 2004 по 2020 г. протестированы факторы, влияющие на увеличение политической поляризации. Результаты показали близкую зависимость друг от друга двух типов политической поляризации — аффективного и позиционного. Помимо этого, в результатах выделены социальные группы, которые становятся более поляризованными, чем все остальное общество, например американские женщины (особенно поддерживающие Демократическую партию). В качестве главного вывода исследования установлена близкая взаимосвязь аффективного и позиционного типов поляризации, а также нестабильное, но всегда оказываемое влияние таких социально-демографических характеристик, как раса, пол и уровень образования, на рост поляризации.

Ключевые слова: политическая поляризация, аффективная поляризация, идеологическая поляризация, партии США, гендерная поляризация

Благодарность. Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 26-00-089 «Оценка влияния внутриполитической поляризации на внешнюю политику государств и объединений коллективного Запада в средне- и долгосрочной перспективе: вызовы и возможности для России и Китая») в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)».

Введение

Крупные исследования доказывают, что политическая поляризация общества приводит к низкому уровню политической эффективности [Barber, McCarthy, 2015], насилию, в том числе провоцирующему гражданские военные конфликты [Ostby, 2008; Esteban, Ray, 2008], уменьшению политического доверия [Hetherington, Rudolph, 2015] и даже к потенциальному демократическому откату [Svolik, 2019]. Вывод о том, что поляризация чревата негативными последствиями для общества, в котором она появляется, можно сделать относительно всех форм поляризации.

icantly after the appearance of Donald Trump on the political arena. The main conclusion of this study was the close relationship between the affective and positional types of polarization, as well as the unstable, but always existing influence of a particular social group, such as race, gender, or level of education on the growth of polarization.

Keywords: political polarization, affective polarization, ideological polarization, USA parties, gender polarization

Acknowledgments. The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at HSE University (grant № 26-00-089 “Assessing the impact of domestic political polarization on the foreign policy of states and associations of the collective West in the medium and long term: challenges and opportunities for Russia and China”).

В современной науке обычно выделяется три формы поляризации, с помощью которых исследователи описывают этот феномен. В нашей работе ключевую роль будут играть позиционная (идеологическая) и аффективная формы поляризации, а третья — структурная — форма представлена косвенно в виде одной из контрольных переменных в регрессионных моделях.

Позиционная поляризация понимается как радикализация мнений по поляризующим вопросам [DiMaggio, Evans, Bryson, 1996]. Это означает, что находящиеся в состоянии поляризации индивиды перемещаются на более отдаленные друг от друга, радикальные позиции по политическим вопросам [Fiorina, Abrams, Pope, 2008]. Расширенная форма позиционного подхода может включать социальные и культурные характеристики, ценности людей, которые изменились в долгосрочной перспективе. Объектом исследований в этом подходе выступает политическая позиция индивида, существующая без связи с другими людьми, которые могут разделять ту же позицию или ценности.

Альтернативный подход пытается объяснить поляризацию через анализ общества и связей в нем. Эта форма определяется как аффективная, то есть «тенденция людей, идентифицирующих себя как республиканцы или демократы, иметь негативное мнение о сторонниках противоположной партии и позитивное — об однопартийцах» [Iyengar, Westwood, 2015: 691]. Анализ аффективной поляризации подразумевает фокус на эмоциях участвующих в политической жизни акторов, в первую очередь на страхе и антипатии по отношению к противоположной группе (партии).

Структурная поляризация, еще одна форма политической поляризации, в данном исследовании представлена в виде конфаундера, демонстрирующего уровень элитной поляризации. Структурная поляризация определяется как процесс повышения уровня поляризации из-за специфичных структур общества, в котором некоторые социальные группы изолированы друг от друга и находятся в состоянии постоянно сталкивающихся интересов или, например, структур парламента, где «правила игры» приводят к поляризации между политиками [Ertan, Carkoglu, Aytas, 2022].

Поляризация по своей сути динамична: в один конкретный момент времени общество более поляризовано, чем было раньше. Анализируя динамическое изменение поляризации, одни исследователи приходят к выводу, что увеличивается только аффективная поляризация, в то время как у идеологической формы динамического изменения не наблюдается [Fiorina, Abrams, 2008; Kinder, Kalmoe, 2017; Wagner, 2021]. С другой стороны, существуют работы, исследующие идеологическую поляризацию и подтверждающие ее наличие на актуальных данных за несколько периодов сбора данных [Riera, Madariaga, 2023; Webster, Abramowitz, 2017]. Автор данного исследования становится на позицию второй группы и предполагает, что позиционная форма политической поляризации существует и усиливается наравне с аффективной. Для того чтобы подтвердить это предположение, в блоке «Наличие поляризации» будут рассмотрены проявления аффективной и позиционной поляризации на эмпирических данных.

Различия между людьми, используемые в этом исследовании для демонстрации социальных групп, — это раса, возраст, пол и уровень образования. Есть работы, доказывающие рост поляризации, например, между мужчинами и женщи-

нами в США [Ali, Altawil, 2022], но в литературе поляризация рассматривается без необходимой конкретики, например о партийной принадлежности гендерных групп. В нашем исследовании ставится задача охватить детальные изменения в разрывах между социальными группами, поэтому исследовательский вопрос звучит так: «Какие группы внесли наибольший вклад в изменение уровня поляризации (позиционной или аффективной) с 2004 по 2020 г.?» Ответ на данный вопрос поможет увидеть и динамическую перспективу, и причины той или иной формы политической поляризации в наиболее поляризованных социальных группах. Для всех социальных групп, используемых в качестве независимых переменных в этом исследовании, были составлены свои гипотезы, которые будут приведены в разделе «Социальные расколы в США» вместе с обоснованием их появления.

Причины политической поляризации

Теоретические основания исследования начинаются с теории о политической поляризации. Позиционная, или идеологическая, поляризация в научной литературе связывается с разными источниками. Одним из них может быть отношение к элитам, отдаление которых друг от друга в вопросах идеологии приводит к поляризации между массами [Hetherington, 2009], то же может произойти с любой публичной политической деятельностью. Личности политических активистов, набравших популярность в двух противоборствующих партиях, могут провоцировать сдвиг партийных платформ, а значит, и мнений сторонников партии, к краям, на которых сами эти активисты находятся. Помимо этого, у позиционной поляризации могут быть и более объективные причины: экономическое расслоение, разделение в уровнях дохода и образования между политическими группами [Лебедев, Гордякова, 2021]. Из-за разных проблем, с которыми сталкиваются группы, они могут поддерживать противоположные политические решения, поэтому поляризация по идеологическим и ценностным измерениям может расти.

Причины аффективной поляризации в научной литературе тоже нередко связываются с поляризацией элит или теми же объективными факторами [Gidron, Adams, Horne, 2020]. Помимо этого, по причине существования «эхо-камеры» к увеличению негативного отношения к политическому оппоненту может привести коммуникация в социальных сетях [Стукал, Ахременко и Петров, 2022]: на фоне общения только со своими сопартийцами пользователь начинает воспринимать свою партию как можно лучше, а партию оппонентов, по отношению к которой в «эхо-камере» может регулярно использоваться язык ненависти [там же], — как можно хуже. Важной деталью всех объяснений аффективной поляризации является следование сторонников партии за ней вне зависимости от обстоятельств. Поддержка внутри «эхо-камеры» и занятие определенной позиции относительно решения экономических проблем требуют наличия близкой ассоциации с партией. Эту ассоциацию может объяснить представленная далее теория социальной идентичности.

Теория социальной идентичности

Теория социальной идентичности была представлена А. Ташфелем и Дж. Тернером и изначально подразумевалась как основание для исследований, посвященных внутригрупповым конфликтам. Работа А. Ташфеля и Дж. Тернера описы-

вала появление стандартов, которые люди с похожими взглядами создают друг для друга [Tajfel, Turner, 1979]. В рамках исследований конфликтов авторы определили критерии для описания единых социальных групп. Все члены групп должны иметь близкие позиции по ключевым для них вопросам, а также должны признавать существование объединяющей их группы [Tajfel, 1982]. К другим критериям, формирующим идентификацию индивида с социальной группой, относят самооценку индивида, которая может расти или понижаться в зависимости от взаимодействия с членами его группы, а также ощущение смысла, который участники группы могут найти в ее ценностях [Brown, 2000]. Эти критерии описывают построение социальных идентичностей, причем не только политических, находящихся в центре данного исследования, но и сформированных в результате любого группового действия.

Теория социальной идентичности регулярно используется в исследованиях политической поляризации и доказывает, что негативное отношение к политическим оппонентам может быть объяснено социальной идентичностью, а не политическими позициями групп [Iyengar, Sood, Lelkes, 2012]. Теория социальной идентичности объясняет, что роль в выстраивании поляризации может играть даже имя одной группы или личность ее лидера, в то время как сущность деятельности или взгляды группы занимают второстепенное положение. Пример Дональда Трампа во главе Республиканской партии может демонстрировать существование избирателей с персональной лояльностью ему (что доказывается его успехом на фоне кандидатов Республиканской партии в сенат в 2024 г.) в противовес поддержке каких-либо политических позиций. Трамп меняет свое мнение по определенным вопросам, и его сторонники меняют мнение вместе с ним (пример — отношение к социальной сети «ТикТок»). Аналогично персональные противники Трампа могут менять свою позицию для того, чтобы противостоять идеям Трампа, какие бы позиции он ни занимал. Потенциальные причины таких фокусирующихся на личности идентичностей включают радикально негативную среду по отношению к противоположной идентичности [Brown, 2000]. Такая среда подразумевает «однобокую» демонстрацию политических оппонентов с позиции максимальной критики их взглядов и деятельности, в то время как персоналия лидера противопоставляется всеми «злomu», что несут соперники. Длительное существование такой среды формирует максимально сильную идентичность со своей группой, ее лидером и символикой, так как они воспринимаются как нечто, защищающее от «зла». Причина постоянной критики без демонстрации другого мнения может заключаться в защите социальной идентичности и процесса ее построения.

В данном исследовании группы сторонников той или иной партии будут рассматриваться как индивиды, у которых есть общая социальная идентичность с этой группой. Теория социальной идентичности в данном случае помогает описать, почему какой-то внешний фактор (в том числе существование другого типа поляризации) может увеличивать поляризацию внутри какой-то одной или нескольких социальных групп. Теоретическая основа для исследования социальных размежеваний, представленная далее, поможет соединить теорию социальной идентичности с сущностью данного исследования, а также представит гипотезы для будущего эмпирического анализа.

Социальные расколы в США

Теория социальных размежеваний разработана С. М. Липсетом и С. Рокканом для описания стандартных расколов внутри общества в западном мире: собственники — рабочие, церковь — государство, город — село и центр — периферия [Lipset, Rokkan, 1967]. Задача этой теории заключается в описании социальных и политических процессов через призму социальных расколов, для чего каждая группа может восприниматься в исследованиях как блок избирателей, голосующих в основном одинаково [Zuckerman, 1975]. Именно так теорию социальных размежеваний используют, например, неомарксисты, фокусирующиеся на расколе между буржуазией и пролетариатом [Knutsen, 1988]. Четыре размежевания, представленные С. М. Липсетом и С. Рокканом, не позволяют описать все расколы в современном обществе, что стало причиной появления ряда альтернативных списков актуальных размежеваний [Inglehart, 1977; Kriesi, 1998; Oesch, 2012; Ford, Jennings, 2020]. В задачи нашего исследования входит определение социальных размежеваний, наиболее сильно повлиявших на политическую поляризацию в США. Для этого необходимо рассмотреть существующие научные работы, посвященные тем социальным расколам и группам, которые в дальнейшем будут использоваться в эмпирической части работы.

Первый социальный раскол — это гендерное размежевание и его главное проявление, известное как *gender gap* — тенденция женщин голосовать за Демократическую партию с большей вероятностью, чем это делают мужчины [Norrander, 1997]. Помимо этого, самоидентификация женщин с Демократической партией и либеральной идеологией на протяжении последних четырех десятилетий превышает аналогичную самоидентификацию среди мужчин [Barnes, Cassesse, 2016]. Причины такого разделения обычно связываются с ростом участия женщин в трудовой деятельности с 1980-х годов и с постоянным снижением количества браков в США [ibid.]: живущие вместе люди склонны голосовать одинаково, а одинокие женщины сильно склоняются к Демократической партии, что связывают с риторикой о праве на аборт [Traister, 2016; Wilson, 2020]. Партийная идентичность играет большую роль в вопросе поляризации: женщины, идентифицирующие себя как демократы, более поляризованы по отношению к своим политическим оппонентам, чем мужчины, идентифицирующие себя как демократы. Среди республиканцев такая разница между полами менее вероятна [Gillion, Ladd, Meredith, 2018]. При этом женщины демонстрируют более сильную партийную идентичность, чем мужчины, вне зависимости от конкретной партийной принадлежности, что предполагает более позитивное отношение к своим однопартийцам. Данный феномен объясняется в целом более сильной социальной идентичностью женщин с другими женщинами, что проявляется и в случае, когда одна из партий воспринимается ими как в корне более беспокоящаяся о правах и проблемах женской половины общества [Norrander, 1999] Исходя из этих причин, первая гипотеза исследования сформулирована следующим образом: женщины показывают более высокий уровень поляризации, чем мужчины, особенно сторонницы Демократической партии (гипотеза 1).

Другим важным для этого исследования социальным размежеванием является раса. Среди причин сильного разделения между представителями разных рас

нередко называется страх [Iyengar, Westwood, 2015], из-за которого люди склонны воспринимать другие расовые группы, не похожие на них, как желающие доминировать в финансовом и культурном секторе, что вызывает необходимость защищать свою социальную группу. Эта защита может вызывать аффективную поляризацию по отношению к партии, ассоциирующейся с другой расовой группой [Enders, Thornton, 2022]. Исследования показывают разные проявления этого противостояния с партией, ассоциирующейся с другой расовой группой: в определенных ситуациях высокий уровень поляризации проявляет белое население [Dawkins, Hanson, 2024], в других — расовые меньшинства [Bowman, Muhammad, Ifatunji, 2004], а в третьих их уровень поляризации примерно одинаковый [Enders, Thornton, 2022]. Так как для составления гипотезы нужно выбрать что-то одно, возьмем за основу теорию о сильной роли страха перед другой группой: расовое размежевание не будет значимым для объяснения поляризации, так как все расы одинаково негативно реагируют на ассоциацию партий с противоположными социальными группами (гипотеза 2).

Политическая поляризация между возрастными группами изучается меньше, чем другие социальные расколы, и обычно является частью исследований поляризации в онлайн-коммуникации. В данный момент в научной литературе из-за специфики социальных групп оценивается только уровень политической поляризации отдельно среди молодежи и среди пожилых людей. Для первой группы можно наблюдать появление поляризации из-за общения в социальных сетях [Waller, Anderson, 2021]. Для второй группы поляризация чаще всего связана с экономическими запросами пожилых людей, которые предпочитают партии с расширенной социальной программой и имеют негативнее относятся к партиям и кандидатам, не уделяющим достаточное внимание их социальной группе [Rhodebeck, 1993]. Ограниченное присутствие более пожилых людей в социальных сетях считается причиной разницы между возрастными группами [Olsen, 2025]: вероятно, молодежь более поляризована именно из-за своего общения с незнакомыми людьми онлайн, и этот эффект можно будет наблюдать на собранных в офлайн-формате данных. Так как данные для этого исследования не включают онлайн-коммуникацию, гипотеза для этой группы сформулирована в более общем виде: молодые избиратели будут более поляризованной группой, чем пожилые респонденты (гипотеза 3).

Заключительный важный для этой статьи социальный раскол — по уровню образования. Нередко оно объединяется с разделением по доходу, но исследования поляризации показывают, что образование имеет больший эффект на мнение о социальных и политических группах [Bosancianu, 2017]. Конкретным примером такого разделения является движение белых американцев без высшего образования в сторону Республиканской партии после появления на политической арене Дональда Трампа. Это связывается с консервативными ценностями, которые прививаются семьей или церковью вместо либеральных ценностей в высших учебных заведениях [Frank, 2004]. Поляризация среди людей с высшим образованием, особенно с научными степенями, более сложна. Эта группа получает знания об устройстве общества и политической системе, университеты часто мотивируют активизм и гражданственность среди студентов, что приводит к заин-

тересованности в политике среди людей с высшим образованием. Из-за этого повышается вероятность осведомленности таких людей о предложениях партий и кандидатов, а также их потенциальных последствиях для индивидов и общества. Тот факт, что другие социальные группы, не имеющие таких же знаний, поддерживают, по мнению более образованных людей, потенциально опасные для самих себя идеи, может вызывать отдаление более образованных американцев от менее образованных групп [Ellis, Ura, 2008]. Для гипотезы, связанной с уровнем образования, была выбрана первая теория только о консервативных избирателях с низким уровнем образования, так как она чаще встречается в научной литературе (например, [Levy et al., 2019]): избиратели с более низким уровнем образования являются более поляризованной группой, особенно среди сторонников Республиканской партии (гипотеза 4).

Доказательство или опровержение всех гипотез будет приведено в блоке «Результаты исследования». Перед тем как перейти к эмпирической части работы, докажем наличие феномена, который исследуется, то есть политической поляризации в двух обозначенных формах — аффективной и позиционной.

Данные, переменные и регрессионные модели

Данные, использованные в этой статье, взяты из Сравнительного исследования избирательных систем (Comparative Study of Electoral Systems, CSES) — исследования, публикуемого каждые пять лет и проводимого в разных странах мира в годы выборов в этих государствах. Для Соединенных Штатов — страны, на которой сосредоточена эта статья, на момент написания текста было проведено шесть волн опросов CSES: 1996, 2004, 2008, 2012, 2016 и 2020 гг. Это исследование не включает 1996 г. из-за отсутствия данных за 2000 г. — все динамические изменения с 1996 по 2020 гг. не были бы достоверными без спорных выборов Джорджа Буша против Эла Гора, а также 2024 г. из-за отсутствия данных к моменту проведения исследования. В данном тексте не используется, например, база данных ANES по причине смены формата сбора данных в ней (смесь респондентов по телефону / онлайн / офлайн) за рассматриваемый временной период. В случае с CSES формат опроса в 2020 г. был таким же, как и в 2004 г., что привносит в исследование непрерывность формата даже при том, что респонденты из года в год различаются и панельным исследованием CSES назвать нельзя. При этом аналогичный дизайн исследования может быть использован для опросов ANES в будущих исследованиях, но, вероятно, на более коротком временном промежутке.

В телефонных опросах CSES респондентам предлагается предоставить основную информацию о себе: возраст (количество полных лет на момент опроса), пол (1 — мужчина, 2 — женщина), расу (для целей этого исследования закодирована бинарно: 1 — белый респондент, 2 — любая другая идентификация), уровень полученного образования (девятибалльная категориальная переменная, где 1 — отсутствие формального образования, 2 — начальное образование, 3 — неполное среднее образование, 4 — полное среднее образование, 5 — среднее профессиональное образование, 6 — неполное высшее образование, 7 — степень бакалавра или эквивалент, 8 — степень магистра или эквивалент, 9 — степень доктора или эквивалент), — все те характеристики, которые были упомянуты ранее

во время обсуждения социальных расколов. Затем респондентов спрашивают об их политической позиции с использованием шкалы «левый — правый» (где 0 — крайне-левый, 10 — крайне-правый) и уточняют, какую партию они поддерживали на президентских выборах того года. Группирование избирателей на демократов и республиканцев в эмпирической части было сделано на основе этой переменной. Аффективные параметры в опросе включают отношение респондентов к партиям (более двух партий, но в этом исследовании используются только Республиканская и Демократическая, поскольку они единственные имеют значение в американской политике) и политикам — для всех президентских выборов этот вопрос был сосредоточен на кандидатах от двух основных партий (например, в 2020 г. вопросы задавались про отношение респондента к Джо Байдену или Дональду Трампу на основе того, какую партию поддерживал респондент). Чтобы показать свое отношение, респонденты использовали 10-балльную шкалу, в которой оценка «1» означает максимально негативное отношение к партии, а оценка «10», наоборот, максимально позитивное. Все эти переменные далее будут использоваться в моделях.

Так как аффективная поляризация, выраженная в отношении к партиям и кандидатам, а также позиционная поляризация, выраженная в позиции респондента на шкале «левый — правый», могут зависеть от поляризации элит, мы применяем конфаундер, отвечающий за партийную поляризацию. Для составления конфаундера была использована база данных VoteView, которая анализирует политическую позицию президентов США и всех членов конгресса с начала истории США, причем позиция выражается в голосовании в конгрессе или поддержке той или иной стороны голосования со стороны президента. Для целей этого исследования были взяты только те итерации базы данных VoteView, которые описывали президента и конгресс в момент, прямо предшествовавший выборам, так как именно этот момент задает «политическую температуру» в стране. Соответственно, использовались все значения политической позиции американских политиков за 109-й конгресс (2003—2004 гг.), найдены средние значения для представителей двух партий и вычислено расстояние между этими средними значениями. Аналогично были найдены значения для 111-го (2007—2008 гг.), 113-го (2011—2012 гг.), 115-го (2015—2016 гг.) и 117-го (2019—2020 гг.) конгрессов. В соответствии с этими вычислениями значение конфаундера могло находиться между 0 (расстояния между партиями нет) и 2 (максимальное возможное расстояние), но на практике все числа оказались между 0,75 и 0,9, причем каждое следующее число больше предыдущего. Соответственно, конфаундер выглядит как пять разных чисел, приписанных конкретным годам, когда собирались данные для всех остальных переменных. Несмотря на то что поляризация внутри конгресса может не отражать поляризацию других элитных групп, созданный конфаундер отражает самое заметное разделение партий для избирателей, поэтому подходит для данного исследования.

Все регрессии в этом исследовании построены с использованием регрессионных моделей по методу наименьших квадратов (МНК). Всего было составлено 15 моделей, условно разделенных на пять частей в зависимости от того, какая у них зависимая переменная. Для составления моделей об идеологической

поляризации использовалась переменная «самопозиционирование», поскольку она демонстрирует размещение респондентами самих себя на шкале «левый — правый». Для целей исследования переменная «самопозиционирование» была центрирована так, чтобы более радикальные случаи — позиционирование себя на краях шкалы «левый — правый» — считались как более высокое число, а позиция в центре идеологической шкалы — как более низкое. Вторая переменная — «дистанция между партиями», которая является результатом вычитания переменной «отношение к чужой партии» (оценка отношения от 1 до 10) из «отношение к своей партии» (аналогично). Аналогично была создана переменная «дистанция между кандидатами», в которой вместо отношения респондентов к партиям им предлагалось оценить номинанта демократов и республиканцев на президентские выборы в конкретный год по шкале от 1 до 10. Две заключительные переменные, используемые в качестве зависимых в этом исследовании, — «отношение к чужой партии» и «отношение к чужому кандидату». Хотя эти переменные используются при формировании упомянутых выше моделей с дистанциями, с ними строятся отдельные модели, так как существует второй способ вычислить аффективную поляризацию [Iyengar, Westwood, 2015], который не предполагает, что при росте поляризации будет существенно меняться отношение к своей собственной партии. Данная переменная взята в моделях в своем изначальном виде, то есть в виде оценки от 1 до 10, которую респонденты давали партии-оппоненту или кандидату-оппоненту.

Модели с «самопозиционированием» в качестве зависимой переменной определяют причины позиционной поляризации, в то время как все остальные модели определяют причины аффективной поляризации. Независимые переменные включают всю информацию о респондентах, упомянутую в начале этого параграфа и в анализе социальных расколов. Они также включают независимые переменные из противоположных объяснений поляризации, то есть «самопозиционирование» используется как независимая переменная в модели, где дистанции или отношение к чужим являются зависимыми переменными. Помимо этого, в каждую модель в качестве независимой переменной включен конфаундер, демонстрирующий партийную поляризацию. Также существуют модели, различающиеся между собой не только по зависимой переменной, но и по данным, используемым в каждой из них: отдельные модели для сторонников Республиканской партии, отдельные — для Демократической партии и отдельные — для объединенных данных со всеми избирателями за определенный год. Такое разделение моделей по группам избирателей помогает увидеть, избиратели какой партии в конкретной ситуации являются движущей силой, увеличивающей уровень поляризации. В случае, если бы партийная принадлежность была бы только одной из независимых переменных в моделях, мы бы не смогли при существующем исследовательском дизайне проследить связь партий и, например, расовых или гендерных групп. В данном случае это возможно благодаря трем разным моделям для каждой из пяти зависимых переменных.

Ниже представлен пример пяти моделей, описанных в абзацах выше:

1) дистанция = $a_0 + a_1 \times \text{возраст} + a_2 \times \text{пол} + a_3 \times \text{образование} + a_4 \times \text{раса} + a_5 \times \text{самопозиционирование} + a_6 \times \text{партийная_поляризация}$;

2) дистанция_между_кандидатами = $a_0 + a_1 \times \text{возраст} + a_2 \times \text{пол} + a_3 \times \text{образование} + a_4 \times \text{раса} + a_5 \times \text{самопозиционирование} + a_6 \times \text{партийная_поляризация}$;

3) отношение_к_чужой_партии = $a_0 + a_1 \times \text{возраст} + a_2 \times \text{пол} + a_3 \times \text{образование} + a_4 \times \text{раса} + a_5 \times \text{самопозиционирование} + a_6 \times \text{партийная_поляризация}$;

4) отношение_к_чужому_кандидату = $a_0 + a_1 \times \text{возраст} + a_2 \times \text{пол} + a_3 \times \text{образование} + a_4 \times \text{раса} + a_5 \times \text{самопозиционирование} + a_6 \times \text{партийная_поляризация}$;

5) самопозиционирование = $a_0 + a_1 \times \text{возраст} + a_2 \times \text{пол} + a_3 \times \text{образование} + a_4 \times \text{раса} + a_5 \times \text{дистанция} + a_6 \times \text{партийная_поляризация}$.

Наличие поляризации

Поляризация в своей сути подразумевает процесс, при котором либо политические позиции, либо отношения к партиям, политикам или социальным группам меняется во времени. В этом разделе будут представлены две переменные, которые могут продемонстрировать изменение уровня поляризации. Для демонстрации идеологической поляризации использована переменная «самопозиционирование», которая показывает мнение респондентов о своей позиции на шкале «левый — правый». Движение в сторону полюсов по этой шкале показывает наличие идеологической поляризации. В пяти моделях, упомянутых выше, переменная «самопозиционирование» центрируется, но для иллюстрации политических позиций на рисунках ниже эта переменная представлена в своем изначальном виде, чтобы было четко видно левое расположение сторонников Демократической партии и правое расположение сторонников Республиканской партии. Вторая переменная «дистанция» равняется разности значений переменной «отношение к своей партии» и переменной «отношение к чужой партии» и демонстрирует наличие аффективной поляризации. Увеличение дистанции будет показывать, что респондент со временем все негативнее воспринимает противоположную партию или позитивнее — свою (или оба этих изменения происходят одновременно). Стоит уточнить, что значение переменной «дистанция» может быть отрицательным, если избиратель хуже относится к партии, за которую проголосовал.

На рисунке 1 изображено распределение средних значений переменной «дистанция» для сторонников двух партий в каждый из пяти годов, когда собирались данные CSES, используемые в этом исследовании. На графике можно увидеть, что в среднем сторонники всех партий в любой момент оценивают свою партию лучше, чем противоположную, но разница между отношением к обеим партиям существенно различается: например, в 2008 г. для сторонников республиканцев дистанция упала ниже 3,5, а в 2020 г. для тех же избирателей превысила значение в 6 баллов. Этот график уже демонстрирует существование аффективной поляризации из-за роста дистанции между партиями во времени.

Рисунок 2 иллюстрирует второй подход к измерению аффективной поляризации, в котором зависимой переменной является только отношение к чужой партии. На графике можно увидеть, как со временем у респондентов ухудшается это отношение: если в 2008 г. чужой партии и те и другие готовы были поставить оценку выше 3 из 10, то в 2020 г. это число упало ниже 2,5, а для республиканских избирателей — ниже 2 — из 10. Это второе доказательство аффективной поляризации из-за ухудшения отношения к партии-сопернику во времени.

Рис. 1. Изменение «дистанции» для сторонников партий

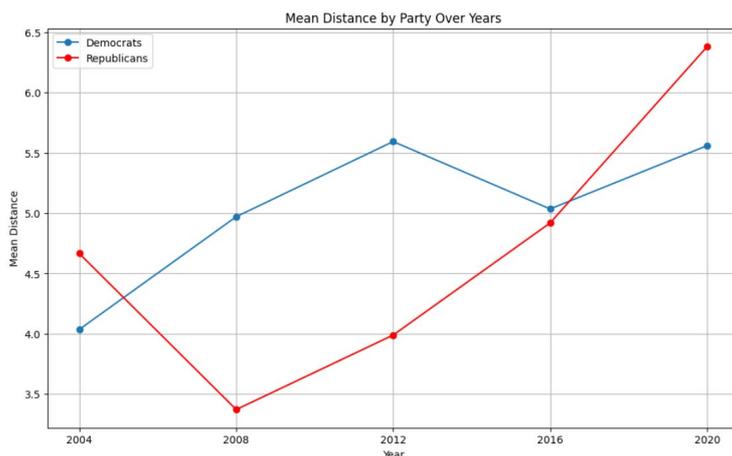
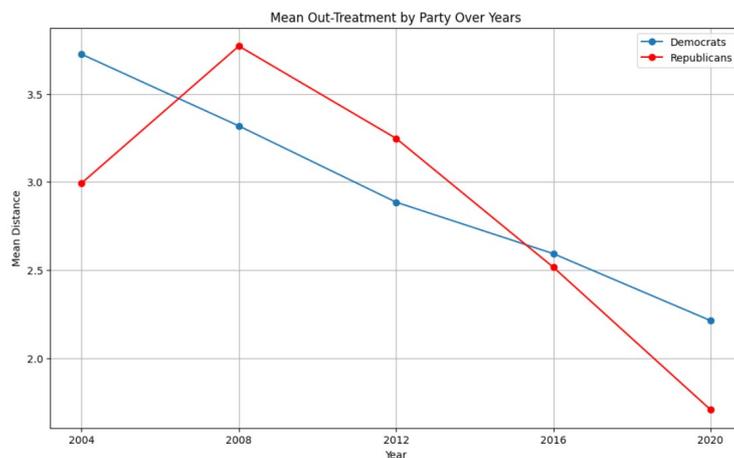

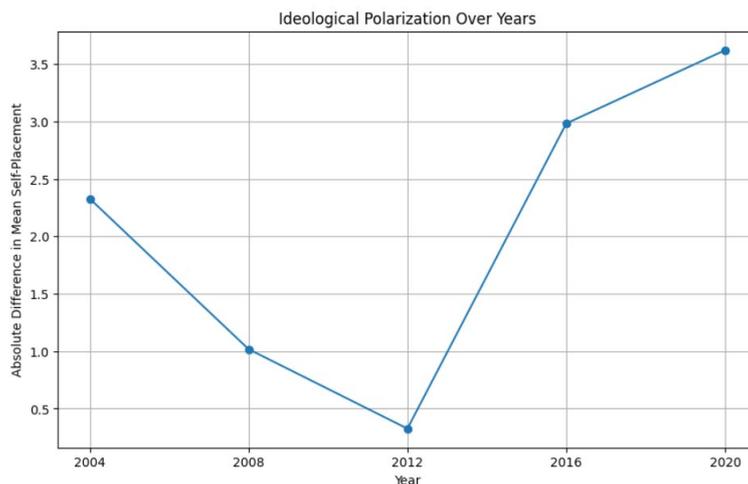
Рис. 2. Изменение «отношения к чужой партии» для сторонников разных партий

Источник: составлено автором по данным CSES.

Рисунок 3 связан с идеологической поляризацией и показывает, как менялась разница между самопозиционированием сторонников двух партий в США. В данном случае ось ординат обозначает не движение «влево» или «вправо» на идеологической шкале, а увеличение расстояния между сторонниками двух партий. Средняя позиция сторонников Демократической и Республиканской партии на шкале «левый-правый» в 2012 г. отличалась на незначительные 0,3 балла. В 2020 г. это число превысило 3,5 балла. Данный рост разницы между средней позицией сторонников партий демонстрирует идеологическую поляризацию как отдаление сторонников партий друг от друга на шкале «левый-правый».

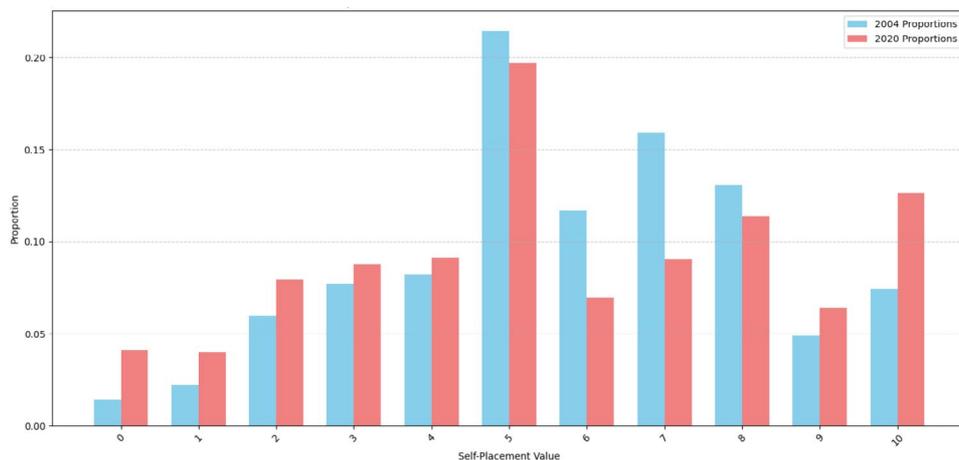
Рис. 3. Изменение разницы «самопозиционирования» между сторонниками разных партий

Источник: составлено автором по данным CSES.

Рисунок 4 также демонстрирует идеологическую (позиционную) поляризацию, но на примере распределения доли каждого ответа на вопрос о расположении себя на оси «левый — правый».

Рис. 4. Распределение «самопозиционирования» для всех избирателей в 2004 и 2020 гг.

Источник: составлено автором по данным CSES.

Для построения этого графика было выбрано не количество респондентов, а доля каждого конкретного ответа от общего количества по причине существенной разницы в размере выборки для 2004 г. (634 респондента) и 2020 г. (5 595 респондентов). Эти годы были выбраны для визуализации как сравнение начала

и конца временного промежутка, с которым работает это исследование. При этом на рисунке 4 можно увидеть увеличение количества респондентов, обозначивших себя цифрами 0, 1, 9 и 10 на шкале «левый — правый», что символизирует их расположение на самых краях идеологического спектра. Безусловно, ответ «5», показывающий максимально центристские взгляды, остается самым популярным, но ответы «6» и «7» теряют респондентов во времени: вероятно, к 2020 г. эти более-менее консервативные избиратели сдвинулись к краю идеологического спектра, то есть к ответам «9» или «10», а кто-то сдвинулся, наоборот, «влево», так как все ответы «левее» пяти выросли в популярности. Вместе с результатами из рисунка 3 данный рисунок доказывает существование позиционной поляризации в форме отдаления сторонников партий друг от друга и их приближения к полюсам идеологической шкалы.

На приведенных выше иллюстрациях можно обнаружить обе формы поляризации. Представленные рисунки необходимы главным образом для включения данного исследования в обсуждение существования идеологической (позиционной) поляризации. Они свидетельствуют как о наличии существенной разницы между позициями сторонников партий на шкале «левый — правый», что заметно по рисункам 3 и 4, так и об изменении и увеличении уровня идеологической поляризации во времени. Безусловно, представленные данные не могут опровергнуть теорию о том, что идеологическая поляризация — лишь часть аффективной, ее продукт, но для целей этого исследования два типа будут восприниматься отдельно как взаимосвязанные, но не единые. На основании такого подхода к типам поляризации были построены регрессионные модели, описанные в следующей части.

Результаты регрессионного анализа

Итоги исследования представлены в виде пяти таблиц с результатами регрессионного анализа. После каждой таблицы приводятся краткие аналитические результаты по конкретной зависимой переменной, далее идет более обширное обсуждение регрессий в виде основных результатов исследования.

Главным результатом регрессионного анализа с переменной «дистанция», представленного в таблице 1, в качестве зависимой можно назвать разницу в значимости связи между коэффициентами при переменных «пол» и «возраст» в зависимости от партийной принадлежности респондента. Во всех случаях мы видим уменьшение поляризации при увеличении возраста, но в случае сторонников Демократической партии эта связь не является значимой. Возможная причина такого результата — большая унификация взглядов демократов в сравнении с республиканцами. В случае с полом респондентов незначимая связь наблюдается уже среди республиканцев. Положительный коэффициент свидетельствует о большем уровне поляризации среди женщин [Ali, Altawil, 2022], но только в случае демократов и на общей базе данных. Также обратим внимание на значимость всех коэффициентов при переменных «самопозиционирование» и «партийная поляризация». Больше об эффекте этих переменных будет сказано в блоке о результатах исследования.

При переменной «дистанция между кандидатами», которая является зависимой в данных, приведенных в таблице 2, упомянутые в предыдущем абзаце пере-

менные ведут себя иначе. С переменной «возраст» проявляется значимость в случае исследования партийных групп, но не в случае данных по всем избирателям. Более того, для демократов и республиканцев эта переменная имеет разнонаправленный эффект: более пожилые избиратели-демократы склонны оценивать своего кандидата лучше, а противоположного — хуже, чем их более молодые однопартийцы, а у республиканцев ситуация обратная: «дистанция» больше для более молодых избирателей. Также среди всех респондентов становится значима переменная «раса», но с разным знаком. Белые республиканцы склонны быть более поляризованными в отношении кандидатов в президенты, чем любые другие избиратели этой партии, а у демократов ситуация противоположная, более поляризованными оказываются небелые избиратели.

Таблица 1. Результаты регрессионного анализа с зависимой переменной «дистанция»

Переменные	Все избиратели	Республиканцы	Демократы
Константа	-10,9022***	-21,8047***	-4,0445**
Возраст	-0,0002***	-0,0004***	-0,00002
Пол	0,3586***	0,1063	0,5629***
Раса	0,0891	-0,2190	0,3036***
Уровень образования	-0,0193	0,0572**	-0,0064
Самопозиционирование (центрированное)	0,2518***	0,6081***	0,1745***
Партийная поляризация	18,1591***	31,1044***	9,0796***

*** < 0,01; ** < 0,05; * < 0,1.

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа с зависимой переменной «дистанция между кандидатами»

Переменные	Все избиратели	Республиканцы	Демократы
Константа	-50,6864***	-26,3918***	-70,6064***
Возраст	-0,00007	-0,0002**	0,0002**
Пол	0,5946***	0,1452	0,8368***
Раса	-0,3648***	-1,0711***	0,8730***
Уровень образования	-0,1273***	-0,0726**	-0,1843***
Самопозиционирование (центрированное)	0,1602***	0,5305***	0,0711***
Партийная поляризация	66,4342***	38,7614***	87,7965***

*** < 0,01; ** < 0,05; * < 0,1.

Таблица 3 демонстрирует второй подход к аффективной поляризации в сочетании с таблицей 1. Между результатами регрессионного анализа, представленными в них, есть существенные и очень интересные различия. Во-первых, переменная «уровень образования» становится значимой во всех случаях при зависимой

переменной «отношение к чужой партии» — в отличие от моделей с «дистанцией», — причем всегда с отрицательным знаком. Это свидетельствует о том, что люди с более низким уровнем образования в обеих партиях хуже относятся к политическим оппонентам, чем люди с более высоким уровнем, но при этом, вероятно, аналогичная ситуация наблюдается с отношением к своей партии, поэтому в таблице 1 коэффициенты с «уровнем образования» по большей части незначимые. Вероятно, это доказывает высокий уровень недоверия политической сфере в целом и партиям в частности среди людей с более низким уровнем образования. Во-вторых, в сравнение с таблицей 1 значимой становится переменная «раса» для республиканских избирателей и полного набора данных, что говорит об увеличении дистанции между кандидатами в глазах небелых респондентов. Вероятно, это связано с ощущением опасности у небелых избирателей от действий «чужой» партии [Austin, 2002].

Таблица 3. **Результаты регрессионного анализа
с зависимой переменной «отношение к чужой партии»**

Переменные	Все избиратели	Республиканцы	Демократы
Константа	18,1268***	22,0693***	15,8969***
Возраст	0,0002***	0,0003***	0,0001**
Пол	0,0490	0,1620***	-0,0587
Раса	0,1826***	0,1741*	0,0639
Уровень образования	-0,0604***	-0,1041***	-0,0641***
Самопозиционирование (центрированное)	-0,1475***	-0,3223***	-0,1117***
Партийная поляризация	-18,3316***	-22,8410***	-15,1191***

*** < 0,01; ** < 0,05; * < 0,1.

Таблица 4 является парой таблице 2, так как в обеих в качестве зависимой переменной выступает форма отношения к кандидатам: в первом случае дистанция между отношениями к двум кандидатам, во втором — только к кандидату партии-оппонента. Здесь можно вновь вернуться к переменной «возраст», так как она проявляет себя отлично от того, как это было представлено в таблице 2. Среди избирателей-демократов с повышением возраста респондента отношение к партии-оппоненту улучшается, а дистанция между партиями увеличивается. Вероятно, пожилые демократы ценят обе партии выше, чем их более молодые однопартийцы, но особенно сильно это проявляется в отношении к своей партии, из-за которой увеличивается дистанция между ними. Аналогичную ситуацию можно наблюдать с переменной «раса» для демократов: среди небелых избирателей демократов растет дистанция между кандидатами, но в то же время и улучшается отношение к чужой партии. Вероятно, отношение к своей партии улучшается сильнее, так как многие небелые демократы голосуют за свою партию поколениями с 1960-х годов и имеют очень близкую идентичность с ней.

**Таблица 4. Результаты регрессионного анализа
с зависимой переменной «отношение к чужому кандидату»**

Переменные	Все избиратели	Республиканцы	Демократы
Константа	-6,6654***	1,2438	-13,2881***
Возраст	0,0002***	-0,00002	0,0003***
Пол	0,5019***	0,2645***	0,6577***
Раса	0,4157***	-0,3495***	0,7600***
Уровень образования	-0,1614***	-0,0951***	-0,1908***
Самопозиционирование (центрированное)	0,0810***	0,2870***	0,0349***
Партийная поляризация	15,8109***	7,6437***	22,7413***

*** < 0,01; ** < 0,05; * < 0,1.

Таблица 5 демонстрирует модели, на которых проводилось исследование идеологической поляризации. Здесь стоит обратить внимание на переменную «пол», которая вновь показывает более высокий уровень поляризации среди женщин, причем в обеих партиях. Они находятся ближе к краям шкалы «левый — правый», чем мужчины. Также интерес вызывает переменная «уровень образования», которая является значимой только для республиканцев. Именно их избиратели без высокого уровня образования склоняются к краям идеологического спектра, в то время как более образованные члены модерируют свои позиции.

**Таблица 5. Результаты регрессионного анализа
с зависимой переменной «самопозиционирование (центрированное)»**

Переменные	Все избиратели	Республиканцы	Демократы
Константа	1,6810	4,5386***	0,3921
Возраст	0,00008	0,00006	0,00009
Пол	0,1572***	0,1067**	0,1419*
Раса	0,2603***	0,0638	0,1717*
Уровень образования	-0,0102	-0,0698***	0,0023
Дистанция между партиями	0,1858***	0,1963***	0,1831***
Партийная поляризация	-1,1775	-3,9636***	0,6183

*** < 0,01, ** < 0,05, * < 0,1.

Результаты исследования

1. Данные CSES свидетельствуют о наличии обоих типов поляризации. Демонстрация динамических изменений показателей идеологической поляризации (самопозиционирования респондентов на шкале «левый — правый») и аффективной поляризации (дистанция между отношениями к двум политическим партиям) до-

казывает, что сторонники республиканцев и демократов отдаляются друг от друга в обоих случаях (см. рис. 1—4).

2. Тесная связь между позиционной и аффективной поляризациями проявляется сильнее всего. Мы можем наблюдать, что в абсолютном большинстве моделей переменная, связанная с противоположным типом поляризации («самопозиционирование» для позиционных измерений, «отношение к партиям» для аффективных измерений), значима. Наиболее интересной деталью здесь является сравнение знаков при коэффициентах в различных обстоятельствах. «Самопозиционирование» как независимая переменная имело положительный эффект на дистанцию между отношениями к партиям или кандидатам и отрицательный эффект на мнение о партии оппонента, то есть с приближением избирателя к краям идеологического спектра всегда увеличивалась аффективная поляризация, причем все коэффициенты были значимыми. В таблице 5, где объясняющей переменной уже была «дистанция между партиями», положительный знак при значимых коэффициентах демонстрирует, что при увеличении дистанции между партиями по мнению респондента, увеличивается и его/ее движение к краям идеологической прямой.

3. Важным результатом этого исследования является его дополнение существующей литературы по вопросам политической поляризации среди разных гендерных групп. Как и предполагалось, женщины оказались более поляризованными, чем мужчины [Ali, Altawil, 2022] (см. табл. 1, 2 и 5), то есть пол оказывает положительное влияние на дистанцию между мнениями о политических партиях, а также на приближение респондента к краям идеологического спектра. Что необычно, мы не наблюдаем такой же картины в таблицах 3 и 4, где речь идет об отношении к партии-оппоненту или кандидату-оппоненту. В этих случаях мужчины оказываются более поляризованной группой там, где «пол» является значимой переменной. В комбинации с результатами, представленными в таблицах 1 и 2, можно сделать вывод, что женщины более поляризованы в исследовании дистанции по причине своего существенно более хорошего отношения к своей партии и своему кандидату [Norrander, 1999], что ранее объяснялось консолидацией вокруг одной проблемы, поддерживаемой этой партией [Traister, 2016]. Гипотеза а 1 верна частично, так как не во всех случаях женщины оказались наиболее поляризованной группой.

4. Существуют значительные различия между избирателями-республиканцами и демократами, которые очевидны в измерениях обоих типов политической поляризации. Наиболее резкое различие между приверженцами двух партий заключается в их связи с возрастными группами, что особенно сильно проявляется в таблице 2. Для демократов с увеличением возраста респондента растет и дистанция между оценками, поставленными кандидатам этим респондентом. В случае с республиканцами аналогичное движение проявляется в обратную сторону, то есть дистанция между кандидатами будет больше для более молодых респондентов, что подтверждается опубликованными ранее исследованиями на американском [Waller, Anderson, 2021] и европейском примерах [Tukiainen et al., 2024]. Разница между партиями в данном случае является новым результатом, гипотеза 3 подтверждается частично, так как более молодые избиратели являются более поляризованной группой только в случае исследования республиканского электората.

5. Переменная «раса» показывала разнообразные эффекты на разные зависимые переменные. В большинстве случаев можно говорить о том, что небелые респонденты менее поляризованы, но не в случае позиционной поляризации — там именно они оказались ближе к краям идеологического спектра [Enders, Thornton, 2022]. В моделях с зависимой переменной «отношение к чужому кандидату» (см. табл. 4) небелые избиратели Демократической партии относились к республиканским номинантам на президентский пост лучше, чем их белые однопартийцы. Данный вывод расширяет результаты предыдущих исследований, которые уже показывали более поляризованные позиции белых демократов [Hout, Maggio, 2021]. В случае с небелыми республиканцами они, наоборот, оказались более поляризованными, чем их белые сопартийцы, но это может объясняться несбалансированным количеством респондентов: белых республиканцев в базе данных 3965, небелых — 551. Для сравнения, среди демократов белых — 3981, небелых — 2310, что может быть объяснено большей популярностью Демократической партии в небелых сообществах [Haunie, Watts, 2010]. Данные результаты опровергают гипотезу 2, так как коэффициенты при переменной «раса» были значимыми и, хотя показали разные результаты в зависимости от модели, в любом случае продемонстрировали эффект этого размежевания на уровень политической поляризации.

6. Связь между уровнями образования и поляризации имела два объяснения в научной литературе: поляризованная консервативная группа с низким уровнем образования [Frank, 2004] и поляризованная элита, которая больше знает о политике и обществе [Ellis, Ura, 2008]. Результаты исследования частично подтверждают оба объяснения. Доказательство существования поляризованной консервативной группы с низким уровнем образования можно увидеть в таблице 5: более образованные сторонники Республиканской партии оказываются ближе к центру идеологического спектра, чем их менее образованные сопартийцы. В случае аффективной поляризации эта теория об уровне образования подтверждается таблицей 1, где у менее образованных республиканцев дистанция между партиями больше, чем у более образованных. Соответственно, это исследование дополняет существующую литературу подтверждением обеих теорий и только частично подтверждает гипотезу 4, утверждавшую полную правоту первого объяснения о менее образованных консервативных избирателях.

7. Во все модели в этом исследовании был добавлен конфаундер, обозначающий поляризацию партийных элит в лице членов конгресса США. Так как конфаундер составляется как переменная, вероятно, влияющая и на зависимую, и на хотя бы одну независимую переменную, во всех таблицах можно увидеть сильную зависимость рядом с переменной «партийная поляризация», причем в большинстве случаев с ожидаемым знаком: усиление партийной поляризации увеличивает значение аффективной. Единственным особенным моментом является таблица 5, в которой конфаундер выступает незначимой переменной для демократических избирателей, но значимой для республиканцев. Это может свидетельствовать о том, что избиратели разных партий по-своему формируют свою идеологию: республиканцы больше оглядываются на политиков и их публичную позицию, а демократы составляют свои политические позиции, пользуясь иными источниками.

Ограничения

Первое ограничение исследования — потенциальное существование альтернативных объясняющих переменных, которые не были перечислены в этой статье. База данных CSES не разработана специально для изучения поляризации, поскольку ее главной целью выступает изучение избирательных систем и электорального поведения, могут существовать переменные, которые не были собраны CSES или были собраны иначе, чем в других базах данных, как отношение к партиям по 10-балльной шкале вместо более привычного 100-балльного термометра. Помимо этого, позиционная поляризация была представлена и идеологической шкалой «левый — правый», которая является достаточно широкой и не отражает конкретные проблемы, влияющие на политические позиции респондентов. Такой проблемой для американского общества может быть, например, право на аборт, поэтому переменная, показывающая мнение респондентов в дебатах «за жизнь — за выбор», потенциально могла бы оказать значительное влияние на отношение респондентов к партиям. Хотя маловероятно, что какая-либо основанная на вопросах переменная может сама по себе описывать причины поляризации в США, она могла бы добавить больше понимания к использованным в этом исследовании моделям.

Второе ограничение используемых данных — специфичные условия сбора, подразумевающие опрос в контексте выборов. Любые другие условия могли бы дать другие результаты, например, если бы в качестве данных выступали посты или комментарии в социальных сетях. Анонимность, существование ботов и возможность столкнуться с пользователями из разных слоев общества и маргинальными политическими группами могут влиять на психологические реакции людей на политическую деятельность, которую они там наблюдают, а также на дальнейшую собственную политическую активность. Пользователи социальных сетей могут быть более поляризованы в сети, чем в реальной жизни, когда они не сталкиваются с ежедневными вызовами со стороны политических оппонентов. Такая важная сторона аффективной поляризации, как ее проявление в интернете, может быть потенциальной лакуной, которую этот текст не закрывает.

Заключение

Исследование представляет собой комплексный обзор поляризации в Соединенных Штатах, который объединяет позиционную и аффективную поляризацию с теорией социальных расколов и, следовательно, показывает, как определенные социальные группы поляризуются в США, а также как два типа поляризации влияют друг на друга. Главный результат исследования — выявление зависимостей между уровнем аффективной и позиционной поляризации в Америке с конкретными наиболее поляризованными социальными группами. Одной из таких групп являются женщины, которые, как показывает большинство регрессионных моделей, более поляризованы, чем мужчины, и это влияет на общий уровень поляризации в стране. Также можно наблюдать роль более молодых американцев: многие модели продемонстрировали снижение уровня поляризации при повышении возраста респондента. Помимо этого, группы американцев с низким уровнем образования стабильно становились более поляризованными, чем их более

образованные сограждане. Еще один результат работы — доказательство зависимости аффективного и позиционного типов поляризации. Хотя статья не отвечает на вопрос о первичном типе поляризации, она может стать основой для будущего исследования на эту тему.

Продолжая традицию исследования поляризации в США через партийные группы [Iyengar, Westwood, 2015], работа дополняет этот подход социальными группами и оставляет существенное пространство для будущих исследований. Следующей ступенью изучения поляризации может быть рассмотрение порядка, в котором формы поляризации появляются у одного респондента или социальных групп в целом, взаимосвязи социальных групп при формировании поляризации, а также проявления поляризованности групп не на идеологии в целом, а на конкретных политических проблемах, с которыми эти группы сталкиваются. Помимо этого, можно использовать качественную методологию для более глубокого анализа каждой социальной группы и причин их поляризованного отношения к тем или иным политикам и партиям, либо количественную методологию на других данных во избежание проблем, обозначенных в разделе «Ограничения».

Список литературы (References)

1. Лебедев А. Н., Гордякова О. В. Феномен групповой поляризации в политологии и политической психологии США и Европы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т. 6. № 4 (24). С. 123—150. https://doi.org/10.38098/ipran.sep_2021_24_4_06.
Lebedev A. N., Gordyakova O. V. (2021) The Phenomenon of Group Polarization in Political Science and Political Psychology in the USA and Europe. *Russian Academy of Sciences School of Psychology. Social and Economic Psychology*. Vol. 6. No. 4. P. 123—150. https://doi.org/10.38098/ipran.sep_2021_24_4_06. (In Russ.)
2. Стукал Д. К., Ахременко А. С., Петров А. П. Аффективная политическая поляризация и язык ненависти: созданы друг для друга? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 480—498. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-480-498>.
Stukal D. K., Ahremenko A. S., Petrov A. P. (2022) Affective Political Polarization and Hate Speech: Made for Each Other? *RUDN Journal of Political Science*. Vol. 24. No. 3. P. 480—498. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-3-480-498>. (In Russ.)
3. Ali M., Altawil A. (2022) Affective Polarization and Political Engagement in the United States: What Factors Matter? *Atlantic Journal of Communication*. Vol. 31. No. 5. P. 373—388. <https://doi.org/10.1080/15456870.2022.2076856>.
4. Austin R. A. (2002) Seats that May not Matter: Testing for Racial Polarization in U. S. City Councils. *Legislative Studies Quarterly*. Vol. 27. No. 3. P. 481—508. <https://doi.org/10.2307/3598574>.
5. Barber M. J., McCarthy N. M. (2015) Causes and Consequences of Polarization. In: Mansbridge J., Martin C. J. (eds.) *Negotiating Agreement in Politics: Report of the*

- Task Force on Negotiating Agreement in Politics*. Washington, DC: American Political Science Association. P. 19—53.
6. Barnes T. D., Cassese E. C. (2016) American Party Women. *Political Research Quarterly*. Vol. 70. No. 1. P. 127—141. <https://doi.org/10.1177/1065912916675738>.
 7. Bosancianu C. M. (2017) A Growing Rift in Values? Income and Educational Inequality and Their Impact on Mass Attitude Polarization. *Social Science Quarterly*. Vol. 98. No. 5. P. 1587—1602. <https://doi.org/10.1111/ssqu.12371>.
 8. Bowman P. J., Muhammad R., Ifatunji M. (2004) Skin Tone, Class and Racial Attitudes among African Americans. In Herring C., Keith V., Horton H. V. (eds.) *Skin Deep: How Race and Complexion Matter in the “Color-Blind” Era*. Chicago, MI: University of Illinois Press. P. 128—159.
 9. Brown R. (2000) Social Identity Theory: Past Achievements, Current Problems and Future Challenges. *European Journal of Social Psychology*. Vol. 30. No. 6. P. 745—778. [https://doi.org/10.1002/1099-0992\(200011/12\)30:6<745::AID-EJSP24>3.0.CO;2-O](https://doi.org/10.1002/1099-0992(200011/12)30:6<745::AID-EJSP24>3.0.CO;2-O).
 10. Dawkins R., Hanson A. (2024) American’ Is the Eye of the Beholder: American Identity, Racial Sorting, and Affective Polarization among White Americans. *Political Behavior*. Vol. 46. No. 1. P. 501—521. <https://doi.org/10.1007/s11109-022-09834-x>.
 11. DiMaggio P., Evans J., Bryson B. (1996) Have American’s Social Attitudes Become More Polarized? *American Journal of Sociology*. Vol. 102. No. 3. P. 690—755. <https://doi.org/10.1086/230995>.
 12. Ellis C. R., Ura J. D. (2008) United We Divide?: Education, Income, and Heterogeneity in Mass Partisan Polarization. SSRN. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1302856 (дата обращения: 27.02.2026).
 13. Enders A. M., Thornton J. R. (2022) Polarization in Black and White: An Examination of Racial Differences in Polarization and Sorting Trends. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 86. No. 2. P. 293—316. <https://doi.org/10.1093/poq/nfac010>.
 14. Ertan G., Çarkoğlu A., Aytaç S. E. (2022) Cognitive Political Networks: A Structural Approach to Measure Political Polarization in Multiparty Systems. *Social Networks*. Vol. 68. P. 118—126. <https://doi.org/10.1016/j.socnet.2021.05.004>.
 15. Esteban J., Ray D. (2008) Polarization, Fractionalization and Conflict. *Journal of Peace Research*. Vol. 45. No. 2. P. 163—182.
 16. Fiorina M. P., Abrams S. J. (2008) Political Polarization in the American Public. *Annual Review of Political Science*. No. 11. Vol. 1. P. 563—588. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.11.053106.153836>.
 17. Fiorina M. P., Abrams S. A., Pope J. C. (2008) Polarization in the American Public: Misconceptions and Misreadings. *The Journal of Politics*. Vol. 70. No. 2. P. 556—560. <https://doi.org/10.1017/S002238160808050X>.

18. Ford R., Jennings W. (2020) The Changing Cleavage Politics of Western Europe. *Annual Review of Political Science*. Vol. 23. No. 1. P. 295—314. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-052217-104957>.
19. Frank T. (2004) What's the Matter with Kansas? Middle America's Thirty-Year War with Liberalism. San Francisco, CA: Kanopy Streaming.
20. Gidron N., Adams J., Horne W. (2020) American Affective Polarization in Comparative Perspective. Cambridge, MA: Cambridge University Press.
21. Gillion D. Q., Ladd J. M., Meredith M. (2018) Party Polarization, Ideological Sorting and the Emergence of the US Partisan Gender Gap. *British Journal of Political Science*. Vol. 50. No.4. P. 1217—1243. <https://doi.org/10.1017/S0007123418000285>.
22. Haynie K. L., Watts C. S. (2010) Blacks and the Democratic Party: A Resilient Coalition. In: Stonecash J. M. (ed.) *New Directions in American Political Parties*. New York, NY: Routledge. P. 109—125.
23. Hetherington M. J. (2009) Review Article: Putting Polarization in Perspective. *British Journal of Political Science*. Vol. 39. No. 2. P. 413—448. <https://doi.org/10.1017/S0007123408000501>.
24. Hetherington M. J., Rudolph T. J. (2015) Why Washington Won't Work: Polarization, Political Trust, and the Governing Crisis. Chicago, MI: The University of Chicago Press.
25. Hout M., Maggio C. (2021) Immigration, Race & Political Polarization. *Daedalus*. Vol. 150. No. 2. P. 40—55.
26. Inglehart R. (1977) The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics. Princeton, NJ: Princeton University Press.
27. Iyengar S., Sood G., Lelkes Y. (2012) Affect, not Ideology: A Social Identity Perspective on Polarization. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 76. No. 3. P. 405—431. <https://doi.org/10.1093/poq/nfs038>.
28. Iyengar S., Westwood S. J. (2015) Fear and Loathing across Party Lines: New Evidence on Group Polarization. *American Journal of Political Science*. Vol. 59. No. 3. P. 690—707. <https://doi.org/10.1111/ajps.12152>.
29. Kinder D. R., Kalmoe N. P. (2017) Neither Liberal nor Conservative: Ideological Innocence in the American Public. Chicago, MI: The University of Chicago Press.
30. Knutsen O. (1988) The Impact of Structural and Ideological Party Cleavages in West European Democracies: A Comparative Empirical Analysis. *British Journal of Political Science*. Vol. 18. No. 3. P. 323—352. <https://doi.org/10.1017/S0007123400005159>.
31. Kriesi H. (1998) The Transformation of Cleavage Politics: The 1997 Stein Rokkan Lecture. *European Journal of Political Research*. Vol. 33. No. 2. P. 165—185.

32. Lipset S. M., Rokkan S. (1967) *Cleavage Structures, Party Systems, and Voter Alignments: An Introduction*. New York City, NY: Free Press.
33. Levy B., Babb-Guerra A., Batt L. M., Owczarek W. (2019) Can Education Reduce Political Polarization? Fostering Open-Minded Political Engagement during the Legislative Semester. *Teachers College Record*. Vol. 121. No. 5. P. 1—40. <https://doi.org/10.1177/016146811912100503>.
34. Norrander B. (1997) The Independence Gap and the Gender Gap. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 61. No. 3. P. 464—476.
35. Norrander B. (1999) The Evolution of the Gender Gap. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 63. No. 4. P. 566—576.
36. Oesch D. (2012) The Class Basis of the Cleavage between the New Left and the Radical Right: An Analysis for Austria, Denmark, Norway and Switzerland. In: Rydgren J. (ed.) *Class Politics and the Radical Right*. London: Routledge. P. 31—51.
37. Olsen O. G. (2025) *Divided by Decades: Political Polarization and Generational Change in the United States*. PhD Thesis. Tucson, AZ: University of Arizona.
38. Østby G. (2008) Polarization, Horizontal Inequalities and Violent Civil Conflict. *Journal of Peace Research*. Vol. 45. No. 2. P. 143—162. <https://doi.org/10.1177/0022343307087169>.
39. Rhodebeck L. A. (1993) The Politics of Greed? Political Preferences among the Elderly. *The Journal of Politics*. Vol. 55. No. 2. P. 342—364.
40. Riera P., Madariaga A. G. (2023) Overlapping Polarization: On the Contextual Determinants of the Interplay between Ideological and Affective Polarization. *Electoral Studies*. Vol. 84. Art. 102628. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2023.102628>.
41. Schaefer D. O. (2019) Whiteness and Civilization: Shame, Race, and the Rhetoric of Donald Trump. *Communication and Critical/Cultural Studies*. Vol. 17. No. 1. P. 1—18. <https://doi.org/10.1080/14791420.2019.1667503>.
42. Svobik M. W. (2019) Polarization Versus Democracy. *Journal of Democracy*. Vol. 30. No. 3. P. 20—32.
43. Tajfel H., Turner J. C. (1979) An Integrative Theory of Intergroup Conflict. In: Austin W. G., Worchel S. (eds.) *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Monterey, CA: Brooks Cole. P. 33—47.
44. Tajfel H. (1982) Social Psychology of Intergroup Relations. *Annual Review of Psychology*. Vol. 33. No. 1. P. 1—39. <https://doi.org/10.1146/annurev.ps.33.020182.000245>.
45. Traister R. (2016) *All the Single Ladies: Unmarried Women and the Rise of an Independent Nation*. New York, NY: Simon & Schuster.
46. Tukiainen J., Lahdelma I., Maliranta M., Rönkkö R., Saari J. (2024) The TikTok Factor: Young Voters and the Support for the Populist Right. Helsinki: Työn ja talouden tutkimus Labore.

47. Wagner M. (2021) Affective Polarization in Multiparty Systems. *Electoral Studies*. Vol. 69. Art. 102199. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2020.102199>.
48. Waller I., Anderson A. (2021) Quantifying Social Organization and Political Polarization in Online Platforms. *Nature*. Vol. 600. No. 7888. P. 264—268.
49. Wilson J. C. (2020) Striving to Rollback or Protect Roe: State Legislation and the Trump-Era Politics of Abortion. *Publius: The Journal of Federalism*. Vol. 50. No. 3. P. 370—397. <https://doi.org/10.1093/publius/pjaa015>.
50. Webster S. W., Abramowitz A. I. (2017) The Ideological Foundations of Affective Polarization in the US Electorate. *American Politics Research*. Vol. 45. No. 4. P. 621—647. <https://doi.org/10.1177/1532673X17703132>.
51. Zuckerman A. (1975) Political Cleavage: A Conceptual and Theoretical Analysis. *British Journal of Political Science*. Vol. 5. No. 2. P. 231—248.

DOI: [10.14515/monitoring.2026.1.3083](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3083)

И. А. Скалабан, Ю. С. Лобанов, Т. Д. Алексеев

**МНОЖЕСТВЕННОСТЬ И СВЯЗАННОСТЬ ГОРОДСКИХ КОНФЛИКТОВ:
СПОСОБЫ ИЗМЕРЕНИЯ, МОДЕЛИ ОПИСАНИЯ****Правильная ссылка на статью:**

Скалабан И. А., Лобанов Ю. С., Алексеев Т. Д. Множественность и связанность городских конфликтов: способы измерения, модели описания // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 1. С. 326—349. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3083>.

For citation:

Skalaban I. A., Lobanov Y. S., Alekseev T. D. (2026) Multiplicity and Interconnectedness of Urban Conflicts: Measurement Methods, Description Models. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 326–349. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.1.3083>. (In Russ.)

Получено: 07.08.2025. Принято к публикации: 29.10.2025.

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ И СВЯЗАННОСТЬ ГОРОДСКИХ КОНФЛИКТОВ: СПОСОБЫ ИЗМЕРЕНИЯ, МОДЕЛИ ОПИСАНИЯ**MULTIPLICITY AND INTERCONNECTEDNESS OF URBAN CONFLICTS: MEASUREMENT METHODS, DESCRIPTION MODELS**

СКАЛАБАН Ирина Анатольевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социальной работы и социальной антропологии, научный руководитель Лаборатории городских исследований Института социальных технологий, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия
E-MAIL: skalaban@corp.nstu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8308-1947>

Irina A. SKALABAN¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor of the Department of Social Work and Social Anthropology; Scientific Director of the Urban Research Laboratory of the Institute of Social Technologies
E-MAIL: skalaban@corp.nstu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8308-1947>

ЛОБАНОВ Юрий Сергеевич — кандидат философских наук, независимый исследователь, Новосибирск, Россия
E-MAIL: lobanov-y@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1982-5558>

Yuri S. LOBANOV² — Cand. Sci. (Philos.), Independent Researcher
E-MAIL: lobanov-y@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1982-5558>

АЛЕКСЕЕВ Тимофей Дмитриевич — старший преподаватель кафедры общей социологии, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Россия
E-MAIL: veretur@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4608-3078>

Timofey D. ALEKSEEV³ — Senior Lecturer, Department of Sociology
E-MAIL: veretur@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4608-3078>

¹ Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

² Novosibirsk, Russia

³ Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russia

Аннотация. В работе изучаются множественность и связанность городских конфликтов как свойства современной городской среды, способы их измерения и модели описания. В теоретико-методологической части делается попытка синтезировать сетевые подходы и анализ полей стратегического действия для формулировки измеримых показателей связанности, в эмпирической — оценить возможности ее выявления на материалах базы данных «Конфликт NSK» ($n = 777$) и полуструктурированных интервью ($n = 65$) с участниками конфликтов. Для ядра конфликтов, связанных через акторов,

Abstract. This study examines the multiplicity and interconnectedness of urban conflicts as inherent properties of contemporary urban environments, along with methods for their measurement and descriptive modeling. The theoretical-methodological section synthesizes network approaches and strategic action field analysis to develop measurable indicators of interconnectedness, while the empirical part evaluates its detectability using data from the “Conflict NSK” database ($n = 777$) and semi-structured interviews ($n = 65$) with conflict participants. The core group of conflicts interconnected through actors, agendas, and

повестки и локации, выделяются близкие по наполненности типы сложных, смежных и локальных конфликтов. Особое внимание уделяется связанности конфликтов через акторов как наиболее сильной форме связанности. Эмпирически доказывается, что современным акторам городских конфликтов свойственны процессы персонализации и сетевизации связей, которые реализуются в двух моделях: «лидер без сети» и «сеть без лидера». В качестве сложностей, сопровождающих нарастание связанности конфликтов, выделяются усложнение перспективы их регулирования и необходимость системного подхода к ним, учитывающего как публичные, так и теневые взаимодействия. Проблема надежности маркеров связанности представляет в этом контексте особое значение, так как усложняется не только идентификация факта связанности, но и задача приписывания конкретного типа связи стоящему за ним устойчивому противостоянию.

Ключевые слова: городской конфликт, сложный городской конфликт, конфликтность, связь конфликтов, связанность конфликтов

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01352, <https://rscf.ru/project/24-28-01352/>.

locations is categorized into three types with similar substantive characteristics — complex, juxtaposed, and local conflicts. It is empirically proven that modern actors in urban conflicts are characterized by processes of personalization and networking of connections, which are realized in two models: “leader without a network” and “network without a leader”. The difficulties that accompany the increasing interconnectedness of conflicts include the increasing complexity of the prospects for their regulation and the need for a systemic approach to it, taking into account both public and shadow interactions. The reliability of interconnectedness markers presents a particularly significant problem in this context, as it complicates not only the identification of connections but also the attribution of specific types of underlying persistent conflicts.

Keywords: urban conflict, complex urban conflict, conflictness, conflict connections, interconnectedness of conflicts

Acknowledgments. This research was carried out with the support of the Russian Scientific Foundation grant No. 24-28-01352, <https://rscf.ru/project/24-28-01352/>.

Почему важны поиски связей в ситуации конфликтов?

Современные теоретические оптики, определяющие место конфликтов в текущих социальных процессах, указывают на нарастание их сложности. Становление «новой нормальности» [Гофман, Тимошук, 2021], умножение числа конфликтов, отказов от компромиссов [Тевено, 1997] сопровождаются их плюрализацией, усилением устойчивости конфликтных групп [Скалабан, Сергеева, Лобанов, 2022] и появлением новых типов альянсов [Тыканова, Шевцова, Желнина, 2024]. Тенденции, наблюдаемые в диапазоне от локальных до международных конфликтов, наиболее наглядны на уровне города. Город — не только сцена отдельных конфликтов в конкретных процессах, но и «архипелаг» противоречий, вписанных как в публичную политическую, так и в повседневную жизнь.

Важные качества современных городских конфликтов, обуславливающие усиление их сложности, — множественность и связанность. Множественность проявляется в нарастающем числе акторов, повесток, конфликтных событий, совокупности проблем-триггеров: пыль, мусор, транспорт, точечная застройка. Множественность создает условия для связанности между конфликтами разных групп горожан или локаций. Фокус исключительно на отдельных, пусть и резонансных, случаях конфликтов затрудняет понимание их ресурсной базы, динамики конфликтности городской среды. Как заметил А. Лефевр, оценивая исследовательский потенциал «точечного подхода», он ценен тем, что поддается контролю, а иногда и измерению, но разделяет взаимосвязанные вещи, разъединяет «сочлененное», а значит, принимает или закрепляет фрагментацию [Лефевр, 2015: 14].

В российском исследовательском поле связи между конфликтами пока не стали предметом самостоятельного изучения, в отличие от множественности — количественного анализа таких параметров, как локация, время, участники. Актуальные объекты анализа — число протестных событий, городских конфликтов, конфликтных эпизодов, случаи пространственных конфликтов [Белоусов, Давыдов, 2024], триггеры [Скалабан и др., 2023], множественность комбинаций игроков, арен и исходов [Семенов, Минаева, 2021]. Объекты качественного анализа — связи между акторами, неформальные аспекты связей участников с властными элитами, политиками, журналистами [Желнина, Тыканова, 2021], сетевые связи между сообществами, вовлеченными в конфликт [Глухова, Кольба, Соколов, 2021]. В логике, близкой к связанности, описывается кооперация активистов между «своими» и иными акторами городских отношений [Гладарев, 2011; Паченков, Воронкова, 2021].

Цель статьи — выделить сущностные характеристики множественности и связанности как свойства городских конфликтов, способы их измерения, модели описания, оценить их потенциал для анализа конфликтности в городской среде.

Множественность и связанность: городские конфликты и городская конфликтность

Перманентная конфликтность с переменной интенсивностью — естественное состояние крупного города. Она фиксируется через общие временные (частота), пространственные (распределение и концентрация) и частные характеристики, такие как *многосубъектность*, *многопартийность* [Болтански, Тевено, 2013], многократность участия субъектов [Скалабан и др., 2022], нарастающая *множественность коммуникаций и предметов* конфликта.

Если в отношении множественности трудность составляет установление ее величины — не всегда ясно, возросло ли число случаев или их медийное покрытие, то в отношении связей между конфликтами методологическую проблему представляет их идентификация. Концепт связанности широк и не определен. Любой элемент конфликтной ситуации, взятый вне контекста, может быть оспорен как случайный или формальный. Это ставит задачу поиска убедительных признаков связи или пересекающихся признаков, свидетельствующих о вероятности связей между ними.

С философских позиций связь является особым видом отношений, взаимозависимости. Ее основополагающий признак — *сопринадлежность нескольким объ-*

ектам, соответствие изменений любого из них изменениям других [Связь... 1988: 67]. Ее существенные характеристики трактуются в диапазоне от связи как соответствия (корреляция следствий общей причины) до связи как воздействия или взаимодействия объектов [Елацков, 2016: 69]. Важно, что связь в той или иной степени ограничивает свободу произвольного изменения связанным объектом своих состояний, свойств и отношений. Поэтому связанный конфликт не может быть трансформирован или урегулирован без учета связи с заинтересованными в нем силами и не повлияв на протекание связанных с ним конфликтов.

Установление связанности событий в социальных науках обычно относится к области исторической методологии. Социологическая теория посвящает больше внимания связанности между акторами. Помимо классических теорий Г. Зиммеля и Л. Козера, где эндогенная и экзогенная связанность конфликтов лежит в основе их интегративной функции [Козер, 2000], связь изучается через сопринадлежность их компонентов. С позиций Ч. Тилли связанность конкретна и эмпирически проверяема. Она строится через действия субъектов и их координацию как видимое проявление связанности. В модернистской традиции это проявляется в общей логике коллективных действий и усилий в достижении общего блага [Tilly, 1998]. Похожее видение содержится в теориях рационального выбора, мобилизации ресурсов: связанное действие есть присоединение к организованным группам или идеологиям для координации в ситуации нарастающей сложности [Olson, 1965], что требует организационных структур, формализованных лидеров, коалиций, уточнения и согласования коллективных рамок [Benford, Snow, 2000], то есть дорогостоящих ресурсов, приносящих все меньшую отдачу. В постмодернистской традиции связь создается через персонализированные сетевые взаимодействия, социально опосредованные и технологически организованные коммуникационные процессы. Это непрерывная серия транзакций (ограниченное общение между действующими лицами), к которым участники присоединяют общие понимания, воспоминания, прогнозы, права и обязанности. Однородный набор связей между тремя и более действующими лицами образует сеть, но она не сводится к единой солидарной группе [Tilly, 1998: 456].

Методологически важный шаг для анализа сетевого характера связей был сделан Б. Латуром. Потенциал содержит его интерпретация связанности как объединения (умножения) конфликтов путем «переноса» через определенную среду «значений или силы» [Латур, 2014: 151]. Из одного конфликта в другой через проводника (не преобразуя) или посредника (преобразуя) передаются смыслы, действия, ресурсы (символические или материальные), информация, технологии. Важная роль в построении связей принадлежит общим чатам, веб-ссылкам, платформам, социальным сетям как агентам сети, не сводимым к ведущим организационным субъектам. Их архитектура определяет способы координации конфликтных действий (сбор подписей, поиск данных и обмен информацией через цифровые платформы, репосты) [Bennett, Segerberg, 2012]. Эти технические посредники персонифицируют участие горожан, умножают их связи, одновременно смещая из публичного пространства в частное. Эта «приватизация» осложняет идентификацию городского конфликта, но делает сетевые коммуникации более значимыми.

Думается, что модель Б. Латура перспективна скорее для анализа связи «конфликт — сущность — конфликт», так как акцентирует перенос агентами смыслов и значений из одного конфликта в другой, а модель Ч. Тилли больше фокусируется на связях сетевых акторов: «сущность — конфликт — сущность», где сам конфликт становится способом связи между субъектами. Оформляя проблемы в повестки, он становится проводником ценностей и смыслов, способом координации между действующими лицами, их реинтродукции в механизмы принятия решений. Оба подхода обладают эвристическим потенциалом для анализа связей в городском конфликтном поле.

Связанность конфликтов имеет потенциал осмысления и в теории полей стратегических действий [Флигстин, Макадам, 2022]. Связь между конфликтами (кризисами) строится благодаря наличию у акторов разделяемых представлений о дестабилизирующих событиях внутри поля стратегического действия и состояния смежных полей. Стратегические акторы осознают связи между своими интересами и конфликтными событиями, которые не являются предметом их контроля, и то, что исход одного из конфликтов зависит от исхода другого, а исход каждого из этих конфликтов зависит от их положения в иерархии поля/полей стратегического действия, стабильности поля. Здесь, в отличие от обеих приведенных выше моделей, основой связи выступает инструментальная рациональность субъекта. Интерпретации раскладов в поле его участниками сами по себе суть основание связи, а не только производная от объективного положения дел.

Конфликт внутри городского стратегического поля является риском или возможностью для актора в зависимости от его позиции — доминирующего или претендента. Если претендент стремится захватить ресурс, неадекватный его статусу (девелопер-претендент пытается реализовать проект крупного ЖК в центре города), то его действия будут оспорены доминирующими стратегическими акторами, в том числе в форме инициирования или поддержки городского конфликта. В случае если сложившееся статус-кво нарушено в смежном поле, то может быть обеспечен перенос ресурсов в конфликт из одного поля в другое, чтобы погасить или эскалировать его. Это возможно через вовлечение большего числа участников, расширение сфер конфликтования, повесток, медийного резонанса, увеличения числа событий, чтобы актор мог выразить себя в них, к примеру, как значимого и обладающего ресурсами претендента — нового игрока на поле стратегического действия.

Мы предлагаем размышлять о связанности городского конфликта с вниманием к трем теоретическим идеям:

- 1) сами конфликты возникают в сетях устойчивых транзакций, и связанность субъектов — одна из посылок конфликта (Ч. Тилли);
- 2) сетевая связанность не исчерпывается наблюдаемыми транзакциями и расудочной кооперацией субъектов — она обладает собственной агентностью, определяющей контуры связей и конфликтов (Б. Латур);
- 3) с другой стороны, эти контуры определяются и акторами в полях стратегических действий, исходящими из инструментальной рациональности, а для современного городского конфликта эти поля расширяются (Н. Флигстин, Д. Макадам).

Под связями конфликтов мы понимаем зависимость или созависимость между собой конфликтов и их структурных компонентов. Если возникающий конфликт

своим наличием влияет на характер протекания и урегулирования другого конфликта, то между ними существует связь. *Потенциал связи возникает, когда между конфликтами, их компонентами имеется разделяемое общее, способное стать основанием для коррекции или согласования их стратегий или тактик.*

Связанность конструируется в диапазоне от *сопредставления* проблем и повесток до *содеятельности* их участников, что свидетельствует о разном уровне ее сформированности. Поэтому если *потенциал связи* может быть обнаружен через пересечения проблем, повесток, пространств, то *действующая связь* конфликтов может быть идентифицирована через совместное позиционирование проблемы и координированность действий. Важный механизм установления связей — перенос смыслов, ценностей по разделяемой проблеме акторами из конфликта в конфликт, что выражается в координации позиций и/или совместности действий.

Индикаторы связанности городского конфликта

Один их подходов к операционализации концептов связи и связанности был предложен междисциплинарной группой исследователей городских конфликтов университета Квебека. Их понимание связанности максимально конкретизировано и проверяемо: *установление многообразных (от двух и более) связей и зависимостей на основании общей цели или разделяемых задач, последовательности конфликтных событий, связанных друг с другом, но распределенных во времени и в локальном пространстве.* Это и создает городские конфликтные сети [Pelletier, Trudelle, 2016]. Здесь «сопринадлежность» проявляет себя через целеполагание, координацию, «содеятельность» как альянс, что ближе к модернистской модели Ч. Тилли. Это тип устойчивых связей внутри конфликта или между близкими по повестке конфликтами на одной территории. Множественные взаимодействия здесь конституируют отношения поддержки в виде союзов и коалиций, в том числе и через сложные властные отношения между субъектами городских конфликтов в контексте выбранных стратегических ориентаций, интересов и вытекающих из них компромиссов [Trudelle, Klein, Fontan, 2015]. Считаем, что индикаторы, фиксирующие очевидную связь между двумя конфликтами, могут быть дополнены следующими показателями:

- повторяющееся упоминание одной проблемы в обоих конфликтах, совпадение локации, действующих лиц, времени возникновения (*потенциал связи*);
- упоминание в одном конфликте прецедента из другого, совпадение смыслового содержания позиций акторов по разным проблемам, идентификация субъектов одного конфликта с субъектами другого (*связь*);
- координируемая позиция, действие с ориентацией на второй конфликт (или ориентация другого субъекта на него), совместное участие, прямой перевод/обмен капиталом между акторами, иные показатели переноса информации и ресурсов между конфликтами (*связь*);
- сочетания указанных выше показателей и количество разнородных индикаторов (*связь*)¹.

¹ Метаиндикаторы, касающиеся количества и комбинаций базовых индикаторов, особенно важны. Исходя из здравого смысла ясно, что показатели связи бывают более и менее сильными: участие одного лица или совпадение даты почти ничего не говорят о связи двух конфликтов, но сочетание этих двух слабых показателей зачастую будет весомее, чем, например, взаимное упоминание.

Соответственно, связи могут конструироваться через:

— соприсутствие в физическом, социальном или символическом *пространстве* с учетом общих условий и обстоятельств; ценность приобретают локализованные отношения, организованные в терминах места [Гидденс, 2011: 234];

— перенос и формирование общих смыслов, ценностей, оценки проблем, выраженных в *конфликтных повестках*; перенос смыслов создает условия для сопредставления — возможности для действий, осуществляемых с учетом других конфликтов, конфликтных групп или согласованных действий;

— координацию действий: взаимодействия *акторов* (персон, групп, сообществ, структур), комбинации действующих акторов, в том числе в составе сети, вовлеченных в один или близкие конфликты.

Связь может обладать разной дистанцией: *близкой*, внутри одной сферы жизнедеятельности, или *дальней*, связывающей между собой акторов и повестки из разных сфер, в том числе редко пересекающихся в практиках городских отношений. Разная дистанция предполагает разную степень включенности субъектов, разные ролевые позиции, что выходит за рамки упрощенной дихотомии основных участников.

Многие из типов и параметров связанности в этой статье лишь маркируются и требуют дополнительных исследований. Ниже опишем эмпирические характеристики множественности и связанности.

Информационная база исследования

Эмпирическая основа исследования — Геоинформационная база данных конфликтов Новосибирской агломерации (ГБД), созданная сотрудниками Лаборатории городских исследований Новосибирского государственного технического университета в 2021 г. (<https://conflictsnsk.ru/>), дополненная полуструктурированными интервью. Она содержит кейсы конфликтов с 2011 г. (точно с 2004 г.) и пополняется методом геокодирования медиаданных по более чем сорока параметрам [Городские пространства..., 2023: 290—296]. На момент работы над статьей ГБД содержала кейсы по 777 конфликтам, 1820 составляющим их событиям, медиаданные о 3553 акторах, в том числе 93 сообществах.

Особенность структуры ГБД — наличие индикатора «связи между конфликтами» с дифференциацией по группам: «объект, пространство», «предмет, проблема, триггер», «актор», — и индикатора «связи между сообществами». Данные по этим признакам доступны для 557 кейсам из 777, так как параметр введен в ходе доработки дизайна структуры данных. Поскольку их ввод отчасти строится на наблюдениях кодировщиков, сопоставлении ими медиаданных, то процесс накопления сведений о связях нельзя назвать процедурно одинаково строгим для всех наблюдений.

Сбор данных о конфликтах из медиаисточников в широком временном диапазоне также имеет ограничения. Во-первых, обозначилась проблема полноты и пропорциональности отбора случаев. Идентификация публичного конфликта в медиаконтенте в силу многообразия форм сложнее, чем, например, идентификация акционного протеста. Во-вторых, одновременное кодирование данных в режиме текущего времени и «задним числом» (предыдущего десятилетия) в процес-

се поступательного размывания границ публичности, смены нормативных рамок конфликтования, сложности идентификации юридизированных форм конфликтования, часто оставляющих меньший медиаслед, способствует потере в медиаконтенте прошлых лет конфликтов с низким резонансом, позволяет сравнивать в динамике только с большими оговорками. Так, данные за 2011—2019 гг. составляют 18 % от всего массива данных; параллельный ввод старых и текущих кейсов 2020—2021 гг. — 12%; сплошная выборка текущих конфликтов 2022—2025 гг. — 67 %. Поэтому мы ориентируемся не столько на абсолютные, сколько на относительные показатели. В-третьих, медиарепрезентация публичных данных не всегда позволяет установить наличие связей между конфликтами и даже событиями одного конфликта [Города расходящихся... 2021: 73], особенно учитывая, что медиа, будучи в терминологии Б. Латура не только проводниками, но и посредниками, могут сохранять пристрастность, контролироваться определенными группами интересов. Отчасти эти проблемы компенсируются привлечением данных из нескольких источников. Важным подспорьем в подтверждении связей стали 65 полуструктурированных интервью с участниками конфликтов и экспертами в различных сферах городских отношений, раскрывающие неформальные аспекты резонансных конфликтов, паттерны взаимодействий, связей внутри публичного конфликтного пространства.

Множественность как потенциал связанности

Новосибирск — крупнейшее муниципальное образование России. В нем проживает 1,63 млн человек. Население Новосибирской агломерации превышает 2 млн человек. В силу отсутствия крупных градообразующих предприятий, определяющих его экономическую и градостроительную политику, а также полицентричной структуры элит с сопоставимыми ресурсами здесь установился городской политический режим конфронтационного типа [Бедерсон, Шевцова, 2021]. За несколько десятилетий это сформировало практики и культуру публичного конфликтования, которая сохраняется даже в условиях ужесточения норм на федеральном уровне.

Конфронтационный тип городского режима неизбежно создает условия для множества конфликтов в различных сферах городской жизни (см. рис. 1). Несмотря на сокращение числа конфликтов акционного типа (см. рис. 2), общее число действий и событий городских конфликтов в последние годы стабилизировалось.

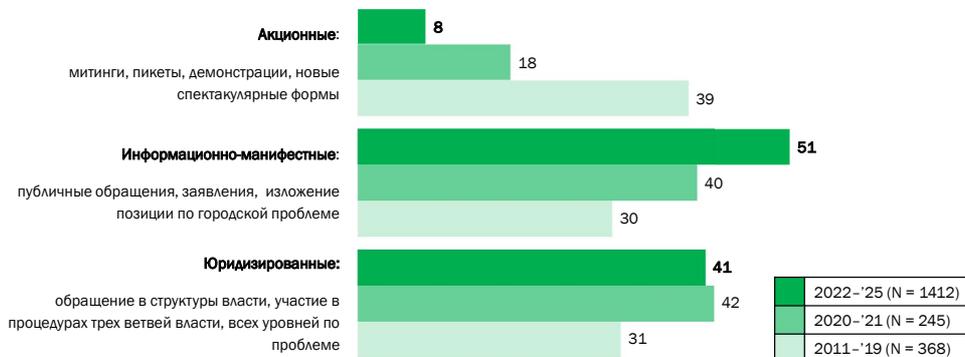
Тенденция последних лет — более равномерное распределение конфликтов по сферам городской жизни. Если в 2022 г. на доминирующую сферу — ЖКХ — приходилось больше половины всех конфликтов, то в 2024 г. ее доля упала до 36 %. Возросло число конфликтов, в повестках² которых затрагивается одновременно несколько сфер городских отношений. Из 40 конфликтов ГБД, разворачивающихся в трех и более сферах, 23 приходятся на последние три года, восемь из возникших ранее до сих пор не завершились. Максимум широты повестки — пять сфер городской жизни — наблюдается в кейсе «Жители Хилокского жилмассива против разведения скота мигрантами на территории бывшего военного городка» (2024 г.).

² Повестки отличаются от сфер тем, что отмечаются на основе проблем, которые указывают сами действующие лица в конфликте, аналогии, о которых считают нужным сообщить. Сферы определяет кодировщик, квалифицированный редактор базы. Сферы — более формальный классификатор, повестки — стихийный и субъективный.

Рис. 1. Распределение публичных городских конфликтов Новосибирска по сферам жизнедеятельности в 2022—2024 гг. (в %)

Рис. 2. Основные виды действий в событиях конфликтов (2011—2025 гг.) (в %)

Чаще всего в конфликтах пересекаются сферы «строительство» и «городское хозяйство, ЖКХ»; «экология» и «городское хозяйство, ЖКХ» (35 случаев из общего массива данных); «городское хозяйство и ЖКХ» и «соседство, среда обитания» (29 случаев); «безопасность, правопорядок» и «этнические и религиозные отношения» (27 случаев). Частота пересечения позволяет выделить две группы конфликтных полей Новосибирска. Первая структурируется вокруг качества жизни: строительство, ЖКХ, экология. Вторая — вокруг безопасности и символических ценностей: соседство, безопасность и правопорядок, этнические и религиозные отношения. Пересечение или объединение повесток создает потенциал для свя-

занности. Масштабируя локальную проблему как широкую, общественно значимую, участники конфликтов привлекают к ней большее внимание, создают дополнительные точки входа для новых акторов. Рост числа случаев в ранее менее конфликтных сферах также создает дополнительный потенциал связанности. Их участники с высокой вероятностью еще не обладают собственным конфликтным инструментарием, а значит, для эффективных действий они ищут союзников.

В этой логике мы проанализировали подвыборку из 40 «многосферных» конфликтов. Провели содержательный анализ потенциала связей по параметрам: участие одних и тех же акторов в разных конфликтах, общность формулируемых конфликтных повесток и мест протекания.

Данные показали, что выделенные по свойству «многосферность» (от трех сфер и более) конфликты (см. табл. 1) не обладают универсальным потенциалом конструирования связей. Они дифференцированы по длительности протекания, числу событий, акторов, широте сетевой репрезентации конфликтов, вовлеченности конфликтных сообществ. Это позволило выделить три группы и оценить в них роль экзогенных связей. Типология формировалась исходя из предшествующего анализу априорного различия «сложный конфликт — локальный конфликт» [Скалабан, Лобанов, 2025]. Сначала в подвыборке были качественно идентифицированы сложные конфликты: продолжительные, резонансные, включающие серии событий. Затем — локальные конфликты, сфокусированные на конкретных проблемах малого масштаба. Оставшиеся кейсы обнаружили сходство друг с другом и были отнесены к смежному типу.

Таблица 1. **Общая характеристика типов многосферных конфликтов (n = 40)**

Тип	Количество	Средние значения показателей для одного конфликта							
		Событий	Продолжительности конфликта (в годах)	Числа повесток	Числа публикаций (резонанс)	Акторов	Числа вовлеченных сообществ	Групп, пабликов, освещающих конфликт	Связанных конфликтов
Сложные конфликты (n = 11)	14	10,1	4,0	3,3	свыше 50	14,2	2,4	25,5	1,9
Смежные конфликты (n = 14)	11	4,6	1,0	3,2	10—50	3,7	1,7	9,8	2,6
Локальные/фокусированные конфликты (n = 15)	15	1,5	0,1	2,0	менее 10	4,8	0,3	3,6	0,3

Первой группе — сложные конфликты — свойственны множественность событий, акторов, повесток и динамическая и структурная устойчивость. Эти конфликты существенно продолжительнее, резонанснее, чем остальные. Им присуща высокая вовлеченность органов власти разного уровня, крупного и среднего бизнеса, устойчивых сообществ и гражданских групп. Здесь чаще встречаются персоны, которые уже участвовали в конфликтах. Привлекательность манифестируемых

повесток, широкое информирование и отклик в виде множественных коммуникаций вовлекают разных субъектов городских отношений, дают высокий отклик сетей. Показывая несколько меньшее среднее число связей между конфликтами, чем следующий вид, связи сложных конфликтов более плотные, то есть построенные на сочетании двух-трех типов: акторов, повесток и места (см. табл. 2). Интересно, исходы изученных кейсов, частота связей (см. табл. 2) показывают, что такие ресурсно достаточные конфликты оказывают влияние на порядок городской жизни, сами генерируют связи, становятся их узлами за счет важного в политическом, экономическом, социальном плане предмета оспаривания.

Таблица 2. **Распределение связанных «многосферных» конфликтов по типам связей**

	Связи через...		
	...акторов	...повестки	...место
Сложные конфликты	10	8	5
Смежные конфликты	6	7	4
Локальные/фокусированные конфликты	3	0	1

Триггеры большинства сложных конфликтов — крупные инвестиционные проекты: кейсы «Четвертый мост» (2016 г. — по настоящее время), «Строительство Восточного обхода Новосибирска: проезд транзитного транспорта через Советский район» (2017 г. — по настоящее время); оспаривание инвестиционно привлекательных пространств, особенно на символически значимых территориях — «Военный городок. Перспективы застройки» (2014—2024); хронические инфраструктурные проблемы города — пыль («Пыль в городе или Пылесибирск», 2022 г. — по настоящее время), проблемы деградации локальной инфраструктуры, пространственной концентрации инокультурных групп, с которыми жители часто связывают ослабление безопасности. Например, на территории крупнейшего в регионе плодоовощного рынка с 2015 по 2024 г. зафиксировано 20 публичных конфликтов («Хилковский треугольник»). Два из них вошли в группу сложных конфликтов.

Свидетельство накопленных связей — вовлеченность в конфликты одновременно нескольких сообществ городского и локального типа, их сетевая коммуникационная чувствительность к городским конфликтам. Анализ пабликов, чатов городских групп и сообществ, имеющих опыт конфликтования, показывает, что в них активнее, чем в остальном сетевом контенте, происходит репост информации о городских конфликтах — даже далеких от манифестируемой ими проблемы. Паблики и группы сообществ, вовлеченных в конфликт, становятся дайджестами новостей о городских конфликтах, комментируется опыт, приводятся нормативные и технологические требования, например, к размещению мусорных полигонов, реализации проектов комплексного развития территорий (КРТ), транспортных магистралей или пересадочных узлов. Чаты сообществ завершившихся конфликтов часто сохраняются под старым названием и вносят свой вклад в поддержание связей.

Вторую группу обозначим как смежные конфликты. Они не обладают столь уникальными ресурсными характеристиками, менее длительны, но непременно вписаны в актуальную и широкую конфликтную повестку локальной территории

и обладают наибольшим потенциалом связанности. К этой группе относится часть конфликтов, обозначенных как «Хилокский треугольник» — территории, где накладываются друг на друга проблемы трех близко расположенных локаций — кладбища, мусорного полигона, плодоовощного рынка; а также конфликты, вызванные проектами КРТ (2023—2025 гг.); сохранением городских лесов и парковых зон; проблемами сбора и утилизации отходов. Их связи с другими конфликтами строятся преимущественно по горизонтали, через интенсивное информационное взаимодействие между группами горожан с похожими проблемами, а потому отдельные события могут быть менее резонансны. Пример налаженных связей — полицентричное сообщество экологов и других жителей Академгородка, состоящее из ряда онлайн- и офлайн-групп. Его активность делает невозможным возникновение изолированного конфликта в любой из его территориальных или социальных зон без реакции или ресурсной поддержки хотя бы одного из сообществ (кейс «Экологи против строительства кампуса НГУ мирового уровня», 2021—2022 гг.). Пример маркирования актуальной городской проблемы — конфликт с «цыганской» повесткой (кейс «Жители Ленинского района против цыганского табора», 2022 г.). Будучи кратковременным, он получил значительную эмоциональную реакцию в сетях (репост и обсуждение в 15 пабликах и группах) на фоне усиления в городе антицыганских настроений, что отразилось в девяти публичных конфликтах в 2022—2023 гг. Кейс «Строительство общежития для мигрантов на Пригородной» (2023 г.) входит в комплекс 33 конфликтов, вызванных стремительным ростом антимигрантских настроений в период 2023—2024 гг., из 40 кейсов этой тематики, имеющих в базе данных. Резонансный кейс «Жители „Заречного“ против КРТ» (2023—2025 гг.) входит в комплекс из 11 локальных конфликтов противостояния КРТ-проектам, проявивших себя в последние два года.

Но можно ли рассматривать концентрацию (множественность) конфликтов похожих повесток как ситуацию переноса и потенциал связанности? Можно в случае, если имеются и иные подтверждения связей, кроме общности повестки. Так, среди акторов, выделенных в подвыборку 40 конфликтов, в 15 было медийно зафиксировано участие трех сообществ националистического толка, возникших или выделившихся из активных несколько лет назад.

Третья группа объединяет локальные фокусированные конфликты. Конфликты городского масштаба здесь отсутствуют. Манифестация в конфликте широкого круга проблем разных сфер чаще обусловлена постановкой самой проблемы как близкой большому числу горожан. Например, кейс «Местные жители требуют закрыть пивной магазин на Космической» (2019 г.) — актуализация сферы соседства, безопасности и правопорядка, социальной сферы: магазин расположен недалеко от школы. Запрос на связи и поддержку в фокусированных конфликтах существенно слабее, как слабее и активность тех, кто инициирует конфликт. Она ограничивается одним-двумя юридизированными действиями без запроса на ресурсную поддержку иных гражданских акторов, что связано с риском неуправляемой эскалации конфликта. Публичная апелляция к иным гражданским акторам без их согласия не практикуется, как не практикуется и самостоятельная активность в отношении проблемы, «присвоенной» иным сообществом, что подтверждают редкие случаи отрицательной связанности — конкуренции между актора-

ми за контроль над конфликтной ситуацией и аккумулируемыми ресурсами (кейс «Конфликт между активными жителями микрорайона Хилокский и активистами Русской народной дружины в отношении патрулирования микрорайона», 2024 г.).

Таким образом, множественность становится потенциалом связанности не сама по себе, а при наличии запроса на общее смысловое пространство проблемы, сетевую поддержку или при наличии иных ресурсов.

Связи городских конфликтов: опыт описания и типологизации

Обратимся к более широкому контенту связей между конфликтами в ГБД. На 557 кейсов, где этот параметр отслеживался при вводе данных, выделено 224 связи в 134 кейсах, что составляет 24 % от массива данных. Максимум — 13 связей с конфликтами, инициируемыми локально организованными группами жителей, наблюдаются в кейсе апреля 2025 г. «Дебаты вокруг КРТ как стратегии развития городской среды».

Наибольшее число связей возникает через общность повесток — 135 кейсов. Они подтверждаются фиксацией их участников в местных онлайн-группах с похожими проблемами, взаимными репостами публикаций и участием в онлайн-дискуссиях. Множественность однородных повесток требует реакции со стороны органов власти. Множественность и однородность — важный маркер формирования общего конфликтного поля, условие конструирования связей. В соприсутствии рождаются и координируются общие образы ситуации, но здесь в последние годы часто отсутствует главный маркер устойчивой связи — содействие (совместные действия), что позволяет рассматривать общность повесток как «недосвязанность» или потенциал возможных связей.

Похожая логика построения связей наблюдается и в конфликтах, объединенных общей локацией (местом) — 53. В публичных данных она проявлена через общие топонимы. Но для конструирования связей этого типа только соприсутствия все же недостаточно. Потенциал связанности усиливается, если параметры общего места и общей проблемы совпадают.

Наименьшее количество связей фиксируется по акторам — персонам, организациям или сообществам — 37. Они также дифференцируются по связям «актор — конфликт — актор» между акторами, вовлеченными в один конфликт, и связи «конфликт — актор — конфликт» через участие одного актора в нескольких конфликтах. Первый тип связи зафиксировать сложно, поскольку он часто носит непубличный характер. Выявление связи второго типа зависит от того, теньевую или публичную позицию занимает актор. Последняя для многократно участвующих в конфликтах ресурсна и позволяет позиционировать их как квалифицированных акторов.

Поскольку теоретические модели рассматривают взаимодействия акторов как наиболее убедительные признаки связанности, а эмпирические акторы — наиболее редкий медиатор связи конфликтов, остановимся на них подробнее.

Сокращение в последние годы числа конфликтов акционного типа, обращение преимущественно к юридизированным формам конфликтования (см. рис. 2) актуализировало между близкими по тематике акторами режим не столько публичных совместных действий, сколько координации, преимущественно через вза-

имное информирование и обсуждение. Это меняет запрос на свойства акторов конфликтов. Обозначим две тенденции.

Тенденция к персонализации связей акторов, отмеченная еще Ч. Тилли. Анализ списка персон, многократно участвующих в конфликтах (см. табл. 3), показывает среди них значительный удельный вес акторов, вовлеченных «по должности», экономическим интересам, а также гражданских активистов — системных (возглавляющих НКО) или несистемных (лидеры сообществ, персоны в протестной или экспертной позиции). Примечательно, что в медийном пространстве гражданские участники чаще позиционируются как персоны-общественники, а не представители гражданских структур. Медианные значения числа конфликтов с участием одних и тех же общественников сопоставимы или несколько превышают число конфликтов с участием одних и тех же представителей муниципальных или государственных органов власти. Персонализация позиции в конфликтах последних отмечается особенно в тематике качества социальной инфраструктуры, безопасности и защиты прав жителей.

Таблица 3. Медийно зафиксированное участие в городских конфликтах наиболее активных персон (от трех конфликтов и более)

№	Типы акторов-участников	Число персон	Максимальное число конфликтов, в которых участвовала одна персона	Медианное значение числа участия в конфликтах персон одного типа акторов
1	Органы власти федерального уровня	3	56	8
2	Органы власти регионального уровня:			
	Законодательное собрание	18	14	5
	Правительство НСО	14	42	4
	Правоохранительные органы регионального и городского уровня	4	11	7,5
3	Органы власти муниципального уровня:			
	Совет депутатов	17	24	5
	Мэрия	23	75	4
4	Государственные, муниципальные организации	7	9	5
5	Коммерческие организации	16	7	4,2
6	Медиа структуры	3	8	5
7	Структуры гражданского общества:			
	формализованные	29	26	7
	неформализованные	9	9	5
8	Отделения политических партий	2	7	6
9	Религиозные организации	2	6	4,5

Качественный анализ данных (интервью, кейс-анализ) о позиционировании себя гражданскими акторами — участниками конфликтов в полях стратегических действий позволил выделить два их варианта.

— «Лидер без сети». Активные гражданские персоны, часто входя в публичное поле через конфликты, закрепляются в нем по их завершении. Множественность связей в поле, близких полях стратегических действий запускает процессы профессионализации (коммерческой или некоммерческой) акторов как участников городских конфликтов, открывает возможности оказания поддержки и услуг, тем самым конституируя в инфраструктуре городского конфликта одну из ключевых позиций — посредника.

— «Сеть без лидера». Сетевизация участия горожан проявляет себя в новом для конфликтного поля явлении — массовой сетевой демонстрации негативных настроений в отношении проблемы. Коллективно конструируется образ ситуации и позиция («Кольцо ада» — топоним, созданный горожанами как реакция на многочасовые пробки на транспортной развязке в ходе строительства Четвертого моста), которая оказывает влияние на принятие управленческих решений. Роль проводника и посредника в оформлении отрицающей или оборонительной позиции сетевых сообществ берут на себя медиа, что рождает новый тип городского конфликта с низовой активностью и выраженной позицией по проблеме без оформленного лидерства и направленного действия.

Тенденция к устойчивости сформировавшихся сообществ и групп: конструирование связей сообществ между собой через многократное участие в конфликтах свойственно скорее устойчивым городским сообществам, способным одновременно и выполнять экспертные функции, и инициировать защиту объектов и ценностей. Например, участие сообщества архитекторов и краеведов в 13 конфликтах с 2013 г., экологов Академгородка в десяти конфликтах с 2006 г., общественное движение «Искалеченный Новосибирск» в десяти конфликтах с 2013 г. Устойчивость поддерживается не только длительным функционированием сообществ и поддерживающих их структур, но и их трансформацией, адаптацией к текущей социальной и политической ситуации. Так, сообщество православных активистов, оформившееся в ходе борьбы против ювенальной юстиции конца 2000-х годов, способствовало появлению Новосибирского координационного совета в защиту общественной нравственности, культуры и традиционных семейных ценностей (активность с 2012 г., оформлен в 2013 г.), а в его составе оформилась Сибирская правозащитная группа «Радетель» (2022 г.). С 2012 г. эти структуры приняли участие в 22 конфликтах. Локальным сообществам устойчивость свойственна избирательно, во многом она зависит от широты конфликтной повестки, опыта мобилизации местных сил: полицентричное сообщество Академгородка — 13 конфликтов с 2006 г.; Бугринский комитет — пять конфликтов с 2022 г.; инициативная группа жителей Нижней Ельцовки — шесть конфликтов с 2013 г., онлайн-сообщество «Хилокский жилмассив: welcome to ГЕТТО!» — шесть конфликтов с 2020 г.

Из 93 сообществ базы ГБД, участвующих в конфликтах (начало фиксации первых сообществ — с 2011 г.), нами отмечено 23 сообщества, чье присутствие пересекается в конфликтах. О потенциале их устойчивости свидетельствует тот факт, что в настоящее время только 16 прекратили активность. 42 сообщества поддер-

живают офлайн- и онлайн-активность, 27 — онлайн-активность, три сообщества пассивны, но сохраняют ядра сообществ и публичные элементы сетевой структуры (паблики, телеграм-каналы). Это позволяет предположить, что сохраняется и потенциал мобилизации. Анализ кейсов и интервью показывает, что интенсивность связей между персонами и между сообществами усиливается, когда в конфликте устанавливается несколько типов связей, описанных выше (см. табл. 2), расширяется число гражданских персон, сообществ, вовлеченных в один конфликт.

Связи между конфликтами строятся по разным схемам: в хронологической последовательности, когда один конфликт перетекает в другой, удерживая связь по объекту (*последовательные конфликты 2011 и 2019 гг. в защиту Лесопарка имени Синягина, Краснообск*); протекают относительно одновременно как часть одной проблемной ситуации (*конфликты местных сообществ против КРТ-проектов*); строятся по смешанному типу. Как правило, это сложные городские конфликты с высоким общественным резонансом, вызванные системными проблемами города: пыль, раздражающий горожан запах на улицах, миграционная ситуация в этнизированных пространствах.

Связи конфликтов в полях стратегических действий

Связи в конфликтах не только строятся по внутрисекторальным партнерским схемам, но и объединяют всех участников, явных и потенциальных заинтересованных сторон конфликтов, влияя на политику, структуры, нормы и иерархии в полях стратегических действий города. Именно в этом ракурсе внутриэлитные конфликты могут просматриваться в городских, а противоречия в иерархических позициях и интересах акторов полей позволяют предположить или зафиксировать связи теневых игроков. Опираясь на утверждение авторов теории полей стратегических действий о стремлении к поддержанию (противодействию дестабилизации) или пересмотру иерархии поля его акторами в зависимости от стабильности или кризисности его состояния [Флигстин, Макадам, 2022], а также реконструируя конфликтные взаимодействия в стратегическом поле «жилищное строительство» на основе интервью с экспертами и его ключевыми акторами, мы выделили две модели связей между акторами полей стратегических действий.

Модель 1. Баланс — связь как способ поддержания или оспаривания соотношения сил в поле стратегического действия.

Городской конфликт — не только инструмент борьбы акторов, но и способ сохранения баланса их интересов и мест в иерархии поля стратегического действия, где устанавливаются правила или перераспределяются городские ресурсы. Он средство, которое может изменить положение оппонента (если он претендент) или, напротив, не допустить изменения положения (если участник конфликта — доминирующий актор), затруднить установление контроля над значительной частью важного ресурса, лежащего или распределяемого в поле стратегического действия и близких полях. Например, реализация крупных девелоперских проектов в центре города одним из застройщиков позволит ему получить большую прибыль и влияние в важных стратегических полях города — не только жилищного строительства, но и городской политики, где происходит инвестирование в контроль над городским советом, действуют лоббистские группы. В этом случае его

оппоненты могут инициировать или поддерживать конфликт вокруг его проектов через посредников или прокси — «профессиональных общественников»³, местных депутатов, чтобы сохранить баланс. Прямые участники городского конфликта связываются с элитными противостояниями, получая дополнительные ресурсы, материальные и символические.

Рискуя получить репутацию слабого актора, который легко расстается с ресурсами, девелопер — инициатор проектов вынужден ответить оппонентам, например, используя административный ресурс или поддержку силовых структур. Однако в условиях конфронтационного городского режима он нередко выбирает инициирование или поддержку ответного городского конфликта «на территории» оппонентов (в иной локации и с иной повесткой, что делает для наблюдателей неочевидными связи акторов друг с другом). Чаще такую стратегию выбирают акторы, обладающие доступом к инфраструктуре гражданского участия: связям с «профессиональными общественниками», подконтрольными депутатами, СМИ, с социальными навыками конфликтования. Так возникает система из двух и более связанных городских конфликтов, чьи пересечения в объекте и предмете конфликтования не очевидны, а ход и результаты зависят не столько от конкретного объекта оспаривания, сколько от характера элитного противостояния, устойчивости иерархий поля стратегических действий. Эта связь приведет либо к достижению актором в стратегическом поле, близких полях статус-кво, либо к изменению правил и иерархий.

Модель 2. Альянс — связь как способ кооперации и защиты интересов слабых акторов.

Альянс — это стратегия связей, которую чаще выбирают претенденты на статус квалифицированных акторов в поле стратегического действия, слабые игроки, не обладающие достаточными ресурсами, чтобы влиять на изменения, контролировать правила, определяющие распределение ключевых ресурсов в поле, смежных полях. В городских конфликтах последних лет эта стратегия часто проявляется при пересечении интересов коммерческих структур, политических групп, через неявную, скрытую поддержку ими коллективных акторов, часто локальных конфликтных групп. Такие альянсы чаще формируются через посредников, квалифицированных социальных акторов — общественников или общественные структуры. Возможна и имитация альянсов с гражданскими неформальными структурами с целью давления на органы власти при принятии решений.

Альянсы часто возникают среди общественных сил без участия квалифицированного актора с коммерческими и политическими интересами. Одна из обозначившихся стратегий — создание связей ряда «слабых», разрозненных акторов (локальных или узконишевых сообществ) в борьбе против стратегического актора, например, в инфраструктурных, инвестиционных проектах, инициируе-

³ Под «профессиональным общественником» мы понимаем персону — квалифицированного актора, устойчиво присутствующего на публичных аренах города (особенно аренах городских конфликтов), способного выполнять в них триггерные, инициирующие, консультативные, посреднические и/или адвокатирующие функции при сохранении ролевой позиции общественника. Появление такой роли мы связываем со спецификой профессионализации гражданского участия в условиях усиления его административной предписанности и, одновременно, нормативно-уголовного усложнения процедур участия, отстаивания прав и интересов «пользователей» города при принятии управленческих решений.

мых крупным бизнесом и/или органами власти. Такие альянсы в настоящее время меньше проявляют себя публично, взаимодействуют без публичного «голоса», их участники ориентированы скорее на координацию позиции в отношении стратегического курса органов власти региона или города, чем на урегулирование конкретной ситуации. Таков альянс конфликтных групп разных территорий в отношении политики КРТ или политики строительства мусорных полигонов. Ресурсная поддержка друг друга участниками альянса осуществляется чаще через экспертизу, консультирование, переток знаний, чтобы создать у группы стратегических акторов коллективное представление о рискованности тех или иных действий, вне зависимости от собственной ценности объектов защиты. Так, группа активистов-краеведов может быть склонна поддерживать акции против точечной застройки, когда под угрозой сноса оказываются старые городские постройки, историко-культурная ценность которых не доказана и даже сомнительна. Их задача — чтобы девелоперы в целом опасались реализовывать проекты, а чиновники — выдавать разрешение на строительство, предполагающее снос старых зданий, благодаря чему снижается риск разрушения ценных исторических объектов. Группа экологов-активистов определенной локации может начать участвовать во многих пространственно не связанных экологических конфликтах, в том числе с сомнительной экологической ценностью объектов, с тем чтобы чиновники в целом опасались санкционировать реализацию проектов даже с минимальными экологическими рисками. Так активисты стремятся создать коллективно разделяемое представление, позицию о недопустимости вмешательства стратегических акторов в некоторые символически ценные сферы («экологическую», «историко-культурную»), транслируя ее в том числе широкой аудитории городских наблюдателей (журналистов, блогеров) с целью привлечь сторонников своей позиции, обеспечив преимущество в защите значимых объектов.

Заключение

Множественность и связанность — свойства, которые многое говорят не только о самих конфликтах, но и о конфликтности городской среды. Множественность конфликтов может создавать потенциал для связей в случаях, когда через нее проступают качественные характеристики проблемы. Связи между городскими конфликтами распределены неравномерно, присущи скорее сложным резонансным и смежным конфликтам с актуальными для горожан повестками, устойчивыми структурами-посредниками и резонансностью в медиа и сетях. Важным потенциалом для формирования связей обладает общность локального пространства и проблемного поля, но наиболее устойчивые основания связей — пересекающиеся в конфликтах акторы городских полей стратегических действий, способные к участию в поле городской публичной политики на субполитическом уровне, где местные политические, экономические акторы встречаются с рассерженными горожанами. Однако субъектность последних меняется. Важную роль в этом играют два взаимных процесса — сетевизации и персонификации гражданских акторов, — выводя на арену публичной политики двух новых «персонажей» городского конфликта — «лидера без сети» и «сеть без лидера». Общая тенденция к сетевизации городских связей проявляется в конфликтах, когда для решения проблемы

требуется привлечение всех доступных ресурсов. Важную и публично проявленную роль, наряду с представителями органов власти, в нем играют лидеры конфликтных (оборонительных) сообществ, квалифицированные акторы, в частности «профессиональные общественники». Скорее теневая, но не менее значимая роль принадлежит стратегическим акторам сферы бизнеса, особенно в условиях конфронтационного городского режима. Все эти акторы «видят» друг друга и учитывают действия друг друга.

Наращение числа связанных конфликтов создает дополнительный потенциал для формирования общего поля городской конфликтности. Завершившийся сложный конфликт оставляет за собой новые местные соглашения, новые способы управления, новые конфигурации дискуссионных форумов, а также новые технические процедуры (различные дополнения, изменения в градостроительных документах и т. д.). Связанный конфликт оставляет после себя в том числе и социальный капитал, который может быть инвестирован в другие конфликты.

Эмпирический анализ кейсов конфликтов отдельного города позволяет выдвинуть предположение, что большая часть резонансных и ресурсных городских конфликтов имеет высокий потенциал связанности, а часто и актуальные связи с другими конфликтами и конфликтными акторами. Мы приходим к выводу, что сложные и смежные городские конфликты нужно изучать как сеть конфликтов, а не как отдельные случаи.

Связанность как признак сложных, отчасти смежных конфликтов наделяет их свойствами, отсутствующими у «изолированных» фокусированных конфликтов. Здесь задействованы вертикальные и горизонтально конструируемые структуры, включены значимые субъекты из разных секторов, групп интересов, экономические интересы здесь всегда пересекаются с политическими или социальными, что усложняет ролевое распределение, высокий мобилизационный потенциал акторов, а значит, такие конфликты требуют системного регулирования, предполагающего совокупность действий, выходящих далеко за пределы направленного воздействия на объект и манифестирующих проблему акторов.

Эмпирический анализ показывает, что за связями конкретных городских конфликтов стоят более масштабные (устойчивые, долговременные) противостояния:

- 1) конфликты стратегических акторов (девелоперов, депутатов) друг с другом за значимые городские ресурсы (выгодные участки земли, распределение городского бюджета, депутатские мандаты);
- 2) конфликты локальных сообществ с неопределенным кругом потенциальных акторов, претендующих на контроль за присвоенной территорией;
- 3) конфликты городских сообществ с широким кругом акторов за значимые для городского сообщества локально распределенные ресурсы.

Феномен связанности поставил перед нами ряд проблем, решение которых требует дальнейших исследований.

Во-первых, это проблема связанности и различения элитных и публичных городских конфликтов, ресурсы которых могут перетекать друг в друга, что расширяет проблемное поле и субъектное пространство конфликта. Остается вопросом, в каких случаях ресурсное влияние элит может запустить городской конфликт (городские конфликты).

Во-вторых, это проблема надежности маркеров связанности, над которой необходимо продолжать работать. В отличие от многих других параметров, связи между конфликтами часто остаются недоступными для объективной, аналитической фиксации. Понимая взаимозависимость протекания и исходов конфликтов, акторы, тем не менее, часто не манифестируют их как связанные. Другая исследовательская ситуация: совпадение места и конфликтных событий с участием актора также не является надежным маркером — нельзя исключить фактор заинтересованности активного жителя территории вступать в любые конфликты в силу личных амбиций или особенностей. Также нельзя исключать, что конфликты связаны с особыми объективными свойствами территорий, генерирующих серию не связанных друг с другом конфликтов. Дополнительным важным критерием связанности конфликтов в такой ситуации может быть резонанс конфликта как маркер его значимости для всего городского сообщества. К резонансу могут приводить и особо креативные действия акторов.

Однако отдельные признаки связанности все-таки могут быть зафиксированы объективно. Если противостояние лоббирующих свои интересы двух групп стратегических акторов в одном конфликте будет продолжаться и в других, то можно с определенной степенью вероятности утверждать, что они вовлечены в системное элитное противостояние, выражающееся в городских конфликтах.

Список литературы (References)

1. Бедерсон В., Шевцова И. Застройщики, партия власти и немного конкуренции в российских миллионниках: типология городских режимов в 2010-е гг. // Журнал исследований социальной политики. 2021. Т. 19. № 2. С. 285—300. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-285-300>.
Bederson V., Shevtsova I. (2021) Developers, the Party of Power and a Bit of Competition in Russia's Million-plus Cities: A Typology of Urban Regimes in the 2010s. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 285—300. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-285-300>. (In Russ.)
2. Белоусов А. Б., Давыдов Д. А. Городские пространственные конфликты в Новосибирске: изучение общей динамики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 4. С. 292—314. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2520>.
Belousov A. B., Davydov D. A. (2024) Urban Spatial Conflicts in Novosibirsk: Studying General Dynamics. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 292—314. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2024.4.2520>. (In Russ.)
3. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / пер. с фр. О. В. Ковенева; под ред. Н. Е. Копосова. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
Boltanski L., Thévenot L. (2013) *De la Justification les Économies de la Grandeur*. Moscow: New Literary Observer. (In Russ.)
4. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Практис. 2011.

- Giddens A. (2011) *The Consequences of Modernity*. Moscow: Praxis. (In Russ.)
5. Гладарев Б. Историко-культурное наследие Петербурга: рождение общественности из духа города // *От общественного к публичному* / под ред. О. Хархордина. СПб.: Издательство ЕУ СПб. 2011. С. 70—304.
Gladarev B. (2011) *Historical and Cultural Heritage of St. Petersburg: The Birth of the Public from the Spirit of the City*. In: Kharkhordin O. (ed.) *From the Social to the Public*. Saint Petersburg: EUSP Press. P. 70—304. (In Russ.)
 6. Гофман А. А., Тимошук А. С. Сложное общество: нестационарность, гибридизация, прекаризация // *Социальные отношения*. 2021. № 2. С. 90—101.
Gofman A. A., Timoshchuk A. S. (2021) *Complex Society: Nonstationarity, Hybridization, Precarization*. *Social Relations*. No. 2. P. 90—101.
 7. Глухова А. В., Кольба А. И., Соколов А. В. Стратегии взаимодействия территориальных сообществ в ходе городских конфликтов (на материалах экспертного опроса в крупных региональных центрах РФ) // *Журнал исследований социальной политики*. 2021. Т. 19. № 2. С. 239—252. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-239-252>.
Gluhova A., Kolba A., Sokolov A. (2021) *Strategies of Urban Communities in Conflict Processes (A Case Study of Russia's Large Regional Centers)*. *The Journal of Social Policy Studies*, Vol. 19. No. 2. P. 239—252. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-239-252>. (In Russ.)
 8. Города расходящихся улиц: траектории развития городских конфликтов в России / отв. ред. Е. В. Тыканова. М.; СПб.: ФНИСЦ РАН, 2021.
Tykanova E. V. (ed.) (2021) *Cities of Diverging Streets: Trajectories of the Development of Urban Conflicts in Russia*. St. Petersburg: FCTAS RAS. (In Russ.)
 9. Городские пространства и сообщества в ракурсе изменений и конфликтов / под ред. И. А. Скалабан. Новосибирск: Издательство НГТУ, 2023.
Skalaban I. A. (ed.) (2023) *Urban Spaces and Communities in Terms of Changes and Conflicts*. Novosibirsk: NSTU Publisher. (In Russ.)
 10. Елацков А. Б. Отношение, связь и обособленность: философские категории в современном дискурсе // *Философия и общество*. 2016. № 2. С. 64—82.
Elatskov A. B. (2016) *Relationship, Connection and Isolation: Philosophical Categories in Modern Discourse*. *Philosophy and Society*. No. 2. P. 64—82. (In Russ.)
 11. Желнина А. А., Тыканова Е. В. «Игроки» на «аренах»: анализ взаимодействий в городских локальных конфликтах (случай Санкт-Петербурга и Москвы) // *Журнал исследований социальной политики*. 2021. Т. 19. № 2. С. 205—222. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222>.
Zheltnina A. A., Tykanova E. V. (2021) *“Players” in “Arenas”: A Study of Interactions in Local Urban Conflicts (A Case Study of Saint Petersburg and Moscow)*. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 205—222. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-205-222>. (In Russ.)
 12. Козер Л. *Функции социального конфликта*. М.: Идея-Пресс, 2000.

- Kozer L. (2000) *Functions of Social Conflict*. Moscow: Idea-Press. (In Russ.)
13. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: ИД ВШЭ, 2014.
Latour B. (2014) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)
14. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015.
Lefebvre H. (2015) *La Production de L'Espace*. Moscow: Strelka Press. (In Russ.)
15. Паченков О., Воронкова Л. «Новый городской активизм» и «публичная политика» в России (на примере Санкт-Петербурга) // *Журнал исследований социальной политики*. 2021. Т. 19. № 2. С. 253—268. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-253-268>.
Pachenkov O., Voronkova L. (2021) “New Urban Activism” and “Public Policy” in Russia (Case of Saint Petersburg). *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 253—268. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-253-268>. (In Russ.)
16. Связь и обособленность / отв. ред. М. А. Парнюк. Киев: Наукова думка, 1988.
Parnyuk M. A. (ed.) (1988) *Connection and Isolation*. Kyiv: Naukova Dumka. (In Russ.)
17. Семенов А., Минаева Э. Города расходящихся улиц: развитие городских конфликтов в России 2010-х // *Журнал исследований социальной политики*. 2021. Т. 19. № 2. С. 189—204. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-189-204>.
Semenov A. V., Minaeva E. Yu. (2021) The Cities of Forking Streets: Trajectories of Urban Conflicts in Russia. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 189—204. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-2-189-204>. (In Russ.)
18. Скалабан И. А., Лобанов Ю. С. Сложный городской конфликт: концептуальные основания анализа и эмпирическое описание // *Социологическое обозрение*. 2025. Т. 24. № 1. С. 242—268. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2025-1-242-268>.
Skalaban I. A., Lobanov Yu. S. (2025) Complex Urban Conflict: Conceptual Foundations and Modern Practices. *Sociological Review*. Vol. 24. No. 1. P. 242—268. <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2025-1-242-268>. (In Russ.)
19. Скалабан И. А., Сергеева З. Н., Лобанов Ю. С. Защищающиеся. Оборонительные функции сообществ в городских конфликтах (на материалах г. Новосибирска) // *Мир России*. 2022. Т. 31. № 4. С. 33—56. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-56>.
Scalaban I. A., Sergeeva Z. N., Lobanov Yu. S. (2022) The Defendants. The Defensive Functions of Communities in Urban Conflict (Based on a Case Study in Novosibirsk). *Universe of Russia*. Vol. 31. No. 4. P. 33—56. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-4-33-56>. (In Russ.)
20. Скалабан И. А., Лобанов Ю. С., Сергеева З. Н., Волченко С. Ю. «Уровень опасный зашкаливает!»: как изменения становятся триггерами городских конфлик-

- тов. Кейс г. Новосибирска // Социология власти. 2023. Т. 35. № 1. С. 190—218. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-1-190-218>.
- Skalaban I. A., Lobanov Yu. S., Sergeeva Z. N., Volchenko S. Yu. (2023) “The Level of Fears is off the Scale!”: Triggers of Urban Conflicts in the Context of Municipal Management (Novosibirsk Case Study). *Sociology of Power*. Vol. 35. No. 1. P. 190—218. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-1-190-218>. (In Russ.)
21. Тевено Л. Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире // Вопросы экономики. 1997. № 10. С. 69—84.
Thevenot L. (1997) Multiplicity of Coordination Modes: Equilibrium and Rationality in a Complex World. *Voprosy Ekonomiki*. No. 10. P. 69—84. (In Russ.)
22. Тыканова Е. В., Шевцова И. К., Желнина А. А. Альянсы чиновников и активистов в городских локальных конфликтах // Социологическое обозрение. 2024. Т. 23. № 2. С. 90—119.
Tykanova E. V., Shevtsova I. K., Zhelnina A. A. (2024) Alliances between Authorities and Urbanites in Urban Local Conflicts. *Sociological Review*. Vol. 23. No. 2. P. 90—119. (In Russ.)
23. Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей. М.: ИД ВШЭ, 2022.
Fligstein N., McAdam D. (2022) *A Theory of Fields*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)
24. Benford R. D., Snow D. A. (2000) Framing Processes and Social Movements: An Overview and Assessment. *Annual Review of Sociology*. Vol. 26. P. 611—639. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.26.1.611>.
25. Bennett L. W., Segerberg A. (2012) The Logic of Connective Action. *Information, Communication & Society*. Vol. 15. No. 5. P. 739—768. <http://dx.doi.org/10.1080/1369118X.2012.670661>.
26. Olson M. (1965) *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
27. Pelletier M., Trudelle C. (2016) Analysis of Urban Conflict Networks: Theoretical and Methodological Perspectives. In: Del Romero L. (ed.) *Conflicts in the City. Reflections on Urban Unrest*. New York, NY: Nova Publishers. P. 17—41.
28. Tilly Ch. (1998) Social Movements and (All Sorts of) Other Political Interactions — Local, National, and International — Including Identities. *Theory and Society*. Vol. 27. No. 4. P. 453—480.
29. Trudelle C., Klein J.-L., Fontan J.-M. (2015) Urban Conflicts and Socio-Territorial Cohesion. *Canadian Journal of Urban Research*. Vol. 24. No. 2. P. 138—157.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
ВЦИОМ

